

ИНСТИТУТ ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
БАЙКАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

БАЙКАЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

БАЙКАЛЬСКИЕ КОМПАРАТИВИСТСКИЕ ЧТЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

21–22 марта 2024 г.
ИРКУТСК

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Байкальский государственный университет
Институт правовых исследований

БАЙКАЛЬСКИЕ КОМПАРАТИВИСТСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы международной
научно-практической конференции

Иркутск, 21–22 марта 2024 года

Текстовое электронное издание

БАЙКАЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Иркутск
Издательский дом БГУ
2024

© ФГБОУ ВО «БГУ», 2024
ISBN 978-5-7253-3199-8

УДК 342 (06)

ББК 67.400

Издается по решению редакционно-издательского совета
Байкальского государственного университета

Редакционная коллегия

д-р юрид. наук И.А. Минникес (отв. ред.),

д-р юрид. наук И.В. Минникес,

канд. юрид. наук В.Е. Подшивалов

Байкальские компаративистские чтения : материалы междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 21–22 марта 2024 г. / отв. ред. И.А. Минникес. – Иркутск : Изд. дом БГУ, 2024. – 386 с. – URL: <http://lib-catalog.bgu.ru>. – Текст: электрон.

ISBN 978-5-7253-3199-8.

Представлены материалы международной научно-практической конференции «Байкальские компаративистские чтения – 2024», организатором которой выступил Институт правовых исследований Байкальского государственного университета. Статьи участников конференции посвящены исследованию сравнительно-правовых аспектов современного состояния и дальнейшего развития теории государства и права, а также национального законодательства.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, работников органов публичной власти, а также для широкого круга читателей, проявляющих интерес к проблемам современного государства и права в сравнительно-правовом аспекте.

Научное электронное издание

Минимальные системные требования:

Веб-браузеры: Microsoft Edge версии 79, Google Chrome версии 51,

Mozilla Firefox версии 52, Safari версии 11 (или более новые);

средства просмотра файлов Portable Documents Format:

Adobe Acrobat версии 7.0, Adobe Reader версии 7.0, Sumatra PDF версии 1.1

(или более новые), Foxit Reader всех версий, PDF24 Creator всех версий.

Доступ к сети Интернет.

Минимальные требования к конфигурации и операционной системе компьютера определяются требованиями перечисленных выше программных продуктов.

Издается в авторской редакции

Подписано к использованию 19.03.2024. Объем 2,95 Мб.

Байкальский государственный университет.

664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

<https://bgu.ru>

© ФГБОУ ВО «БГУ», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Афанасьева Т.И.</i> Пределы прокурорского вмешательства по законодательству стран-участниц и государств-наблюдателей Евразийского экономического союза.....	8
<i>Бавсун М.В.</i> Технологические императивы как эффективное средство деконструкции правовой категории «ответственность».....	18
<i>Балахонский В.В.</i> Квазигосударство: проблема теоретико-правовой идентификации.....	26
<i>Белозерцева В.В., Белозерцев С.М.</i> Некоторые аспекты правового механизма защиты прав женщин в странах Ближнего Востока	34
<i>Гогитидзе Д.А.</i> Уважение и доверие в праве: сравнительный анализ с содержательных позиций.....	42
<i>Грибунов О.П.</i> Сравнительное правоведение как неотъемлемый элемент правотворчества	50
<i>Гриценко Е.В.</i> Гарантии прав граждан при осуществлении местного самоуправления в цифровой среде: сравнительно-правовой аспект	55
<i>Жалбажав Н.</i> Глобализация и безопасность национальной цивилизации и ее интеллектуальный иммунитет.....	62
<i>Зайцева Е.С.</i> Оценка регулирующего воздействия как правотворческая технология выявления и установления пределов сферы правового регулирования в Российской Федерации и Республике Беларусь	73
<i>Зыков Д.В.</i> Философские основания отечественной юридической науки: некоторые векторы исследования	81

<i>Карпенко А.А.</i> Полномочия прокуроров России и Казахстана в отношении СМИ, распространяющих фейковую информацию: сравнительно-правовое исследование	87
<i>Кешикова Н.В.</i> Зарубежный опыт противодействия коррупции в деле повышения эффективности антикоррупционной политики в России	96
<i>Килинкарлова Е.В.</i> О сравнительно-правовом исследовании налогообложения электронной коммерции в Российской Федерации и КНР	105
<i>Козлова М.Ю.</i> Правовые средства привлечения к здоровому образу жизни.....	110
<i>Коровин Е.М.</i> Темпоральная характеристика избирательных кампаний в федеративных государствах.....	118
<i>Котельников А.Д.</i> Финансирование выборов: проблемы реализации новелл законодательства	127
<i>Кравцова Е.А.</i> Пределы самостоятельности субъектов Федерации в России и США: вопросы правового регулирования	135
<i>Купцова О.Б.</i> Судебный прецедент толкования в англо-американской и романо-германской правовой семье: технико-юридические основания и перспективы развития	144
<i>Лена Т.П.</i> Сравнительный анализ дефиниций контрабандообразующих деяний в историческом аспекте российского законодательства	150
<i>Либанова С.Э.</i> Эволюция медиации в мире и ее актуальность в практико-ориентированном подходе к образованию юристов в России.....	161

<i>Маслов Н.А.</i> Особенности формулирования заголовков законов в Российской Федерации и Соединенных Штатах Америки	171
<i>Минникес И.А.</i> К вопросу о конституционном развитии Монголии.....	178
<i>Минникес И.В.</i> Формы систематизации статей о выборах в конституциях стран Восточной и Юго-Восточной Азии.....	186
<i>Пархоменко Д.А.</i> Отражение факта совершения преступления впервые в уголовном законодательстве Республики Казахстан.....	192
<i>Пархоменко С.В.</i> Уголовное законодательство Грузии об обстоятельствах, исключающих преступность деяния ...	200
<i>Перепелица Е.В.</i> Правовое регулирование сетевой гражданской активности	206
<u>Петров А.А.</u> Институт пересмотра решений судебных органов конституционного контроля в государствах постсоветского пространства.....	214
<i>Плюснина О.В.</i> Современные вызовы глобальной интеграции	221
<i>Подшивалов В.Е.</i> Основания и порядок обжалования результатов выборов в европейских странах.....	230
<i>Полдников Д.Ю.</i> Правовая традиция как предмет компаративистики, теории и истории права.....	237
<i>Поляков С.Б.</i> От цели к конкретизации объекта сравнительного правового исследования.....	245

<i>Репецкая А.Л.</i> Современные особенности незаконного оборота культурных ценностей в России и мире	255
<i>Репьев А.Г.</i> «Уважительные причины» в праве как сложный юридический факт и оценочное суждение	262
<i>Реховский А.Ф.</i> Предиктивная полиция: вызовы и перспективы	270
<i>Ромашова Г.Т.</i> Модельные системы противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации: опыт сравнительного анализа.....	281
<i>Ромашова М.Р.</i> Особенности конституционного правопонимания в условиях традиционных и дискретных государственно-правовых систем.....	290
<i>Семитко А.П. С.С. Алексеев</i> о классификации национальных юридических систем	299
<i>Смирнова М.Г.</i> Институт правовой экспертизы в компаративистском аспекте	309
<i>Третьякова Е.С.</i> Сравнительно-правовой анализ развития биоправа в современных государствах на примере регулирования вопросов клонирования	317
<i>Туранин В.Ю.</i> Современное юридическое образование в условиях реализации государственной молодежной политики	327
<i>Удвал Ванчигийн.</i> Государственное законодательство и национальная память монголов	335
<i>Филоненко Т.В.</i> Ресоциализация осужденных в правовой традиции государств Европы и Азии	345

<i>Фомичева О.А.</i> Применение интернет-технологий в законотворческом процессе как обеспечение демократии в России	353
<i>Чигринский Н.С.</i> О проблемах изучения вопросов трансформации правовых систем.....	361
<i>Чимаров С.Ю.</i> Теоретико-правовой анализ проблемы общественного доверия полиции в контексте зарубежной мысли.....	367
<i>Шутова В.Н.</i> Правовая безопасность: проблемы понимания в российской и зарубежной правовой доктрине	374
<i>Якимова Е.М.</i> Модели конституционного регулирования предпринимательской деятельности	380

ПРЕДЕЛЫ ПРОКУРОРСКОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СТРАН-УЧАСТНИЦ И ГОСУДАРСТВ-НАБЛЮДАТЕЛЕЙ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Множество точек пересечения ведомственных интересов в деятельности прокуратур государств Евразийского экономического союза требуют совместного приложения усилий. При этом выстраивание долгосрочного эффективного сотрудничества в условиях функционирования Евразийского экономического союза возможно только с опорой на правовую базу государств, определяющую пределы прокурорской деятельности. С этих позиций представляют интерес подходы государств к определению и закреплению в основном законе о прокуратуре пределов прокурорского вмешательства. Для целей настоящей статьи отслеживались в национальных законах стран Евразийского экономического союза такие компоненты категории «пределы прокурорского вмешательства», как круг поднадзорных прокуратуре субъектов; направления деятельности, полномочия прокурора по соответствующим направлениям деятельности; принцип не подмены иных структур; принцип невмешательства в оперативную деятельность поднадзорных субъектов.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; прокуратура; прокурор; прокурорский надзор; прокурорская деятельность.

T.I. Afanasieva

LIMITS OF PROSECUTORIAL INTERVENTION UNDER THE LEGISLATION OF PARTICIPANT COUNTRIES AND OBSERVER STATES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Many points of intersection of departmental interests in the activities of the prosecutor's offices of the states of the Eurasian Economic Union require joint efforts. At the same time, building long-term effective cooperation in the context of the functioning of the

Eurasian Economic Union is possible only with the support of the legal framework of states that determines the limits of prosecutorial activity. From these positions, the approaches of states to defining and enshrining in the basic law on the prosecutor's office the limits of prosecutorial intervention are of interest. For the purposes of this article, such components of the category «limits of prosecutorial intervention» as the circle of subjects supervised by the prosecutor's office were monitored in the national laws of the countries of the Eurasian Economic Union; areas of activity, powers of the prosecutor in relevant areas of activity; the principle of not replacing other structures; the principle of non-interference in the operational activities of supervised entities.

Key words: Eurasian Economic Union; prosecutor's office; prosecutor; prosecutor supervision; prosecutorial activities.

Интерес к исследованию пределов прокурорского вмешательства в правоотношения именно в странах-участницах и государствах-наблюдателях Евразийского экономического союза (далее также – Союз, ЕАЭС; государства ЕАЭС) предопределен рядом факторов. Во всех странах функционирует прокуратура как ведомство, предназначение которого в силу конституционных и иных положений национального законодательства состоит в обеспечении верховенства закона и защите охраняемых законом интересов личности, общества и государства. То обстоятельство, что законодатели государств практически одинаково видят миссию прокуратуры, уже является прочной основой для целей межведомственного взаимодействия.

Надзорные ведомства Армении, Белоруссии, Молдовы, России, Казахстана, Киргизии, Кубы и Узбекистана связывают давние деловые и дружественные отношения, опирающиеся на взаимную заинтересованность в укреплении мира и безопасности, борьбе с преступностью, не знающей государственных границ, защите прав и законных интересов граждан, наращивании стратегического партнерства между странами, что будет более эффективным при консолидации усилий на основе существующих международных договоров и внутреннего законодательства.

Евразийский экономический союз стремится создать общий рынок и единое законодательство для обеспечения эконо-

мической интеграции, хотя последняя уже давно не ограничивается сугубо экономическими интересами. Исследование пределов прокурорского вмешательства позволяет обнаружить различия подходов в законодательствах государств Союза к определению границ прокурорского влияния на правоотношения. Анализ таких различий может способствовать гармонизации и унификации положений о взаимодействии прокуратур этих стран, позволит органам прокуратуры разработать и реализовать меры по улучшению работы и повышению эффективности прокуроров в поддержке правовой системы Союза для цели обеспечения безопасности государств, реализации правовых гарантий населения и улучшения условий для бизнеса.

Генеральная прокуратура Российской Федерации осуществляет сотрудничество по вопросам реализации общей компетенции с каждой из прокуратур государств ЕАЭС, в том числе на основе двусторонних межведомственных соглашений, которые заключены с надзорными ведомствами всех стран-участниц и государств-наблюдателей ЕАЭС¹.

Прокуратуры государств ЕАЭС сближают в основе своей единые принципы организации и деятельности, и только реализация принципа независимости имеет национальные особенности. Во всех государствах ЕАЭС постулируется независимость прокуратуры от иных ветвей власти, кроме Республики Молдовы, где прокуратура является частью судебной системы, что лишь усиливает исследовательский интерес пределов прокурорского вмешательства в сравнительно-правовом контексте.

Кроме того, все государства за исключением Кубы, – выходцы из СССР, а с Кубой у Советского Союза было тесное сотрудничество, сохранившееся в отношениях с Россией.

Безусловно, небезынтересно, насколько трансформировались полномочия прокуроров бывших советских республик.

¹ Перечень подписанных двусторонних соглашений и иных договоренностей о сотрудничестве Генеральной прокуратуры Российской Федерации с компетентными органами иностранных государств (по состоянию на 15.12.2023 г.) / Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/international-cooperation/sogl/so> (дата обращения: 22.01.2024 г.). – Загл. с экрана.

Согласно Конституции СССР 1977 года² и Закону СССР «О прокуратуре СССР», пределы прокурорского вмешательства очерчивались посредством правил об определении круга поднадзорных прокуратуре субъектов (ст. 1) и направлений ее деятельности (ст. 3), принципа законности (ст. 4), а также полномочий прокурора по соответствующим направлениям деятельности³.

В силу положений ст. 164 Конституции СССР, на прокуратуру возлагалось осуществление высшего надзора за точным и единообразным исполнением законов всеми министерствами, государственными комитетами и ведомствами, органами местных Советов народных депутатов, организациями, должностными лицами и гражданами.

Статьей 3 Закона СССР «О прокуратуре СССР» основными направлениями деятельности прокуратуры обозначены:

надзор за исполнением законов органами государственного управления, предприятиями, учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами (общий надзор);

надзор за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия;

надзор за исполнением законов при рассмотрении дел в судах;

надзор за соблюдением законов в местах содержания задержанных, в местах предварительного заключения, при исполнении наказаний и иных мер принудительного характера, назначаемых судом;

борьба с нарушениями законов об охране социалистической собственности и другими нарушениями законов в сфере народного хозяйства;

борьба с нарушениями законов, направленных на обеспечение прав и законных интересов граждан;

борьба с преступностью и другими правонарушениями, расследование преступлений, привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление, обеспечение неотвратимости ответственности за преступление;

² Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 07.10.1977 г. // СПС «Гарант». Утр. силу.

³ Закон СССР от 30.11.1979 г. № 1162-Х (ред. от 16.06.1987 г.) «О прокуратуре СССР» // Ведомости ВС СССР. 1979. № 49. Ст. 843. Утр. силу.

разработка совместно с другими государственными органами мер предупреждения преступлений и иных правонарушений;

координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступлениями и иными правонарушениями;

участие в совершенствовании законодательства и пропаганде законов.

Содержание положений Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»⁴ Закона Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь»⁵, Закона Республики Армения «О прокуратуре»⁶, Конституционного закона Республики Казахстан «О прокуратуре»⁷, Конституционного закона Кыргызской Республики «О прокуратуре Кыргызской Республики»⁸, Закона Республики Молдова «О Прокуратуре»⁹, Закона Республики Узбекистан «О прокуратуре»¹⁰, позволяет констатировать сохранение преемственности в определении пределов прокурорского вмешательства. Они также ограничены принципом законности, перечнем поднадзорных субъектов и полномочиями прокуроров по направлениям деятельности прокуратур, установленных национальным законодательством.

Изменился подход в национальных правовых порядках к определению направлений деятельности прокуратуры и круга субъ-

⁴ Федеральный закон от 17.01.1992 г. № 2202-1 (ред. от 25.12.2023 г.) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4472.

⁵ Закон Республики Беларусь от 08.05.2007 г. № 220-З (ред. от 03.01.2024 г.) «О прокуратуре Республики Беларусь» / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&po=H10700220> (дата обращения: 02.02.2024 г.).

⁶ Закон Республики Армения от 01.12.2017 г. № ЗР-198 (ред. от 24.03.2023 г.) «О прокуратуре». – URL: <https://www.irtek.am/views/act.aspx?aid=150222> (дата обращения: 02.02.2024 г.).

⁷ Конституционный закон Республики Казахстан от 05.11.2022 г. № 155-VII (ред. от 12.09.2023 г.) «О прокуратуре». – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31771762 (дата обращения: 02.02.2024 г.).

⁸ Конституционный закон Кыргызской Республики от 10.09.2021 г. № 114 (ред. от 29.12.2023 г.) «О прокуратуре Кыргызской Республики» / Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. – URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/112293?refId=1380> (дата обращения: 02.02.2024 г.).

⁹ Закон Республики Молдова от 25.02.2016 г. № 3 (ред. от 05.10.2023 г.) «О Прокуратуре». – URL: <http://lex.justice.md/ru/363882/> (дата обращения: 02.02.2024 г.).

¹⁰ Закон Республики Узбекистан от 09.12.1992 г. № 746-XII (ред. от 28.11.2023 г.) «О прокуратуре». – URL: <https://lex.uz/docs/33203> (дата обращения: 02.02.2024 г.).

ектов, подпадающих под ее надзор. В России при сохранении основного функционала сокращен круг поднадзорных лиц, из числа которых исключены граждане и суды, а также сузилась функция уголовного преследования в связи с изъятием у прокуроров полномочий по расследованию преступлений. Другие направления деятельности трансформировались, исходя из изменившегося политического устройства страны и видения в нем роли прокуратуры. В частности, Генеральный прокурор Российской Федерации не обладает правом законодательной инициативы, но наделен правом внесения соответствующих предложений субъектам законодательной инициативы. «Борьба с нарушениями законов об охране социалистической собственности и другими нарушениями законов в сфере народного хозяйства» уже не отвечает в полной мере конституционным основам, поскольку равным образом в России защищаются все формы собственности, провозглашена свобода предпринимательской и иной экономической деятельности и прочее. Однако за прокуратурой сохранены полномочия, направленные на защиту публичных и общественных интересов как надзорными средствами, так и с использованием ресурсов всех видов судопроизводства.

Пожалуй, в большей степени наследие советской прокуратуры сохранила Республика Беларусь с учетом, разумеется, иной структуры государственного аппарата и организационно-правовых форм объединений граждан и организаций. Такой вывод позволяет сделать содержание основных нормативных актов Республики Беларусь о прокуратуре.

Полномочия Прокуратуры Республики Беларусь шире в сравнении с полномочиями Прокуратуры Российской Федерации. Помимо общих с российскими полномочий прокуроры Республики Беларусь осуществляют надзор за соответствием законам судебных актов; прокуроры осуществляют предварительное следствие и наделены полномочием по возбуждению уголовных дел, санкционированию проведения процессуальных и иных действий или оперативно-розыскных мероприятий; обращаются в случаях, предусмотренных законодательными актами, в суд с заявлениями (исками) в защиту прав и законных интересов индивидуальных предпринимателей, и организаций; выносят постановления о возбуждении дисциплинарного производства или о привлечении к материальной ответственности; выносят постановления о выселении в административном порядке.

Анализируя соответствующие законы Казахстана, Узбекистана и Киргизии, также можно отметить более широкий по сравнению с Россией спектр направлений деятельности прокуратур этих стран и, как следствие, их полномочий. Обращает на себя внимание в этом плане подход Республики Казахстан, где, как и в СССР, прокуратура по-прежнему осуществляет высший надзор. Направлениями деятельности прокуратур этих государств являются, в том числе, расследование преступлений и реализация права законодательной инициативы, а в Казахстане и надзор за законностью судебных актов. Однако в Киргизии лишь военная прокуратура занимается расследованием уголовных дел и только в отношении определенных законом должностных лиц. Что касается участия прокуроров Казахстана, Узбекистана и Киргизии в рассмотрении судами дел вне уголовно-правовой сферы, то здесь положения законов близки российскому закону как в вопросах защиты интересов государства и общества, так и в позиции о защите прокурором интересов иных субъектов права, в том числе граждан.

Существенно изменился функционал прокуратур Республики Армения и Республики Молдовы, где главным образом их деятельность связана с осуществлением уголовного преследования. Прокуратуры этих стран возбуждают уголовное преследование и осуществляют надзор за законностью процессуальных действий органов расследования; поддерживают обвинение в суде и обжалуют постановления судов; надзирают за законностью применения наказаний и других мер принуждения. При этом координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступлениями как направление деятельности прокуратур Армении и Молдовы в законах этих стран прямо не предусмотрена.

В значительной степени по сравнению с иными государствами ЕАЭС ограничены полномочия прокуратур Армении и Молдовы в части обращения в суды с исками и заявлениями в защиту интересов других лиц. Закон Республики Молдова «О Прокуратуре» такого права не предусматривает вовсе. В соответствии с Конституцией Республики Армения, прокурор возбуждает иск в защиту государственных или общественных интересов в исключительных случаях, вреди которых бездействие профильного государственного органа или органа местного самоуправления; нарушение по вопросам, не отнесенным законом к

компетенции какого-либо органа; предъявление иска о конфискации имущества незаконного происхождения¹¹.

Примечательно, что в законах о прокуратуре всех государств международное сотрудничество прокуратуры по вопросам ее компетенции поименовано как одна из основных функций, предполагающая установление прямых связей с компетентными органами других государств, что, безусловно, способствует эффективному взаимодействию надзорных ведомств в вопросах борьбы с преступностью и защиты прав человека.

Говоря о круге поднадзорных прокуратурам рассматриваемых стран субъектов, нужно отметить сохранение в их числе граждан в Белоруссии и Узбекистане. Согласно ст. 156 Конституции Кубы надзор за соблюдением законов гражданами отнесен к направлениям деятельности прокуратуры этого государства¹².

Условие о не подмене органами прокуратуры иных государственных структур в определении пределов прокурорского деятельного участия в конкретном правоотношении характерно для право порядков стран, сохранивших у прокуратур функцию так называемого общего надзора. Согласно статье 21 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», «при осуществлении надзора за исполнением законов органы прокуратуры не подменяют иные государственные органы». Аналогичным образом принцип не подмены органами прокуратуры иных органов прямо закреплен в законах Киргизии и Узбекистана. В законах Белоруссии и Казахстана он прямо не закреплен, но присутствует де-факто, исходя из анализа содержания этих законов в части полномочий прокуроров, их прав и обязанностей.

Аналогично и принципом невмешательства в оперативно-хозяйственную (организационно-распорядительную) деятельность поднадзорных лиц, который как составляющая пределов прокурорского вмешательства присутствует в законах о прокуратуре Белоруссии, России, Казахстана и Узбекистана, но содержание этого принципа в национальных законах имеет специ-

¹¹ Конституция Республики Армения от 5 июля 1995 г. (в ред. Законов Республики Армения от 27.11.2005 г., 06.12.2015 г.; поправки в Конституцию Республики Армения от 22.06.2020 г.). – URL: <https://www.irtek.am/views/act.aspx?aid=150151> (дата обращения: 08.02.2024 г.).

¹² Конституция Кубы (одобрена общественностью на всенародном референдуме 24 февраля 2019 г.). – URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Cuba_2019 (дата обращения: 08.02.2024 г.).

фику. К примеру, ст. 27 Закона Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь» во-первых, по-другому характеризует деятельность, вмешиваться в которую не вправе прокурор, – это предпринимательская и иная экономическая и организационно-распорядительная деятельность, а также частная жизнь граждан, а во-вторых, действие принципа невмешательства исключается, когда это необходимо для защиты прав и законных интересов граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, и организаций, общественных и государственных интересов. В силу п. 3 ч. 5 ст. 18 Конституционного закона Республики Казахстан «О прокуратуре», прокурор при реализации своих полномочий не должен препятствовать нормальному функционированию проверяемого субъекта, за исключением случаев, создающих угрозу законности и общественному порядку, социально-экономической стабильности в регионе, конституционному строю и национальной безопасности Казахстана, а также угрожающих возникновением необратимых последствий для жизни и здоровья людей.

Что касается прокураторы Республики Кубы, то стоит отметить ее функцию надзора за неукоснительным соблюдением положений Конституции, законов и иных нормативных актов государственными ведомствами, организациями и гражданами, что говорит о единообразном понимании миссии прокуратуры в России и Кубе. Осуществляет кубинская прокуратура и уголовное преследование, включая предварительное расследование. Последнее свидетельствует о большем влиянии прокуратуры Кубы на борьбу с преступностью в сравнении с прокуратурой российской.

Завершая, отметим, что предназначение прокуратур стран Евразийского экономического союза в целом видится одинаковым, но по-разному очерчены пределы прокурорского вмешательства в общественные отношения в национальном законодательстве. Пределами прокурорского вмешательства в каждой из стран предопределяются и направления международного сотрудничества между этими государственными структурами. Закрепление в национальных законах о прокуратуре одинаковых направлений деятельности и полномочий прокуроров, безусловно, способствует повышению эффективности профессиональных связей и развитию диалога по широкому спектру правовых вопросов.

Информация об авторе

Татьяна Ивановна Афанасьева – доцент кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент; e-mail: tiafanaseva@msal.ru.

Author

Tatyana Ivanovna Afanasieva – Ass. Professor, head of the Department of Organization of Judicial and Prosecutorial Working, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), PhD in Law; e-mail: tiafanaseva@msal.ru.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ИМПЕРАТИВЫ КАК ЭФФЕКТИВНОЕ СРЕДСТВО ДЕКОНСТРУКЦИИ ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ «ОТВЕТСТВЕННОСТЬ»

Развитие технологий в современном обществе оказало свое влияние на все отрасли жизнедеятельности человека, включая и ее правовую составляющую. В свою очередь новые знания уже давно приобрели статус императивов, не оставляя каких-либо шансов для выбора не только субъектам правоотношений, но и системе в целом. Ее отдельные институты и категории оказались под давлением новых установок, пытаясь с одной стороны соответствовать уже произошедшим в обществе изменениям, а с другой действовать на опережение, предвидя возможные трансформации. Не является в этом отношении исключением и категория «ответственность», сущность которой сегодня серьезно меняется, претендуя при этом на тотальный апгрейд в ближайшие несколько десятилетий. Ответ на вопрос каким будет этот апгрейд, и почему он вообще назрел, как представляется, необходимо искать именно в технологических императивах, способных оказывать влияние на личность преступника с учетом накопленных знаний в антропологии.

Ключевые слова: ответственность; биополитика; делинквентность; преступность; частная превенция; личность.

M.V. Bavsun

TECHNOLOGICAL IMPERATIVES AS AN EFFECTIVE MEANS OF DECONSTRUCTION OF THE LEGAL CATEGORY “RESPONSIBILITY”

The development of technology in modern society has had an impact on all sectors of human life, including its legal component. In turn, new knowledge has long acquired the status of imperatives, leaving no chance for choice not only for the subjects of legal relations, but also for the system as a whole. Its individual institutions and categories found themselves under pressure from new attitudes, trying, on the one hand, to comply with the changes that had already occurred in society, and on the other, to act proactively, anticipating

possible transformations. The category of “responsibility” is no exception in this regard, the essence of which is seriously changing today, while claiming a total upgrade in the next few decades. The answer to the question of what this upgrade will be, and why it is overdue, seems to be necessary to look for precisely in technological imperatives that can influence the personality of the criminal, taking into account the accumulated knowledge in anthropology.

Key words: responsibility; biopolitics; delinquency; crime; private prevention; personality.

Известно, что технологические императивы все активнее внедряясь в нашу повседневную жизнь, начали оказывать непосредственное влияние практически на все базовые категории и явления (и не только в праве). Причем степень такого влияния можно оценить неправовым выражением, как осуществляемое на молекулярном уровне, по своей глубине и, особенно своей необратимости для всего на что оказывается воздействие каждого нового императива. Не окрашивая в тот или иной цвет степень важности и значимости происходящих процессов с позиции их собственного видения, тем не менее нельзя не отметить, что категория «ответственность» не просто не стала в этом отношении исключением, а скорее наоборот, среди всех правовых категорий оказалась под наибольшим давлением, привносимыми технологическими императивами нововведениями. При сохранении своей формы, а также видов, содержание данной категории все больше и глубже трансформируется, и что самое главное, сохраняет дальнейший и гораздо больший потенциал именно в части содержательных изменений, вплоть до подмены своей сущности, к той к которой мы привыкли, и которая кажется нам незыблемой.

Традиционным и понятным для любого индивида является представление об ответственности как о каре или о возмездии со стороны государства и по отношению к тому, кто допустил нарушение установленного правила поведения. Даже принцип тальона не выглядит чем-то далеким и непонятным для современного человека. Такова историческая обусловленность развития самой ответственности, ее сущности, формировавшейся веками не только в отечественном праве, но в праве в целом вне зависимости от государственных границ и других особенностей присущих каждому обществу. Однако именно его трансформация,

как, впрочем, и фундаментально изменившийся подход к оценке каждого человека как биологической особи, поставили под сомнение саму сущность ответственности с позиции, имеющих у нее возможностей оказывать, в первую очередь, частно-превентивное воздействие на лицо, признанное виновным в нарушении правовых норм.

Вместе с тем курс, взятый на культивирование и активное внедрение идей биополитики, основанной именно на технологических императивах, дает уже сегодня самые неожиданные результаты в том числе и применительно к анализируемой категории. Исследования, проводимые специалистами, начиная с середины еще восемнадцатого столетия (особенно когда речь идет об английской и немецких антропологических школах), усиленные новыми технологиями, которые появились уже в столетии двадцатом дали свой результат в веке нынешнем. Между тем, развитие именно данного направления уже во второй половине XX-го столетия позволило вести речь о так называемом индивидуальном правосудии, на весах которого с абсолютной точностью определяется мера ответственности, а также должная мера и характер наказания уникальной личности, совершившей деяние [1, с. 234]. Безусловно, подобное возможно лишь в некоем идеале (хотя и сомнительном), и опять же в зависимости от поставленных целей и задач биополитического проекта. Важным в данном случае видится потенциальный переход в наказании от идеи исправления (исправления-предупреждения), прочно укоренившейся в мировой практике, к функции контроля (контроля-исправления). Доминирование контроля в уголовном праве в случае дальнейшей реализации биополитического проекта представляется неизбежным. Более того, все чаще начинают звучать тезисы, обосновывающие тот факт, что рациональность предупреждения преступности в своей основе сводится к почти тоталитарной биополитической стратегии, поскольку она фокусируется практически на всех аспектах жизни человека от здоровья до контроля его поведения в отдельных жизненных ситуациях [2, с. 91–105]. Открытым пока остается лишь вопрос относительно конкретных форм такого контроля, его пределов и направленности в зависимости от целей, а от этого – и ожидаемых результатов. Ключевым является тот факт, что полноценная реализация функции контроля в уголовном и,

особенно, в уголовно-исполнительном праве может быть обеспечена только за счет биополитического инструментария. Именно биополитика как апофеоз антропологического направления в уголовном правосудии предоставляет максимальные возможности в этом направлении [3, с. 39–50].

Сама по себе идея контроля не является новой для государства, во все времена, стремившегося к ее реализации. Вопрос лишь в его возможностях в данной части, которые до недавнего времени, были достаточно ограниченными. Особенно это важно с учетом того, что собственно понимается под самой биополитикой, термином, имеющим достаточно жесткие и, даже циничные интерпретации в современной науке, которую сводят к совокупности технологий ментального и телесного управления человеком. М. Фуко подобное подчинение понимал как дисциплину, Агамбен – в крайней точке – как редукцию к «голой жизни» – пределу человеческого в человеке. Подобное управление человеком, в отличие от моральной или правовой регуляции, носит буквальный – телесный, «роботизированный» – характер. Возможности современных технологий таковы, что еще в 80-е годы прошлого столетия М. Фуко всерьез относился к идее о формировании отдельных направлений преступности на основе биополитической регуляции человечества как биологической популяции.

Надо понимать, что, во-первых, сама постановка вопроса о возможности и, более того, целенаправленной деятельности государства по формированию направлений преступности, а во-вторых, используемые при этом средства технологического свойства, с одной стороны указывают на управляемость данного процесса, а с другой, вынуждают задумываться и о сущности ответственности, как итога такой деятельности государства. Причем сущность ответственности уже не может сводиться исключительно к отдельным ее видам, также как, по всей видимости она уже никогда не будет однородной, выражая единый и официальный концепт уголовно-правового воздействия на личность преступника. С учетом технологических императивов, у виновного все меньше остается шансов в части последующего рецидива, так как новые средства будут, в первую очередь воздействовать на его психику, а итогом такого воздействия станет нежелание самого человека к любому девиантному поведению. Ярким тому доказательством является медицинский препарат

депопровер, используемый сегодня в странах, где предусмотрена такая мера, как химическая кастрация, применяемая к тем, кто совершил насильственные преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности. Доказательств эффективности данного препарата сегодня уже не требуется, и что самое главное, он оказывает соответствующее влияние именно на физиологию человека, в результате чего его психика оказывается неготовой к повторению действия подобного рода [4, с. 106]. Впрочем, именно в данном случае как никогда актуальным является вопрос относительного того, является ли данное средство ответственностью в том понимании данной категории, в котором мы привыкли ее представлять себе на протяжении всей истории ее существования.

М. Фуко отмечал, что государству выгодно иметь подконтрольную среду делинквентов, а тюрьмы в такой ситуации становятся фабриками по производству агентуры государства в склонных к криминальному поведению общественных классах [5, с. 82]. «Тюрьма вполне преуспела в производстве делинквентности особого типа, политически и экономически менее опасной – а иногда и полезной – формы противозаконности; в производстве делинквентов, казалось бы маргинальной, но на самом деле централизованно контролируемой среды; в производстве делинквента как патологического субъекта. Успех тюрьмы в борьбе вокруг закона и противозаконностей состоит в том, что она устанавливает “делинквентность”» [6, с. 406–407].

Но меняя подход государства к решению проблемы преступности на сущностном уровне, невозможно проигнорировать, оставив в прежнем состоянии ответственность, являющейся пиком его реализации. Тяготы и лишения не могут оставаться на том же месте будучи неспособными соответствовать биополитическому тренду, самой идее контроля, впадая таким образом в серьезный диссонанс с желанием государства обеспечить этот контроль. Ее трансформация неизбежна, и она прямо пропорциональна степени трансформации именно подхода к противодействию преступности, в данном случае способной оказаться тотальной, выступая в качестве его основного инструмента.

И здесь определяющими становятся именно технологические императивы, не оставляющие шансов многим фундамен-

тальным явлениям, в том числе и в праве. Деконструкция большинства из них еще не произошла, но уже либо происходит, либо планируется, либо находится в стадии разработок, либо пока фигурирует лишь на уровне полуфантастических данных в современной литературе, особенно в кинематографе, высказываниях отдельных лиц (К. Шваб и прочие), отчетах международных организаций и т.д. По крайней мере пример противодействия насильственной сексуальной преступности достаточно ярко показывает влияние новых достижений в медицине на процесс частной превенции в деле противодействия преступности.

Все определяется постановкой задач, диктующих обязательные условия для самой ответственности, что может способствовать законодательному закреплению принципа талиона и аутсорсингу исполнения наказания (телесериал «Черное зеркало», эпизод White Bear); технологиям допроса загрузок сознания, показания которых приравниваются к показаниям физического лица (телесериал «Черное зеркало», эпизод White Christmas); виртуальным пыткам (Р. Морган, «Видоизмененный углевод»); «добровольному» установлению имплантов в головной мозг солдата, в скрытую часть пакета функций которых входит формирование монструозного образа потенциального противника (телесериал «Черное зеркало», эпизод Men Against Fire); появлению роботов-полицейских, осуществляющих административную деятельность (кинофильм «Элизиум»), «охотники за премиальными», имеющих лицензии на отстрел беглых андроидов (Ф. К. Дик, «Мечтают ли андроиды об электроовцах?»). В эпизоде «Игровой тест» телесериала «Черное зеркало» герой проходит VR-квест и ощущает реальную боль. Самое страшное в технологии VR как орудии пыток – это его универсальность. «Трудно представить себе масштабы бедствия. Способность человеческого разума к страданию чрезвычайно велика, – говорят в BeAnotherLab, – как и человеческая изобретательность в том, чтобы причинять страдания новыми способами». В рамках виртуальной симуляции можно вызывать дезориентацию и физическое недомогание, если картинка начнет крутиться; панику и страх, если показывать что-то пугающее; перегрузку органов чувств (шумы, агрессивные картинки) и так далее [7].

Крайне важен запрос самого государства к ответственности. И если раньше, до стремительного развития технологий, строящихся на серьезных антропологических знаниях, потребности

любого режима больше диктовались, уже имеющимися у всех возможностями, кои мало менялись с течением времени, то сейчас, скорее наоборот, образовавшееся разнообразие в средствах причинить человеку боль, лишив его воли, способно предложить максимальную видовую дифференциацию конкретных средств ее реализации, как и любые пределы такого воздействия. Вопрос, чем дальше, тем больше начинает лежать в плоскости морали и этики, а не того, как и в каком виде реализовать то самое государственное порицание к виновному, и добиться максимального результата в данной части, по возможности полностью исключив специальный рецидив как явление.

Современные технологии уже достигли того уровня, когда становится понятным, что цели могут быть практически любыми, если пределы в их достижении по сути стёрты. В связи с этим А. А. Федотов пишет: «Учитывая масштаб преобразований, нужно понимать, что идеи Клауса Шваба о Четвертой промышленной революции ставят весьма серьезные вопросы о том, каковы же будут её антропологические перспективы» [8]. С учётом достижений в медицине, генной инженерии, а отсюда и в фармацевтике вопрос об антропологических перспективах вполне логичен и актуален. «Современные технологии конструируют человека, проектируя возможное и желаемое человечество» [9, с. 175]. И это уже не утопия, а научно и, что самое главное, технологически обоснованная реальность, которая при наличии политической воли способна быть реализованной.

Отсюда вполне закономерным является вопрос относительно перспектив дальнейшего развития данной категории в уже сформировавшихся условиях. В конечном итоге любое нововведение технологического свойства способно поставить под сомнение все предыдущие достижения ответственности, трансформация которой, по всей видимости, приведет не просто к новым формам ее реализации, а к подмене сущности, влекущей за собой принципиально иные перспективы как в решении задачи противодействия преступности, так и в части индивидуального предупреждения совершения преступлений.

Список использованной литературы

1. См.: Фуцко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. Санкт-Петербург. М., 2010.

2. Borch Crime Prevention as Totalitarian Biopolitics. Journal of Scandinavian Studies in Criminology and Crime Prevention (6). 2005.
3. Бавсун М.В. Антропология девиантного поведения // Российский девиантологический журнал. 2021. № 1.
4. Karen Harrison. Managing High-Risk Sex Offenders in the Community. Portland, 2010.
5. Бавсун М.В., Попов Д.В. Биополитический бэкграунд уголовной политики // Философия права. 2019. № 4.
6. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.
7. Виртуальные застенки: может ли VR применяться как орудие пыток // URL.: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/62131e169a794777fc94baa2?from=cory> (дата обращения: 27 января 20124 г.).
8. Федотов А. А. Антропологические перспективы в свете идей Клауса Шваба о Четвертой промышленной революции [Электронный ресурс] // Богослов.ru : богословский научный портал. – URL: <https://bogoslov.ru/article/5868591> (дата обращения: 31.12.2022).
9. Попова О. В. Тело как территория технологий. От социальной инженерии к этике биотехнологического конструирования. М., 2021.

Информация об авторе

Максим Викторович Бавсун — заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России (по научной работе), доктор юридических наук, профессор; e-mail: kafedramvd@mail.ru.

Author

Maksim Viktorovich Bavsun — Deputy Head of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for scientific work), Doctor of Law, Professor; e-mail: kafedramvd@mail.ru.

КВАЗИГОСУДАРСТВО: ПРОБЛЕМА ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

В статье рассматривается проблема определения сущности феномена квазигосударства, проводится дифференциация понятий «государство», «квазигосударство» и «псевдогосударство», выясняется их научно эвристический потенциал. Выявляются важнейшие особенности квазигосударства: наличие определённого уровня самостоятельной политической жизнеспособности, вне рамок влияния иных государственных образований; ограниченность суверенитета; зависимость реализации принципа единства территории от внешнего или внутреннего влияния личных, групповых, сословных, элитарных и т.п. интересов; отсутствие правовой преемственности; сведение функционала политико-правовой деятельности к сбору налогов и значительное сокращение государственного присутствия в иных сферах общественного бытия. Обосновывается понимание квазигосударства как фиксации определённого этапа в развитии форм государственности: начального этапа генезиса государственности, когда формируются и закрепляются основы будущего государства, закладываются принципы политической централизации; временного этапа трансформации государства в иное качественное состояние, характеризующееся неполнотой выполнения государством ряда своих важнейших функций; завершающего этапа существования конкретного государства, связанного с деструктивными тенденциями его эволюции.

Ключевые слова: государство; квазигосударство; псевдогосударство; право; политика; государственный суверенитет.

V.V. Balakhonsky

QUASI-STATE: THE PROBLEM OF THEORETICAL AND LEGAL IDENTIFICATION

The article considers the problem of determining the essence of the quasi-state phenomenon, differentiates the concepts of "state", "quasi-state" and "pseudo-state", and reveals their scientific heuristic potential. The most important features of a quasi-state are revealed:

the presence of a certain level of independent political viability, outside the influence of other state entities; limited sovereignty; dependence of the implementation of the principle of territorial unity on the external or internal influence of personal, group, class, elite, etc. interests; the lack of legal continuity; the reduction of the functionality of political and legal activities to tax collection and a significant reduction in the state presence in other spheres of public life. The understanding of quasi-statehood is substantiated as the fixation of a certain stage in the development of forms of statehood: the initial stage of the genesis of statehood, when the foundations of the future state are formed and consolidated, the principles of political centralization are laid; the temporary stage of the transformation of the state into a different qualitative state, characterized by the incompleteness of the state performing a number of its most important functions; the final stage of the existence of a particular state associated with the destructive tendencies of its evolution.

Key words: the state; the quasi-state; the pseudo-state; the law; the politics; the state sovereignty.

В современном идеологическом дискурсе широко используется в оценочном контексте понятие «квазигосударство», которое, как правило, выражает несогласие или сомнение в правомерности его существования и его политической дееспособности. Несмотря на наличие ряда научных публикаций, посвященных изучению феномена «квазигосударства», проблему его теоретического осмысления нельзя считать разрешённой, поскольку целый ряд её аспектов ещё не получил общепринятого в научном сообществе теоретического обоснования. В частности, нуждается в своём теоретико-правовом уточнении проблема дифференциации понятий «государство» и «квазигосударство», а также вопросы практической идентификации социально-политических феноменов, охватываемых понятием «квазигосударство». Внесению некоторых уточнений в эти вопросы и посвящена наша статья.

Филологический смысл, заложенный в понятии «квазигосударство», определяется самой приставкой «квази-», означающей «неподлинный», «мнимый», а также имеющий значение «почти», «близко», тем самым квазигосударство – это неполно-

ценное государство, которое лишь демонстрирует некоторые отдельные характеристики и свойства государства, имитирует выполнение определённых государственных функций.

Следует согласиться с мнением ряда авторов, рассматривающих квазигосударства как государствоподобные образования [4, с. 139–142], однако такая констатация не в полной мере отражает сущность рассматриваемого явления.

Теоретический анализ конкретных примеров существующих политических образований, связываемых в современной научной литературе со статусом квазигосударства [6, с. 114–119], позволяет выделить некоторые значимые особенности данного феномена.

1. Определённый уровень самостоятельной политической жизнеспособности (политической, экономической, социальной и т.п.), вне рамок влияния (поддержки, помощи, управления) иных государственных образований.

Подобную особенность хорошо иллюстрирует Ф.А. Лукьянов, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», в своём сравнительном анализе политического статуса Абхазии и Южной Осетии. Он указывает, что Южная Осетия не является квазигосударством, поскольку не может существовать в сложившейся политической ситуации отдельно от России или Грузии, а Абхазия может, поэтому её можно рассматривать в качестве состоявшегося квазигосударства [5]. Не углубляясь в тонкости политологических споров, отметим лишь такой важный атрибут квазигосударства, отличающий его от других политических образований, не являющихся государствами в полном смысле этого понятия и обозначаемых термином «псевдогосударство», как наличие у него определённой политической жизнеспособности.

Дифференциацию понятий «квазигосударство» и «псевдогосударство» представляется возможным провести на основе различия представленности в них сущностных характеристик феномена государственности. В квазигосударстве подобные характеристики есть, но их недостаточно, а в псевдогосударстве они носят лишь внешнюю декларативную форму своей репрезентации.

2. Важнейшей идентификационной особенностью квазигосударства является ограниченность его суверенитета.

Такая характеристика может иметь различные уровни своей представленности в каждом конкретном случае, но она, безусловно, всегда является атрибутом квазигосударства. Конечно, полным суверенитетом может обладать только супергосударство, включившее в себя все другие государства или полностью подчинившее их своей воле. Подобные претензии на мировое господство неоднократно провозглашались в истории, но, к счастью для человечества, не получали своего реального завершения.

Одним из исторических примеров ограниченного суверенитета квазигосударства могут служить так называемые «вольные города», пользующиеся определённой международной правосубъектностью в средневековой Европе [3, с. 30–36] и представляющие собой самостоятельные территориально-политические образования, правовой режим которых устанавливался международными соглашениями и гарантировался иными государствами или международными организациями. Такими городами были Вольный город Данциг, Свободная территория Триест и т.п.

Политической детерминацией создания подобных квазигосударственных территорий было стремление политически ограничить территориальные притязания соседей, смягчить остроту напряжённости межгосударственных отношений по поводу принадлежности какой-либо территории.

Следует отметить, что определение уровня суверенитета необходимого для дифференциации статусов государства и квазигосударства представляет собой серьёзную теоретическую проблему, состоящую в количественно-качественной неопределённости меры суверенитета, достаточной для констатации достижения уровня государственности [1, с. 5–14]. Дело в том, что в системе политических и правовых отношений между государствами постоянно происходит коррекция некоторых показателей их суверенитета: ограничение суверенитета имеет место в рамках союзов государств, в федеративных или конфедеративных государствах.

Проблема определения количественно-качественных форм суверенитета позволяющих дифференцировать государство от квазигосударства ещё не получила своего достаточного разрешения в современной науке, однако определённые подходы к её

решению уже нашли своё теоретическое осмысление в философской, юридической и политологической литературе [7, с. 443–447].

В самом обобщённом виде государственный суверенитет состоит в возможности государства принимать политические решения независимо от внешних влияний. Однако в политической реальности невозможно выработать правильных решений без осмысления сложившейся ситуации, которая предполагает и учёт внешнего влияния, что свидетельствует о недостаточности данного абстрактного подхода. Для снятия этого противоречия политическую независимость, как важнейшую характеристику государственного суверенитета, следует дополнить императивом аксиологической и телеологической ориентации механизма принятия политических и правовых решений на реализацию национальных интересов, представляющих собой сложнейший синтез интересов государства и гражданского общества.

3. Квазигосударство, как и полноценное государство, базируется на принципах единства и неделимости территории, а также на неприкосновенности государственной границы, что делает возможности их дифференциации по данным параметрам весьма ограниченными.

Но такая методологическая перспектива всё же существует. Она обусловлена различием детерминации правовых и политических действий, связанных с реализацией принципа единства территории, государственным суверенитетом, понимаемым либо как зависимое от внешнего или внутреннего влияния выражение личных, групповых, сословных, элитарных и т.п. интересов (что характерно для квазигосударства), либо как следование национальным интересам, вопреки лоббированию и коррупционному влиянию частных интересов (что должно выражать сущность суверенного государства).

Примерами подобной квазигосударственной политики, связанной с принципом территориального единства, могут служить примеры передачи в иностранную собственность определённых территорий, продуцируемую частными коммерческими интересами.

4. Одной из важнейших основ государства является система правовых отношений, обеспечивающих единство взаимодействия многообразных форм жизнедеятельности общества. В

квазигосударстве система права тоже существует. Их дифференциация в данном случае может идти не по степени разработанности законодательства в той или иной форме политической организации общества, а по механизмам преемственности в развитии права.

На уровне полноценной государственности всегда существует определённая сущностная преемственность, действующая вопреки любым изменениям правовых норм. Это обусловлено тем, что правовые нормы должны разрабатываться и действовать в рамках общей социокультурной идентичности данного социума, должны учитывать и укреплять подобную идентичность [2, с. 11–18].

В квазигосударстве такая правовая преемственность отсутствует. Квазигосударство является продуктом сложившихся в определённой ситуации политических и правовых отношений, детерминированных ограниченным по времени, синтезом сиюминутных интересов, которые при своём изменении, существенно меняют и всю систему действовавшего до этого законодательства. В результате этого происходит постоянно продуцируемый в рамках социума разрыв между формами реализации политической власти, между поколениями людей, между разными этапами развития общества.

Ярким примером подобного может служить яростная борьба с собственным советским прошлым, происходящая на современной Украине, отказ от реальной, а не придуманной, истории своей страны, в результате чего произошла утрата государственного суверенитета и введение системы внешнего политического и экономического управления.

5. Важным экономическим основанием существования государства является налоговая система. Идентификация квазигосударства по данному принципу возможно лишь по степени её включенности в систему функций политического образования.

Полноценное государство, выполняя среди прочих функцию сбора налогов, только ей не ограничивает свой функционал, а осуществляет активную политическую, экономическую, идеологическую, организационную и т.п. социальную деятельность.

Квазигосударство рассматривает сбор налогов как основную сферу своей деятельности, значительно сокращая своё присутствие в иных сферах общественного бытия (в экономике, идеологии, здравоохранении, образовании и т.д.). В результате

этого происходит деформация социальных функций государства, утрата им своего атрибутивного признака и превращение в самую низшую форму квазигосударства, которую В.И. Ленин называл «государством-паразитом».

Обобщая приведённый в статье сравнительный анализ важнейших особенностей полноценных государств и квазигосударств можно сделать следующие выводы.

Понятие «квазигосударство» фиксирует определённый этап в развитии форм государственности. Этот этап может иметь три основных вида своей репрезентации:

1) начальный этап генезиса государственности, когда формируются и закрепляются основы будущего государства, закладываются принципы политической централизации;

2) временный этап трансформации государства в иное качественное состояние, характеризующееся неполнотой выполнения государством ряда своих важнейших функций;

3) завершающий этап существования конкретного государства, связанный с деструктивными тенденциями его эволюции.

Диалектический характер взаимосвязи феноменов государства и квазигосударства состоит в том, что:

1) в процессе своего исторического развития они могут переходить друг в друга (квазигосударство может стать полноценным государством и, наоборот, государство может трансформироваться в квазигосударство);

2) они непосредственно взаимосвязаны, поскольку фиксируют определённые этапы исторического развития государственности;

3) они позволяют определять уровень развития конкретной формы государственности.

Таким образом, следует отметить, что сложившееся в современной политической риторике оценочное содержание понятия «квазигосударство» не отражает его научно эвристического потенциала, поскольку сводит его обширное смысловое поле только к негативным коннотациям.

Список использованной литературы

1. Балахонский, В.В. Философские проблемы методологии права / В.В. Балахонский // Философия права. – 2011. – № 5(48). – С. 5–14. – EDN PUYTRJ.

2. Балахонский, В.В. Философские проблемы методологии права / В. В. Балахонский // Актуальные проблемы философии права : Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции, Санкт-Петербург, 29 апреля 2004 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2004. – С. 11–18. – EDN XPDVVJ.

3. Каплунов, А.И. Периодизация становления правовых систем Скандинавии в эпоху средневековья / А. И. Каплунов, В.В. Балахонский, П. А. Мухаметов // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2023. – № 1(99). – С. 30–36. – EDN SONJGU.

4. Лукичев, П.Н., Скорик, А.П. Квазигосударственность // ПОЛИС. 2001. № 2. С. 139–142.

5. Лукьянов Ф.А. Патовая ситуация (Интервью) // «Россия в глобальной политике» № 8. 2006 info@pankisi.info.

6. Правосознание и его роль в жизни общества : монография / В. В. Балахонский, В. А. Кудин, В. С. Олейников, Б. К. Джегутанов ; Санкт-Петербургский университет МВД России. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2018. – 173 с. – ISBN 978-5-91837-128-2. – EDN VTKBIS.

7. Пристенский В.Н. Онтология права как его антропология / В. Н. Пристенский, В. В. Балахонский // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 4(32). – С. 443–447. – EDN KGXWIZ.

Информация об авторе

Виталий Витальевич Балахонский – профессор кафедры философии и социологии Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор философских наук, профессор; e-mail: Balakhonsky@mail.ru

Author

Vitaly V. Balakhonsky – Professor of the Department of Philosophy and Sociology of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Philosophy, Professor; e-mail: Balakhonsky@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ЗАЩИТЫ ПРАВ ЖЕНЩИН В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Проблема гендерного равенства и необходимости особой защиты прав женщин в той или иной мере сохраняет свою значимость во всех государствах. В странах Ближнего Востока приобретает особо острую актуальность, вследствие наличия религиозных, культурных и прочих факторов, оказывающих определяющее влияние на характер закрепления, реализации и защиты прав женщин. К настоящему моменту времени нормативный и институциональный базис защиты прав женщин является достаточно развитым, но зачастую оставляет без внимания региональные различия в данной сфере. Не вызывает сомнений, что попытки «навязывания» в ближневосточном регионе прав и свобод женщин по западному образцу, без учета национальной специфики, не будут эффективными. Обоснована необходимость формирования особого механизма защиты прав женщин в государствах Ближнего Востока, обеспечивающего, с одной стороны, унификацию региональной нормативной базы с международными стандартами в области прав женщин, с другой же, учет норм национально-религиозных традиций в формате, не ущемляющем права женщин и наделяющем их особым инструментарием защиты.

Ключевые слова: гендерное равенство; права человека; права женщин; международное право; защита прав женщин.

V.V. Belozertseva
S.M. Belozertsev

SOME ASPECTS OF THE LEGAL MECHANISM FOR PROTECTING WOMEN'S RIGHTS IN THE MIDDLE EAST

The problem of gender equality and the need for special protection of women's rights, to one degree or another, remains important in all states. In the countries of the Middle East, it becomes especially

urgent due to the presence of religious, cultural and other factors that have a decisive influence on the nature of the consolidation, implementation and protection of women's rights. To date, the normative and institutional basis for the protection of women's rights is quite developed, but often leaves regional differences in this area unaddressed. There is no doubt that attempts to “impose” women’s rights and freedoms in the Middle East according to the Western model, without taking into account national specifics, will not be effective. The necessity of forming a special mechanism for the protection of women's rights in the states of the Middle East is substantiated, ensuring, on the one hand, the unification of the regional regulatory framework with international standards in the field of women's rights, and, on the other hand, taking into account the norms of national and religious traditions in a format that does not infringe on women's rights and empowers their special defense tools.

Key words: gender equality; human rights; women's rights; international law; protection of women's rights.

В настоящее время в абсолютном большинстве современных государств права человека являются высшей ценностью и всесторонне охраняются законом, в том числе и на международном уровне [1].

Ценность прав человека провозглашена независимо от пола, расы, национальности, религиозной принадлежности и т.д. Всеобщая декларация прав человека стала точкой отсчета для формирования и закрепления нормативного базиса универсальных, региональных и национальных стандартов прав человека [6, с. 518]. Международное сообщество пришло к пониманию того, что женщины являются одной из наиболее уязвимых категорий с социальной и юридической точек зрения.

По мере становления и развития цивилизованного общества, формирования представлений о демократии, правах и свободах человека и гражданина, особое внимание было уделено и вопросам защиты прав женщин, формировались представления о необходимости юридического закрепления и фактического соблюдения их прав и свобод. Права человека, в том числе права женщин, представляют собой некий комплекс, находящийся в процессе перманентного динамического развития: их содержание не предрешено раз и навсегда, зависит от исторического и социального контекстов [9, с. 105]. Порядок нормативно-правового

регулирования прав женщин определяется этапом исторического развития, национально-культурными особенностями, традициями конкретного государства, активностью женского движения в стране, наличием или отсутствием политической воли органов государственной власти и другими.

Закрепленные в системе международных стандартов гарантии равенства полов, равные права женщин и мужчин, не устраняют дисбаланса, женщины притесняются в правах. Особое внимание в вопросах неравенства прав женщин по отношению к правам мужчин, вызывают государства, исповедующие ислам. Страны Ближнего Востока являются той группой государств, проблемы которых в области защиты прав женщин стоят очень остро. Приоритет религиозных норм над международным и национальным законодательством, система «мужского опекуинства», подчеркивающая особую роль представителей сильного пола в семье, слабо сочетается с либеральными ценностями равенства полов. В отношении женщин применяются домашнее насилие, женщины вынуждены вести затворнический образ жизни, в сочетании с преувеличенной ролью мужчины в семье это приводит к социальному неравенству в обществе.

Женщина в исламском обществе должна проявлять почет и уважение своему мужу, в то время как последний должен заботиться и своей жене и обеспечить ее потребности. Определенную специфику имеет нормативное закрепление и практика реализации прав женщин в мусульманских странах, которые традиционно имеют немало проблем в сфере защиты прав женщин. В указанных странах сформировавшиеся издавна традиции, имеют существенное значение для верующего народа. Женщины были лишены права избирать и быть избранными, трудиться в самых различных сферах, что нарушало правовой базис, характерный для демократического общества [12, с. 111].

Кроме того, в научном сообществе Ближнего Востока звучит мнение о том, что западные ценности подрывают многовековые религиозные устои, приводят к разложению общества, подрыву института семьи. В то же время, уже не вызывает сомнений, что сегодня никакое государство, претендующее на легитимность на международной арене, не может всерьез рассуждать о неравенстве полов и его социокультурной допустимости, аргументировать и оправдывать данного рода отношения. Например, Саудовская Аравия как государство, реализующее

наиболее жесткую политику по сохранению своих национально-культурных моделей правового статуса личности, последовательно расширяет права женщин. В силу последних поправок к национальному законодательству, женщины приобрели право передвигаться в пространстве без разрешения своего опекуна, в том числе, получать заграничный паспорт и выезжать за рубеж [13].

Влияние современных интеграционных процессов на страны Ближнего Востока, развитие общества в соответствии с мировыми тенденциями, рост числа образованных и работающих женщин, стремящихся к полному социальному участию и равным гражданским правам [10, с. 190], приводит к тому, что женщины приобретают все больше возможностей для реализации своих прав.

В настоящее время в мусульманских странах действуют важнейшие международно-правовые акты, посвященные правам человека, в том числе правам женщины-мусульманки. Большую роль сыграла ратифицированная государствами Всеобщая декларация прав человека [1]. В сентябре 1990 г. на XIX совещании министров иностранных дел стран - членов Организации Исламского сотрудничества в Каире была принята Исламская декларация прав человека [2].

Документ задумывался в качестве альтернативы Всеобщей декларации прав человека и гражданина. В основу декларации положены нормы исламского шариата, которые получили свое преломление в целях приближения правового положения женщины в странах Ближнего Востока к общемировым стандартам.

В ст. 6 Каирской декларации был закреплен принцип равенства полов, права женщины на собственную правосубъектность и независимость. В свою очередь, желая подчеркнуть некую особую роль мужчины, именно на мужчину возлагалась ответственность за материальное обеспечение домохозяйства.

Однако если обратиться к ст. 25 «исламский шариат является источником для толкования любой из статей ... Декларации», то стоит согласиться с авторами, отмечающими, что наличие подобных оговорок не позволяет говорить об изменении личного статуса мусульманских женщин в сторону свободы и гендерного равенства.

Кроме того, нормативная основа, сформировавшаяся на уровне наднациональных органов государств Ближнего Востока, далеко не всегда и не во всех странах получает дальнейшее развитие в положениях национального законодательства. Примечательно, что, например, уголовное право некоторых ближневосточных стран содержит множество жестоких и несправедливых наказаний по отношению к женщинам. Например, женщину привлекают к ответственности за любой добрачный половой контакт (даже в ситуации применения к женщине насилия), да и просто за нахождение в общественном месте в неподобающем виде.

Неоднозначные оценки вызывает, установленный религией брачный возраст, журналисты находят свидетельства вступления в брак девочками в возрасте восьми лет, которые лишаются своего права на образование, рано начинают половую жизнь, рожают детей с большими рисками для собственного здоровья [8, с. 40].

Более благоприятная ситуация с правами женщин существует в Турецкой Республике. Впервые права женщин были закреплены К. Ататюрком в ходе его реформ. Закон, гарантирующий женщинам избирательные права, был принят 8 октября 1934 г. Великим Национальным Собранием Турции и введен в действие 5 декабря 1934 г. [5, с. 28].

В современном законодательстве Турции нет положений, ограничивающих право женщин на пользование политическими правами. Женщины могут избирать и быть избранной на местных и парламентских выборах, учреждать политические партии и определять порядок вступления и выхода из партии, право на участие в референдуме [3].

В то же время на практике реализация прав женщин в Турецкой республике, так же как и в других странах Ближнего Востока, затруднена. Женщины в Турции нередко становятся жертвами сексуального насилия, подвергаются побоям со стороны мужей, не могут реализовать свое право на образование, несмотря на его законодательное закрепление [7, с. 154].

По современным оценкам, арабские женщины выступают в роли представителей активно дискриминируемой социальной группы. Согласно данным исследовательницы М. Оттауэй, из 16 стран Ближнего Востока только десять подписали, а девять – ра-

тифицировали Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Саудовская Аравия, ОАЭ и Кувейт не признают политические права женщин, что также не способствует уравниваю последних в правах [4, с. 45].

Процесс модернизации в любых обществах определяется рамками культурного наследия и религиозных традиций. В случае с постиндустриальными обществами, ощущается повсеместное ослабление давления религиозных норм и ценностей. Само исламское многовековое наследие является препятствием для формирования гендерного равенства, что обусловлено особой ролью патриархальных ценностей [11, с. 77].

Исламская идеология, безусловно, имеет важное регулятивное значение духовно-культурной жизни мусульманских государств, однако она не может являться единственным гарантом прав, свобод и интересов мусульманских женщин. Мусульманские страны вынуждены ориентироваться на международные стандарты о правах человека, общепризнанные принципы и нормы международного права. В противном случае, мусульманские государства не смогут полноценно существовать в мировом сообществе. В то же время, государства Ближнего Востока испытывают вполне обоснованные потребности сформировать собственное «ценностное ядро», позволяющее отграничить модель равенства полов в соответствующих странах от западноевропейской модели, основанных на общепризнанных принципах и нормах международного права.

Список использованной литературы

1. Всеобщая Декларация прав человека (ООН 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. – 1995. – № 67.
2. Каирская Декларация по правам человека в исламе от 05 августа 1990 // Бюллетень ОБСЕ/БДИПЧ. – 1997. – Т. 5, № 2. – С. 16.
3. Конституция Турецкой Республики от 7 ноября 1982 г. // Электронный ресурс. <https://legalns.com/download/books/cons/turkey.pdf> Дата обращения 27.04.2023.
4. Берунова, К.М. Роль женщин в политической жизни арабских стран / К.М. Берунова // Colloquium-journal. – 2019. – № 3. – С 45.

5. Болмотова, М.Ю. Права женщин в системе прав человека / М.Ю. Болмотова // Актуальные модели модернизации института прав человека. – 2015. – № 2. – С. 280.

6. Брюхина Е.Р., Права женщин в контексте универсальных, региональных и национальных (российских) стандартов и механизмов защиты прав человека / Е.Р. Брюхина, Е.С. Третьякова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2021. – № 3. – С. 516–539.

7. Илккаракан, П. Женщины и сексуальность в мусульманском обществе / П. Илккаракан // Женщины за права женщин. Стамбул: 2009. – 154 с.

8. Поленина, С.В. Проблема национально-культурной идентичности в свете взаимодействия правовых систем современности / С.В. Поленина // Государство и право. – 2008. – № 1. – С. 40.

9. Права человека / Под ред. С.А. Балашенко [и др.]. Минск: Юнипак, 2015. – 200 с.

10. Турк С.Н «Арабское возрождение» и женский вопрос в Египте в конце XIX – начале XX в./ С.Н. Турк // Издательство Грамота. Журнал научных статей. – 2016. – № 12(3). – С. 188–189.

11. Турк С.Н. Правовой статус женщин арабского востока / С.Н. Турк // В сборнике: Заметки ученого. – 2018. – № 5(30). – С. 75–77.

12. Юклова, Т.Г. К вопросу о совершенствовании конституционно-правового механизма гендерного равенства / Т.Г. Юклова // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2011. – № 3 (17). – С. 111.

13. В Саудовской Аравии вступили в силу поправки о равноправии женщин и мужчин. Электронный ресурс. <https://tass.ru/obschestvo/6780860>. Дата обращения 27.04.2023.

Информация об авторах

Виктория Владимировна Белозерцева – начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин ФГКОУ ВО Восточно-Сибирский институт МВД России, кандидат юридических наук, доцент; e-mail: sarrav@mail.ru.

Сергей Михайлович Белозерцев – заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин ФГКОУ ВО Восточно-Сибирский институт МВД России, кандидат исторических наук; e-mail: zuunoz@mail.ru.

Authors

Victoria Vladimirovna Belozertseva – Head of the department civil law disciplines of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of law, assistant professor; e-mail: sarrav@mail.ru.

Sergey Mikhailovich Belozertsev – Deputy Head of the Department of State and Legal Disciplines of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of historical science; e-mail: zuyn03@mail.ru.

УВАЖЕНИЕ И ДОВЕРИЕ В ПРАВЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ С СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ ПОЗИЦИЙ

В статье отмечается тенденциозный характер закрепления в положениях законодательства, решениях органов правоприменения и доктринальных позициях феноменов «доверие», «уважение», закрепляющих отправные начала любой юридической деятельности. При помощи разнообразия средств и методов познания аргументируется содержательная сторона указанных феноменов, в том числе, включающая в себя нравственно-этические компоненты, духовную, идеологическую составляющие. На основе этого доказывается особая правовая природа феномена «уважение», заключающаяся в позиционировании его в качестве основополагающего руководящего требования при осуществлении правотворческих, правоинтерпретационных и правореализационных полномочий. Ввиду сложной природы феноменов «уважение» и «доверие», обращается внимание на необходимость комплексного подхода в рамках интерпретации юридико-лексических конструкций, содержащих указание на уважение и (или) доверие в праве, что послужит базисом верного и законного правоприменительного процесса.

Ключевые слова: уважение; доверие; оценочное понятие; определенность; конкретизация; нравственность.

D.A. Gogitidze

RESPECT AND TRUST IN LAW: COMPARATIVE ANALYSIS FROM A MEANINGFUL PERSPECTIVE

The article notes the tendentious nature of the consolidation of the phenomena of "trust" and "respect" in the provisions of legislation, decisions of law enforcement agencies and doctrinal positions, which consolidate the starting points of any legal activity. With the help of a variety of means and methods of cognition, the substantial side of these phenomena is argued, including, including moral and ethical components, spiritual, ideological components. On the basis of this, the special legal nature of the phenomenon of "respect" is

proved, which consists in positioning it as a fundamental guiding requirement in the exercise of law-making, law-interpretation and law-realization powers. Due to the complex nature of the phenomena of "respect" and "trust", attention is drawn to the need for an integrated approach within the framework of the interpretation of legal and lexical constructions containing an indication of respect and (or) trust in law, which will serve as the basis for a correct and legitimate law enforcement process.

Keywords: respect; trust; evaluative concept; certainty; concretization; morality.

Сегодня термины «уважение», «доверие» в различных проекциях прочно вошли в повсеместное употребление. К слову сказать, Президент Российской Федерации В. Путин в ходе ежегодной пресс-конференции неоднократно указывал на необходимость: уважительного отношения к отечественной истории, говорил о собственных чувствах уважения к русским людям, вере в русский народ, требовал от государственных служащих уважать просьбы граждан и пр¹.

Непререкаемой константой для первого лица государства является и ориентирование в своей деятельности на такую идеологическую, духовную, а нередко и формально-юридическую основу, как доверие. К примеру, исходя из послания Президента Федеральному Собранию Российской Федерации, можем сделать однозначный вывод, что доверие является ключевой скрепой в построении отношений не только внутри государства (к примеру, на уровне граждан и местного самоуправления), но и основой для сохранения мирового порядка, о чем многие политические лидеры западных государств забыли².

Законодательство Российской Федерации также весьма активно использует лексемы «уважение», «доверие» в текстах нормативных правовых актов: как в указанной постановке, так и путем синтеза на их основе видовых явлений. В частности, помимо того, что уважение (к примеру, относительно прав и свобод человека и гражданина) выступает, по меньшей мере, отраслевым принципом права [2], оно еще и объективируется в такие

¹ См.: О чем говорил Президент Владимир Путин, подводя итоги года и отвечая на вопросы журналистов и жителей страны // Российская газета. 2023. 14 дек.

² См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21.02.2023 // Российская газета. 2023. 22 февр.

устойчивые лексико-юридические конструкции, как: уважение к суду, уважительные причины (отсутствия на работе), уважительное отношение (в сфере оказания услуг) и др.

Такая палитра смыслообразующих концептов уважения и доверия (в том числе, правовых – от диспозитивных до императивных), подталкивает к активизации научного поиска и установлению роли и значения феноменов в нынешних условиях государственно-правового строительства. Сделать это без краткого анализа их сопоставления, ориентируясь при этом, как на доктринальные разработки, так и нормативное закрепление, думается, нельзя.

Основой для содержательного сравнения феноменов «уважение» и «доверие» является следующий тезис. Так, показательным сегодня является тот факт, что доверие аналогично уважению позиционируется в нормативных правовых актах в качестве принципа, т.е. руководящего начала для деятельности государства и его органов. Кроме того, зачастую и уважение, и доверие, выступают в единой системе принципов. В частности, такой подход использовал законодатель при формулировании деятельности органов внутренних дел (полиции), где в их числе указывается: «общественное доверие» и «уважение прав и свобод человека и гражданина»³.

Обозначенный тезис актуализирует сопоставление данных феноменов, через призму элементов не только их сходства, но и различия, а возможно и взаимодействия.

Начать следует с того, что уважение и доверие и ранее рассматривалось отдельными авторами в связке, во взаимопроникновении. В частности, феномен «доверие» включался в концепцию уважения в праве многими учеными, среди которых основную лепту внес профессор Саратовской юридической школы А.С. Мордовец со своими учениками и соратниками: О.В. Смирновым [4], А.М. Мехович и Л.В. Силантьевой [3], А.Г. Репьевым [5] и другими.

Сказанное объяснимо, поскольку при первом же обращении к исследуемым феноменам бросается в глаза следующее: оба имеют морально-нравственную природу, этическую основу.

³ О полиции: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (в ред. от 04.08.2023), ст. 5, 9 // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900; 2023. № 32 (ч. I). Ст. 6172.

Проникнуть в суть доверия и уважения можно только задействовав чувственную сторону познания, духовную составляющую. Так, в толковом словаре В.И. Даля «доверие» интерпретируется как «чувство или убеждение, что такому лицу, обстоятельству или надежде можно верить» [8, с. 459]. К сожалению, значение последнего слова не раскрывается у одного из основателей русской словесности, но ответ на вопрос о сущности веры, как стержне категории «доверие», могут дать иные источники. К примеру, философский словарь раскрывает сущность термина «вера» через три понятийных концепта: во-первых, как принятие определенных догматов; во-вторых, как личное доверие к кому-либо (Богу, отцу и т.п.); и, наконец, в-третьих, как личная верность служению, которому человек отдает себя [10, с. 77–78].

В такой интерпретации, связующей скрепой от доверия к уважению выступает «верность», т.е. такое высокое моральное качество личности, которое характеризуется поведением, основывающимся на неизменной приверженности делу с одной стороны, и идейности, убежденности в правоте, принципиальности во всем, – с другой стороны [7, с. 39]. Уважение, в свою очередь, также основывается на морально-нравственных качествах личности, которая обладает верностью идеалам добра и справедливости, принципиальностью в своих мотивах и поступках [6, с. 17–18], а в своей основе раскрывается через «доверие к людям» [7, с. 353].

Все сказанное можно резюмировать следующим образом. Доверие и уважение – одни из основополагающих требований нравственности, предполагающие отношение между людьми, основывающееся на сложившемся в их сознании убеждении в достоинстве личности, ее лучших человеческих качествах и добродетелях. Собственно в таком понимании данные категории и юридизированы сегодня, т.е. нашли отражение не только в нормативных правовых актах, но и решениях правоприменительных органов⁴.

Обозначенные аспекты сходства исследуемых феноменов в определенном смысле позволили установить и имеющиеся раз-

⁴ См., например: О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 (в ред. от 16.05.2017) // Российская газета. 2010. 7 июля.

личия. Так, в нашем понимании, уважение в праве есть руководящее идейное требование по формированию и реализации поведения (деятельности) участников общественных отношений, основанное на глубоко почтительном отношении к достоинству личности, его социальному и правовому статусу [1, с. 18]. Такой акцент не случаен, поскольку человеком рождаются, а личностью – становятся. Уважение – отношение к личности образующееся не спонтанно, сиюминутно, а вынашиваемое продолжительное время, перерастающее в глубокое внутреннее убеждение. Уважать принудительно, вынужденно – нельзя, а доверять – вполне допустимо. Довериться можно любому человеку исходя из сложившейся ситуации (прохожему, предложившему оказать посильную помощь престарелому человеку перейти проезжую часть; автолюбителю, взявшему на буксир неисправный автомобиль и пр.), а уважать можно лишь тогда, когда убедился в наличии у человека высоко нравственных качеств, делающих его личностью. Доверие могут вызвать внешние атрибуты социального и правового положения человека (именно они становятся первыми сигналами довериться полицейскому на улице: форменное обмундирование, наличие служебного жетона и пр.). Видимо в силу сказанного распространена одна из форм посягательства на чужое имущество, совершаемая путем злоупотребления доверием⁵. Обмануться в доверии легко. В свою очередь, убеждены, что никакой внешний атрибут человека не может (или по крайней мере не должен) вызывать уважения. Последнее может и должно строиться не столько на внешних признаках, а скорее на внутренних.

Такой высшей формой социального признания как уважение намного сложнее добиться в обществе, чем доверия. Жертва уличного преступления, доверившись сотруднику правоохранительных органов (на основе внешних и формальных статусных элементов), впоследствии может глубоко разочароваться в его внутренних и профессиональных качествах, что, разумеется, не приведет к уважению. И наоборот. Криминальные элементы, оказывающие противодействие правоохранительным органам, будучи идеологически настроены в негативном ключе, в случае

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2023), ст. 165 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2024. № 1 (ч. I). Ст. 22.

высоко профессиональной деятельности лиц государства, основанной на моральных качествах, идеалах добра и справедливости, впоследствии склоняются к уважению их труда и почтительному отношению к службе и личности сотрудника правопорядка.

Сказанное выше предопределило элементы взаимодействия уважения и доверия в рамках правоотношений. В частности, полагаем, что доверие выступает основой для уважения, первой ступенью чувственного восприятия происходящих событий, обстоятельств, их интерпретации в сознании субъекта. Затем, на основе первичных внешних атрибутов и более содержательного, глубокого погружения во внутреннюю сторону происходящего, формируется чувство уважения. Отсутствие доверия или его последующая утрата неминуемо приводят к утрате чувства уважения. В такой интерпретации уважение – высшая ступень доверия, сформировавшаяся на основе не только внешних статусных характеристик, но и поступках личности, отвечающих принципам: добра, справедливости, внимательного и чуткого отношения к окружающим, построенного на корректности, вежливости. В свою очередь, обеспечив уважительное отношение к кому-либо, субъект может рассчитывать на повышение уровня доверия к нему. В частности, администрация исправительного учреждения, руководствуясь требованием уважительного отношения к лицам, содержащимся в местах лишения свободы, вполне резонно может рассчитывать на доверие к себе, что выступит одним из детерминантов снижения протестной активности спецконтингента, а также минимизации криминальных проявлений [9].

Попробуем резюмировать материал, изложенный хотя и тезисно, в постановочном ракурсе, но приоткрывающий определенные грани соприкосновения феноменов «уважение» и «доверие» в российском праве.

Во-первых, оба из выше обозначенных феноменов, несмотря на тот факт, что имеют ярко выраженную нравственно-этическую, духовную природу, сегодня приобрели относительно устойчивые юридические очертания и постулируются в качестве основы для деятельности органов публичной власти, в значении идеологической составляющей построения отношений в гражданском обществе.

Во-вторых, обладая элементами сходства, данные феномены по сути не одно и то же. Доверие – чувственная оценка к чему-либо или кому-либо, строящаяся первоначально на внешних атрибутах. Уважение, в свою очередь, предполагает убежденность в высоких внутренних качествах человека, позволяющих отнести его к личности благодаря не только внешним статусным характеристикам, но и профессиональным качествам, отношением к труду и окружающим.

В-третьих, доверие – есть неотъемлемая основа последующего уважения к личности, его первичная ячейка, нравственный стержень, на котором впоследствии может строиться чуткое и внимательное отношение. Обнаружена прямая и обратная связь между доверием и уважением: утрата первого неминуемо приводит к нивелированию уважительных отношений. В свою очередь, обеспечив уважительное отношение к кому-либо, субъект может рассчитывать на повышение уровня доверия к нему.

В-четвертых, уважение и доверие в совокупности выступают нравственно-этической основой формирования не только отдельных правовых институтов, но и системы отечественного права в целом. Наполненность формально-юридических элементов правовой системы духовными, моральными компонентами, обеспечивает связь правовых предписаний с реальными потребностями общества, гибкость правового воздействия, строящегося на гуманном подходе, в основе которого стоит личность, ее потребности и интересы.

Список использованной литературы

1. Гогитидзе Д.А. Принцип уважения в российском праве: в порядке научной дискуссии / Д.А. Гогитидзе // Алтайский юридический вестник. – 2023. – № 1 (41). – С. 16–21.

2. Корсаненкова Ю.Б. Принцип уважения человека труда и его реализация в нормах института трудового стажа / Ю.Б. Корсаненкова // Трудовое право в России и за рубежом. – 2023. – № 1. – С. 9–12.

3. Мехович А.М., Мордовец А.С., Силантьева Л.В. Законность и уважение прав человека в деятельности органов внутренних дел // Правоведение. 1999. № 3. С. 154–162.

4. Мордовец А.С., Смирнов О.В. Уважение прав человека как принцип правового государства и органов внутренних дел //

Российский уголовный розыск: история и современность: материалы научно-практической конференции (г. Саратов, 30 сентября 2008 года). Саратов: СЮИ МВД России, 2009. С. 220–230.

5. Репьев, А.Г. Нравственно-правовые категории «уважение» и «достоинство» с позиции ценностного подхода (на примере уголовно-исполнительного права) / А.Г. Репьев, А.М. Репьева // Алтайский юридический вестник. – 2018. – № 3 (23). – С. 77–81.

6. Репьев А.Г. «Уважение к личности» как научная идея и жизненное кредо профессора А.С. Мордовца / А.Г. Репьев // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – № 3 (152). – С. 15–22.

7. Словарь по этике / под ред. И.С. Кона. 4-е изд., – М.: Политиздат, 1981. – 430 с.

8. Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля; втор. изд., испр. и знач. умноженн. по рукописи автора. – Т. 1: Ф–З. – СПб.: Изд-ие Книгопр.-Тип. М.О. Вольфа, 1880. – 723 с.

9. Уваров И.А. Взаимоотношения между администрацией исправительного учреждения и пенитенциарным сообществом в восприятии осужденных / И.А. Уваров // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2021. – № 4. – С. 61–67.

10. Философский энциклопедический словарь / гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.

Информация об авторе

Дарья Алексеевна Гогитидзе – аспирант кафедры теории и истории права и государства Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; e-mail: dawa.98@mail.ru.

Author

Daria Alekseevna Gogitidze – graduate student of the Department of Theory and History of Law and State at the South Russian Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; e-mail: dawa.98@mail.ru.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ КАК НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПРАВОТВОРЧЕСТВА

Рассматривается роль исследований в области сравнительного правоведения для повышения качества правотворческой и правоприменительной деятельности. Обосновывается необходимость сравнительно-правового анализа (с вовлечением материалов, относящихся к разным правовым системам и (или) к правовой системе отдельной страны) как одного из подготовительных этапов процесса создания нормативных правовых актов. Подчеркивается ценность сравнительно-исторического подхода, предполагающего обращение к наработкам отечественных ученых прошлого времени.

Ключевые слова: сравнительное правоведение; компаративистика; правотворчество; правовая система; методология; сравнительно-исторический подход.

O.P. Gribunov

COMPARATIVE LAW AS AN ESSENTIAL ELEMENT OF LAWMAKING

The role of research in the field of comparative law for improving the quality of law-making and law enforcement activities is considered. The necessity of comparative legal analysis (with the involvement of materials related to different legal systems and (or) the legal system of a particular country) as one of the preparatory stages of the process of creating normative legal acts is substantiated. The value of the comparative historical approach is emphasized, which involves turning to the achievements of domestic scientists of the past.

Key words: comparative law; comparative studies; lawmaking; legal system; methodology; comparative historical approach.

Сравнительное правоведение вот уже на протяжении нескольких столетий является одним из способов не только формирования законодательства, но и совершенствования отдель-

ных его норм. Бесспорно, опыт правового регулирования общественных отношений, реализуемый в других странах и даже в правовых системах, позволяет создавать законодательство, которое более оперативно, а зачастую и безболезненно встраивается в систему правового регулирования отдельно взятого государства. Действительно, не всегда возможно создать идеальную норму права без изучения определенного опыта, именно поэтому не только всеми представителями теоретико-правовой науки, но и представителями отраслевой науки признается и не отрицается факт, что компаративистика в настоящее время является одним из важных аспектов в деятельности правотворческих органов по совершенствованию законодательства.

Традиционно сравнительное правоведение рассматривается как национальное и зарубежное. Абсолютно верен и бесспорен факт того, что «компаративисты мира единодушно отмечают, что опыт, накопленный другими народами, – это неисчерпаемый источник, из которого можно извлечь большую пользу при проведении любых значительных реформ национального законодательства» [1, с. 21].

Следует признать, что преимущественно компаративизм рассматривался в разрезе сравнения отечественного законодательства с законодательством зарубежным, в особенности других правовых систем. Еще со времен графа М.М. Сперанского формирование системы законодательства происходит на основе зарубежного опыта, а в Европе влияние сравнительного правоведения и сравнительного метода на правовые системы стран континентальной Европы можно проследить на примере так называемой кодификации Наполеона.

Сравнительное правоведение – уникальный феномен в правовой жизни, порождающий продолжающиеся споры о его содержании, значении и тенденциях развития [1, с. 16]. Именно уникальное и особенное является предметом изучения компаративистики.

Однако хотелось бы обратить внимание, что наше отечественное законодательство в историческом аспекте, его качество и суть также представляют собой известную ценность для современного правотворческого процесса, так называемое «внутреннее сравнение», методика которого «предполагает сопоставление объектов сравнения, принадлежащих к правовой системе

отдельной страны. Объектами в данном случае являются: законодательство и судебная практика федеративного государства и его субъектов, а также отраслевое законодательство и судебная практика» [2, с. 10]. И действительно, в каждой отрасли законодательства, в каждом правовом институте есть положения, которые разработаны еще не только в советском периоде времени, но и ранее. Ярким примером может служить Устав уголовного судопроизводства 1846 года, который содержит положения прогрессивного порядка, имеющие право быть и в действующем уголовно-процессуальном кодексе России.

Следует согласиться с мнением ряда ученых, что многие правовые акты обладают высоким уровнем юридической техники. Так, например, Конституция 1936 г., как справедливо отмечает В.В. Еремян, обладает «во-первых, весьма высоким уровнем юридической техники, своим качеством сопоставимый лишь с очень небольшим числом действующих на тот момент или утративших силу «Основных законов»; во-вторых, детально регламентирует большой круг общественных отношений, в т.ч. тех сфер, о которых в других странах граждане могли только мечтать» [3, с. 18].

Говоря о внутреннем сравнении, нужно руководствоваться сравнительно-историческим подходом, который, по справедливому уточнению А.А. Малиновского, «позволяет осуществлять исследование посредством сопоставления двух или более объектов сравнения, взятых в ретроспективе, при диахронном анализе, с познанием последовательно сменяющихся друг друга в реальном историческом времени этапов и последующем сравнении исторических особенностей правового регулирования конкретных общественных отношений в различное время в рамках одной правовой системы» [2, с. 22].

Следует согласиться с позицией Ю.Ю. Левченко, что усложнение общественной практики закономерно влечет, с одной стороны, дифференциацию научных знаний, с другой стороны, интеграцию различных научных дисциплин, обеспечивающих комплексный подход к изучаемым явлениям [4, с. 181].

Таким образом, следует констатировать, что одной из задач законодателя является глубокое изучение истории и опыта правового регулирования соответствующей сферы общественных отношений, в том числе отечественного законодательства. Именно сравнительно-исторический подход должен лежать в

основе подготовки законопроектов и подготовительных документов. «Применение сравнительно-исторического метода необходимо для того, чтобы компаративист «не изобретал велосипед», предлагая якобы нововведения в современное российское законодательство, а помнил о том, что в юриспруденции зачастую «новое — это хорошо забытое старое». Применение сравнительно-исторического метода к познанию закономерностей эволюции собственной правовой системы необходимо для любого исследователя. Правовед не должен быть, образно выражаясь, «Иваном, который не помнит своего родства». Поэтому игнорировать изучение истории развития отечественного права методологически ошибочно» [2, с. 22].

Все вышеизложенное не является новым, вместе с тем, в истории имеется немало примеров, когда законодатель, не используя накопленный опыт как собственно национального законодательства, так и зарубежного, поспешно принимает нормативно-правовые акты, применение которых выявляет сложности правового регулирования. Поэтому следует признать обязательным глубокий всесторонний анализ с использованием сравнительно-исторического подхода и рекомендовать как обязательную стадию правотворческого процесса.

Список использованной литературы

1. Карданова А.К. О роли сравнительного правоведения в современной правовой жизни России // Ленинградский юридический журнал. – 2013. – № 2. С. 16–23.
2. Малиновский А.А. Методология сравнительного правоведения // Вестник Университета имени О.Я. Кутафина. – 2016. – № 3. С. 9–24.
3. Еремян В.В. Есть ли у компаративиста повод для оптимизма? (российская Конституция как «зеркало» государственного строительства) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2018. – № 2 (121). С. 15–26.
4. Левченко Ю.Ю. Соотношение межсистемного правоведения и сравнительного правоведения // Приоритетные научные направления: от теории к практике. – 2014. – № 11. – С. 181–187.

Информация об авторе

Олег Павлович Грибунов – доктор юридических наук, профессор, первый проректор – проректор по научной работе Байкальского государственного университета; e-mail: 010110@bgu.ru.

Author

Oleg Pavlovich Gribunov – Doctor of Law, Professor, First Vice-Rector – Vice-Rector for Scientific Work of Baikal State University; e-mail: 010110@bgu.ru.

ГАРАНТИИ ПРАВ ГРАЖДАН ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Развитие информационных и цифровых технологий в управлении оказывает все более значимое влияние на взаимоотношения граждан с публичной администрацией на местах в глобальном масштабе. Вместе с тем, именно на муниципальном уровне процессы создания и полноценного функционирования цифровой среды, как и обеспечения прав граждан в ходе цифрового взаимодействия с муниципальными органами сталкиваются с проблемами не только информационного, организационного, кадрового, финансового, но и правового характера. Решению задачи обеспечения правовой защищенности граждан при осуществлении местного самоуправления и местного управления в цифровой среде в государствах – участниках СНГ должен послужить модельный акт – Рекомендации МПА СНГ «О деятельности органов местного самоуправления (управления) по обеспечению и защите прав граждан в цифровой среде». С учетом отсутствия в силу объективных причин на муниципальном уровне гарантий повсеместного и равного доступа граждан к цифровым сервисам важно сохранить традиционный аналоговый способ общения граждан с муниципальной администрацией. В то же время национальное информационное и административное законодательство, как и законодательство о местном самоуправлении (управлении) государств – участников СНГ нуждается в синхронизации в части определения компетенции муниципальных органов в информационной и цифровой сфере. Создание цифрового муниципалитета как единой базы данных муниципальных образований, объединенной в масштабах региона и государства в целом, остаётся актуальной задачей, которая нуждается в дальнейшей проработке, как и условия и порядок подачи и рассмотрения цифровых обращений граждан, а также процессуальные гарантии обжалования административных актов, принятых в автоматическом режиме.

Ключевые слова: местное самоуправление; местное управление; цифровое взаимодействие граждан и муниципальных органов; цифровая среда; цифровое обращение; муниципальная информационная система; гарантии прав.

E.V. Gritsenko

**THE GUARANTEES OF CITIZENS' RIGHTS
IN THE LOCAL DIGITAL ENVIRONMENT:
COMPARATIVE LEGAL ASPECT**

The development of information and digital technologies in public government is increasingly impacting the relationship between citizens and local public administration on a global scale. At the same time, it is at the municipal level that the processes of creating and fully functioning the digital environment, as well as ensuring the rights of citizens in the course of digital interaction with municipal authorities, face problems not only of an informational, organizational, personnel, financial but also legal nature. To solve the problem of ensuring the legal protection of citizens in the implementation of local self-government and local governance in the digital environment in the CIS member states, a model act - the Recommendations of the CIS IPA “On the activities of local self-government (government) bodies to ensure and protect the rights of citizens in the digital environment” – should serve. Taking into account the absence, for objective reasons, at the municipal level of guarantees of universal and equal access of citizens to digital services, it is important to preserve the traditional communication between citizens and the municipal administration. At the same time, national information and administrative legislation, as well as legislation on local self-government (government) of the CIS member states, needs synchronization to determine the competence of municipal bodies in the information and digital field. The creation of a digital municipality as a unified database of municipalities united across the region and the state as a whole, remains an urgent task that requires further development, as do the conditions and procedure for submitting and considering digital appeals from citizens, as well as procedural guarantees for appealing administrative acts adopted in automatic mode.

Key words: local government; local government; digital interaction between citizens and municipal authorities; digital environment; digital circulation; municipal information system; guarantees of rights.

Введение. Права граждан на участие в местном самоуправлении и местном управлении, на обращение, на доступ к публичным услугам на местном уровне, к информации о деятельности муниципальных органов все чаще реализуются в цифровой среде. В связи с этим можно констатировать появление новых элементов в нормативном содержании традиционных основных прав, которые в ряде случаев именуются в качестве самостоятельной группы субъективных цифровых прав. Этот глобальный тренд можно наблюдать во всех государствах, независимо от формы государственного устройства, особенностей политической системы и муниципальной организации. Он связан с цифровой трансформацией публичного управления в целом, которая, хотя и осуществляется прежде всего «сверху» на уровне центрального государственного управления, затрагивает в том числе муниципальный уровень власти. Несмотря на отдельные успехи в организации электронного и цифрового правительства, можно констатировать наличие серьезных дефицитов во многих странах в сфере правового обеспечения перехода муниципальных органов в электронный и цифровой формат при отсутствии должной синхронизации государственных и муниципальных информационных систем, а также недостаточности гарантий прав граждан при их взаимодействии с муниципальными органами в цифровой среде. Преодолению указанных дефицитов в государствах – участниках СНГ призван способствовать модельный акт – Рекомендации МПА СНГ «О деятельности органов местного самоуправления (управления) по обеспечению и защите прав граждан в цифровой среде», принятие которого планируется к началу 2025 года¹.

¹ См. Перспективный план модельного законодательства в Содружестве Независимых Государств на 2023-2025 гг. // Электронный ресурс: https://iacis.ru/deyatelnost/modelnoe_zakonotvorchestvo/ppmz_v_sng_na_20232025_gg/VIII_v_sfere_gosudarstvennogo_stroitelstva_i_mestnogo_samoupravleniya Дата обращения: 15.02.2024.

Принципы цифрового взаимодействия муниципальных органов с гражданами. В целях обеспечения комплексного подхода к регламентации гарантий прав граждан, реализуемых на муниципальном уровне в цифровой среде, национальному законодателю предлагается опираться на систему принципов, определяющих основные начала цифрового взаимодействия граждан, их объединений с местной публичной администрацией. Наряду с характеристикой непосредственно цифрового публичного управления, эти принципы охватывают права граждан в цифровой среде. В частности, помимо требований транспарентности муниципального управления, открытости и доступности муниципальных информационных систем, достоверности и своевременности предоставляемой муниципальной публичной администрацией информации, важный акцент должен быть сделан на принципах реализации субъективных прав граждан – права на равный доступ к цифровым услугам и сервисам; права на выбор формы взаимодействия с местной публичной администрацией, включая возможность сохранения аналогового режима такого взаимодействия и право на отказ от цифровой формы взаимодействия, недопущение безальтернативности цифрового взаимодействия; права на защиту персональных данных и связанных с ним цифровых прав. Все эти принципы в их совокупности с разных сторон раскрывают принцип надлежащего публичного управления в условиях цифровой трансформации [1].

Согласование информационного, административного законодательства и законодательства о местном самоуправлении (управлении). В рамках выработки системы гарантий прав граждан в процессе их взаимодействия с органами местного самоуправления и местного управления в цифровой среде национальным законодателям может быть рекомендовано уделить особое внимание согласованию положений информационного законодательства, законодательства об административных процедурах, об обращениях граждан, о публичных услугах, о государственном и муниципальном контроле с законодательством о местном самоуправлении (органах местного управления). Так, несмотря на то, что вопросы электронного и цифрового правительства находят своё закрепление в национальном законодательстве об административных процедурах, услугах, контроле, программах и решениях по цифровизации городского

хозяйства², полномочия органов местного самоуправления и местного управления в информационной сфере по ведению и поддержанию муниципальных информационных систем, предоставлению цифровых сервисов, взаимодействию с органами публичной власти иных уровней в информационной сфере пока не нашли должного отражения в национальных законах об организации местного самоуправления (управления). В обновлении в этой части нуждается и Модельный закон МПА СНГ «Об общих принципах организации местного самоуправления» в его новой редакции от 27.11.2015.

Единая муниципальная платформа (база данных). Особого внимания при этом заслуживает вопрос о синхронизации государственных и муниципальных систем как по вертикали, так и по горизонтали, подключении цифровых муниципалитетов к единой муниципальной платформе в масштабах не только региона (субъекта федерации), но и всего государства. Выступить оператором такого ресурса, выполнить координационную функцию по реализации единых требований к размещаемым данным, а также по обслуживанию такой платформы могли бы региональные и общегосударственные ассоциации муниципальных образований. Организация информационного обмена данными между муниципальными субъектами с использованием цифровых технологий является важным направлением межмуниципального сотрудничества.

Электронные и цифровые обращения. В совершенствовании нуждается и национальное законодательство государств – участников СНГ об обращениях граждан. Следует дифференцированно подойти к характеристике электронных и цифровых обращений граждан. Так, если электронным обращением в орган местного самоуправления (управления) признается любое обращение, направленное в электронном виде – по электронной почте или размещенное на официальном сайте организации в сети

² См., например: Решение Председателя города Душанбе от 07.05.2019 № 276 об учреждении государственного унитарного предприятия «Умный город» Исполнительного органа государственной власти города Душанбе; Концепция проекта цифровизации городского хозяйства «Умный город», утв. Приказом Минстроя России от 25.12.2020 № 866/пр; Иванова К.А. Компетенция органов местного самоуправления и их цифровая трансформация // Электронный ресурс: https://e-gorod.ru/wp-content/uploads/2022/09/pr_ivanova_2022_09_19.pdf Дата обращения: 15.02.2024.

Интернет³, то цифровое обращение в орган местного самоуправления (управления) – это такой вид электронного обращения, которое подается через муниципальную информационную систему с соблюдением в том числе правил этой системы. В связи с этим в дополнительной проработке нуждаются гарантии прав граждан при подаче и рассмотрении цифровых обращений, которые во многом зависят и от характера и содержания обращения – направлено ли оно на возникновение, изменение или прекращение субъективных прав и обязанностей заявителя либо связано с решением общих проблем и обнаружением фактов нарушений. В последнем случае целесообразно использовать упрощенную форму обращения, т.е. считать такие обращения неформализованными, а также осуществлять обработку обобщенных данных о выявленных проблемах, их причинах, формах и способах решения.

В то же время правила муниципальных информационных систем должны быть согласованы с законодательными требованиями и не создавать чрезмерных препятствий гражданам в реализации их права на обращение, а факты технических сбоев должны служить основанием для продления сроков, установленных законом на подачу обращения.

Процессуальные гарантии цифрового взаимодействия. В совершенствовании нуждаются и механизмы защиты прав граждан, реализуемых в ходе цифрового взаимодействия с муниципальными органами. В связи с этим существует настоятельная необходимость реформирования модельного и национального процессуального законодательства, регулирующего судебный контроль за законностью правовых актов публичного управления, принятых в рамках такого взаимодействия. Особое внимание при этом должно быть уделено установлению правил доказывания и пределов судебного контроля, направленных на обеспечение содержательной, а не формальной проверки законности властных решений, принятых в полуавтоматическом и автоматическом режиме, включая возможность судебного контроля алгоритмов, использованных при принятии властных решений, с использованием инструмента технической экспертизы.

³ Ст.2 Модельного закона «Об обращениях граждан и юридических лиц» (Приложение к постановлению МПА СНГ от 27.11.2015 г. № 43-6).

Список использованной литературы

1. Гриценко Е.В. Право на хорошее управление в условиях цифровой трансформации // Сравнительное конституционное обозрение. – 2022. – № 4 (149). – С. 15–36.

2. Иванова К.А. Компетентия органов местного самоуправления и их цифровая трансформация // Электронный ресурс: https://e-gorod.ru/wp-content/uploads/2022/09/pr_ivanova_2022_09_19.pdf Дата обращения: 15.02.2024.

Информация об авторе

Елена Владимировна Гриценко – профессор кафедры конституционного права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор; e-mail: el_gritsenko@mail.ru.

Author

Elena Vladimirovna Gritsenko – Professor, Chair of Constitutional Law, St. Petersburg State University, Dr., Prof.; e-mail: el_gritsenko@mail.ru.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ЕЁ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ИММУНИТЕТ

В статье обсуждаются некоторые проблемы и последствия глобализации с точки зрения сохранения особенностей национальных цивилизаций. Рассматриваются шесть возможных сценариев дальнейшей исторической судьбы национальных цивилизаций. На примере монгольской цивилизации показана ценность достижений государственной деятельности Чингисхана для развития человечества.

Ключевые слова: глобализация; обособленность; цивилизация; национальная безопасность; Монголия; интеллектуальная независимость.

N. Zhalbazhav

GLOBALIZATION AND SECURITY OF NATIONAL CIVILIZATION AND ITS INTELLECTUAL IMMUNITY

The article discusses some problems and consequences of globalization from the point of view of preserving the characteristics of national civilizations. Six possible scenarios for the further historical fate of national civilizations are discussed. Using the example of Mongolian civilization, the contribution and value of the achievements of Genghis Khan's state activities for the development of mankind are shown.

Key words: globalization; isolation; civilization; national security; Mongolia; intellectual independence.

В эпоху глобализации продолжают возникать многие общие проблемы и новые тенденции эволюции, которые привлекают внимание ученых и влияют на национальную и цивилизационную безопасность.

Независимость и безопасность любой страны во многом зависят от ее ресурсов устойчивого социально-экономического

развития, конъюнктуры мирового экономического рынка, тенденций его развития, репутации страны в международном экономическом сообществе, экспортного потенциала страны. Иначе говоря, независимость и безопасность страны стали все больше зависеть от экономических факторов. Особенно активно влияние глобальных и региональных банков, финансовых центров и организаций на сферу международного экономического сотрудничества. Экономический ресурсный потенциал определяется внедрением и освоением новых технологий: нано-, био-, IT-технологий, химии, генной инженерии, производства и управления, а также новых источников энергии. Другими словами, политическая и экономическая деятельность, основанные на научно-технических достижениях и инновациях, становятся важнейшей основой укрепления национальной безопасности.

Относительно Монголии необходимо обеспечить гармоничное развитие таких секторов экономики, как горнодобывающая промышленность, животноводство, сельское хозяйство, туризм и социальные услуги, внедрить в сферу производства и услуг научно-технические достижения, значительно повысить производительность труда, способствовать развитию перерабатывающей промышленности в экспортном направлении, интенсификации сельского хозяйства, особенно животноводства, нейтрализации значительной зависимости его от природы, создавать мощности для полного удовлетворения потребностей населения качественной продукцией собственного производства, в том числе топливно-энергетическими ресурсами, модернизировать банковскую и финансовую систему. Таким образом, стабильное экономическое развитие страны становится решающим фактором укрепления её независимости.

Под влиянием глобализации общество становится все более открытым, достижения культуры, искусства, науки и техники проникают во все сферы жизни общества и внедряются без каких-либо ограничений, границы национальных, локальных и глобальных цивилизаций и последствия их координации стираются и усложняются, диалектика и дианетики глобализации и обособленности (Л. Тудев) являются важным вопросом обеспечения национальной безопасности.

Достижения информационных технологий стали доступны для каждого человека независимо от национальных, региональ-

ных или международных границ. В эпоху широкого распространения информационных технологий люди могут свободно и без каких-либо препятствий находить и использовать необходимую информацию независимо от того, где они находятся и в какой стране. В эпоху глобализации, безграничного расширения гуманитарных связей, взаимного слияния культур, мощной информационной волны сохранение уникальных и неповторимых особенностей и ценностей культуры, национальной цивилизации, не теряя при этом своих позиций, становится важным элементом деятельности государства по обеспечению национальной безопасности.

Сейчас такое время, когда невозможно сохранить ценности национальной цивилизации и укрепить национальную безопасность, если мы не поставим человека в центр социально-экономического развития и не сделаем адекватных инвестиций в его развитие. По этой причине в настоящее время в центре политики обеспечения государственной безопасности и социально-экономического развития находится задача «построить социально активное общество путем создания возможности каждому получить качественное образование, которое является основой развития страны, и социальной среды, гарантирующей качественную, счастливую жизнь человека и гарантию семейной жизни и ее социальную защиту». В эпоху глобализации жизненно важной общегосударственной задачей становится развитие здорового и всестороннего гражданина Монголии¹. Монгольский народ, монгольская культура, монгольская история, монгольские обычаи и традиции должны быть гордостью и ценностями страны. «Не надо пренебрегать великим делом воспитания монголов, имеющих монгольское сердце, что является залогом независимости Монголии» (Президент Монголии У. Хурэлсух).

В этом залог независимости Монголии и монгольской цивилизации в эпоху глобализации, уникальности всего интеллектуального иммунитета страны и для укрепления национальной безопасности. Одним словом, личная безопасность, права и свободы народа и граждан Монголии являются основным объектом национальной безопасности Монголии.

¹ «Видение 2050». С. 61.

Каждый шаг на пути обеспечения устойчивого развития общества должен быть разумно согласован с подходами, направленными на защиту матери-природы и поддержание экологического баланса... Экологическая система Монголии очень хрупкая. Почва обладает низкой регенеративной способностью, и она больше всего страдает от последствий потепления климата, от опустынивания. Многие водоемы высыхают, леса вырубаются, а множество видов дичи и животных находится под угрозой исчезновения. Это связано в том числе с непродуманной деятельностью по добыче и использованию минеральных ресурсов. Поэтому возрождение матери-природы, ее защита, установление правил использования её богатств, жизнь в гармонии с ней является жиннено важной задачей укрепления национальной безопасности страны.

Одним из главных критериев социального прогресса выступает национальное единство, стабильное развитие общества. Глобализация кроме положительных моментов несет в себе риск увеличения разрыва в уровне экономического развития между странами, усиления социальной дифференциации общества, поляризации доходов богатых и бедных. Как следствие, повышается уровень безработицы, население беднеет, распространяются наркомания, инфекционные заболевания, происходит деградация окружающей среды. Такие вредные явления, как скрытые нарушения прав человека, приобретают всеохватывающий характер. Это ослабляет такие факторы безопасности, как социальная стабильность и национальное единство страны и в каком-то смысле имеет эффект «центробежной» и дезинтеграционной силы в обществе.

Вот почему наряду с такими экономическими и социальными мерами, как поддержание справедливости распределения богатств, настойчивая борьба с безработицей и бедностью, поддержка зажиточного и среднего классов населения, необходимо культивировать и *развивать патриотическое национальное сознание, национальную память и гордость всех граждан, просвещать их. Популяризация национальных ценностей* становится одним из решающих факторов укрепления национальной безопасности. Иными словами, как никогда важно *сформировать и укрепить интеллектуальный иммунитет независимости и безопасности страны.*

Необходимо очень осторожно разграничивать понятия «национальная безопасность» и «безопасность национальной цивилизации». Национальная безопасность относительно тщательно изучена на национальном и международном уровнях, и многие страны имеют свои собственные законы и концепции обеспечения своей безопасности.

Монголия впервые приняла «Концепцию национальной безопасности» в 1994 году и обновила ее в 2010 году, а Закон «О национальной безопасности» действует с 2001 года. Среди них национальная безопасность определяется как «состояние гарантированных внутренних и внешних благоприятных условий для сохранения и защиты коренных национальных интересов Монголии».

Изучение культуры, цивилизации, ее безопасности и ценностей является относительно новым, и здесь пока не достигнуто единое толкование.

В ходе развития человеческого общества люди создали по меньшей мере сорок независимых цивилизаций и испытали следующие «миры жизни», такие как зарождение, развитие, интеграция, универсализация и течение².

В нашем понимании человечество за свою историю пережило пять крупных цивилизационных революций:

- 1) антропологическая революция;
- 2) революция в землевладении и сельском хозяйстве;
- 3) городская революция;
- 4) интеллектуальная и научно-техническая революция.

Все культурные регионы и социальные системы, существовавшие и существующие, рано или поздно прошли через эти этапы революции в своих первоначальных или вновь сформировавшихся формах. В разгар антропологической революции человек оставил переходную стадию своей души и начал изготавливать орудия для работы и оружие борьбы за выживание. Вместе с этим зародилось и развивалось важное средство общения людей – язык. Аграрная революция была по сути революцией землепользования, благодаря которой процветало производство продуктов питания. Что касается революции урбанизации,

² Сравнение наций и культур: чтения в междисциплинарной перспективе. Алекс Инклес и Масамиси С. Сакаки, Прентис Холл, 1996 год; Ц. Доржсурен. Северный Хунн (Северная Хунну). Улан-Батор, 1961; Рамки для сравнительных исследований цивилизаций. Синтаро Ито. Сравнительный обзор цивилизаций, 36. 1997.

то это была революция в социальной системе. Что касается революции производительных сил, то это дало использование сырья и совершенно новых источников энергии (от энергии пара, ветра и солнца до атомной энергии) и объектов инфраструктуры/энергетики. Можно отметить, что технологии передачи и использования энергии, а также роль человеческого фактора существенно меняются. Интеллектуальная революция положила начало возникновению различных религиозно-философских идей с той точки зрения, которая стала поводом для дальнейшего роста и развития человеческого разума в мировом масштабе.

В XVII–XX веках произошла новая революция в развитии человеческой цивилизации, в результате которой были заложены основы индустриального общества, проложен путь к освоению космоса, причем не только атомного, но и нано-, биотехнологического. Развитие компьютерного производства и информационных технологий (ИТ) позволило преодолеть границы пространства и времени, что положило начало новой эпохе и современной информационной цивилизации.

XXI век уникален по своему влиянию на развитие мировой цивилизации. Именно в этом столетии будут созданы условия для развития новых тенденций в глобализации, информатике, технологиях, окружающей среде и природе.

Упомянутые выше факторы являются более доминирующими по содержанию и влиянию, чем такие факторы, как война, промышленность и экономическая интеграция, которые влияли на мировую цивилизацию в прошлые века. Конечно, для того чтобы высвободить эти новые тенденции и закономерности развития цивилизации в новых условиях, особенно важно пересмотреть концепцию теории цивилизации.

В истории общественного сознания выдвигались и выдвигаются различные взгляды на основное содержание понятия «цивилизация». Их предлагали мыслители разных эпох. Научные исследования по этому вопросу сейчас ведутся в широком масштабе. В книге «Культура и цивилизация», изданной ЮНЕСКО в 1994 году, например, понятие «цивилизация» не следует понимать в узком смысле этого слова, т. е. слово, производное от понятия «урбанизация», не должно понимать в таком буквальном переводе. Далее говорится, что это понятие, которое мы изучаем, имеет более широкое содержание в своем значении. Это

понятие охватывают всю сферу социальной жизни, этики, культуры, быта, национальной письменности, образования, технологии, науки и искусства и представляет собой гармоничное сочетание всего этого. Если вдуматься, то в его основе лежит концепция, включающая в себя всю среду и образ жизни человека, его многочисленные социальные группы начиная от семей и заканчивая этносом и нацией. Мы считаем это определение более точным определением, обобщающим результаты научных авторитетных исследований современной цивилизации.

Существуют три независимых научных подхода к изучению цивилизации³:

- 1) формационный подход;
- 2) глобально-системный подход;
- 3) гражданские установки.

В последнее время внимание ученых всё больше приковано к дальнейшей судьбе цивилизации. Ученые в этой области *разработали картину (сценарий), охватывающую масштабы глобализации и обособленности.*

На основе сравнения следующих шести сценариев мы попытались высказать свои мысли и позиции по этому поводу⁴:

1. Суть первого сценария («сценарий единения») состоит в том, что весь мир предлагает перейти к одной цивилизации, т. е. западной цивилизации, а все остальные отдать в «музей» как «экспонаты», прошедшие время цивилизации. На наш взгляд, данная концепция тенденциозна и неадекватно отражает дальнейшую судьбу оптимального развития различных зон жизнедеятельности человека.

2. Предлагается сценарий развития цивилизации, сочетающий традиции и инновации, «комбинированный путь» медленной эволюции. Учитывая вышеизложенное, считается, что данный сценарий более точно отражает логику развития цивилизации.

3. Третий сценарий заключается в том, что изменения в развитии локальных цивилизаций не следует рассматривать как результат внешнего давления, поскольку считается, что многие

³ Культуры и цивилизации, Комплексное изучение Шелкового пути. Издательство ЮНЕСКО, 1994.

⁴ Б. Энхтувшин, М. Тумурджав, Г. Чулуунбаатар. Кочевники: цивилизации, культуры и развитие // Международный симпозиум по кочевникам и использованию частей сегодня : сборник тезисов. Улан-Батор, 1999.

из них обладают «внутренним иммунитетом» против любой гегемонии и доминирования. Согласно этому сценарию, эволюция и изменение цивилизаций являются не «необходимостью» процесса социально-экономической глобализации и развития, эволюционные процессы могут быть только «помощью и поддержкой» общего прогресса. Однако этот сценарий не очень убедителен. Это потому, что он имеет тот недостаток, что переоценивает «внутренний иммунитет культуры», оставляя за пределами поля зрения специфику локальной или национальной цивилизации и рассматривая все абстрактно.

4. Четвертый сценарий подходит к местной цивилизации с той точки зрения, что ее нельзя заставить модифицировать или «улучшить» ее, поскольку она может выжить такой, какая есть. Ни одна цивилизация не является внутренне противоречивой. На наш взгляд, такой взгляд на будущее цивилизации также не очень рационален, потому что проповедует ограниченность локальной и национальной культуры.

5. Пятый сценарий гласит, что не нужно специально рассматривать развитие и трансформацию цивилизаций, следует лишь уделять как можно больше внимания развитию биотехнологий и информации как факторам совершенствования. Некоторые доказательства этой концепции заслуживают внимания, и мы считаем, что на первый план, мягко говоря, выдвигаются два фактора, оказывающие сильнейшее влияние на развитие современной цивилизации.

6. Наконец, шестой сценарий должен ориентироваться не на гегемонию западной цивилизации, ибо ее время уже прошло, а на создание «поля конвергенции культур» с опорой преимущественно на восточную цивилизацию. На наш взгляд, этот сценарий также не в полной мере отражает будущее развитие цивилизации, поскольку противопоставляет друг другу два древних традиционных образца культуры. Таковы различные сценарии будущего развития цивилизации.

Взаимозависимость глобализации и цивилизации справедливо входит в число важнейших вопросов, которым уделяют внимание ученые. Многие из них считают, что глобализа-

ция — это безграничный перенос капитала, технологий и духовных ценностей⁵. Гибкое государственное регулирование и межгосударственные отношения, ускоряющие развитие, вероятно, станут фактором укрепления сотрудничества. Например, считается, что она имеет потенциал ослабить и подорвать независимость стран, расширить различия в уровне развития стран и усилить конфликты. Широко распространено мнение, что воздействие представляет собой двойной процесс. Глобализация объясняется как процесс сосуществования, взаимопроникновения, конфликта и борьбы.

Интересно рассмотреть основные границы развития монгольской цивилизации согласно сказанному выше. Технологии и образ жизни, используемые монголами, имеют долгую историю, начавшуюся во втором тысячелетии до нашей эры. Монгольская культура рассматривается как один из очагов кочевой цивилизации.

Кочевники-монголы — народ, внесший значительный вклад в развитие человеческой истории и цивилизации. Например, монголы создали уникальный круглый дом под названием гер, который очень легко построить и разобрать; также одной из исторических заслуг евразийских кочевников было использование в качестве транспортных средств верблюдов и лошадей. Кроме того, монголы разработали технологию переработки животноводческого сырья и пошива национальной одежды. Но главное, они создали знаменитый Шелковый путь, соединивший Азию и страны Европы. И именно благодаря Шелковому пути начал развиваться культурный обмен между Западом и Востоком, что открывает широкие возможности для взаимосвязанного развития. Возникновение кочевого образа жизни создало условия для формирования первого крупного разделения труда, способствовало созданию и совершенствованию боевого оружия, сыграло очень важную роль в создании новой языковой группы.

Заслуга наших предков состоит в том, что они не только основали город (Хархорин), но и создали цивилизацию многих завоеванных ими народов, создав современную почтовую связь, технологию товарообмена и бумажную валюту.

⁵ Л. Тудев. Глобализация и изоляция.

Окада Хидехиро: «Чингисхан стал отцом не только монгольской нации. Более того, потомки Чингиса расселились из Азии в Европу, основали множество государств, соединили мир Востока и Запада. С XIII века ход человеческой истории изменился. Чингисхан был человеком, открывшим дверь в новую эпоху. Империя, основанная Чингисханом в XIII веке, породила после XIV века множество новых стран, которые сегодня стали главными странами мира. Китай, Корея, Индия, Турция, Россия и тюркоязычные исламские страны Центральной Азии являются государствами-преемниками Монгольской империи... Чингисхан создал мир»⁶.

В настоящее время – в эпоху глобализации, развития науки и информационных технологий – обеспечение безопасности национальной цивилизации путем сохранения и развития ее уникальных и неповторимых красок, разумного регулирования некоторых противоречий современной (оседлой) и кочевой цивилизаций является основной задачей развития монгольской нации.

Список использованной литературы

1. Амар А. Краткая история Монголии. Улан-Батор, 1936.
2. Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Улан-Батор, 2008, 2011, том I.
3. Даш-Ёндон Б. Источники древней греческой философской мысли. Том 3 (на монгольском языке).
4. Даш-Ёндон Б. Время: думы о философии. Улан-Батор, 2012. С. 54–56
5. Далай Ч. История Монголии. Империя Монголии (1206–1260). Т. 2. Улан-Батор, 1994 (на монгольском языке)
6. Нацагдорж Ш. Краткая история Монголии под властью Маньчжурии. С. 27, 29.
7. Болдбаатар Ж. Лүндээжанцан Д. Исторические традиции государственности и права Монголии. Улан-Батор, 1997 (на монгольском языке)
8. Болдбаатар Ж. История Монголии. Улан-Батор, 2008 (на монгольском языке)
9. Культура и цивилизация. Комплексное исследование Шелкового пути. Издательство ЮНЕСКО. 1994 г.

⁶ Чингисхан и его потомки. 2019.

9. Жүгдэр Ч. Взгляды Чингис-хана на государственность и военное искусство. Улан-Батор, 1990 (на монгольском языке)
10. МНТ / Священное писание монголов. Улан-Батор, 2005.
11. История Монголии. (5 томов). Том 3. (XIV–XVII вв.). Улан-Батор, 2004 (на монгольском языке).
12. Сайшаал. Собрание истории Чингис-хана. Улан-Батор, 2004.
13. Тудев Л. Глобализация и обособленность. Улан-Батор. 2002.
14. Болд Р. Геополитика и Монголия. Академия управления Монголии. Сборник научных трудов. Улан-Батор, 2017.
15. Урадын Э. Булаг. Моя нация и твои проблемы. Гао Чань, Ван Ниншинь // Монголын унэн = Правда Монголии. 2017. (перевод Ч. Мунхтула)
16. Балжинням Б. Полное собрание истории Монголии. Улан-Батор, 2005, том II.
17. Сосорбарам Ч. Геополитика Чингис-хана. Улан-Батор, 2012.

Информация об авторе

Н. Жалбажав — директор Института правовых исследований Шихихутугского университета, доктор философских наук (PhD), профессор.

Author

N. Zhalbazhava — Director of Law Research Development Center, Shihihutug University, Mongolia, PhD, Professor.

ОЦЕНКА РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ КАК ПРАВОТВОРЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ВЫЯВЛЕНИЯ И УСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДЕЛОВ СФЕРЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Оценка регулирующего воздействия как правотворческая технология и одноименный вид юридической деятельности может быть использована для выявления и установления пределов сферы правового регулирования с точки зрения таких критериев, как полнота регулирования общественных отношений, легитимность права и эффективность права. Анализ закрепления и воплощения ОРВ в Российской Федерации и Республике Беларусь позволяет сделать вывод о возможности использования взаимного положительного опыта для дальнейшего совершенствования рассматриваемой правотворческой технологии, в том числе и для выявления и установления пределов сферы правового регулирования.

Ключевые слова: оценка регулирующего воздействия; правотворческая технология; пределы правового регулирования; сфера правового регулирования.

E.S. Zaytseva

ASSESSMENT OF REGULATORY IMPACT AS A LAW-MAKING TECHNOLOGY FOR IDENTIFYING AND SETTING THE LIMITS OF THE SPHERE OF LEGAL REGULATION IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS

Regulatory impact assessment as a law-making technology and the type of legal activity of the same name can be used to identify and establish the limits of the scope of legal regulation in terms of such criteria as the completeness of regulation of social relations, the legitimacy of law and the effectiveness of law. An analysis of the consolidation and implementation of RIA in the Russian Federation and the Republic of Belarus allows us to conclude that it is possible to use

mutual positive experience to further improve the law-making technology under consideration, including to identify and establish the limits of the scope of legal regulation.

Key words: regulatory impact assessment; law-making technology; limits of legal regulation; scope of legal regulation.

Значимой правотворческой технологией, направленной на выявление и установление пределов сферы правового регулирования, является оценка регулирующего воздействия (далее – ОРВ). Появившись в 60-е гг. XX в., на сегодняшний день ОРВ имеет широкое распространение и активно применяется более чем в 60 государствах, в том числе и на постсоветском пространстве. В Российской Федерации оценка регулирующего воздействия появилась в 2010 году, в Республике Беларусь гораздо позже – в 2018 г.

В юридической литературе оценка регулирующего воздействия рассматривается как метод (анализ) [5, с. 102] или процесс(процедура) анализа [1, с. 71], а также как институт [6, с. 116], как технология [4, с. 35] или ее элемент [3, с. 110].

На наш взгляд, ОРВ – это прежде всего правотворческая технология, направленная на анализ проектов нормативных правовых актов и регулируемых ими общественных отношений, с целью выявления необходимости и обоснованного выбора способа правового регулирования общественных отношений на основе анализа альтернативных вариантов и возможных положительных и (или) отрицательных последствий (экономических, социальных, экологических) введения такого регулирования, а также обеспечения возможности учета мнений лиц, интересы которых затрагиваются предлагаемым правовым регулированием. Как и любая технология, ОРВ предполагает наличие определенных этапов, методов и средств. Указанная правотворческая технология выступает в качестве основы одноименной юридической деятельности.

И теоретически, и практически ОРВ можно рассматривать как правотворческую технологию, направленную на выявление и установление пределов сферы правового регулирования, позволяющую оценить «необходимость самого акта и выбор средств, используемых в нем» [2, с. 104]. Если в результате мониторинга, как правило, выявляются проблемы недостаточного

правового регулирования, то оценка регулирующего воздействия в большей степени направлена на выявление его избыточности. Избыточность обязанностей, запретов и ограничений – это и есть основной показатель, который рассматривается в процессе оценки регулирующего воздействия. Кроме того, в процессе ОРВ взвешиваются (или должны взвешиваться) альтернативные варианты решения проблем, в том числе и путем поиска баланса между правовыми и иными социальными регуляторами, а также между правовым регулированием и саморегулированием.

И в Российской Федерации, и в Республике Беларусь при регулировании ОРВ этой проблеме уделено определенное внимание, но в Республике Беларусь это делается более акцентированно. В «Методических рекомендациях по проведению оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов на условия осуществления предпринимательской деятельности при определении цели (целей) принятия (издания) нормативного правового акта» обозначена необходимость анализа различных вариантов решения проблемы, в том числе и без введения дополнительного правового регулирования. Этому вопросу посвящено самостоятельное приложение 2 Методических рекомендаций, где подробно описаны возможные варианты решения проблемы, которые следует рассмотреть при оценке принимаемого нормативного правового акта. Из восьми подлежащих оценке вариантов только два связаны с корректировкой текущего правового регулирования либо введением нового. Все остальные предполагают иные неправовые варианты решения проблемы. Так, первый вариант обозначен как «статус-кво» и рассматривается как базовый сценарий, предусматривающий оценку развития ситуации без введения каких-либо дополнительных мер. Следующий вариант «Информирование и образование» предполагает использование информационных мер (через СМИ), позволяющих наращивать потенциал заинтересованных лиц. Третий вариант обозначен как «Саморегулирование» и предполагает создание таких условий, когда заинтересованные субъекты могут самостоятельно определять для себя необходимые правила жизнедеятельности на основе принятых ими же кодексов поведения, кодексов этики и т.д. Далее вариант «Совместное регулирование», который является аналогом само-

регулированию, но уже с привлечением государственных органов. Пятый вариант «Рыночные средства» предполагает использование финансовых стимулов для бизнеса и граждан с целью корректировки их поведения. Отдельно отметим, что Методические рекомендации в качестве самостоятельного варианта предусматривают также сочетание различных вариантов с целью достижения наилучших результатов в решении обозначенной проблемы.

В Российской Федерации обращение к этой проблеме прослеживается в пункте 3.13 формы сводного отчета оценки регулирующего воздействия, который предполагает «описание предлагаемого регулирования и иных способов решения проблемы, в том числе наличия и эффективности применения альтернативных мер по недопущению причинения вреда (ущерба) причиняемым законом ценностям с приведением обоснования отказа от выбора соответствующих альтернативных мер»

¹. Следует отметить, что методика осуществления оценки регулирующего воздействия, действующая до 1 февраля 2024 года, предусматривала требование оценки возможности решения проблемы без введения дополнительного правового регулирования (п. 2.3)². Более того, п. 3.4.7 методики проведения оценки регулирующего воздействия предусматривал анализ причин невозможности устранения проблемы самими участниками соответствующих общественных отношений (без вмешательства государства) требование обоснования невозможности

¹ Форма сводного отчета о проведении оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов. Приложение № 2 к Приказу Министерства экономического развития РФ от 28 сентября 2023 г. № 676 «Об утверждении методики оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, формы сводного отчета о проведении оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, состава и содержания сведений сводного отчета о проведении оценки регулирующего воздействия для проектов нормативных правовых актов со средней и низкой степенью регулирующего воздействия // <http://orv.gov.ru/Content/List?cat=42>.

² Методика осуществления оценки регулирующего воздействия. Приложение № 3 к Приказу Министерства экономического развития РФ от 27 мая 2013 г. № 290 «Об утверждении формы сводного отчета о проведении оценки регулирующего воздействия, формы заключения об оценке регулирующего воздействия, методики оценки регулирующего воздействия» // <http://orv.gov.ru/Content/List?cat=42>.

решения проблемы без введения нового правового регулирования при составлении сводного отчета³. В новой методике подобные требования отсутствуют. Таким образом, можно констатировать, что в Республике Беларусь «де-юре» проблеме пределов правового регулирования и возможных альтернативных вариантов решения проблем вне правового регулирования уделено более существенное внимание, чем в Российской Федерации.

В процессе осуществления ОРВ оценивается целый ряд критериев выявления и установления пределов сферы правового регулирования, обусловленных свойствами самого права, такие как, полнота регулирования общественных отношений, легитимность и эффективность права.

В первую очередь критерием выявления и установления пределов сферы правового регулирования, который оценивается в процессе ОРВ, является полнота регулирования общественных отношений. По сути одна из целей ОРВ – это анализ проектов нормативных правовых актов с точки зрения избыточности правового регулирования. Это находит отражение в документах, регулирующих осуществление указанной правотворческой технологии и в Российской Федерации⁴, и в Республике Беларусь⁵.

Легитимность права как критерий выявления и установления пределов сферы правового регулирования тоже подлежит оценке в процессе ОРВ. Это обусловлено привлечением экспертного сообщества, которое является адресатом принимаемых нормативных правовых актов и имеет возможность до принятия акта выразить либо свою поддержку, либо неодобрение посред-

³ Методика осуществления оценки регулирующего воздействия. Приложение № 3 к Приказу Министерства экономического развития РФ от 27 мая 2013 г. № 290 «Об утверждении формы сводного отчета о проведении оценки регулирующего воздействия, формы заключения об оценке регулирующего воздействия, методики оценки регулирующего воздействия» // <http://orv.gov.ru/Content/List?cat=42>.

⁴ Правила проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и проектов решений Евразийской экономической комиссии, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 17 декабря 2012 г. № 1318) // <http://government.ru/docs/all/85425>.

⁵ Инструкция по прогнозированию последствий принятия (издания) проектов нормативных правовых актов, утвержденная Постановлением Совета Министров Республики Беларусь 25.01.2019 № 54 // <http://government.by/upload/docs/filead5898b3e26d1e5c>.

ством процедуры публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов, предусмотренной и в Российской Федерации, и в Республике Беларусь.

Если рассматривать такой критерий выявления и установления пределов сферы правового регулирования, как эффективность права, то в процессе ОРВ оценивается целый ряд показателей этого критерия. Во-первых, это такие показатели, как определение цели принимаемого нормативного правового акта (есть или нет) и отражение цели в предписаниях нормативного правового акта (есть/нет). Следует отметить, что и в Российской Федерации, и в Республике Беларусь при осуществлении ОРВ определению цели (целей) принятия (издания) нормативного правового акта уделяется особое внимание.

В Российской Федерации этому посвящен п. 27.16 Методики оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, где обозначены основные требования к формулировке целей, такие как конкретность, измеримость, понятность, однозначность, определенность сроков достижения. В Республике Беларусь этому вопросу посвящена самостоятельная глава Методических рекомендаций⁶, где обозначены основные показатели оценивания цели – это конкретность, измеримость, приемлемость, достижимость и определенность, понятность для всех участников общественных отношений; степень достижения с учетом временных факторов; соответствие интересам национальной безопасности, государственной политике в соответствующей сфере, целям устойчивого развития. Обращается внимание, что цель следует определять в поддающихся оценке состояниях с тем, чтобы можно было проверить ее достижение.

Во-вторых, в процессе ОРВ может быть затронут такой показатель как противоречие норм права с иными социальными и естественно-природными регуляторами (есть/нет). И здесь опять можно обратиться к положительному опыту Республики Беларусь, где в Методических рекомендациях предлагается увязывать цели НПА с существующими проблемами и причинами их возникновения и при анализе вариантов решения проблемы рассматривать альтернативные меры, в том числе и неправового характера (п.п.13–14). Параллельная оценка как правовых, так и

⁶ Глава 4 Методических рекомендаций по проведению оценки регулирующего воздействия проекта нормативного правового акта на условия осуществления предпринимательской деятельности // <https://economy.gov.by/ru/metodi4ka-ru>.

неправовых мер позволяет выявлять возможные противоречия предполагаемых правовых норм с другими социальными и естественно-природными регуляторами.

В-третьих, это показатель соразмерности затраченных средств поставленной цели и полученным результатом. (средства юридические, материальные, финансовые, человеческие) (соразмерны/несоразмерны). На сегодняшний день в Российской Федерации акцент делается на материальных и финансовых ресурсах. В Республике Беларусь отмечается необходимость соотношения позитивных и негативных последствий от вновь вводимого правового регулирования, с учетом оценки негативных последствий на материальные, природные и человеческие ресурсы. В процессе публичного обсуждения проекта нормативного правового акта, участниками предлагается ответить на вопрос: «существуют ли альтернативные (менее затратные и (или) более эффективные) способы решения проблемы» (п. 28)⁷.

Подводя итог, необходимо отметить следующее. Оценка регулирующего воздействия – это правотворческая технология, направленная на анализ проектов нормативных правовых актов и регулируемых ими общественных отношений, с целью выявления необходимости и обоснованного выбора способа правового регулирования общественных отношений на основе анализа альтернативных вариантов и возможных положительных и (или) отрицательных последствий (экономических, социальных, экологических) введения такого регулирования, а также обеспечения возможности учета мнений лиц, интересы которых затрагиваются предлагаемым правовым регулированием. Технология ОРВ служит основой для одноименного вида деятельности. Потенциально – это одна из наиболее действенных правотворческих технологий выявления и установления пределов сферы правового регулирования, позволяющая дать оценку таким критериям как полнота регулирования общественных отношений, легитимность права и эффективность права. Анализ закрепления и воплощения ОРВ в Российской Федерации и Республике Беларусь позволяет сделать вывод о возможности использования взаимного положительного опыта для дальнейшего совершенствования рассматриваемой правотворческой

⁷ Методические рекомендации по проведению оценки регулирующего воздействия проекта нормативного правового акта на условия осуществления предпринимательской деятельности // <https://economy.gov.by/ru/metodi4ka-ru>.

технологии в том числе и для выявления и установления пределов сферы правового регулирования.

Список использованной литературы

1. Андреева Л.А. Оценка регулирующего воздействия (правовой аспект) / Л.А. Андреева // Вопросы современной юриспруденции. – 2016. – № 12 (62). – С. 70–82.

2. Давыдова М.Л. Оценка регулирующего воздействия как разновидность правотворческих экспертиз и инструмент умного регулирования / М.Л. Давыдова // Юридическая техника. – 2022. – № 16. – С. 103–108.

3. Исаев А.В., Плахов А.В. Оценка регулирующего воздействия в практике публичного управления: политико-правовое содержание / А.В. Исаев, А.В. Плахов // Среднерусский вестник общественных наук. – 2019. – Т. 14. – № 3. – С. 108–122.

4. Лукьянова В.Ю. Юридические технологии правового анализа / В.Ю. Лукьянова // Журнал российского права. – 2018. – № 11 (263). – С. 25–40.

5. Сехин И.В. Интенсивность правового регулирования общественных отношений (на примере оценки регулирующего воздействия) / И.В. Сехин // Новации юридической науки и практики как фактор гармонизации взаимоотношений личности, общества и государства. материалы Международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2017. – С. 101–103.

6. Черногор Н.Н., Залоило М.В. Актуальные проблемы правотворчества: учебное пособие / Н.Н. Черногор, М.В. Залоило. М., 2018. – 144 с.

Информация об авторе

Екатерина Сергеевна Зайцева – докторант научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат исторических наук, доцент; e-mail: zay_tseva@mail.ru.

Author

Ekaterina Sergeevna Zaytseva – doctoral student of the research department of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of historical sciences, associate professor; e-mail: zay_tseva@mail.ru.

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ: НЕКОТОРЫЕ ВЕКТОРЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Доклад носит характер постановки проблемы, стремясь наметить направления возможных исследований таких диаметрально противоположных, самостоятельных и обширных форм дискурса как философские основания отечественной юридической науки в советский период и на современном этапе развития. Целью является сравнительный анализ и выявление эвристического потенциала. Говоря о философских основаниях юридической науки, мы имеем ввиду исследование метатеоретического уровня научного знания, которого советская философия права, построенная на принципах диалектического материализма, «не замечала», поскольку сам диалектический материализм считался объективно истинным знанием, поэтому не могло быть никакой другой философии права. В свою очередь, современная российская неклассическая философия права, отбросив диалектику и проникнувшись доктриной постмодернизма, доходит в своем релятивизме и субъективном идеализме до определений права, как чего-то номинального и сконструированного, не имеющего самодовлеющего начала.

Ключевые слова: философские основания советской юридической науки; философские основания современной российской юридической науки; онтология; эпистемология; методология; аксиология.

D.V. Zykov

PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF DOMESTIC LEGAL SCIENCE: SOME RESEARCH VECTORS

The report is in the nature of a problem statement, trying to outline the direction of possible research into such diametrically opposed, independent and extensive forms of discourse as the philosophical foundations of domestic legal science in the Soviet period and at the present stage of development. The goal is comparative

analysis and identification of heuristic potential. Speaking about the philosophical foundations of legal science, we mean the study of the metatheoretical level of scientific knowledge, which the Soviet philosophy of law, built on the principles of dialectical materialism, “did not notice,” since dialectical materialism itself was considered objectively true knowledge, and therefore there could be no other philosophies of law. In turn, modern Russian non-classical philosophy of law, having discarded the dialogue and imbued with the doctrine of postmodernism, reaches in its relativism and subjective idealism to the definition of law as something nominal and constructed, without a self-sufficient beginning.

Key words: philosophical foundations of Soviet legal science; philosophical foundations of modern Russian legal science; ontology; epistemology; methodology; axiology.

Как показывают современные исследования в классической теории познания выделялись два уровня научного познания: эмпирический и теоретический [1, с. 394–398], в современной эпистемологии выделяются четыре уровня научного знания: чувственный, эмпирический, теоретический и метатеоретический [2, с. 7–20]. Метатеоретический уровень знания подразделяется на два подуровня: общенаучного знания и философских оснований науки [3, с. 70]. В сравнительном ракурсе общепринятые философские основания отечественной юридической науки в советский период и на современном этапе развития с целью выявления принципиальных отличий, «сухого остатка» прошлых и настоящих убеждений, произошедших или назревающих изменений в текущий момент времени, возможно изучать согласно основным разделам философии: онтологические, гносеологические, методологические, аксиологические. К примеру, онтологические и гносеологические основания юридической науки советского периода и современной российской науки о праве претерпели существенные изменения. Советская философская мысль характеризуется классикоориентированным универсалистским мышлением о субстанции, формах, сущности, функциях права и государства, стремясь дать этим феноменам окончательное объяснение (эссенциализм) как самодостаточным реальным феноменам. Здесь характерно единство гносеологии и онтологии. Мир состоит из энергии-материи, он объективно реален, реальность его тождественна материальности,

все что существует реально и подчинено в своем развитии диалектическим законам, познав которые мы познаем мир. Право есть воля господствующего класса. И если господствующим классом является пролетариат, тогда его аксиология связывает возможности права с служением в достижении необходимых трансформаций, обращенных к конечной цели построения справедливого общества. Право исследуется как объективный регулятор, чтобы выявить его взаимосвязи с иными сферами общества – экономикой, политикой, исторической ситуацией, менталитетом, религией, моралью, культурой в целом с целью найти закономерности его функционирования.

Философские основания современной юриспруденции совершенно иные. Методология в современной юриспруденции по своей сути сводится к исходному пункту – правопониманию. Либо, как справедливо замечается в юридической литературе, вообще происходит «вытеснение правового регулирования ценностно-целевым обоснованием политических и управленческих решений...», что, в частности, воочию наблюдается в современных международных отношениях [4]. Современная российская философская мысль фактически отрицает осуществимость амбиций диамата, заостряя внимание на неклассических и постнеклассических подходах к праву, акцентирующих внимание на релятивности, контекстуальности, психологизме, алогизме [5], принципиальной незавершенности данного феномена, его инструменталистской многоликостью несамостоятельной производной «сущности», исключительно зависимой от онтологических допущений теории [6, с. 49, 75], в целом неизбежной предпосылочности знания, обусловленности историческим, социальным, культурным и физическим априори [7, с. 13–17]. Советское социалистическое правопонимание выстраивалось на началах социалистической законности, приоритете государственной собственности, обязательности коммунистической идеологии приоритета общего над частным, примата коммунального коллективного менталитета над деловым и индивидуалистическим [8, с. 185–236]. Современное российское правопонимание явилось полным антиподом и противоположностью советскому, представляя собой сложное образование, сочетающее элементы нормативизма и идеализма, социологизма и историзма, либерализма и антилиберализма, устремлений к истине и скатывания в агностицизм. Доктрина постмодерна отрицает концепцию

объективной реальности, утверждая, что все существующее ментально, а значит нам даны лишь знаки вещей, но не вещи сами по себе. Право и государство есть лишь конструкции нашего ума [9]. И поскольку умов множество, и они различны по составу и уровню, постольку право и государство лишь многоликие реминисцентные проекции нашего сознания.

Произошли изменения в целях и ценностях науки о праве и государстве. Аксиологические основания делятся на внутренние и внешние. Внутренние основания есть основания науки, имманентные именно для нее, отличающие ее от других видов познавательной деятельности. Это так называемые идеалы и нормы науки: объективность, доказательность, системность, логичность, методологичность, определенность, воспроизводимость результатов, точность. Во внутренних основаниях современной российской юриспруденции произошли изменения по сравнению с советской, но не настолько кардинальные, чтобы сосредотачивать на них особое внимание в рамках короткого доклада. Основные изменения произошли во внешних ценностно-целевых основаниях российской юриспруденции в сравнении с советской. Советская наука о государстве и праве придерживалась классической аксиологии: объективная истина, универсальный метод, бескорыстное служение науке, полное исключение субъекта из познавательного процесса, мышление об объекте, интернализм. Довольно большая часть современной российской науки о праве и государстве находится под влиянием неклассических и постнеклассических ценностных установок: вероятностное знание, дополнительность описаний, конструктивизм, плюрализм методов и подходов, толерантность, экологическая, антикоррупционная, гуманитарная экспертиза научных проектов, ориентированность на решение конкретных проблем и больших вызовов, экстернализм. Находясь при этом, как представляется, в противоречии с попытками основывать правопорядок на идеалах верховенства права, реальной, а не идеологической законности, разделении властей, демократизме, конституционализме. Насколько это получается и насколько это все не лицемерие, стоящего за этим либеральным фасадом господствующего класса олигархии, также следует «заново» исследовать, с учетом опыта прошлого.

Поскольку данные дискурсы сформированы, антагонистичны, представляют собой факты отечественной истории развития правовой мысли и юридической практики, постольку интересно было бы проследить, а что, собственно, в итоге в контексте каждого из них добились и какова «объективная ценность» этих достижений в приращении знаний о праве и государстве.

Список использованной литературы

1. Алексеев П.В. Научное познание: гл. 19 / П.В. Алексеев // *Философия: учебник* / П.В. Алексеев, А.П. Алексеев, А.В. Панин. – М., 2022. С. 370–408.
2. Лебедев С.А. Уровневая структура научного знания / С.А. Лебедев // *Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия»*. – 2021. – № 2 (56). – С. 7–20.
3. Лебедев С.А. Уровни знания / С.А. Лебедев // *Вопросы философии*. – 2010. – № 1. – С. 62–75.
4. Тарасов Н.Н. О некоторых методологических проблемах нашего права и правоведения / Н.Н. Тарасов // *Академический юридический журнал*. – 2020. – № 2 (80). – С. 4–12.
5. Честнов И.Л. Юридическое мышление в постклассическом измерении / И.Л. Честнов // *Юридическое мышление: классическая и постклассическая парадигмы: коллективная монография* / под ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. – СПб., 2020. – С. 12–38.
6. Тимошина Е.В. Право как «идея», как «фикция» и как «факт»: о номинализме и реализме в теории права / Е.В. Тимошина // *Труды государства и права Российской академии наук*. – 2013. – № 4. – С. 48–75.
7. Лебедев С.А. Проблема истины в естествознании и социально-гуманитарных науках / С.А. Лебедев // *Философия социальных и гуманитарных наук: учеб. пособие для вузов*. – М., 2008. – С. 11–68.
8. Зиновьев А.А. Логическая социология / А.А. Зиновьев. – М., 2008. – 610 с.
9. Разуваев Н.В. Государство как правовая конструкция / Н.В. Разуваев // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. – 2016. – № 2 (325). – С. 110–121.

Информация об авторе

Дмитрий Валерьевич Зыков – доцент кафедры конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета, кандидат юридической наук; e-mail: zyk9@yandex.ru.

Author

Dmitry Valerievich Zykov – Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Volgograd State University, Candidate of Legal Sciences; e-mail: zyk9@yandex.ru.

**ПОЛНОМОЧИЯ ПРОКУРОРОВ РОССИИ
И КАЗАХСТАНА В ОТНОШЕНИИ СМИ,
РАСПРОСТРАНЯЮЩИХ ФЕЙКОВУЮ
ИНФОРМАЦИЮ: СРАВНИТЕЛЬНО-
ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

Статья посвящена актуальным проблемам состава и содержания полномочий прокуроров стран России и Казахстана в отношении СМИ, распространяющих фейковую информацию. Важность темы заключается в исследовании практики реагирования надзорными органами на фейковую информацию, размещенную в СМИ с позиций установления эффективности состава тех или иных мер, в условиях сложной политической обстановки. Отдельное внимание акцентировано на специфике современных информационных каналов связи и влиянии фейковых новостей на общественно-политическую жизнь и социально-политическую стабильность в обществе. Делается вывод, что за последние годы внимание к фейковой информации, размещаемой в СМИ, повысилось, так как усилилось влияние данного фактора на стабильность и устойчивость общества. Как результат, полномочия прокуроров, в России, касаясь исследуемого вопроса, были заметно расширены. В то же время, как показал проведенный анализ, в Казахстане несколько иной подход к регулированию данного вопроса, что закономерно, учитывая разные исторические, культурные и политические особенности стран.

Ключевые слова: фейковые новости; фейковая информация; полномочия прокуроров; недостоверная информация; приостановка деятельности СМИ; прекращение действия лицензии на вещание; мониторинг СМИ.

**THE POWERS OF THE PROSECUTORS
OF RUSSIA AND KAZAKHSTAN IN RELATION
TO THE MEDIA SPREADING FAKE INFORMATION:
A COMPARATIVE LEGAL STUDY**

The article is devoted to the actual problems of the composition and content of the powers of prosecutors of the countries of Russia and Kazakhstan in relation to the media distributing fake information. The importance of the topic lies in the study of the practice of the supervisory authorities' response to fake information posted in the media from the standpoint of establishing the effectiveness of certain measures in a difficult political situation. Special attention is focused on the specifics of modern information communication channels and the impact of fake news on socio-political life and socio-political stability in society. It is concluded that in recent years, attention to fake information posted in the media has increased, as the influence of this factor on the stability and sustainability of society has increased. As a result, the powers of prosecutors in Russia, with regard to the issue under investigation, have been significantly expanded. At the same time, as the analysis showed, Kazakhstan has a slightly different approach to regulating this issue, which is natural, given the different historical, cultural and political characteristics of the countries.

Keywords: fake news; fake information; powers of prosecutors; false information; suspension of media activities; termination of a broadcasting license; media monitoring.

Информационное пространство на современном этапе отличается значительным разнообразием, как результат, стала широко доступной не только объективная информация, но и сведения, которые попадают под категорию «фейковые».

Л.М. Сурнина отмечает, что понятие «фейковые новости» (fake news) появилось достаточно давно, однако широкое распространение получило после 2016 года и тесно связано с выборами президента Дональда Трампа [2, с. 22]. В целом в современных исследованиях нет каких-либо разночтений в части трактовки сущности и содержания данного понятия, фейковые

новости – это недостоверные новости, содержащие в себе лживую информацию, основным каналом их распространения служат средства массовой информации (далее – СМИ).

Размещение в СМИ фейковой информации может преследовать самые различные цели, например, привлечь дополнительных читателей за счет нездоровых сенсаций. Однако в отдельных случаях последствия фейковой информации и фейковых новостей могут быть гораздо более серьезными, особенно в ситуации, когда общество уже находится в состоянии определенного «перегрева». В этом случае, фейковые новости могут стать причиной дестабилизации обстановки в обществе и стать толчком к протестным явлениям.

Р.Ш. Бикбулатова, исследуя специфику современных фейковых новостей, пришла к выводу, что им присущи следующие характеристики: высокая скорость распространения по всему миру, благодаря доступности интернета; рост зависимости населения от социальных сетей и мобильных устройств; низкий порог вхождения в поле «массовой информации», любой гражданин, владеющий элементарными навыками работы с мобильными устройствами, может создать собственный ютуб-канал; политизация и коммерциализация медиа-каналов, как результат, отдельные каналы и блогеры используют фейковую информацию в целях продвижения собственных информационных ресурсов [1, с. 24].

Согласно последним данным, начиная с 2021 года число фейковых новостей, размещаемых в СМИ, увеличилось в 8 раз за два года, общее число фейков по данным за 2023 год достигает 12,5 млн новостей. В 2024 год прогнозируется их рост до 15 млн. ед.¹

Учитывая возрастающее влияние фейковых новостей на стабильность социально-экономической и политической жизни общества, можно констатировать рост полномочий прокуратуры в отношении СМИ за последние годы в Российской Федерации.

Полномочия прокуратуры Российской Федерации установлены в Федеральном законе от 17 января 1992 г. № 2202-І

¹ В России определили главные фейки 2023 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/3847932>

«О прокуратуре Российской Федерации»². Однако его положения носят общий характер и определяют полномочия работников прокуратуры в разрезе организационной структуры надзорного органа и по ключевым направлениям надзорной деятельности.

В контексте темы данной статьи необходимо упомянуть Приказ Генерального прокурора России от 17.05.2018 г. № 296 «О взаимодействии органов прокуратуры со средствами массовой информации и общественностью». Непосредственное отношение к исследуемой проблеме имеет п. 1.5 указанного приказа, в соответствии с которым прокуроры должны «обеспечивать тщательную проверку данных, готовящихся для освещения в средствах массовой информации»³. В данном случае, работники прокуратуры обязываются проверять информацию, исходящую непосредственно от прокуратуры Российской Федерации, которая подготавливается к размещению в СМИ. Как видно из содержания документа, приказ в большей степени направлен на то, чтобы непосредственно сами органы прокуратуры Российской Федерации размещали актуальную достоверную информации в СМИ, в том числе и освещали уголовные дела и обстоятельства, вызывающие повышенный общественный интерес, что будет способствовать формированию объективного и беспристрастного информационного поля.

Помимо этого, п. 4 пп. 4.1 прокурорам предписано ежедневно осуществлять мониторинг ведущих региональных средств массовой информации в целях анализа состояния законности и возможного принятия мер прокурорского реагирования.

Анализ содержания правового документа позволяет сделать вывод, что в полномочия прокуратуры Российской Федерации входит с одной стороны проведение контроля (мониторинга) ведущих средств массовой информации, с другой сто-

² Федеральном законе от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 25.12.2023 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/10164358/>

³ Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 17.05.2018 г. № 296 (ред. от 22.04.2022 г.) «О взаимодействии органов прокуратуры со средствами массовой информации и общественностью» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/71969432/>

роны размещение актуальной и имеющей повышенный общественный интерес информации с позиций формирования соответствующего законодательству информационного поля.

Пакет положений, запрещающих распространение и создание фейковых новостей, был введен Федеральным законом от 18 марта 2019 года № 27-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», а также ФЗ № 31-ФЗ «О внесении изменений в статью 15-3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Полномочия прокуратуры в отношении СМИ были значительно расширены в 2022 году, соответствующим нормативно-правовым документом (от 14.07.2022 г. № 277-ФЗ) как результат в Закон «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 г. № 2124-І были внесены изменения (ст. 56.2)⁴, которые дают право Генеральному прокурору и его заместителям приостанавливать работу СМИ, если были обнаружены фейковые новости, минуя судебные органы. Реализация полномочий по закрытию СМИ возможна при следующих обстоятельствах: фейковая информация создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан; недостоверная общественно значимая информация касается вопросов использования вооруженных сил Российской Федерации; фейковая информация дискредитирует ВС Российской Федерации; информация, выражающаяся в неприличной форме, демонстрирует явное неуважение к обществу и государству; информация, содержит призывы к организации несанкционированных публичных мероприятий и (или) участию в них⁵.

С позиций необходимости уточнения действий прокуратуры, 24 марта 2023 года вышел приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 210, который утверждает инструкцию о порядке подготовки требований о приостановлении деятельности средств массовой информации.

⁴ Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-І «О средствах массовой информации» (ред. от 13.06.2023 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/10164247>.

⁵ Генпрокуратура определила список нарушений, за которые можно закрыть СМИ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5694307>.

Таким образом, законодатель усилил надзорные функции прокуратуры в связи с изменившимися условиями в политической и социальной сфере общества. Во многом ужесточение мер ответственности, вплоть до запрещения деятельности конкретных средств массовой информации, связано со специальной военной операцией, начатой 24 февраля 2022 года. Это видно по тем мерам, которые предпринимает законодатель с целью предотвращения дискредитации российской армии.

Политическая ситуация обострилась не только в России, но и в других государствах – бывших республиках Советского Союза. В связи с этим, проанализируем состав и содержание полномочий прокуратуры Казахстана в отношении средств массовой информации. В частности, прокуратура Казахстана, как и прокуратура Российской Федерации, на регулярной основе предупреждает население республики о той ответственности, которая наступает в связи с размещением в СМИ недостоверной информации.

Согласно аналитическим данным прокуратуры страны, размещаемым в сети интернет⁶, в последние годы в Казахстане значительная часть фейковых новостей связана с разжиганием межнациональной розни, при этом, в соответствии с данными статистики на территории республики проживает более 3 млн. чел. этнических русских, что приблизительно составляет 15% от всей численности населения. Понятно, что фейковые новости могут значительно обострить как внутри политическую обстановку, так и стабильность внешних политических и экономических связей Казахстана и Российской Федерации.

Здесь следует отметить, что сравнительно недавно в Казахстане был принят новый нормативно-правовой акт Конституционный закон Республики Казахстан от 5 ноября 2022 года № 155-VII «О прокуратуре» (с изм. и доп. по состоянию на 12.09.2023 г.), который содержит полный перечень полномочий прокуратуры Казахстана⁷. То есть, меняющиеся условия политической и социально-экономической сферы и здесь привели к обновлению правового поля.

⁶ Генпрокуратура предупредила казахстанцев о наказании за разжигание розни [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nur.kz/incident/crime/1968212-genprokuratura-predupredila-kazahstantsev-o-nakazanii-za-razzhiganie-rozni>.

⁷ Конституционный закон Республики Казахстан от 5 ноября 2022 года № 155-VII «О прокуратуре» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://online.zakon.kz>.

Однако, по аналогии с российским законодательством, в Конституционном законе обозначены лишь общие полномочия прокуратуры Республики Казахстан.

Характеризуя содержание правовой сферы Республики Казахстан, можно отметить отсутствие каких-либо специальных нормативно-правовых актов, которые бы регулировали полномочия прокуратуры республики в отношении СМИ. Так, например, не наблюдается какой-либо документ, который бы по аналогии с правовым полем Российской Федерации регулировал вопросы взаимоотношений средств массовой информации и прокуратуры. Помимо этого, в Законе Республики Казахстан «О средствах массовой информации» также отсутствует упоминание о системе надзора со стороны прокуратуры. В качестве уполномоченного органа, осуществляющего контроль за деятельностью СМИ определено Министерство культуры и информации Республики Казахстан⁸. Тем не менее прокуратура Казахстана осуществляет надзорные функции в отношении СМИ, так как право на реализацию соответствующих полномочий утверждено основным конституционным законом «О прокуратуре».

Единственный правовой акт, который можно выделить в контексте проводимого исследования – это Приказ Генерального Прокурора Республики Казахстан от 21 ноября 2002 года № 61 «О реализации органами прокуратуры Имиджевой программы и порядке взаимодействия со СМИ», однако содержание документа никоим образом не касается вопросов полномочий прокуратуры в части предотвращения распространения и размещения фейковой информации. Основная цель приказа – это «...формирование среди населения позитивного общественного мнения об органах прокуратуры и каждом ее сотруднике, повышения ее социального рейтинга»⁹.

В то же время, как показывает практика, прокуратура Казахстана также стала действовать более решительно в отношении лиц, распространяющих ложную информацию. Так, по инициативе прокуратуры Казахстана две гражданки Алматы были

⁸ Постановление Правительства Республики Казахстан от 4 октября 2023 года № 866 «О некоторых вопросах Министерства культуры и информации Республики Казахстан» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://online.zakon.kz>.

⁹ Приказ Генерального Прокурора Республики Казахстан от 21 ноября 2002 года № 61 «О реализации органами прокуратуры Имиджевой программы и порядке взаимодействия со СМИ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://online.zakon.kz>.

привлечены к административной ответственности за распространение фейковых новостей о последствиях землетрясения 23 января 2024 года. В частности, им придется заплатить административный штраф в размере 10 МРОТ¹⁰. Помимо этого, на регулярной основе прокуратура Казахстана предупреждает граждан о возможности привлечения последних к уголовной ответственности (предусмотрено наказание до 7 лет лишения свободы), в случаях, когда речь идет о разжигании социальной, национальной, сословной или религиозной розни.

Налицо наличие расхождений подходов к установлению полномочий прокуратуры Российской Федерации и прокуратуры Республики Казахстан касаясь распространения фейковой информации средствами массовой информации. В частности, если в Казахстане основные полномочия по исследуемому вопросу установлены только в основном конституционном законе «О прокуратуре», то в Российской Федерации появились специальные акты, которые регулируют вопросы расширения полномочий прокуратуры на современном этапе развития социально-политической и экономической сферы.

По нашему мнению, это связано с тем фактом, что политическая обстановка в России более напряженная и требует решительных мер по противодействию размещению в СМИ недостоверной информации. Тем не менее, и в России, и в Казахстане осознается важность принятия своевременных мер по предотвращению размещения ложной информации, как результат это находит отражение в правовой сфере, включая и установление полномочий прокуроров.

Список использованной литературы

1. Бикбулатова Р.Ш. Специфика фейковых новостей в современном медиапространстве / Р.Ш. Бикбулатова // Тенденции развития науки и образования. – 2023. – № 98-7. – С. 23–26.
2. Сурнина Л.М. Фейковые новости: вызовы для информационной безопасности / Л.М. Сурнина // Научные высказывания. – 2023. – № 22 (46). – С. 22–25.

¹⁰ Казахстанцев начали штрафовать за фейки о землетрясении [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://forbes.kz/actual/officially/kazahstantsev_nachali_shtrafovat_za_feyki_o_zemletryasenii.

Информация об авторе

Анатолий Александрович Карпенко – Генеральный директор Общества с ограниченной ответственностью «Вент Строй Инжиниринг», г. Москва; e-mail: akarpenko@inbox.ru.

Author

Anatoliy Karpenko – General manager “Vent Story Engineering” LLC, Moscow; e-mail: akarpenko@inbox.ru.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В ДЕЛЕ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

Тезисы посвящены вопросу противодействия коррупции в зарубежных странах. Обращается внимание на необходимость заимствования Россией позитивного зарубежного опыта. Акцентируется внимание на статистических данных, определяющих уровень восприятия коррупции в мире. Уделяется внимание прогрессивным шагам определенных государств в деле повышения эффективности антикоррупционной политики. Определяется ряд снижающих эффективность такой политики факторов. Выявляются отдельные недостатки законодательного регулирования, а также доктринально-политического концептуирования и стратегического планирования противодействия коррупции в России. Делается вывод о необходимости совершенствования концептуального обоснования и стратегирования антикоррупционной политики, о насущности разработки и внедрения показателей оценки эффективности деятельности ее субъектов путем внедрения системы рейтинговой оценки. Предлагается рассмотреть вопрос о внедрении национального индекса восприятия коррупции.

Ключевые слова: противодействие коррупции; зарубежный опыт; антикоррупционная политика; эффективность.

N.V. Keshikova

FOREIGN EXPERIENCE IN COMBATING CORRUPTION IN IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF ANTI-CORRUPTION POLICY IN RUSSIA

The theses are devoted to the issue of combating corruption in foreign countries. Attention is drawn to the need for Russia to borrow positive foreign experience. Attention is focused on statistical data that determine the level of perception of corruption in the world. Attention is paid to the progressive steps of certain States in improving

the effectiveness of anti-corruption policy. A number of factors reducing the effectiveness of such a policy are identified. The author identifies some shortcomings of legislative regulation, as well as doctrinal and political conceptualization and strategic planning of anti-corruption in Russia. The conclusion is made about the need to improve the conceptual justification and strategizing of anti-corruption policy, about the urgency of developing and implementing indicators for evaluating the effectiveness of its subjects through the introduction of a rating assessment system. It is proposed to consider the introduction of a national corruption perception index.

Key words: anti-corruption; foreign experience; anti-corruption policy; efficiency.

Антикоррупционная политика в разных государствах осуществляется с большим или меньшим эффектом и по различным направлениям. На начало 2023 года по результатам 2022 года государства практически не продемонстрировали прогресса: по результатам исследования 68% стран набрали меньше 50 баллов, а средний показатель, как и годом ранее, составил 43 балла [6]. По итогам 2023 года государствами предпринимались для реализации антикоррупционной политики различные коллективные и индивидуальные усилия в порядке международного сотрудничества и на национальном уровне, направленные на противодействие коррупции [3]. Представляет научный и практический интерес ряд докладов и методических материалов, в которых представлены результаты исследования общих вопросов и тенденций правоприменения в сфере противодействия коррупции, в том числе сборник лучших практик в сфере борьбы с коррупцией в странах ЕС [7]. В свою очередь Инициатива по возвращению похищенных активов (StAR) представила Техническое руководство по выбору эффективной формы представления сведений об активах и интересах [8]. Так, в докладе Европейской комиссии в рамках разработки антикоррупционных стратегии, как одного из 8 ключевых направлений противодействия коррупции, подчеркивается необходимость совершенствования разработки антикоррупционных стратегий и деятельности антикоррупционных органов. Положительным примером практического опыта антикоррупционной политики государств в сфере реализации указанного выше ее направления стали при-

влечение различных заинтересованных сторон к разработке антикоррупционных стратегий, а также переход к децентрализации антикоррупционной деятельности в целом за счет повышения ответственности отдельных государственных органов и органов местного самоуправления [7]. В частности, в Греции Национальный план борьбы с коррупцией на 2022–2025 гг. разрабатывался с привлечением представителей частного сектора и организаций гражданского общества в рамках общественных консультаций. А в Испании функционирует Агентство по предотвращению и борьбе с мошенничеством и коррупцией Валенсии, в функции которого входит противодействие системной коррупции на местном уровне [2]. В отдельных государствах предпринимаются усилия совершенствования антикоррупционной политики путем повышения эффективности привлечения к ответственности за коррупцию. Например, в Казахстане была установлена ответственность за необоснованное обогащение, а в Шри-Ланке расширен перечень правонарушений коррупционного характера [1].

Тем не менее, на сегодняшний день, как это не печально констатировать, несмотря на все предпринимаемые в сфере антикоррупционной политики усилия государств коррупция сохраняет свои позиции, проявляя себя во всех сферах жизни общества и государства. Не случайно в докладе Ассоциации международного права о современных вызовах в сфере противодействия коррупции и возможных путях их преодоления подчеркивается, что коррупция постепенно превратилась в проблему, препятствующую эффективному взаимодействию как между государствами, так и внутри каждого из них. Разработчики доклада связывают сложившуюся ситуацию воздействием определенных снижающих эффективность антикоррупционной политики государств факторов. Среди них отмечается: – недостаточная эффективность применения действующего законодательства, в частности низкая эффективность координации действий государственных органов между собой и с международными институтами; – неэффективное законодотворчество, сосредоточившееся лишь на запрете отдельных форм коррупции (взяточничестве), обходящее стороной иные формы ее проявления (захват государства, клептократия, фаворитизм, реализация функций в ситуации конфликта интересов, а также недобросовестное лоб-

бирование интересов и финансирование избирательных кампаний); – неэффективность коррупционных мер, проявляющейся в направленности на отдельные виды коррупции, в отсутствии комплексного подхода; – неэффективное регулирование по вопросу возврата активов в юрисдикции, из которых они были выведены в результате совершения преступлений, а также компенсации ущерба жертвам коррупции; – наконец, оставляет желать лучшего качество статистических данных о результатах антикоррупционной политики государств, что влечет за собой формирование необъективных данных об уровне коррупции в государстве [7].

Оценивая результаты антикоррупционной политики государств и уровень коррупции в них, руководствуясь исследованиями уровня коррупции по всему миру на основе Индекса восприятия коррупции 2023, мы можем с достаточной долей условности выделить две группы государств. Первая из них включает государства с более эффективной антикоррупционной политикой – Дания (90 баллов), Финляндия (87 баллов), Новая Зеландия (85 баллов), Норвегия (84 балла), и Сингапур (83 балла). Вторая – это государства, где вопрос об эффективности антикоррупционной политики не стоит на повестке дня, так как коррупция представляет для них неразрешимые трудности по причине переживания конфликтов или слабости демократических институтов (Сомали (11 баллов), Венесуэла (13 баллов), Сирия (13 баллов) и Южный Судан (13 баллов)) [3].

Среди государств 1 группы достижения антикоррупционной политики Сингапура в соответствии с Законом от 17 июня 1960 г. «О предупреждении коррупции» (Глава 241 Свода законов Республики Сингапур) определяются идеей именно антикоррупционной политики – минимизации или исключения условий, создающих и стимул, и возможность склонения личности к совершению коррумпированных действий [5].

В системе государств СНГ в Узбекистане несмотря на принимаемые должные меры в сфере антикоррупционной политики не было необходимых механизмов оценки эффективности антикоррупционной политики, что не позволяло, с одной стороны, дать объективную оценку осуществляемых в данной сфере мероприятий на основе единого критерия, с другой – превращало эффективность и ее дальнейшее развитие в декларации

[9]. Хотя ст. 6 Закона Республики Узбекистан «О противодействии коррупции» от 03.01.2017 г. № ЗРУ-419 провозглашает цель обеспечения эффективного исполнения положений закона. Нужно отдать должное для исправления сложившейся ситуации были определены показатели эффективности деятельности по противодействию коррупции государственных органов и организаций путем внедрения новой системы рейтинговой оценки эффективности работ по противодействию коррупции Постановлением Президента Республики Узбекистан от 12.01.2022 г. № ПП-81. В свою очередь в целях повышения эффективности антикоррупционной политики в Казахстане утверждена Концепция антикоррупционной политики Республики Казахстан на 2022–2026 годы Указом Президента Республики Казахстан от 2 февраля 2022 года № 802. Данный документ определяет в том числе меры по расширению потенциала СМИ и журналистов в противодействии коррупции, по улучшению механизмов сообщения о коррупции и защите лиц, сообщающих о таких фактах, в части превенции коррупции будут отражены рейтинговые оценки министров и акимов. Кроме того, предложено ввести национальный индекс восприятия коррупции [4].

На сегодняшний день в России в действующем законодательстве, а именно, в Федеральном законе от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 19.12.2023 г.) «О противодействии коррупции» в ст. 7 одним из направлений деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции определяется проведение единой государственной политики в области противодействия коррупции (ч. 1). Однако речи не идет о механизмах оценки и повышения эффективности. Концепция антикоррупционной политики государства в России не разработана. Документ стратегического планирования – Национальная стратегия противодействия коррупции (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 13.04.2010 № 460 (ред. от 13.03.2012 г.) (далее – Стратегия) разработана исходя из анализа ситуации, связанной с различными проявлениями коррупции в России (п.п. «а» п. 3). При этом год принятия этого документа 2010, а последние изменения вносились в 2012. Возникает вопрос, насколько актуальны положения стратегии для современного положения дел в сфере повышения эффективности антикоррупционной политики? Помимо того,

этот документ основывается лишь на общей оценке эффективности существующей системы мер по противодействию коррупции (п.п. б) п. 3). Хотя в п. 8 документа в качестве самостоятельных направлений его реализации предусматривается и повышение эффективности деятельности федеральных органов государственной власти, иных субъектов по противодействию коррупции (п.б)) и повышение эффективности исполнения судебных решений (п.о)), наконец, эффективности участия Российской Федерации в международном сотрудничестве (п. х)). По логике вещей напрашивается необходимость специальной системы оценки с учетом направлений деятельности. Еще в одном документе стратегического планирования – Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы (утвержден Указом Президента Российской Федерации от 16.08.2021 г. № 478 (ред. от 26.06.2023 г.) в нескольких разделах заявляются направления антикоррупционной политики, связанные с повышением эффективности мер противодействия коррупции: по предотвращению и урегулированию конфликта интересов (раздел II); антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (Раздел IX); образовательных и иных мероприятий, направленных на антикоррупционное просвещение и популяризацию в обществе антикоррупционных стандартов (Раздел XII); а также международного сотрудничества России в области противодействия коррупции (Раздел XIV). Вместе с тем, конкретных механизмов повышения эффективности и системы рейтинговых показателей эффективности и ее повышения не предусматривается.

В результате исследования установлено, что в настоящее время не разработан такой важный доктринально-политический документ, как Концепция антикоррупционной политики государства (далее – Концепция). Необходимо руководствоваться позитивным опытом зарубежных государств и внедрять его результаты. На наш взгляд, Концепция жизненно необходима для того, чтобы перейти на новый уровень реализации антикоррупционной политики государства и обеспечить по максимуму ее эффективность и результативность. Изложенные базовые положения антикоррупционной политики, как результат обобщения мнений специалистов в этой области познания могут

составить в комплексе суть доктринальной концепции антикоррупционной политики государства. На основе такого рода Концепции потребуется обновление Стратегии.

В отсутствии концептуального обоснования антикоррупционной политики федеральный законодатель не включил принцип эффективности антикоррупционных мер в систему принципов антикоррупционной деятельности (ст. 3). Тем самым сложилось расхождение между теорией и практикой понимания и повышения эффективности осуществления антикоррупционной политики, в связи с чем представляется необходимым для обеспечения эффективности деятельности субъектов антикоррупционной политики включить принцип эффективности антикоррупционных мер в ст. 3 Федерального закона от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

Одновременно следует также транслировать позитивный опыт государств СНГ и поставить вопрос о необходимости выработки определенных показателей эффективности деятельности по противодействию коррупции государственных органов и организаций путем внедрения системы рейтинговой оценки эффективности деятельности по противодействию коррупции. А также рассмотреть возможность введения национального индекса восприятия коррупции, что обеспечить снижение зависимости от международных рейтингов в условиях политизации деятельности международных неправительственных организаций, специализирующихся, в том числе, на формировании Индекса восприятия коррупции, и отсутствии объективной оценки ими реального уровня восприятия в России.

Список использованной литературы

1. Антикоррупционные итоги 2023 года. – Режим доступа: https://anticor.hse.ru/main/news_page/antikorrupsionnye_itogi_2023_goda (дата обращения 15.02.2024).
2. Горбачева Н.С., Ожерельева В.И. Опубликован доклад о передовом опыте по борьбе с коррупцией в Европе. – Режим доступа: https://anticor.hse.ru/main/news_page/opublikovan_doklad_o_peredovom_opyte_po_borbe_s_korrupsiey_v_evrope (дата обращения 15.02.2024).
3. Индекс восприятия коррупции 2023. – Режим доступа: https://economy.kz/ru/Novosti_instituta/id=6331/arch=2023_114 (дата обращения 15.02.2024).

4. Концепция антикоррупционной политики. 27 января 2022 г. – Режим доступа: <https://dknews.kz/ru/v-strane/214036-koncersiya-antikorrupcionoy-politiki> (дата обращения 15.02.2024).

5. Кузнецова О.А. Зарубежный опыт борьбы с коррупцией: проблемы и эффективность/ О.А. Кузнецова// Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyu-opyt-borby-s-korrupsiyei-problemy-i-effektivnost> (дата обращения 15.02.2024).

6. Опубликован Индекс восприятия коррупции за 2022 год. – Режим доступа: https://anticor.hse.ru/main/news_page/opublikovan_indeks_vospriyatiya_korrupsiyi_za_2022_god (дата обращения 15.02.2024).

7. Handbook of good practices in the fight against corruption. – Режим доступа: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/df1a5278-ac18-11ed-b508-01aa75ed71a1> (дата обращения 15.02.2024).

8. Pop L., Kotlyar D., Rossi I. Asset and Interest Disclosure: A Technical Guide to an Effective Form// International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank. – 2023. – Режим доступа: <https://star.worldbank.org/publications/asset-and-interest-disclosure-technical-guide-effective-form> (дата обращения 15.02.2024).

9. Sobirova N., Shakhosmanov S. Anti-corruption mechanisms: experience of foreign countries // Society and innovations Journal. – 2022. – P. 15. – Режим доступа: <https://inscience.uz/index.php/socinov/index> (дата обращения 15.02.2024).

Информация об авторе

Наталья Владимировна Кешикова – доцент кафедры конституционного права и теории права Иркутского института(филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент; e-mail: nvkeshikova2012@mail.ru.

Author

Natalia Vladimirovna Keshikova – Ass. Professor Chair of Constitutional Law and Theory of Law of the Irkutsk Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Ph.D. in Law, Ass. Professor; E-mail: nvkeshikova2012@mail.ru.

О СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОМ ИССЛЕДОВАНИИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КНР¹

В рамках тезисов доклада автор представляет часть результатов первого этапа научного проекта, посвященного правовому регулированию платформенной экономики в России и Китае, а именно – сравнительно-правовому исследованию налогообложения электронной коммерции в этих государствах. Автор делится выявленными методологическими предпосылками, которые необходимо учитывать при проведении исследования, а также дает общую характеристику предмету правового регулирования налогообложения электронной коммерции и выделяет ключевые проблемы, на которых необходимо сосредоточить внимание при продолжении исследования.

Ключевые слова: платформенная экономика; электронная коммерция; право КНР; сравнительное правоведение; налоговое право; международное налогообложение; налогообложение цифровой экономики.

E.V. Kilinkarova

ON COMPARATIVE LEGAL STUDIES OF TAXATION OF E-COMMERCE IN RUSSIA AND CHINA

In the abstract of the report the author presents part of the results of the first stage of the research project on legal regulation of platform economy in Russian and China, namely on the comparative legal research of taxation of e-commerce in above-mentioned states. The author defines the methodological prerequisites that must be taken into account when conducting the research, gives general description of the subject of legal regulation of taxation of e-commerce and highlights key problems for the future examination.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00751, <https://rscf.ru/project/24-28-00751>.

Key words: platform economy; e-commerce; law of China; comparative legal studies; tax law; international taxation; taxation of digital economy.

Цифровизация экономики оказывает существенное влияние на экономическое и социальное развитие государств, и Китай является одним из лидеров мировой цифровизации. В условиях укрепляющегося межгосударственного партнерства России и Китая, сопровождающегося наращиванием взаимодействия между бизнесами двух стран, в том числе в рамках электронной коммерции, представляет интерес исследование подходов, которые применяются при конструировании правового регулирования деятельности цифровых платформ, в том числе в такой важной составляющей их функционирования как налогообложение.

Несмотря на стратегический характер сотрудничества между Россией и Китаем, китайское законодательство в целом и в том числе по вопросам налогообложения остается относительно малоизученным [1, 249–252]. Сравнительно-правовое исследование вопросов налогообложения платформ электронной коммерции в России и Китае позволит научно осмыслить правовой опыт КНР и принять теоретически обоснованное решение о возможности или невозможности рецепции китайской модели при совершенствовании отечественного правового регулирования налогообложения платформенной экономики.

Автор представляет часть результатов первого этапа научного проекта, посвященного правовому регулированию платформенной экономики в России и Китае, а именно – сравнительно-правовому исследованию электронной коммерции в Российской Федерации и КНР. Проведенное исследование позволило определить методологические предпосылки, которые необходимо учитывать при проведении сравнительно-правового анализа изучаемых вопросов, а также дать общую характеристику предмету правового регулирования налогообложения электронной коммерции и выделить ключевые проблемы, на которых необходимо сосредоточить внимание в дальнейшем.

При проведении сравнительно-правового исследования вопросов налогообложения в России и Китае необходимо учитывать следующее:

во-первых, при анализе опыта Китая необходимо определиться с тем, какая из действующих в КНР налоговых систем

представляет интерес и почему – если в России налоги взимаются в рамках единой и единственной налоговой системы, то в КНР одновременно сосуществуют несколько налоговых систем – материкового Китая, Гонконга, Макао и Тайваня;

во-вторых, на проведение исследования оказывают влияние различия в системе источников правового регулирования налогообложения – если в России основным источником налогового права является Налоговый кодекс Российской Федерации, то в КНР (в данном случае мы говорим в первую очередь о налоговой системе материкового Китая) налоговое законодательство не кодифицировано, законы приняты не по всем налогам, а существующие законы содержат рамочное правовое регулирование, и поэтому особое значение для регулирования налогообложения приобретают акты Государственного совета Китая, Министерства финансов и Государственной налоговой администрации, которые с учетом базового регулирования в законодательстве (а порой и в отсутствие такового) устанавливают значительный объем правил налогообложения;

в-третьих, необходимо понимать, что речь не идет о слепом заимствовании конкретных правил налогообложения: налогообложение производно от используемых гражданско-правовых конструкций при построении конкретной цифровой платформы, поэтому анализ правил налогообложения должен осуществляться при понимании юридических конструкций, используемых при организации деятельности платформ электронной коммерции, а они не являются полностью тождественными в России и Китае;

наконец, подчеркнем, что вопросы налогообложения носят междисциплинарный характер и представляют интерес не только для юриспруденции, но и для других научных направлений – в первую очередь экономической науки, поэтому при проведении сравнительно-правового исследования крайне важно определить предмет исследования и не вторгаться в сферу исключительно экономических вопросов.

Налогообложение электронной коммерции – это достаточно многогранная проблематика, затрагивающая как вопросы исключительно внутреннего, так и международного налогообложения. Комплексное исследование данного вопроса предполагает анализ отдельных аспектов правового регулирования по-

доходного налогообложения (причем как в отношении организаций, так и в отношении физических лиц), косвенного налогообложения (в первую очередь в рамках НДС), вопросов налогового администрирования. При этом речь идет о налогообложении разных участников электронной коммерции – как непосредственно вовлеченных в куплю-продажу товаров, оказание финансовых консультаций и инвестирование посредством платформ электронной коммерции, так и операторов электронных платформ.

Функционирование платформ электронной коммерции в значительной степени предполагает взаимодействие в рамках глобальных цепочек поставок, что с точки зрения налогообложения требует организовать взаимодействие с другими государствами по многим вопросам. В данном случае перед государствами стоит несколько разнополярных задач – это и устранение международного двойного налогообложения, и одновременно с этим обеспечение справедливого уровня налогообложения участников цифровой экономики, которое бы не приводило к международному двойному неналогообложению.

Активная работа по вопросам совершенствования правового регулирования в условиях цифровой экономики при участии России и Китая проводится под эгидой таких международных организаций как Организация экономического сотрудничества и развития и Организация объединенных наций, благодаря чему значительный массив публикаций по проблематике налогообложения цифровой экономики и электронной коммерции посвящен вопросам налогообложения прибыли в международном контексте. Вместе с тем необходимо понимать, что вопросы налогообложения электронной коммерции гораздо шире инициатив указанных выше международных организаций.

Анализ действующего правового регулирования налогообложения электронной коммерции в Российской Федерации и КНР позволил выделить несколько ключевых проблем, на которых представляется целесообразным сосредоточить внимание в рамках дальнейшего исследования в первую очередь:

во-первых, налогообложение прибыли иностранных организаций, получаемой в рамках электронной коммерции, при этом речь идет как об операторе платформы, так и лицах, продающих товары, оказывающих услуги и выполняющих работы с

помощью платформы (в том числе вопросы определения постоянного представительства для целей налогообложения, квалификации доходов);

во-вторых, предоставление налоговых льгот для отдельных категорий налогоплательщиков и через создание специальных экономических зон;

в-третьих, совершенствование налогового администрирования с привлечением платформ электронной коммерции (в частности, в рамках функций по удержанию налога, а также по сбору и передаче в налоговые органы информации, имеющей значение для налогообложения).

В заключении отметим, что анализ правового регулирования налогообложения электронной коммерции в России и Китае должен осуществляться с учетом существующих на международной арене предложений по совершенствованию правового регулирования – в первую очередь предложений Организации экономического сотрудничества и развития в рамках проектов BEPS и BEPS 2.0 и предложенной глобальной налоговой реформы (основными компонентами которой являются Pillar 1 и Pillar 2). Стоит ли России и Китаю становиться участниками предлагаемых ОЭСР многосторонних механизмов – это актуальный вопрос для разных аспектов правового регулирования налогообложения платформенной экономики.

Список использованной литературы

1. Килинкарова Е.В., Трофимов А.А. Обзор российских научных исследований в области права публичных финансов КНР // Правоприменение. 2021. № 4. С. 248–264.

Информация об авторе

Елена Васильевна Килинкарова – доцент кафедры административного и финансового права Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент; e-mail: e.kilinkarova@spbu.ru

Author

Elena Vasilievna Kilinkarova – Associate Professor of Department of Administrative and Financial Law, Saint Petersburg State University, PhD in Law, Associate Professor; e-mail: e.kilinkarova@spbu.ru

ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ЗДОРОВОМУ ОБРАЗУ ЖИЗНИ

Изучается вопрос о применении правовых средств для того, чтобы человек выбирал здоровый образ жизни – здоровое питание, занятия физкультурой и спортом, отказ от вредных привычек. Многие государства ищут универсальное средство привлечения людей к практикам здорового образа жизни в связи с широким распространением болезней, связанных, например, с ожирением и курением. Государства предпринимают разнообразные меры: повышают налоги на сладкие напитки и табак, размещают устрашающие изображения на пачках сигарет, обеспечивают доступность информации о составе продуктов питания и т.д. Также могут применяться меры, учитывающие особенности поведения и восприятия человека. Подобные меры представляются более гибкими по сравнению с запретами и ограничениями. Однако их эффективность не имеет однозначного подтверждения, и такие средства не всегда способны преодолеть судебный контроль.

Ключевые слова: здоровый образ жизни; ограничения и запреты; повышение налогов; поведенческие меры; раскрытие информации.

M.Yu. Kozlova

LEGAL MEANS OF PROMOTING A HEALTHY LIFESTYLE

The issue of using legal means to ensure that a person chooses a healthy lifestyle, i. e., a healthy diet, physical activity and giving up bad habits is being studied. Many states are looking for a universal means of promoting healthy lifestyle practices among people due to the widespread prevalence of diseases associated, for example, with obesity and smoking. States are taking a variety of measures: increasing taxes on sugary drinks and tobacco, placing graphic images on cigarette packs, making information about the ingredients of food products readily available, etc. Measures that take into account the characteristics of a person's behavior and perception can also be

used. Such measures seem to be more flexible compared to prohibitions and restrictions. However, their effectiveness has not been unequivocally confirmed, and such means are not always able to overcome judicial control.

Key words: healthy lifestyle; restrictions and prohibitions; tax increases; behavioral measures; information disclosure.

Термин «здоровый образ жизни» употребляется часто, но не имеет точно определенного и исчерпывающего содержания. Можно предположить, что здоровый образ жизни предполагает правильное питание, достаточную физическую активность, отсутствие вредных привычек. Категория «здоровый образ жизни» достаточно часто подвергается ревизии, взгляды на ценность или вред того или иного продукта питания, значимость той или иной деятельности для здоровья человека постоянно пересматриваются, что представляет собой дополнительную сложность.

Здоровый образ жизни обычно приводит к более высокой продолжительности жизни, ее качеству и продуктивности человека. Поэтому можно предположить, что государство заинтересовано в том, чтобы его граждане на протяжении долгих лет жизни сохраняли здоровье, трудовую и социальную активность.

Последствием нездорового питания является проблема ожирения, которая, согласно данным ВОЗ, приобретает масштабы эпидемии: каждый год более 4 миллионов человек умирают от последствий избыточного веса или ожирения. В период с 1975 по 2016 г. доля детей и подростков в возрасте от 5 до 19 лет, имеющих избыточный вес или страдающих ожирением, увеличилась во всем мире более чем в четыре раза, с 4% до 18%. В первую очередь к ожирению приводит неполноценное питание [10]. Основная причина ожирения и избыточного веса — энергетический дисбаланс, при котором калорийность рациона превышает энергетические потребности организма в связи с ростом потребления продуктов с высокой энергетической плотностью и высоким содержанием жира; снижение физической активности в связи со все более сидячим характером многих видов деятельности, изменениями в способах передвижения и возрастающей урбанизацией [9].

Многие государства предпринимают разнообразные меры, направленные на привлечение людей к практикам здорового

образа жизни. Это могут быть как традиционные меры государственного управления (ограничения продажи алкоголя, повышенные ставки налога на алкоголь и табачную продукцию и т.п.), так и меры, учитывающие особенности поведения и восприятия человека. Так, строительство объектов спортивной инфраструктуры (спортивных площадок на открытом воздухе, ледовых арен, плавательных бассейнов и т.п.) формирует среду, в которой человек быстрее и легче вовлекается в спортивные занятия и мероприятия.

Использование методов поведенческой экономики является привлекательным, поскольку они представляют собой разумную альтернативу запретам и ограничениям. Может быть сформирована среда, в которой потребителю легко ориентироваться в качестве продуктов питания, их пищевой ценности. Существуют требования к содержанию информации о продуктах питания, требования к их маркированию и раскладке на полках. Предполагается, что необходимая и достоверная информация о составе, его маркировка и расположение привлекут внимание покупателя к здоровым продуктам, и он предпочтет в своем выборе именно их. Например, это может касаться порядка представления на полках магазинов молочных продуктов без заменителя молочного жира, которые должны быть визуально отделены от других продуктов¹.

Употребление сладких напитков, как подтверждается многочисленными исследованиями, находится во взаимосвязи с ожирением. Имеются примеры разнообразных попыток ограничить их употребление.

¹ Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 № 2463 «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации». Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 09.01.2021; Приказ Минпромторга России № 2098, Роспотребнадзора № 368 от 18.06.2019 «Об утверждении методических рекомендаций о рекомендуемых способах размещения (выкладки) молочных, молочных составных и молкосодержащих продуктов в торговом зале или ином месте продажи, позволяющих их визуально отделить от иных пищевых продуктов, а также о рекомендуемых способах сопровождения такой продукции информационной надписью "Продукты без заменителя молочного жира"». Документ опубликован не был. Справочно-правовая система Консультант-Плюс.

С 1 июля 2023 г. в России введен акциз на сахаросодержащие напитки, средства от которого планируется потратить на финансирование мероприятий федерального проекта «Борьба с сахарным диабетом»². Такой подход является достаточно традиционным. Существуют также попытки применить поведенческие механизмы в попытках ограничить потребление сладких напитков.

В 2013 г. в Нью-Йорке планировалось ввести ограничение продажи сладких напитков объемом более 16 унций (453,6 г) в заведениях общественного питания («правило ограничения порций»). Определялось понятие сладкого напитка, ограничения не касались продажи напитков в ресторанах [1].

Необходимость тем или иным способом ограничивать размер порций сладких напитков основаны на результатах экспериментов, в которых группе людей предлагалось есть суп из «само-наполняющихся» тарелок. Содержимое тарелок автоматически пополнялось с помощью спрятанной техники, поэтому дно у тарелок не показывалось. Участники эксперимента продолжали есть суп, несмотря на чувство сытости. Поэтому был сделан вывод о том, что большие порции ведут к большему потреблению [11, с. 49].

Ограничение было обжаловано в суд, и 11 марта 2013 г. Верховный суд округа Нью-Йорк удовлетворил петицию, объявив «правило ограничения порций» недействительным и навсегда запретил ответчикам применять или обеспечивать его соблюдение. Одним из доводов решения было то, что правило ограничения порций является «произвольным и случайным» [4].

Преимущества и недостатки есть и у введения налога, и у ограничения размера порций. Налоги могут привести к тому, что потребители из-за высокой цены на напитки будут искать им замену в других нездоровых вариантах (например, сладких соках). Налог, вместе с тем, уменьшает благосостояние домохозяйства потребителя, вероятно, уменьшая потребность в сладких напитках [2].

² Федеральный закон от 21.11.2022 № 443-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 части первой, часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 21.11.2022; Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов. <https://minfin.gov.ru/>

Еще одним направлением усилий современных государств в области здорового образа жизни является борьба с курением. Применяются различные способы, в том числе, повышение налогов, запрет рекламы. Графические предупреждения на пачках сигарет о возможных негативных последствиях курения для здоровья кажутся удачным примером привлечения людей к здоровому образу жизни.

На пачках сигарет во многих странах размещаются устрашающие изображения последствий курения и надписи, предупреждающие о пагубном влиянии этой привычки на организм человека. Такой подход исходит из особенностей так называемой эвристики доступности: относительная важность проблем часто оценивается по легкости их вспоминания, а это в значительной степени определяется тем, насколько подробно вопрос освещается в средствах массовой информации. То, что часто обсуждают, заполняет умы, а прочее ускользает из сознания [8, с. 13]. Таким образом предполагается, что человек, увидевший пачку сигарет с устрашающими изображениями, скорее всего, будет уверен, что курение всегда вызывает такие последствия.

В ст. 11 Рамочной конвенции ВОЗ по борьбе против табака³ говорится о том, что каждая Сторона принимает и осуществляет эффективные меры, с тем чтобы: упаковка и маркировка табачных изделий не стимулировали продажу табачного изделия любым путем, который является ложным, вводящим в заблуждение или обманным либо создающим неправильное впечатление о его характеристиках, воздействии на здоровье, опасностях или выделяемых продуктах. В числе таких мер находятся графические предупреждения о вреде для здоровья.

Согласно официальной позиции ВОЗ, многие курильщики до сих пор не знают, или не до конца понимают степень опасности, которой они подвергают себя и других, употребляя табак. В этом контексте потребители имеют право быть предупреждены о последствиях для здоровья продуктов, которые они покупают и используют. Графические предупреждения о вреде для здоровья призваны предоставить достоверную информацию о рисках, связанных с употреблением табака и может помочь поощрить

³ Рамочная конвенция ВОЗ по борьбе против табака (Заключена в г. Женеве 21.05.2003) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 46. Ст. 5249. Документ вступил в силу для России 1 сентября 2008 года (Собрание законодательства РФ. 2008. № 46).

потребителей табака сократить их потребление и бросить курить [6, с. 72]. Имеются исследования, показывающие взаимосвязь между графическими предупреждениями и уменьшением курения табака [5].

Согласно ВОЗ, графические предупреждения для достижения желаемых целей должны быть большими (покрывать не менее половины поверхности упаковки), ссылаться на конкретные последствия для здоровья от употребления табака, регулярно меняться. Графические предупреждения используются в 101 стране, где проживает более половины населения мира (4,7 млрд. человек, 60% населения мира) [6, с. 72].

Вместе с тем, биохимические процессы, которые происходят во время курения, не во всех случаях могут быть подконтрольны человеку – курильщики с длительным стажем не реагируют на шокирующие предупреждения, поскольку физиологически нуждаются в никотине и вызываемых им реакциях. Та же Всемирная организация здравоохранения признает, что никотин, содержащийся в табачных изделиях, вызывает сильное привыкание, и без медицинской помощи в отказе от курения успеха добиваются только 4% людей, пытающихся отказаться от табака [7].

Кроме того, обсуждается вопрос о том, можно ли считать предупреждения о вреде табака раскрытием объективной и достоверной информации, ведь она не содержит ссылок на научные источники, результаты проведенных исследований, статистические данные и направлена на то, чтобы вызвать эмоциональную реакцию. Высказывается мнение о том, что такой подход нарушает возможность для человека делать свободный выбор, поэтому шокирующие предупреждения должны сопровождаться ссылкой на источник информации [3].

Таким образом, существуют традиционные и нетрадиционные юридические механизмы, направленные на побуждение человека к ведению здорового образа жизни. При этом, полного и безусловного представления о том, какое поведение можно назвать «здоровым» нет, равно как отсутствует исчерпывающее представление об эффективности тех или иных правовых средств – запретов, ограничений, или формирования архитектуры выбора.

Список использованной литературы

1. Department of health and mental hygiene. Board of health. Notice of adoption of an amendment (§81.53) to article 81 of the New York City Health Code. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nyc.gov/html/nycrules/downloads/rules/F-DOHMH-09-13-12-a.pdf> (дата обращения: 12.12.2023).
2. Galle B. Tax, Command or Nudge?: Evaluating the New Regulation // Texas Law Review. 2014. Vol. 92. Issue 4. Pp. 837–894 [Электронный ресурс]. URL: <https://ssrn.com/abstract=2318004>.
3. Lepenies, R., Małecka, M. The Institutional Consequences of Nudging – Nudges, Politics, and the Law // Review of Philosophy and Psychology. 2015. № 6. Pp. 427–437. <https://doi.org/10.1007/s13164-015-0243-6>.
4. New York Statewide Coalition of Hispanic Chambers of Commerce v. New York City Dep't of Health & Mental Hygiene. [Электронный ресурс]. URL: <https://law.justia.com/cases/new-york/court-of-appeals/2014/134-0.html> (дата обращения: 10.12.2023).
5. Ngo A., Cheng K.W., Shang C., Huang J., Chaloupka FJ. Global evidence on the association between cigarette graphic warning labels and cigarette smoking prevalence and consumption // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2018. №15 (3). doi: 10.3390/ijerph15030421.
6. WHO report on the global tobacco epidemic 2021: addressing new and emerging products. World Health Organization. 2021. 212 с.
7. Всемирная организация здравоохранения. Табак. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/tobacco> (дата обращения: 10.12.2023).
8. Канеман Д. Думай медленно... Решай быстро. М., 2011. 656 с.
9. Ожирение и избыточный вес. Всемирная организация здравоохранения. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/obesity-and-overweight> (дата обращения: 10.12.2023).
10. Ожирение. Всемирная организация здравоохранения. [Электронный ресурс]. URL: https://www.who.int/ru/health-topics/obesity#tab=tab_1 (дата обращения: 12.12.2023).
11. Талер Р., Санстейн К. Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье.

пер. с англ. Е. Петровой; [науч. ред. С. Щербаков]. М., 2017. 240 с.

Информация об авторе

Марина Юрьевна Козлова – доцент кафедры конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент; kozlova@volsu.ru.

Author

Marina Yu. Kozlova – Candidate of sciences (law), Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University; e-mail: kozlova@volsu.ru.

ТЕМПОРАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ В ФЕДЕРАТИВНЫХ ГОСУДАРСТВАХ

В данной статье автор рассматривает продолжительность избирательных кампаний на выборах органов публичной власти Российской Федерации и ряда государств Евразийского и Американских континентов в основном сопоставимых с Россией по численности избирателей, протяженности территории, федеративному устройству страны. Исследуются конституционные нормы и нормы избирательного законодательства, устанавливающие темпоральные характеристики избирательных кампаний и отдельных их этапов. Отдельное внимание уделяется возможности органов, организующих электоральный процесс, влиять на сроки осуществления тех или иных избирательных действий. Выявлена большая вариативность установленной продолжительности избирательных кампаний в рассматриваемых странах, а также достаточно большая схожесть между странами, входившими ранее в Британскую империю. Сделан вывод о необходимости сокращения поля усмотрения электоральных органов в пользу законодательного регулирования.

Ключевые слова: выборы; избирательная кампания; срок; назначение выборов; конституция.

E.M. Korovin

TEMPORAL CHARACTERISTICS OF ELECTION CAMPAIGNS IN FEDERAL STATES

In the article the author examines the duration of election campaigns in the elections of public authorities of the Russian Federation and a number of federal states of the Eurasian and American continents. The article examines the norms of law that establish the timing of election campaigns and their individual stages. Special attention is paid to the ability of the bodies organizing the electoral process to influence the timing of electoral actions. A large variability in the duration of election campaigns in these countries has been revealed. As well as the similarity of the countries that were previously part of the

British Empire. It is concluded that it is necessary to reduce the influence of electoral bodies.

Keywords: elections; election campaign; term; appointment of elections; constitution.

В России Федеральный закон № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – Закон № 67-ФЗ) определяет избирательную кампанию как деятельность по подготовке и проведению выборов в период со дня опубликования решения о назначении выборов до дня представления избирательной комиссией, организующей выборы, отчета о расходовании средств на выборы. В общепринятом (в отличие от электоральных юристов) смысле, в том числе с учётом зарубежного опыта, темпоральной границей избирательной кампании является день голосования на выборах.

В рамках данного небольшого исследования невозможно охватить многочисленные темпоральные характеристики избирательного процесса. Рассмотрим продолжительность самой избирательной кампании в Российской Федерации и ряде федеративных государств. Из 27 федераций Мира в работе рассматривались, помимо России, 10 государств Евразии и Америки.

Говорить о достаточности либо недостаточности времени, предоставляемого государством на проведение избирательной кампании невозможно опираясь только на количество календарных дней. Период избирательной кампании включает в себя две важнейших стадии – выдвижение, регистрацию кандидатов (списков партий) и предвыборную агитацию. Рассматривая в совокупности требования и процедуры допуска к участию в выборах, необходимые временные затраты на преодоление электорально-бюрократических барьеров, а также период, в который возможно проводить предвыборную агитацию (в том числе через средства массовой информации), можно делать выводы о соблюдении принципов подлинности и справедливости выборов в той или иной стране.

Представляя избирательную кампанию как технологический процесс, следует иметь в виду, что наиболее ценным и невозполнимым ресурсом этого процесса является время. «Запас времени необходим как администрации – для подготовки

средств проведения выборов, так и политическим конкурентам – для разработки стратегии ведения кампании, выработки программы и обращений, вербовки активистов, сбора средств и выполнения множества других задач [12, с. 135]». Обращаясь к почти тридцатилетней практике проведения федеральных выборов в нашей стране можно проследить динамику изменений продолжительности как самих избирательных кампаний, так и отдельных их стадий [10, с. 215–216].

В Российской Федерации по общему правилу и с учетом сроков принятия и публикации решения о назначении выборов, федеральная избирательная кампания может длиться от 83 (84) до 110 дней, региональная 84–100 дней, муниципальная 74–80 дней. На практике федеральные кампании с 2003 года длились от 88 дней (выборы депутатов Государственной Думы в 2007 г.) до 102 дней (выборы Президента Российской Федерации в 2024 г.). Ранее большинство кампаний были более продолжительными¹, например президентские выборы 1996 года шли 214 дней.

Тенденция сокращения сроков кампании характерна также для Канады. С 1997 года кампания должна длиться не менее 36 дней, а до 1997 приказ о выборах должен был выпускаться за 47 дней до дня голосования [1, с. 157]. До 1982 г. продолжительность избирательной кампании составляла не менее 60 дней [2, с. 203–204].

В Бразилии период избирательной кампании на всех выборах – 90 дней. В Аргентине на выборах президента и вице-президента также 90, а выборы депутатов и сенаторов проходят за 60 дней. Те же 60 дней отведены на избирательную кампанию в Бундестаг ФРГ (Новые выборы проводятся не ранее сорока шести и не позднее сорока восьми месяцев после начала легислатуры. В случае роспуска Бундестага новые выборы проводятся в течение шестидесяти дней²). При этом, если основные выборы не состоялись вследствие непреодолимой силы или иных причин, дополнительные выборы проводятся не позднее чем через

¹ Выборы в парламент в 1990 г. – 128 дней, в 1993 г. – 82, в 1995 г. – 153, в 1999 г. – 132. Президентские выборы в 1991 г. – 68 дней, в 2000 г. (досрочные) – 80 дней.

² Часть 1 статьи 39 Конституции ФРГ. // <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/589538> (дата обращения: 12.02.2024).

три недели после дня основных выборов, в случае смерти кандидата – не позднее чем через шесть недель после дня основных выборов [11, с. 53].

В значительно меньшей по территории и численности населения Австрии «день выборов определяется Федеральным правительством по согласованию с Главным комитетом Национального совета и приходится на воскресенье или другой официальный выходной день». То есть четкая дата не определена, но даже досрочные «выборы должны быть организованы Федеральным правительством таким образом, чтобы вновь избранный Национальный совет мог собраться не позднее чем на сотый день после его роспуска». Из чего можно сделать вывод о достаточно широких возможностях правоприменителя. В федерациях – бывших британских колониях – достаточно обще урегулированы сроки начала избирательных кампаний и большой простор для усмотрения должностных лиц: В Индии «дата проведения выборов назначается Президентом Индии с предварительным согласованием с Избирательной комиссией ... не позднее, чем за полгода до истечения срока полномочий предыдущего состава представительного органа государства [13 с. 19]». В Пакистане всеобщие выборы в Национальное собрание или Провинциальное собрание должны быть проведены в течение шестидесяти дней, непосредственно следующих за днем истечения срока полномочий³, а когда Президент распускает Национальное собрание, он обязан назначить дату, не позднее чем через девяносто дней с даты роспуска, для проведения всеобщих выборов в Ассамблею⁴. В случае появления вакантного мандата в Национальном или Провинциальном собраниях «выборы для заполнения этого места проводятся в течение шестидесяти дней с момента образования вакансии»⁵.

При этом законодательство как и Индии [13, с. 19], так и Пакистана [7, с. 400] относит к полномочиям избирательной комиссии определение крайних дат подачи заявлений о регистра-

³ Статья 224 (1) Конституции Пакистана. // <https://pakistani.org/pakistan/constitution/part8.ch2.html> (дата обращения: 12.02.2024).

⁴ Пункт а) статьи 48 (5) Конституции Пакистана. // <https://pakistani.org/pakistan/constitution/part3.ch1.html> (дата обращения: 12.02.2024).

⁵ Статья 224 (4) Конституции Пакистана. // <https://pakistani.org/pakistan/constitution/part3.ch1.html> (дата обращения: 12.02.2024).

ции кандидатов, проверки сведений о них, апелляции на решения по регистрации, последних дней для рассмотрения апелляций и для снятия кандидатуры с выборов. В Пакистане также «любые даты, установленные для стадий проведения выборов, могут быть изменены соответствующим извещением Избирательной комиссии [7, с. 400]».

В Малайзии, как и в Индии и Пакистане во многом появляется рецепция британской избирательной системы. При этом «всеобщие выборы проходят один раз в пять лет одновременно в нижнюю палату федерального парламента – Палату представителей (Народный совет) – и законодательные собрания 13 штатов и султанатов [9, с. 196]» Избирательная комиссия издаёт предписание о дате начала кампании по выдвижению кандидатов, а само проведение голосования должно происходить не менее чем через 30 дней после последнего дня периода, предназначенного для проведения кампании номинации кандидатов [9, с. 218]. Часть 4 статьи 55 Федеральной конституции Малайзии⁶ устанавливает, что в случае роспуска парламента выборы проводятся в течение 60 дней с даты роспуска и заседание парламента нового созыва должен собраться не позднее, чем через 120 дней с даты роспуска предыдущего состава.

Северо-Американские государства объединяет конституционное установление дня голосования на выборах. В Канаде – в соответствии с поправками 2007 года к Акту о выборах, выборы проводятся в третий понедельник октября, на четвертый год от даты проведения последних общих выборов [2, с. 158]. В США законом 1845 года днем голосования определён, первый вторник после первого понедельника ноября високосного года. В Мексике «Избирательный кодекс устанавливает дату голосования – первое воскресенье июля года, в который заканчиваются полномочия соответствующих органов государственной власти и должностных лиц и первое воскресенье июля [2, с. 306]». Фактически старт выборам даёт первое заседание Генерального совета Национального избирательного института, «которое проводится в первую неделю октября года, предшествующего проведению очередных общефедеральных выборов [2, с. 307]». В

⁶ Федеральная Конституция Малайзии <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/496707> (дата обращения: 12.02.2024).

соответствии с п. а) части IV статьи 116 Конституции⁷ в тех штатах, где год проведения выборов не совпадает с федеральной кампанией, выборы губернаторов, членов местных законодательных органов и муниципальных советов проводятся в первое воскресенье июля. При этом Конституция устанавливает сроки назначения выборов на вакансии в парламенте – Палата должна назначить внеочередные выборы в течение 30 дней после появления вакансии. Выборы должны быть проведены в течение 90 дней после объявления выборов (часть IV статьи 76) и при «полном отсутствии Президента» в течение двух первых лет легислатуры назначаются выборы нового Президента и «между датой объявления выборов и Днем выборов должно пройти не менее семи и не более девяти месяцев» (статья 84). Во всех трёх странах по общему правилу не предполагается специального объявления старта кампании. В этих странах наиболее продолжительная избирательная кампания. В Соединённых Штатах Америки и в Мексиканских Соединённых Штатах наиболее продолжительные избирательные кампании. И если в Мексике это обусловлено законодательством, то в США политической традицией и проведением внутрипартийных праймериз, правила которых устанавливает каждый штат самостоятельно.

Таким образом в Мексике законодательно установлена наибольшая продолжительность избирательной кампании среди рассматриваемых государств – до 9 месяцев. В России, учитывая положения пунктов 4 и 5 статьи 5 Федерального Закона «О выборах Президента Российской Федерации», избирательная кампания по досрочным выборам Президента Российской Федерации может составлять от 2 месяцев и 3 дней до трёх месяцев со дня досрочного прекращения полномочий Президента страны. И это одна из наиболее коротких избирательных кампаний, сопоставимая по времени с выборами муниципального депутата.

Наличие возможности у организаторов выборов самостоятельно устанавливать даты выдвижения кандидатов (Индия, Пакистан), сроки подачи и рассмотрения апелляций (Пакистан) сроки снятия кандидатуры (Индия, Пакистан), сроки определе-

⁷ Конституция Мексиканских Соединённых Штатов. // https://www.constituteproject.org/constitution/Mexico_2015 (дата обращения 12.02.2024 г.)

ния победителя (Канада, Аргентина) не способствует демократичности и открытости избирательной системы. То же можно сказать и праве избирательных комиссий в России на сокращение сроков избирательных действий, отложение голосования на выборах, отложение (приостановление) выборов. Само наличие права управлять электоральным временем является постоянным соблазном воспользоваться этим правом в политических целях, в интересах действующей власти соответствующей территории.

Если обратиться к отечественной законодательной практике, особенно в субъектах Российской Федерации, то можно проследить тенденцию неожиданных изменений «правил игры» на выборах непосредственно перед стартом избирательной кампании. Закон № 67-ФЗ запрещает изменять избирательное законодательство только непосредственно в период избирательной кампании. В этой связи хочется обратиться к мексиканской Конституции, в соответствии частью II статьи 105 которой «Федеральные и местные законы о выборах должны быть введены в действие по крайней мере за девяносто дней до начала избирательного процесса при условии, что эти законы будут применяться. В ходе избирательного процесса не должно вноситься никаких фундаментальных изменений в законодательство».⁸ Такая конституционная гарантия от одной из самых значимых темпоральных манипуляций на выборах на наш взгляд была бы востребована в современных российских реалиях.

Переходя к выводам, можно сказать о том, что обладающая властью политическая сила, имеет существенное влияние на выборы и их результаты используя темпоральные рычаги. Такие как изменение электорального законодательства накануне начала кампании, возможность определения даты выборов и старта избирательной кампании, установление слишком коротких сроков выдвижения кандидатов и оспаривания решений и действий избирательных органов, а также итогов голосования и результатов выборов. Это может быть даже трансформация электорального времени. Например, сокращение предусмотренных законом сроков избирательных действий, отложение голо-

⁸ Часть II статьи 105 Конституции Мексиканских Соединенных Штатов. // https://www.constituteproject.org/constitution/Mexico_2015 (дата обращения 12.02.2024 г.).

сования на выборах, приостановление и возобновление избирательного процесса. Органы, обладающие такими полномочиями, превращаются в повелителей электорального времени. Их действия и решения серьёзно влияют на ход и исход выборов. Сокращение возможностей электоральных органов путем большей законодательной регламентации будет способствовать повышению легитимности результатов выборов.

Список использованной литературы

1. Современное зарубежное избирательное право Современное зарубежное избирательное право : монография / под ред. А.Г. Орлова, Е.А. Кремьянской ; МГИМО (У) МИД России, каф. конституционного права. – Москва : МГИМО-Университет, 2013. – 334 с. – (Конституционное право зарубежных стран). – ISBN 978-5-9228-0953-5.

2. Современные избирательные системы. Вып. 1: Великобритания, Канада, Мексика, Польша / Д. В. Лафитский, Н. М. Касаткина, А. Г. Орлов, Н. Ю. Терещенкова. – Москва : РЦОИТ : Норма, 2006. – 496 с.

3. Современные избирательные системы. Вып. 2: Аргентина, Германия, Швеция / А. Г. Орлов, Ю. И. Лейбо, И. А. Ракитская ; науч. ред. Ю. А. Веденеев, В. И. Лысенко. – Москва : РЦОИТ : Норма, 2007. – 320 с.

4. Современные избирательные системы. Вып. 3: Испания, США, Финляндия, Япония / А.Г. Орлов, В.И. Лафитский, И.А. Ракитская, Т.О. Кузнецова; науч. ред. А. В. Иванченко, В. И. Лафитский. – Москва : РЦОИТ, 2009. – 448 с.

5. Современные избирательные системы. Вып. 5: Индия, Ирак, Уругвай, ЮАР / Н.Б. Шлыкова, М.А. Сапронова, А.Г. Орлов, Е.В. Черепанова; науч. ред. А. В. Иванченко, В. И. Лафитский. – Москва : РЦОИТ, 2010. – 496 с.

6. Современные избирательные системы. Вып. 6: Австрия, Ирландия, Норвегия, Чили / Е.А. Водяницкая, П.С. Гвоздев, И.А. Ракитская, А.Г. Орлов; науч. ред. А. В. Иванченко, В. И. Лафитский. – Москва : РЦОИТ, 2011. – 512с.

7. Современные избирательные системы. Вып. 7: Египет, Исландия, Колумбия, Пакистан / М.А. Сапронова, И.А. Ракитская, А.Г. Орлов, Н.Б. Крысенкова; науч. ред. А. В. Иванченко, В. И. Лафитский. – Москва : РЦОИТ, 2012. – 464 с.

8. Современные избирательные системы. Вып. 8: Бразилия, Франция, Чехия, Южная Корея / А.Г. Орлов, М.А. Мещерякова, С.Я. Павлов, Т.О. Кузнецова; науч. ред. А. В. Иванченко, В. И. Лафитский. – М. : РЦОИТ, 2013. – 488 с.

9. Современные избирательные системы. Вып. 8: Италия, Малайзия, Перу, Южная Чили / Т.О. Кузнецова, Л.М. Ефимова, А.Г. Орлов, М.А. Сапронова; науч. ред. А. В. Иванченко, В. И. Лафитский. – М. : РЦОИТ, 2015. – 472 с.

10. Коровин Е.М. Электоральные сроки как условие реализации и защиты избирательных прав граждан в Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук / Коровин Евгений Михайлович. – Владивосток, 2019. – 216 с.

11. Лейбо Ю.И. Избирательная система: как определяются результаты выборов в Германии? Ю.И. Лейбо // Право и управление. XXI век. 2012. № 4 (25). – С. 49–54.

12. Мерло П. Избирательные кампании и проблемы их подготовки: «равное игровое поле» и демократические выборы // ПОЛИС. – 1995. – - № 4. – С. 131–138.

13. Шлыкова Н.Б. Избирательная система Индии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Шлыкова Наталья Борисовна. – Москва, 2012. – 24 с.

Информация об авторе

Евгений Михайлович Коровин — доцент кафедры конституционного и административного права, ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет», г. Владивосток, Российская Федерация, кандидат юридических наук, e-mail: korovin.em@dvfu.ru. ORCID: 0009-0003-6485-7142; SPIN-код: 1537-4766; AuthorID: 1067405.

Author

Evgeny M. Korovin — Associate Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation, PhD in Legal Sciences, e-mail: korovin.em@dvfu.ru. ORCID: 0009-0003-6485-7142; SPIN-код: 1537-4766; AuthorID: 1067405.

ФИНАНСИРОВАНИЕ ВЫБОРОВ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НОВЕЛЛ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Рассмотрены отдельные изменения избирательного законодательства Российской Федерации, принятые за период 2023 года, в части установления принципиально новых механизмов финансирования подготовки и проведения выборов в федеральные органы государственной власти. Установлено, что предоставленное органам публичной власти субъектов Российской Федерации, федеральных территорий и муниципальных образований право предусматривать выделение средств из соответствующих бюджетов на оказание содействия избирательным комиссиям в организации избирательных кампаний допускает слишком обширные пределы толкования, что повлекло уже по состоянию на начало 2024 года выраженное отсутствие единообразия в правотворчестве и правоприменении на уровне регионов. Отмечается, что данная ситуация может повлечь негативные последствия для подготовки и проведения выборов федерального уровня. Предлагаются отдельные меры по повышению качества правовой регламентации рассматриваемой сферы отношений.

Ключевые слова: выборы; финансирование выборов; принципы избирательного права; избирательное законодательство.

A.D. Kotelnikov

FINANCING ELECTIONS: PROBLEMS OF IMPLEMENTING NEW LEGISLATION

Certain changes in the electoral legislation of the Russian Federation adopted for the period of 2023 are considered, in terms of establishing fundamentally new mechanisms for financing the preparation and conduct of elections to federal government bodies. It has been established that the right granted to public authorities of the constituent entities of the Russian Federation, federal territories and municipalities to provide for the allocation of funds from the relevant budgets to assist election commissions in organizing election campaigns allows for too broad limits of interpretation, which has already

resulted in a pronounced lack of uniformity as of the beginning of 2024 in lawmaking and law enforcement at the regional level. It is noted that this situation may lead to negative consequences for the preparation and conduct of elections at the federal level. Separate measures are proposed to improve the quality of legal regulation of the sphere of relations under consideration.

Key words: elections; election financing; principles of electoral law; electoral legislation.

Важнейшей основой подготовки и проведения выборов является их финансирование, осуществляемое в строгом соответствии с законодательством, нормы которого, в свою очередь, основаны на ряде принципов регулирования данной сферы отношений. На протяжении последних лет немногочисленные изменения института финансового обеспечения избирательных кампаний происходили в части регулирования вопросов, связанных с формированием и расходованием средств избирательных фондов кандидатов и избирательных объединений, тогда как в отношении государственного и муниципального финансирования электоральных процедур нормы оставались почти неизменными [2, с. 198]. Базовым принципом в этой сфере было расходование средств исключительно из бюджета, уровень которого соответствует уровню организуемых выборов (федерального, субъекта Российской Федерации либо местного). Органы публичной власти, в полномочия которых входит доведение соответствующих средств до их главных распорядителей в лице избирательных комиссий, нередко полностью несли риски, связанных с возникновением дополнительных расходов, например, в рамках избирательных споров [3, с. 54]. При этом судебная практика по вопросам материального обеспечения выборов не слишком обширна и преимущественно сводится к спорам, связанным с избирательными фондами [4, с. 32].

Данное обстоятельство в сочетании с впечатляющей стабильностью правовых норм позволяло на протяжении последних двух десятков лет причислять институт финансирования выборов к числу наиболее стабильных в избирательном праве России. Рассматриваемая ситуация тем более удивительна, что в науке на протяжении многих лет идет активная дискуссия о приемлемости сложившейся модели сочетания использования гос-

ударственных и частных средств в рамках избирательных кампаний, отдельные участники которой небезосновательно выступают за переход на финансирование выборов исключительно органами публичной власти [1, с. 32].

Норма, закрепляющая принцип соответствия между уровнем выборов и уровнем бюджета, из которого выделяются средства на их проведение, и сейчас присутствует почти в неизменном виде в пункте 1 статьи 57 Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 67-ФЗ)¹. Однако многолетняя инертность рассматриваемого правового института ушла в прошлое в связи с последними изменениями законодательства о выборах. Федеральным законом от 29 мая 2023 года № 184-ФЗ² статья 57 Федерального закона № 67-ФЗ была дополнена пунктом 3¹, вводящим наряду с существующим принципиально новый механизм финансирования публично-властными субъектами избирательных кампаний. Согласно данной рамочной норме органы государственной власти и местного самоуправления в случаях, прямо предусмотренных федеральными законами, приобретают право на выделение средств из собственных бюджетов на оказание содействия в подготовке выборов в федеральные органы государственной власти и информировании избирателей на указанных выборах. Федеральным законом от 14 ноября 2023 года № 531-ФЗ формулировка пункта была уточнена с точки зрения теории избирательного права и действующего законодательства: информирование избирателей было отнесено к элементам подготовки и проведения выборов в целом, а «выплаты членам избирательных комиссий» заменены полагающейся членам избирательных комиссий с правом решающего голоса в соответствии с пунктом 17 статьи 29 Федерального закона № 67-ФЗ дополнительной оплатой труда (вознаграждением)³. Данные нововведения получили свое развитие в

¹ Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 24. Ст. 2253.

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 29 мая 2023 года № 184-ФЗ // Российская газета. 2023. № 120.

³ О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и

Федеральном законе от 10 января 2003 года № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации», статья 57 которого была дополнена пунктом 1¹ (впоследствии скорректированным аналогичным рассмотренному выше образом)⁴, предоставившим органам публичной власти разных уровней право выделения из соответствующих бюджетов средств на оказание содействия в подготовке и проведении выборов Президента России.

Комментируя приведенные нормы, необходимо остановиться на нескольких важных моментах. В первую очередь следует отметить, что конкретный порядок выделения бюджетных средств органами публичной власти, их последующего расходования и контроля за их использованием федеральным законодателем установлен не был. Вследствие данного пробела рассматриваемые новеллы нашли неоднородное отражение в комплексных законах о выборах, существующих в ряде регионов Российской Федерации. Законодатели некоторых субъектов (например, Алтайского края⁵, Белгородской области⁶ и др.) пошли по достаточно простому пути воспроизведения нормы пункта 3¹ статьи 57 Федерального закона № 67-ФЗ с адаптацией лишь в части указания на их конкретный регион. Более интересным представляется подход, использованный в законах Ленинградской области⁷, Приморского края⁸ и некоторых других субъектов Российской Федерации, которые не только перенесли в свои законодательные акты текст федерального закона, но и

статью 1 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» : Федеральный закон от 14 ноября 2023 года № 531-ФЗ // Российская газета. 2023. № 261.

⁴ О внесении изменений в Федеральный закон «О выборах Президента Российской Федерации» : Федеральный закон от 14 ноября 2023 года № 530-ФЗ // Российская газета. 2023. № 261.

⁵ О внесении изменений в Кодекс Алтайского края о выборах и референдумах : Закон Алтайского края от 7 июня 2023 года № 37-ЗС // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 8 июня 2023 г.

⁶ О внесении изменений в Избирательный кодекс Белгородской области : Закон Белгородской области от 29 декабря 2023 года № 347 // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 29 декабря 2023 г.

⁷ О внесении изменения в областной закон «О системе избирательных комиссий и избирательных участках в Ленинградской области» : Областной закон Ленинградской области от 20 декабря 2023 года № 152-03 // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 25 декабря 2023 г.

⁸ О внесении изменений в Избирательный кодекс Приморского края : Закон Приморского края от 25 декабря 2023 года № 508-КЗ // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 27 декабря 2023 г.

установили порядок реализации нового механизма финансирования выборов, определив, что распределение средств, выделенных по данному основанию из региональных бюджетов, и контроль за их целевым использованием осуществляют избирательные комиссии соответствующих субъектов Российской Федерации.

Данные нормы можно рассматривать как пример опережающего правового регулирования, которое в условиях молчания федерального законодателя является способом совершенствования регламентации избирательных отношений. При этом Федеральный закон № 67-ФЗ не запрещает использовать и другой подход, в котором наряду с избирательными комиссиями получателями бюджетных средств на оказание содействия в подготовке и проведении выборов будут выступать региональные органы государственной власти. Так, Правительство Иркутской области уполномочило на оказание содействия в информировании избирателей о подготовке и проведении выборов Президента России за счет средств областного бюджета аппарат Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области – то есть, исполнительный орган государственной власти⁹. Существенные различия в правовом регулировании отношений в сфере софинансирования федеральных избирательных кампаний на уровне субъектов Российской Федерации представляют собой серьезную проблему, поскольку они непосредственно влияют на работу избирательных комиссий на конкретной территории, уровень гарантий их членов, что в конечном итоге приведет к накоплению выраженных расхождений и искажению единого правового пространства Российской Федерации.

Второй важный аспект рассматриваемых новелл заключается в том, что федеральные законы называют возможные направления финансирования содействия в подготовке и проведении избирательных кампаний (такие, как информирование избирателей и вознаграждение членов избирательных комиссий с правом решающего голоса), но не определяют их в качестве исчерпывающих. Можно предположить, что в таких слу-

⁹ Об оказании содействия в информировании избирателей о подготовке и проведении выборов Президента Российской Федерации : Постановление Правительства Иркутской области от 13 декабря 2023 года № 1131-пп // Официальный интернет-портал правовой информации Иркутской области (ogirk.ru). 15 декабря 2023 г.

чаях органы государственной власти и местного самоуправления в своей помощи избирательным комиссиям ограничены лишь прямыми запретами Федерального закона № 67-ФЗ и иных законов. Однако представляется неслучайным подход федерального законодателя в выборе именно таких примеров содействия. Информирование избирателей имеет ключевое значение как в свете повышения легитимности выборов путем повышения явки, так и с точки зрения обеспечения реализации принципа свободных выборов, защиты избирателя от излишнего воздействия [5, с. 20]. Выплата же из бюджетов разного уровня дополнительного вознаграждения членам избирательных комиссий в настоящее время фактически также имеет своей целью обеспечение содействия в указанном информировании, поскольку основная часть таких средств направлена на стимулирование работы членов участковых комиссий в рамках провозглашенного ЦИК России проекта «ИнформУИК», предполагающего массовые обходы территорий избирательных участков и проведение непосредственной разъяснительной работы с избирателями по вопросам обеспечения реализации их прав¹⁰. Значительный массив нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и даже некоторых муниципальных образований, принятых в рамках избирательной кампании по выборам Президента России на рубеже 2023 – 2024 годов¹¹, свидетельствует об однозначном толковании органами публичной власти норм федерального избирательного законодательства в сторону сужения, что, при этом, несомненно является их правом. Тем не менее, представляется необходимым во избежание неоднозначного толкования правовых норм в отношении определения це-

¹⁰ О реализации проекта «ИнформУИК» в период подготовки и проведения выборов Президента Российской Федерации : Федерации», выписка из протокола заседания Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 6 декабря 2023 года № 139-3-8

¹¹ См., например: Об оказании содействия избирательным комиссиям в подготовке и проведении выборов Президента Российской Федерации на территории Саратовской области : Постановление Правительства Саратовской области от 31 октября 2023 года № 1004-П // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 7 ноября 2023 г.; Об утверждении Порядка расходования средств бюджета города Нижний Тагил на оказание содействия в подготовке и проведении выборов Президента Российской Федерации 17 марта 2024 года : постановление Администрации города Нижний Тагил от 25 января 2024 года № 135-ПА // Тагильский рабочий. 2024. № 9. и др.

левого расходования средств закрепить в федеральном законодательстве конкретный перечень оснований установления расходных обязательств применительно к бюджетам субъектов РФ, федеральных территорий и муниципальных образований, по которым может осуществляться финансирование содействия в подготовке и проведении выборов.

Таким образом, рассмотренные новеллы законодательства о финансировании выборов представляют выраженный теоретический и практический интерес. При этом уже в настоящее время, в отсутствие их полноценной длительной апробации, можно сделать вывод о необходимости совершенствования соответствующих норм и повышения качества федерального избирательного законодательства в части регулирования рассматриваемой сферы общественных отношений.

Список использованной литературы

1. Авакьян С.А. Выборы в России: эволюция избирательных систем, современные проблемы / С.А. Авакьян // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2015. – № 5. – С. 23–39.
2. Избирательное право в фокусе судебной практики : монография / В.В. Игнатенко, Э.И. Девицкий, А.А. Петров, В.Е. Подшивалов ; под ред. В.В. Игнатенко – Иркутск : Изд. дом Байкал. гос. ун-та, 2021. – 280 с. – ISBN 978-5-7253-3066-3.
3. Котельников А.Д. Актуальные вопросы регулирования правового статуса территориальных избирательных комиссий / А.Д. Котельников // Избирательное право. – 2019. – № 1 (39). – С. 50–54.
4. Подшивалов В.Е. Финансирование выборов: законодательное регулирование и судебная практика / В.Е. Подшивалов // Избирательное право. – 2006. – № 2 (2). – С. 23 – 34.
5. Якимова Е.М. Информационное обеспечение избирательного (референдумного) процесса как средство реализации принципа свободных выборов: истоки правового регулирования и современное состояние российского законодательства / Е.М. Якимова // Правовая парадигма. – 2018. – Т. 17, № 4. – С. 16–21. – DOI 10.15688/lc.jvolsu.2018.4.2.

Информация об авторе

Алексей Дмитриевич Котельников – преподаватель кафедры конституционного права и теории права, Юридический институт, Иркутский государственный университет; аспирант, Байкальский государственный университет; e-mail: ADK8897@yandex.ru.

Author

Alexey Dmitrievich Kotelnikov – lecturer at the Department of Constitutional Law and Theory of Law, Law Institute, Irkutsk State University; PhD student, Baikal State University; e-mail: ADK8897@yandex.ru.

ПРЕДЕЛЫ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ ФЕДЕРАЦИИ В РОССИИ И США: ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Согласно общепринятой доктрине федерации являются государствами, в которых государственно-властные полномочия разделены между федеральным центром и субъектами федерации. При этом каждая федерация имеет свою историю образования, свои традиции и нормы, на основании которых функционируют его органы власти. Соответственно в каждой из федераций органы государственной власти субъектов обладают различной степенью самостоятельности. В статье рассматриваются пределы самостоятельности субъектов федерации в России и США. Автор проводит сравнительный анализ правового положения субъектов России и США с точки зрения возможности самостоятельного формирования собственной системы органов государственной власти, а также с точки зрения наличия у данных органов собственных полномочий и возможностей самостоятельно их реализовывать, делает выводы о достоинствах и недостатках сравниваемых систем.

Ключевые слова: государство; федерация; субъекты федерации; органы государственной власти субъектов федерации; полномочия; предметы ведения.

E.A. Kravtsova

THE LIMITS OF THE INDEPENDENCE OF THE SUBJECTS OF THE FEDERATION IN RUSSIA AND THE USA: ISSUES OF LEGAL REGULATION

According to the generally accepted doctrine, federations are states in which state powers are divided between the federal center and the subjects of the federation. At the same time, each federation has its own history of education, its own traditions and norms, on the basis of which its authorities function. Accordingly, in each of the federations, the state authorities of the subjects have a different degree of independence. The article examines the limits of the independence of the subjects of the federation in Russia and the USA. The author

conducts a comparative analysis of the legal situation of the subjects of Russia and the United States from the point of view of the possibility of independently forming their own system of public authorities, as well as from the point of view of whether these bodies have their own powers and opportunities to independently implement them, draws conclusions about the advantages and disadvantages of the compared systems.

Key words: state; federation; subjects of the federation; public authorities of the subjects of the federation; powers; subjects of reference.

Рассуждая о самостоятельности органов государственной власти субъектов федераций, необходимо учитывать то, что достижение этой самостоятельности возможно только при наличии нескольких условий. Во-первых, государство должно быть федерацией, то есть состоять из субъектов, которые формируют собственные органы государственной власти. Во-вторых, данные субъекты должны быть наделены собственными полномочиями, которые они могут самостоятельно реализовывать.

Исторически образование федеративных государств происходит позже, чем формирование унитарных. Как отмечает А.Д. Гуляков, «федерализация – это сложный и весьма деликатный процесс учреждения федеративного государства, включающий в себя длительно складывающиеся предпосылки и непосредственно краткосрочные причины, этапы... конституционного закрепления и формирования институтов федерации» [2, с. 36].

Первым федеративным государством принято называть Швейцарию, основы государственности которой были заложены в 1291 году, когда три Швейцарских кантона (Ури, Швиц и Унтервальден) объединились в союз, направленный на борьбу против Габсбургов [7, с. 24].

Соединенные Штаты Америки – стали вторым федеративным государством, образованным в результате объединения ранее независимых штатов в 1776 году путем принятия Конституции США, которая, как указано в преамбуле Конституции, принята «с целью образовать более совершенный Союз, установить

правосудие, гарантировать внутреннее спокойствие, обеспечить совместную оборону» штатов¹.

Образование всех остальных федеративных государств относятся к XX веку. И Россия не стала исключением.

Изначально Россия формировалась как унитарное государство с монархической формой правления. И провозглашение ее в качестве Федеративного государства произошло на волне революции 1917 года. В «Декларации прав народов России»² от 2 ноября 1917 года устанавливалось, что «Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация советских национальных республик...», в основе организации которой лежат равенство народов России и право наций на самоопределение.

Таким образом, Россия и США являются представителями двух выделяемых учеными путей формирования федеративных государств: «снизу» и «сверху». США, равно как и Швейцария, является ярким примером образования государства снизу. В Конституции США 1776 года есть прямые указания на способ формирования страны как переход от конфедерации независимых штатов в единое федеративное государство. Примером тому может послужить ст. 6 Конституции, где содержится указание на то, что «все долги и обязательства, существовавшие до принятия Конституции, сохраняют для Соединенных Штатов такую же законную силу, что и при Конфедерации».

В России вплоть до начала XX века была абсолютная монархия, при которой существование федеративного государства невозможно. Как справедливо отмечает В.Ш. Галямов, «в официальных кругах царской России федерализм никогда не поддерживали и не признавали» [1, с. 125].

Поскольку США образовывалось путем объединения штатов, где на тот момент уже были собственные органы государственной власти, которые добровольно передали часть своих полномочий федеральному центру, вопросы формирования ор-

¹ Конституция США [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://brightonbeachnews.com/rus/constitution-of-the-usa-russian-text/> (дата обращения: 09.12.2023)

² Декларация прав народов России от 02 ноября 1917 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ppt.ru/texts/index.phtml?id=15361> (дата обращения: 09.12.2023)

ганов власти субъектов на федеральном уровне не регулируются. Штаты США самостоятельно устанавливают способы и процедуры формирования органов государственной власти субъектов: определяют количество депутатов, избираемых в парламенты штатов, устанавливают цензы для лиц, желающих стать парламентарием или занять должность губернатора, выбирают избирательную систему, применяемую на выборах, решают вопросы отставки губернаторов и т.д.

В России самостоятельность субъектов в вопросах формирования собственных органов государственной власти существенно ограничена. Ст. 77 Конституции Российской Федерации устанавливает, что субъекты Российской Федерации самостоятельно формируют собственную систему органов власти с учетом общих принципов, устанавливаемых федеральными законами. Такие принципы изначально устанавливались Федеральным законом «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (утратил силу). Ему на смену пришел Федеральный закон № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (далее – закон № 414-ФЗ)³. Однако ученые неоднократно отмечали, что нормы указанных законов далеко выходят за рамки принципов и осуществляют детальное регулирование вопросов формирования органов государственной власти субъектов Российской Федерации. В действующем законе № 414-ФЗ и в Федеральном законе № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»⁴ устанавливаются правила, определяющие численность законодательных органов субъектов Российской Федерации, устанавливаются цензы для лиц, желающих занять выборные должности на территории субъекта Российской Федерации, их основные полномочия и основы взаимодействия между собой и с центром. Такое детальное регулирование зача-

³ Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 52. Часть I. Ст. 8973.

⁴ Федеральный закон от 12.06.2002 N 67-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 253.

стую негативно оценивается учеными [3, с. 177; 8, с. 123]. Представляется, что с данными мнениями можно согласиться и субъектам Российской Федерации целесообразно предоставить больше самостоятельности в решении вопросов организации и функционирования собственной системы органов государственной власти в отношении законодательных и исполнительных органов государственной власти.

Однако в том, что касается третьей ветви власти – судебной, то здесь существующая в США система представляется неприемлемой. В данной стране действуют две самостоятельные системы судов: федеральные суды и суды штатов. К федеральному ведению отнесено относительно немного дел, поскольку «более 96% дел, возбуждаемых ежегодно, т.е. свыше 90 млн. дел» [9, с. 79] направляется в суды штатов. Данный подход к формированию судебных органов считается «классически федеративным», поскольку предоставляет максимальную самостоятельность штатам к формированию собственной судебной системы, что является обоснованным и закономерным с точки зрения классической теории разделения властей. Однако, как отмечают многие ученые, данный подход негативно сказывается на системе правосудия в целом. Так, А.В. Малько по данному поводу замечает: «вся «правильность» американской модели заключается в том, что она была хронологически первой. Вместе с тем плюрализм форм судебных систем штатов, их разнотипность и разная степень регламентации со стороны законодательной власти не приводят к необходимому единообразию и эффективности судопроизводства» [5, с. 7]. М.С. Шаварин указывает на то, что при такой степени самостоятельности общие нормы толкуются разными судами по-разному, что затрудняет осуществление правосудия [9, с. 81].

Действительно, судебная система является уникальной системой государства, направленной на обеспечение одного из неотъемлемых прав граждан – права на правосудие. При этом единый правовой статус личности на территории страны гарантируется государством, что следует из ст.ст. 1, 2, 6, 7, 18, 19 и т.д. Конституции Российской Федерации, поправки 4–6, 9 к Конституции США. Следовательно, и правосудие на территории этих стран должно осуществляться единообразно. Наличие в каждом штате собственного уголовного законодательства, а также собственной независимой системы судов негативно сказывается на

всей системе правосудия в целом, не позволяя сформироваться единому правовому статусу личности на территории страны, позволяет манипулировать законом, а также нарушает принцип справедливости, которая не может быть разной на разных территориях одного и того же государства.

Как уже было указано, свобода субъектов федерации при формировании и деятельности собственных органов государственной власти является лишь одной из составляющих, позволяющих определить степень их самостоятельности. По нашему мнению, самостоятельность субъектов федераций в большей степени подтверждается не наличием собственных органов государственной власти, обладающих независимостью от центра, а наличием у данных органов собственных полномочий и возможностью их самостоятельно реализовывать.

Если сравнивать в данном плане Россию и США, то в обеих этих странах субъекты федерации наделяются полномочиями «по остаточному принципу»: все, что не закреплено в Конституции как полномочия федеральных органов государственной власти является полномочиями субъектов. Однако правовое положение субъектов данных двух стран имеет существенные отличия.

В Конституции России указаны предметы ведения федеральных органов государственной власти и предметы совместного ведения (ст. 71, 72 Конституции). Разделение полномочий между федерацией и субъектами по предметам совместного ведения осуществлено в ст. 44 закона № 414-ФЗ. Однако п. 3 ст. 44 указанного нормативного акта содержит предписание, что все полномочия, закрепленные в качестве собственных полномочий субъектов Российской Федерации, могут быть урегулированы федеральными законами (за исключением вопроса распределения собственных бюджетных средств субъектов Российской Федерации), что не способствует повышению самостоятельности регионов, давая возможность регулировать на федеральном уровне практически любой вопрос. При этом федеральный законодатель широко пользуется предоставленными ему п. 3 ст. 44 закона № 414-ФЗ правами, детально регулируя большинство направлений жизнедеятельности и предоставляя субъектам незначительную самостоятельность при решении тех или иных вопросов. Рассматривая сложившуюся в данной сфере си-

туацию, А.Н. Шармоянц указывал, что «при осуществлении совместного правового регулирования федерации и регионов права и интересы субъектов Российской Федерации, вполне обеспечены и защищены» [10, с. 145]. Однако большинство ученых негативно отзывается о самостоятельности субъектов Российской Федерации. Так, В.А. Остряков отмечает: «вряд ли современные российские условия позволят рассматривать данный подход законодателя как возможность собственного, свободного усмотрения в соответствующих сферах» [6, с. 512].

В Конституции США полномочия федеральных органов рассматриваются как делегированные им штатами (поправка X Конституции США). К предметам ведения центра отнесены вопросы внешней политики, регулирование торговли, регулирование денежной системы США, учреждение федеральных органов власти, установление мер и весов, набор и содержание армии и военно-морского флота, почтовая служба, вопросы гражданства, авторское право. Кроме того, в Конституции США закреплены «совпадающие полномочия». С точки зрения российского права – это полномочия по предметам совместного ведения. К их числу относятся законотворчество и правоприменение в сфере деятельности корпораций, вопросы налогообложения и обеспечения «всеобщего благоденствия». Правовое регулирование указанных вопросов осуществляется конгрессом США, а штаты осуществляют свое регулирование данной сферы в строгом соответствии с федеральными законами.

Анализируя распределение предметов ведения между центром и регионами в США, можно отметить, что полномочия федерального центра в США значительно уже, чем в России. При этом США также оставили за собой право принимать федеральные нормативные акты по любым вопросам, что следует из раздела 8 ст. 1 Конституции США, в котором закреплен принцип «подразумеваемых» полномочий, согласно которому Конгресс США может издавать любые законы, которые необходимы и уместны для осуществления установленных Конституцией федеральных полномочий и всех других полномочий, предоставленных правительству США, его департаментам или должностным лицам. Рассматривая сложившуюся в США ситуацию, связанную с реализацией вышеприведенной нормы, В.И. Лафит-

ский отмечает, что «в целом предметы ведения субъектов федерации сужаются, и, по-видимому этот процесс необратим» [4, с. 116].

Таким образом, анализ нормативного регулирования и способов распределения полномочий между субъектами и центром в США и России показывает схожесть позиций федерального законодателя в России и США по рассматриваемому вопросу. В обеих Конституциях закреплены полномочия федерального центра, предметы совместного ведения, вне действия которых субъекты полностью самостоятельны. В обеих странах существует возможность федерального центра принимать собственные нормативные акты по предметам совместного ведения, даже если указанные полномочия закреплены в качестве собственных полномочий субъектов. Несколько большая фактическая самостоятельность субъектов США (в частности при установлении собственной судебной системы штатов, различных требований к кандидатам на занятие государственных должностей субъектов Российской Федерации, законов, устанавливающих ответственность за совершение правонарушений и т.д.) обусловлена способом формирования США, как единого государства, путем объединения самостоятельных государственных образований. Происходящие в США процессы централизации подтверждают, что во многих случаях унификация подходов к исполнению полномочий органами государственной власти субъектов федерации на федеральном уровне оказывается более эффективной, чем разнонаправленное нормативное регулирование, осуществляемое отдельными штатами.

Список использованной литературы

1. Галямов В.Ш. История возникновения и развития федераций, общая характеристика федерализма // Вопросы студенческой науки. 2019. № 5 (33). С. 125–127.
2. Гуляков А.Д. Федерализм: механизм возникновения и основные направления развития : историко-государствоведческое исследование. М. : RIOR, 2019. 388 с.
3. Ишеков К.А. Реализация конституционного принципа разделения властей в субъектах Российской Федерации. Саратов : ГОУ ВПО «Рос. правовая акад. МЮ РФ», 2010. 253 с.
4. Лафитский В.И. Конституционные основы федерализма в США // Журнал российского права. 2007. № 3 С. 116–127.

5. Малько А.В., Гуляков А.Д. Судебный федерализм в контексте генезисного и историко-типологического подходов // Право и государство: теория и практика. 2016. № 7 (139). С. 6–10.
6. Остряков В.Э. Отдельные проблемы разграничения полномочий между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов РФ // Вестник современных исследований. 2018. № 5.2 (20). С. 512–515.
7. Прохоров А.В. К вопросу об образовании федеративных государств // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2007. № 3. С. 23–30.
8. Хабриева Т.Я. Разграничение законодательной компетенции Российской Федерации и ее субъектов // Соотношение законодательства Российской Федерации и законодательства субъектов Российской Федерации. М. 2003. С. 118–124.
9. Шаварин М.С. Особенности судов в Американских штатах // США и Канада: экономика, политика, культура. 2011. № 3 (495). С. 79–87.
10. Шармоянц А.Н. О модели разграничения полномочий между федеральными органами государственной власти и субъектами федерации в РФ // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2016. Т. 2 (68). № 2. С. 144–150.

Информация об авторе

Елена Александровна Кравцова — доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: 543375@mail.ru.

Author

Elena Alexandrovna Kravtsova — Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Ph.D. in Law, Associate Professor. E-mail: 543375@mail.ru.

СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ ТОЛКОВАНИЯ В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ И РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬЕ: ТЕХНИКО-ЮРИДИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Современная юридическая география мира представляет собой многоаспектную общность правовых систем, в которых особое значение имеют романо-германская и англо-американская правовые семьи. Значимой составляющей этих правовых семей является исследование источников (форм) права в русле продолжающихся процессов их юридической конвергенции. Судебный прецедент толкования представляет собой правовой феномен, которому уделяется существенное внимание в процессе осуществления научного анализа. Неоднозначными являются понятийные основания исследуемого правового феномена, специфика юридической природы и технико-юридические основания данного юридического документа. Различия судебного прецедента толкования в англо-американской и в романо-германской правовой семье носят значительный характер как с точки зрения содержательных аспектов, так и с учетом технико-юридических оснований формулирования. Развитие судебного прецедента толкования в современной романо-германской правовой семье (в частности, в российской правовой системе) будет осуществляться собственным уникальным путем с учетом опыта трансформации классических судебных прецедентов, а не судебных прецедентов толкования англо-американской правовой семьи.

Ключевые слова: англо-американская правовая семья; романо-германская правовая семья; судебный прецедент; судебный прецедент толкования; юридическая техника; ratio decidendi; obiter dictum.

**JUDICIAL PRECEDENT OF INTERPRETATION
IN THE ANGLO-AMERICAN AND ROMANO-GERMAN
LEGAL FAMILY: TECHNICAL AND LEGAL GROUNDS
AND DEVELOPMENT PROSPECTS**

The modern legal geography of the world is a multidimensional community of legal systems in which the Romano-German and Anglo-American legal families are of particular importance. An important component of these legal families is the study of the sources (forms) of law in line with the ongoing processes of their legal convergence. The judicial precedent of interpretation is a legal phenomenon that is given significant attention in the process of scientific analysis. The conceptual foundations of the legal phenomenon under study, the specifics of the legal nature and the technical and legal foundations of this legal document are ambiguous. The differences in the judicial precedent of interpretation in the Anglo-American and in the Romano-German legal family are significant both in terms of substantive aspects and taking into account the technical and legal grounds for formulation. The development of the judicial precedent of interpretation in the modern Romano-German legal family (in particular, in the Russian legal system) will develop in its own unique way, taking into account the experience of transformation of classical judicial precedents, rather than judicial precedents of interpretation of the Anglo-American legal family.

Key words: anglo-american legal family; romano-german legal family; judicial precedent; judicial precedent of interpretation; legal technique; ratio decidendi; obiter dictum.

Судебный прецедент толкования представляет собой достаточно сложную юридическую конструкцию, которая неоднозначно понимается в различных правовых системах. Вместе с тем, в условиях конвергенции правовых семей, а также повышения значения судебных прецедентов толкования в романо-германской правовой семье в русле активного развития форм права значимым является изучения аналогичных правовых явлений для дальнейшего формального и содержательного совершенствования этого юридического документа.

Судебный прецедент толкования как самостоятельная разновидность юридического акта в романо-германской правовой семье на данный момент развития правовой доктрины так и не получил устоявшегося понимания, однозначного признания закрепления такой терминологической конструкции, достаточно разнородны содержательные характеристики. Профессор М.Н. Марченко полагает, что это акты очень близки к судебным прецедентам, вместе с тем, они имеют свою специфику, кроме того, «формирование и функционирование прецедента на основе действующего законодательства имеет вторичный характер по сравнению с законом» [1, с. 107]. Причем, в зависимости от конкретной национальной правовой системы романо-германской правовой семьи, имеет неодинаковое распространение. Это юридические акты, принятые высшими органами судебной власти, содержащие в себе разъяснения действующего законодательства, применяемые неоднократно. Вместе с тем, следует отметить, что понятие судебного прецедента, признание его в качестве одного из источников (форм) права, специфика применения, место в иерархической системе форм права в разных правовых системах романо-германской правовой семьи весьма неоднозначно.

В частности, судебными прецедентами толкования в правовой системе России в их классическом понимании следует считать Постановления Конституционного Суда Российской Федерации и Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Техничко-юридически они представляют собой достаточно четко структурированные документы, создаваемые на основании установленных формализованных требований, последовательно изложенной системой правоположений. С классическим судебным прецедентом их сближает то, что это юридические акты, принимаемые высшими судебными органами, имеют неоднократное применение и содержат нормативные установления (правоположения), имеют в определенной степени обязательный характер, или прямо (Постановления Конституционного Суда Российской Федерации), или косвенно (Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации) вытекают из рассмотрения конкретного юридического дела. В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации кроме нормативных установлений содержится и решение конкретного юридического дела.

Вместе с тем, анализируя их содержание на предмет выявления *ratio decidendi* и *obiter dictum*, ситуация неоднозначна. Как отмечает И.Ю. Богдановская, основная задача, которая стоит перед юристом, анализирующим судебный прецедент, это выделить из него общую норму (*ratio decidendi*) [2, с. 5]. Четкого закрепления в данной разновидности судебных актов норма права как содержательно, так и структурно не получает. То же самое мы наблюдаем в содержании Постановлений Конституционного Суда Российской Федерации. При применении этого вида судебного акта могут использоваться выводы в процессе аргументации, непосредственно интерпретационные положения, юридические дефиниции и т.д., то есть спектр составляющих *ratio decidendi* достаточно широк. Некоторые из них носят детализированный и структурированный характер, другие выделяются из текста с путем системы мыслительных операций. Кроме того, существует возможность варьирования текстуальной формой выражения интерпретационных положений (но не всегда, в зависимости от конкретного судебного акта). В содержании Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации правоположения, которые разъясняют нормы законодательства определены и структурно обособлены в тексте этого юридического акта. Кроме того, в отличие от судебных прецедентов англо-американской правовой семьи, они подлежат официальному опубликованию.

Если рассматривать толкование законов в различных правовых системах англо-американской правовой семьи, то следует отметить, что их особенности достаточно вариативны. Например, Британский парламент предлагает судам две возможности: принят специальный закон о правилах толкования *Rules of Interpretation Act 1978* года, кроме того, многие законы содержат специальные разделы, объясняющие употребляемые в данном статуте термины [3, с. 253]. В современном американском праве практически не встречаются судебные прецеденты, которые непосредственно разъясняют положения законов или иных правовых прецедентов. Среди актов, разъясняющих применяемые нормы права (прецедентного или статутного) следует особо отметить разъяснения участников судебного процесса в ходе судопроизводства, которые впоследствии утверждаются судебным органом (например, *brief*). Тем не менее, достаточно детально

изложенные интерпретационные нормы встречаются в классических судебных прецедентах, например, в деле Никса и Хеддена 1893 года (*Nix v. Hedden*) было дано разъяснение о том, что «восприятие томатов как фруктов расходилось бы с восприятием данной культуры представителями социума... иное ее восприятие расходилось бы с намерением законодателя» [4, с. 98]. Среди классических прецедентов толкования необходимо отметить прецеденты толкования Верховного Суда США, который разъясняет конституционные положения.

Применительно к исследованию английской правовой системы Е.Н. Тонков отмечает, что судья при подготовке решения по конкретному делу «толкует не только тексты законов и прецедентов, но и осуществляет толкование права – всей совокупности правовых закономерностей, источников права» [5, с. 112–113]. При этом не стоит забывать, что одним из источников англо-американского права является разум (*reason*), это также усиливает казуальность судебной интерпретации.

Изложенное позволяет сформулировать следующие выводы. Юридическая природа судебного прецедента толкования в англо-американской правовой семье и романо-германской правовой семье в значительной степени различается. Судебный прецедент толкования в романо-германской правовой семье представляет собой результат преимущественного нормативного толкования правовых предписаний, является юридическим документом, который создается на основании ряда технико-юридических требований, сформулированных в первую очередь доктринальным путем. Этот юридический документ содержит в значительной степени детализировано и четко изложенные правоположения, которые носят унифицированный характер и преимущественно буквально применяются при разрешении конкретного юридического дела в процессе их использования. Судебный прецедент толкования в англо-американской правовой семье представляет собой результат преимущественно казуального толкования норм права и практически не встречается как отдельная разновидность юридического документа, принимаемая именно высшими судебными органами. Толкование применяемых нормативных предписаний статутного или прецедентного права осуществляется в процессе решения конкретного юридического дела и создания любого классического (креативного) судебного прецедента. В технико-юридическом

аспекте положения, разъясняющие применяемые нормативные правовые положения, не имеют четкой унифицированной технико-юридической обособленности и унифицированной структурированности в качестве элементов текста данного юридического документа. Развитие судебного прецедента толкования в современной романо-германской правовой семье (в частности, в российской правовой системе) будет осуществляться собственным уникальным путем с учетом опыта трансформации классических судебных прецедентов, а не судебных прецедентов толкования англо-американской правовой семьи.

Список использованной литературы

1. Марченко М.Н. Судебный прецедент: разнообразие понятий и форм проявления // Журнал российского права. – 2006. – № 6 (114) – С. 96–107.
2. Богдановская И.Ю. Прецедентное право. – М.: Наука, 1993. – 239 с.
3. Романов А.К. Право и правовая система Великобритании: учебное пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Инфра-М. 2023. – 340 с.
4. Викулина М.А. Принципы толкования правовых норм в континентальной и англо-саксонской правовых семьях // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 3 (832). С. 91–103.
5. Тонков Е.Н. История формирования английской доктрины толкования закона // Ленинградский юридический журнал. – 2013. – № 4 (34). – С. 103–113.

Информация об авторе

Ольга Борисовна Купцова – доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, кандидат юридических наук, доцент, e-mail: olga.kuptsova@mail.ru.

Author

Olga Borisovna Kuptsova – Associate Professor of Department of Theory of State and Law, of the Law Faculty, National Research Nizhny Novgorod State University N.I. Lobachevsky, Ph.D. in Law, Ass. Professor, E-mail: olga.kuptsova@mail.ru.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДЕФИНИЦИЙ КОНТРАБАНДООБРАЗУЮЩИХ ДЕЯНИЙ В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Высокий уровень общественной и экономической опасности такого преступного деяния, как контрабанда, и неоспоримая актуальность борьбы с данным негативным явлением на протяжении всей истории российского государства на постоянной основе ставит перед законодателем и обществом в целом, новые проблемы, затрагивающие, как вопросы в национальных социально-экономических сферах, так и в геополитических аспектах на мировом уровне. Определение контрабанды в законодательных актах российского государства претерпевало значительные изменения в процессе исторического развития, что было обусловлено состоянием российского общества, уровнем торгово-экономических отношений русского государства с зарубежьем, отношением власти и законодателя к этому явлению. Вопросы правовой определенности дефиниции контрабандообразующих деяний становятся тем актуальнее в современном законодательстве, чем более обнаруживается пробелов и неурегулированности отдельных правовых норм в таможенном и уголовном законодательствах стран-членов ЕАЭС, что влияет на установление единой модели поведения в области таможенно-торговых отношений в рамках союза и с третьими странами, а также определения границ правомерного и девиантного поведения.

Ключевые слова: контрабанда; исторические аспекты; законодательство; обман таможни; торговые отношения.

Т.Р. Lepa

COMPARATIVE ANALYSIS OF DEFINITIONS OF SMUGGLING ACTS IN HISTORICAL ASPECT OF RUSSIAN LEGISLATION

The high level of public and economic danger of such a criminal act as smuggling, and the indisputable relevance of the fight against this negative phenomenon throughout the history of the Russian

state on an ongoing basis, poses new tasks for the legislator and society as a whole, affecting both problems in national socio-economic spheres and geopolitical factors at the world level. The definition of smuggling in the legislative acts of the Russian state underwent significant changes in the process of historical development, which was due to the state of Russian society, the level of trade and economic relations of the Russian state with foreign countries, the attitude of the authorities and the legislator towards this phenomenon. The issues of legal certainty of the definition of smuggling acts become more relevant in modern legislation, the more gaps and unresolved individual legal norms are found in the customs and criminal laws of the EAEU member countries, which affects the establishment of a unified model of behavior in the field of customs-trade relations within the union and with third countries, as well as the definition of the boundaries of legitimate and deviant behavior.

Key words: smuggling; historical aspects; legislation; customs deception; trade relations.

Появление контрабанды, как явления, связано с установлением государственных и таможенных границ, введением таможенных барьеров и протекционистских тарифов на ввозимые товары с целью защиты национального производителя [3, с. 31] и государственной экономики в целом.

Согласно историческим хроникам возраст контрабанды на границах русского государства превышает тысячелетие - так в своде древнерусских законов «Русская Правда» Ярослава Мудрого (XI век) уже были прописаны правила торговли с условиями уплаты пошлин и наказаниями за контрабандный провоз товаров. Под контрабандой понимали фактический провоз или попытку провоза через границу товаров «ухищренным способом», что каралось штрафом («промыт»), сумма которого начислялась в двойной величине от подлежащей уплате пошлины («мыт»).

Судебник князя Владимира за контрабанду в форме тайного провоза товара с сокрытием от таможенной проверки устанавливал наказание для лица, перемещавшего товар через границу, в виде битья кнутом и конфискации контрабандного товара.

Увеличение уровня контрабанды, начиная с XIII века на русских границах связано с активизацией торговли новгородских и архангельских купцов со странами Ганзейского союза и Англией. Для защиты российского внутреннего рынка правительство устанавливает различные внешнеторговые барьеры [7, с. 31] и вводит новые меры уголовного наказания и основания для уголовного преследования лиц, причастных к контрабанде.

Соборное Уложение, принятое в 1649 году, содержало составы преступлений, таких как «кормчество» — т.е. нелегальное производство, контрабандное перемещение и реализация различных товаров, на которые государство имело монопольные права, в том числе, на алкогольную продукцию. В Уложении впервые введена ответственность для лиц, помогавшим контрабандистам при незаконном перемещении последними товаров. Для таких лиц, невзирая на их социальное положение и происхождение, устанавливалось наказание в виде битья кнутом и взыскание штрафов («мыт, мостовщина и перевоз») в тройной величине от полагающихся платежей за легальный провоз товаров. Последовавшая затем отмена льгот для товаров, провозимых английскими купцами, ввела новые основания полагать, что товары были провезены контрабандно, - если под видом английских товаров ввозились товары из иных стран или цены на ввозимые товары заведомо снижались, чтобы составить конкуренцию аналогичным товарам, произведенным в России; такие контрабандные товары получили название «обидные, подкраденые».

Очередное ужесточение наказания за контрабанду запрещенных к ввозу и использованию на российской территории товаров было предусмотрено в Новоторговом Уставе 1667 года — кроме конфискации товаров и телесных наказаний, могли применяться и отсечение конечностей правонарушителя. В понятие контрабанды в этот период кроме утайки провозимых товаров добавляются факты занижения продажной цены товаров и торговля иностранными купцами без наличия у них жалованных грамот, подтверждавших право торговать ввезенными товарами на российской территории, а также без документа («выпись»), который выдавался после прохождения товаром таможенного контроля в форме досмотра.

Морской Торговый Регламент и Устав Петра I 1724 года внес дополнительные новации в составы и санкции за таможенные правонарушения – под конфискацию попадали перевозочные транспортные средства, в первую очередь водные, на которые погрузка и перегрузка товара производилась в неустановленных местах либо без разрешения таможенного органа. Контрабандным мог быть признан не только груз, но и личные вещи лиц, прибывших из-за границы, и на которые распространялся таможенный контроль, при условии, что они признавались сокрытыми от контроля («не явленными» или «утаенными»), либо запрещенными законодательством к ввозу на российскую территорию («заповедными»), либо провезенными под видом другого товара («добрые товары под видом худых»). Появляется деление на открытую контрабанду, направленную на нанесение ущерба казне путем неправомерных действий лиц, перемещающих товары (занижение в таможенных документах количества, качества или стоимости провозимого товара и т.д.) и на тайную – провоз с сокрытием товара от таможенного контроля. Открытая контрабанда наказывалась в соответствии с Регламентом разработанной системой санкций, тайная – конфискацией той части товара, который был сокрыт от таможни. Кроме того, появляется новое понятие – должностная контрабанда, к которой были причастны таможенники, помогавшие контрабандистам или скрывавшие факты контрабанды.

Таможенный Устав 1755 года позволил при наличии доноса и подтвердившегося факта контрабанды без проводимого расследования конфисковывать товар в пользу как казны, так и доносчиков пополам.

С целью снижения уровня контрабанды принимается ряд мер, в частности: уменьшается величина таможенного тарифа для начисления таможенных пошлин на ввозимые товары, реализуется «откупная система», внедряется институт таможенных объезчиков и таможенной стражи, финансово поощряется система доносительства на контрабандистов, их пособников и хранителей контрабандного товара.

Первое систематизированное российское законодательство о контрабанде появляется в 1819 году с введением в действие Таможенного Устава, установившего обязанность провозить товар через таможни с обязательным предъявлением его и соответствующих документов на него таможенному должностному

лицу. Устав содержал первое формальное определение контрабанды, включившее в себя перемещение товаров, провезенных мимо таможен, т.е. минуя обязательный таможенный контроль товаров, либо с сокрытием от таможни, а также тех товаров, которые были перемещены через границу без указания о них в документах, предъявленных в таможенный орган. Санкции за данные деяния содержались в Уложении 1845 года «О наказаниях уголовных и исправительных».

Таможенный Устав 1892 года субъектом преступления за контрабанду признавал перевозчика товара независимо от наличия у него умысла на совершение этого деяния. Таможенные должностные лица, причастные к контрабанде, наказывались увольнением со службы. Иные лица, имевшие отношение к контрабанде или к контрабандному товару и действовавшие группой («скопищем»), включая собственника товара и лиц, хранивших контрабандный товар, подлежали коллективной ответственности. Уставом введено понятие квалифицированной контрабанды и расширен круг санкций за эти деяния от лишения всех прав состояния до тюремного заключения, а для рецидивистов - вплоть до каторжных работ до 6 лет или ссылки в Сибирь.

Очередные правки в определение контрабанды были внесены Таможенными Уставами 1904 и 1906 годов, согласно которым, контрабанда – перемещение товаров, как незаконно провезенных, так и незаконно пронесенных через границу, а также тех, которые, хотя и были представлены в таможенный орган, но, согласно действовавших правил, считались перемещенными тайно, т.е. товары: ввезенные помимо таможни, либо через таможенный орган, но с сокрытием от контроля (в отношении товаров иностранного производства, либо запрещенных для ввоза, либо подлежащих уплате таможенными платежами); вывозимые, либо задержанные при попытке вывоза российские товары, в том числе запрещенные к вывозу, минуя таможенный контроль, либо с сокрытием от контроля; выпущенные на внутреннем российском рынке, прошедшие через таможню, но запрещенные к ввозу и обязанные быть вывезенными, но не покинувшие российскую территорию.

В Уголовном Уложении 1903 года как вид санкции за контрабанду вводится новый термин «отобрание», заменивший

конфискацию; а за контрабанду запрещенных для ввоза пошлинных товаров назначается дополнительно взыскание пени в пятикратном размере подлежащей уплате пошлины, но при этом из-под уголовной ответственности были выведены факты провоза беспошлинных товаров. Лиц, осужденных за контрабанду, могли приговорить к высылке на жительство за 50 верст от морской или сухопутной границы на срок до 5 лет.

Наиболее проработанное и детальное определение контрабанды содержалось в Положении о контрабанде 1907 года, в котором контрабандными признавались товары, запрещенные для перемещения через границу и подлежащие обязательной оплате таможенной пошлиной, а в отношении иностранных товаров вводилось обязательное таможенное клеймение, наличие таможенных пломб и бандеролей. Товары, задержанные на пятиверстной пограничной полосе, также попадали под определение контрабандных, даже если они не подлежали клеймению, но в отношении них не были уплачены таможенные платежи. Таким образом, согласно Положению, контрабанда – это перемещение товара через границу помимо таможни, либо с сокрытием от таможенного контроля; выпуск в свободный оборот на внутреннем российском рынке транзитных иностранных товаров; вывоз российских товаров помимо или с сокрытием от таможенного контроля, разрешенных к вывозу при условии возврата пошлин, ранее уплаченных за ввезенные материалы для их производства или при условии возврата акцизных и иных сборов; вывоз или попытку вывоза российских товаров, запрещенных к вывозу; выпуск в свободный оборот на российском рынке запрещенных к ввозу иностранных товаров и разрешенных к обратному вывозу; выпуск в свободный оборот на российском рынке запрещенных к ввозу иностранных товаров, но выпущенных в нарушение законодательства по сговору с таможенником; выпуск в свободный оборот на российском рынке пошлинных иностранных товаров, но без уплаты полагающейся пошлины либо с занижением величины пошлины по сговору с таможенником.

Таможенный Устав 1910 года определил контрабанду как ввоз и вывоз или попытку вывоза помимо или с сокрытием от таможенного контроля иностранных, запрещенных или облага-

емых пошлиной товаров, либо их выпуск на российской территории без уплаты пошлины или с занижением пошлины по преступному сговору с таможенником.

В советское время первое официальное определение контрабанды появилось в 1917 году в Постановлении СНК РСФСР «О разрешениях на ввоз и вывоз товаров», согласно которому государство устанавливало монополию на внешнюю торговлю, и правом выдавать соответствующие разрешения наделялся Комиссариат торговли и промышленности, а все иные действия во внешнеэкономической сфере без официального разрешения признавались контрабандой.

Последующие Постановления и Декреты СНК РСФСР 1918–1921 годов детализировали дефиницию, внося дополнения, в частности, на ввод запрета покупок в прифронтовой полосе и вводя такие дополнительные признаки преступного деяния, как сокрытие товаров от контроля, провоз сверх разрешенного количества, перемещение помимо таможни, тайно или с иными ухищрениями. Как особые предметы контрабанды, независимо от способа провоза которых, всегда устанавливалась юридическая ответственность [5, с. 5], признавались предметы военного назначения, оружие и документы, которые могли нанести вред молодому государству. Контрабанда начала рассматриваться, не только в рамках уголовного, но и в рамках административного судопроизводства [2, с. 344].

В Декрете СНК РСФСР 1922 года «О таможенной охране» были обобщены и более четко сформулированы признаки контрабанды: провоз или пронос попытка вывоза через гос. границу, товаров и ценностей минуя таможню; провоз или пронос товаров с сокрытием от таможенного контроля путем ухищрений, а также запрещенных к перемещению, либо разрешенных, но при попытке не платить таможенную пошлину. В документ были добавлены квалифицирующие признаки деяния: при провозе товара – вид средства перевозки (механическое, вьючное, лошади и т.д.); при предоставлении документа – документ на иной товар; при сокрытии товара – конкретизировался способ сокрытия; кроме того, контрабанда подразделялась на простую и квалифицированную, т.е. совершенную вооруженными либо должностными лицами, либо с целью промысла, либо если предметом контрабанды являлись особо опасные товары.

Таможенный устав СССР 1924 года разделил контрабанду на 3 вида: простая, повторная и квалифицированная, установив соответствующие наказания, – от административного штрафа – за простую и до конфискации товара и лишения свободы со строгой изоляцией правонарушителя – за квалифицированную. Кроме того, к контрабанде приравнивалось хранение и перемещение в 50-километровой пограничной зоне иностранных товаров без клейм и бандеролей, либо незаконная продажа товаров, изъятых либо провезенных без уплаты пошлины или с занижением таможенной пошлины. Все эти дополнения в определение контрабанды вошли в принятый в 1928 году Таможенный кодекс СССР и данная дефиниция просуществовала до 1958 года до принятия закона СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления», которым было упразднено деление контрабанды на простую и квалифицированную и она определялась, как «незаконное перемещение товарных ценностей через госграницу СССР с сокрытием предметов в специальных хранилищах, либо с обманным использованием документов, либо в крупных размерах». Ответственность ужесточалась, если деяние совершалось группой лиц, либо должностным лицом с использованием служебного положения [1, с. 25], либо в отношении особо опасных товаров (оружия, наркотических, сильнодействующих веществ, оружия, боеприпасов и т.д.).

Наиболее полное и развернутое определение контрабанды в советский период было дано в Таможенном кодексе СССР 1964 года, в котором под контрабандой понималось незаконное перемещение грузов, в том числе международных почтовых отправлений, через госграницу СССР помимо или с сокрытием от таможенного контроля, а также хранение, реализация их в СССР без разрешения; хранение незаконно перемещенных иностранных товаров в количестве, превышающем норму, необходимую для личного потребления; ввоз или получение из-за границы грузов, с наличием разрешений и с уплатой пошлины, но если это перемещение связано с незаконным вывозом, переводом или пересылкой за границу валютных документов или средств в рублях, приобретаемых за иностранную валюту без права перевода их в такую валюту, ювелирных и других бытовых изделий из драгоценных металлов и драгоценных камней и лома таких изделий; незаконное перемещение через границу валюты СССР,

валютных ценностей, платежных документов в рублях, приобретаемых за иностранную валюту без права обращения их в такую валюту или иные ценности; совершение покушения на вышеперечисленные нарушения.

Последняя трактовка понятия контрабанды в советском законодательстве была дана в статье 188 УК Российской Федерации 1996 года, содержащей запреты на торговую (не запрещенную в обороте) контрабанду в крупном размере и контрабанду товаров, изъятых или ограниченных в свободном обороте. Данная статья была декриминализована Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ.

Современное российское законодательство не содержит четкого определения контрабанды, но оно сохранилось в статьях 16.1 и 16.2 КоАП России в виде признаков, характеризующих данное деяние, к которым отнесено незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза товаров: помимо таможенного контроля (вне времени и вне места работы таможенных органов); с сокрытием от таможенного контроля (путем использования тайников или способом, затрудняющим обнаружение товаров, либо путем придания одним товарам вида других); сообщение в таможенный орган недостоверных сведений о товаре путем представления недействительных документов либо использования поддельного средства идентификации или подлинного средства идентификации, относящегося к другим товарам; недекларирование товара по установленной форме; недостоверное декларирование [6] товара, если это послужило или могло послужить основанием для освобождения от уплаты таможенных пошлин, налогов или для занижения их размера, либо для несоблюдения установленных законом запретов и ограничений.

Статьи действующего УК Российской Федерации (226.1, 229.1, 200.1, 200.2) содержат диспозиции и санкции за контрабандные преступления и перечень товаров, выступающих предметами преступления, но не содержат признаков контрабанды.

Таким образом, прослеживается явная историческая преемственность в формировании дефиниции контрабанды, трансформация которого обуславливалась историческими и социальными особенностями каждой из эпох, сложившимися международными торгово-таможенными отношениями на каждом из

этапов и уровнем развития законотворческой и правоприменительной практик на российской территории. На каждом историческом этапе властью и юристами предпринимались попытки раскрыть содержание данного явления через преломление юридических фактов, выявить те общие и существенные признаки, которые более четко и определенно описывают сущность этого деяния с целью избежать коллизий и пресечь возможные юридические и практические ошибки при квалификации деяния, проведения расследования и принятия решения по существу, т.к. неточность или неопределенность в изложении дефиниции, как и правовой нормы, может крайне негативно влиять [4, с. 33] на правовое регулирование общественных отношений.

Список использованной литературы

1. Дамм И.А. Коррупционное преступление: проблемы понимания и определения / И.А. Дамм // Академический юридический журнал. — 2020. — Т. 21, № 1 (79). — С. 20–27.

2. Игнатенко В.В. Вклад профессора Д.Н. Бахраха в развитие отечественной науки административного права / В.В. Игнатенко // Академический юридический журнал. — 2022. — Т. 23, № 3. — С. 342–349.

3. Кожевникова В.Н. Сущность и современная трактовка таможенных платежей / В.Н. Кожевникова // Известия Байкальского государственного университета. — 2008. — № 2 (58). — С. 28–31.

4. Малыхина Т.А. Историко-криминологический анализ некоторых фоновых явлений преступности в России / Т.А. Малыхина, А.Л. Репецкая // Академический юридический журнал. — 2021. — Т. 22, № 1. — С. 33–40.

5. Минникес И.В. Виды юридической ответственности в российском праве XVI–XVIII в / И.В. Минникес // Академический юридический журнал. — 2021. — Т. 22, № 1. — С. 5–13.

6. Петров Д.С. Вопросы квалификации незаконных рубок при расследовании контрабанды лесоматериалов / Д.С. Петров // Baikal Research Journal. — 2021. — Т. 14, № 4.

7. Федотов Д.Ю. Институциональные последствия и преимущества вступления России в ВТО / Д.Ю. Федотов // Известия Байкальского государственного университета. — 2013. — № 6 (92). — С. 31–35.

Информация об авторе

Татьяна Павловна Лепа — старший преподаватель, кафедра предпринимательское и финансовое право, Байкальский государственный университет; e-mail: 777taliana777@rambler.ru.

Author

Tatyana Pavlovna Lepa — Senior Lecturer, Department of Entrepreneurial and Financial Law, Baikal State University; e-mail: 777taliana777@rambler.ru.

ЭВОЛЮЦИЯ МЕДИАЦИИ В МИРЕ И ЕЕ АКТУАЛЬНОСТЬ В ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОМ ПОДХОДЕ К ОБРАЗОВАНИЮ ЮРИСТОВ В РОССИИ

Работа посвящена исследованию и сравнению передового опыта зарубежных стран по развитию института медиации, в том числе применению навыков медиации в процесс обучения студентов. Предложена уникальная интерактивная методика Три Кита практико-ориентированного подхода, для существенного сокращения разрыва в обучении студентов-юристов не только между теоретическими знаниями и практическими навыками, но и значительно повышающая востребованность студентов, имеющих навыки медиатора на рынке труда.

Ключевые слова: медиация; практико-ориентированный подход; обучение студентов-юристов; методика 3 Кита практико-ориентированного подхода.

S.E. Libanova

THE EVOLUTION OF MEDIATION IN THE WORLD AND ITS RELEVANCE IN A PRACTICE-ORIENTED APPROACH TO THE EDUCATION OF LAWYERS IN RUSSIA

The work is devoted to the study and comparison of the best practices of foreign countries in the development of the institute of mediation, including the application of mediation skills in the learning process of students. A unique interactive methodology of the Three Pillars of a practice-oriented approach is proposed to significantly reduce the gap in the training of law students not only between theoretical knowledge and practical skills, but also significantly increases the demand for students with mediation skills in the labor market.

Keywords: mediation; practice-oriented approach; training of law students; methodology of 3 Kita a practice-oriented approach.

Повышение доступности качественного образования, соответствующего требованиям инновационного развития экономики, современным потребностям общества и каждого гражданина было заложено еще в Концепцию долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года в качестве стратегической цели государственной политики.

Явный недостаток практической направленности российского юридического образования в наше время признают все: профессорско-преподавательский состав вузов, юристы практики, госструктуры и бизнес-сообщество, которым так необходимы специалисты, имеющие не только ценз знаний, но и ценз практических навыков (компетенции).

Профессор В.И. Фадеев отмечал, что отечественную систему подготовки специалистов всегда отличали фундаментальность и научность, при этом современная жизнь предъявляет к выпускникам юридических вузов не только требования наличия у них знаний, умений и навыков, но и способностей, готовности применять их в конкретных профессиональных ситуациях, в своей будущей практической деятельности. Способности к практической деятельности на основе имеющихся у них знаний, умений, навыков выступают сегодня в качестве нового образовательного результата, для обозначения которого используется термин «компетенция». [6, с. 59–64]

Профессор Тарасов Н.Н. справедливо утверждает, что социокультурный контекст, оправданный для любого юридического исследования, для современных сравнительно-правовых исследований становится определяющим, поскольку сегодня это абсолютно необходимое методологическое условие выявления оснований сравнения юридических норм и конструкций, принадлежащих различным правовым системам, а значит, действительно научного сравнительного правоведения. [5, с. 10]

Полагаем, что и России пришло время рассмотреть феномен такого явления как медиация с позиции философии не только права и правоприменения, но и образования студентов-юристов. Для этого проведем сравнительный анализ развития и внедрения в жизнь процедуры альтернативного урегулирования споров в зарубежных странах и в России, в том числе в образовательный процесс, для обоснования предложения автора по внедрению универсальной интерактивной технология обучения

студентов-юристов методике «Три Кита Практико-Ориентированного Подхода» (далее «3 Кита ПОП»).

Одним из первых исследователей природы медиации был Л. Фуллер, исследовавший медиацию еще до 70-х годов прошлого столетия, анализирующий феномен медиации как явления в контексте представлений о средствах и инструментах организации жизни в обществе в аспекте частной медиации [7. С. 285]. Позже в США появилась медиация как институт публичного процессуального права, существенно отличающийся от частной медиации по предмету и методам.

Уловив эту тенденцию, в эпоху информации, в век цифровизации и минимизации, необходимости поглощения, а главное усвоения студентами большого объема информации в минимальный срок, разработка методик универсальных интерактивных техник обучения, становится особенно актуальной как для самих студентов, так и профессорско-преподавательского состава. Именно в силу этих объективных причин практико-ориентированный подход к обучению приобретает все большую реальную значимость, а наличие практических навыков правоприменения с медиативными техниками урегулирования юридических конфликтов у студентов-юристов имеет в XXI веке высочайшую практическую ценность и востребованность на рынке труда. Эволюционное развитие моделей юридического образования, прошедшее путь от признания профессии юриста буржуазной до элитной, позволяет и во времена экономических кризисов и политических катаклизмов перестроенной модели развиваться по универсальному для России пути с соблюдением национальных приоритетов.

Основная цель сравнительного анализа эволюции внедрения медиативных технологий в свете актуальности медиации в практико-ориентированном подходе к образованию юристов в России это обоснование возможности, эффективности и даже необходимости использования медиации в практико-ориентированном подходе к учебному процессу студентов-юристов. Следует заметить, что одним из первых, кто обратил внимание на необходимость обучения примирительным процедурам в университетах, был американский исследователь и медиатор Л. Рискин, который еще в 1984 г. писал о перспективах обучения медиации в американских вузах, указывая на то, что «посред-

ством обучения медиации юридические школы могут содействовать уменьшению конфликтности тремя фундаментальными путями: во-первых, простым распространением самой медиации, во-вторых, подготовкой юристов, способных лучше выполнять свою работу за счет медиативных техник, и, в-третьих, помогая будущим юристам, расширяя их профессиональные перспективы и повышая их конкурентоспособность на рынке». [2, с. 111–114]

Формирование современного образа института медиации является поступательным историко-правовым процессом. Институт медиации в современном его понимании был учрежден во второй половине XX в. Само понятие «альтернативное разрешение споров» пришло из американской доктрины. Поэтому понимание института, принципы его регулирования и многие другие вопросы, связанные с АРС, заимствованы именно оттуда.

США считаются родоначальником указанного института, а чуть позже в странах Европы – Англии, Франции, Бельгии, Нидерландах, Германии, Австрии, Италии, Швейцарии произошло его поэтапное становление. Так в 1947 г. была создана Федеральная служба посредничества (медиации) и примирения, но в самостоятельный институт медиация превратилась лишь середины 70-х гг XX в.

В России этот феномен применялся в определенной степени при разрешении споров при Екатерине II. Речь идет о совместных судах, в которых основной задачей по гражданским делам было именно примирение сторон, и если стороны первоначально не могли прийти к соглашению, суд по предложению сторон назначал каждому из них помощников в примирении (посредников). Таким образом спор решали обе стороны и два медиатора. Подобная ситуация нередко встречается в судебной практике, когда даже в судебном процессе адвокаты истца и ответчика примиряют стороны.

Если брать зарубежную модель (например, в США), то там адвокаты участвуют еще и в таком альтернативном виде разрешения спора, как переговоры – урегулирование спора непосредственно сторонами. Обычно переговоры заканчиваются соглашением о последующих действиях сторон. При этом стороны стараются найти выход из конфликта путем сотрудничества и взаимных компромиссов самостоятельно, без посредника.

Более того, вопрос примирения закреплен в российском законодательстве еще со времен появления Новгородских берестяных грамот, что свидетельствует о российской древней национальной потребности в урегулировании споров путем переговоров как в частном, так и публичном пространстве.

Нормативное регулирование процедуры медиации достоверно свидетельствует о расширении сферы ее обязательного применения именно в XXI веке, что служит основанием для внедрения в образовательный процесс студентов-юристов и приближении получаемых им в вузе знаний к юридической практике.

Согласно Федеральному закону от 27.07.2010 г. № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» процедура медиации – это альтернативная процедура урегулирования споров с участием в качестве посредника независимого лица, разработанная для содействия развитию партнерских деловых отношений и формированию этики делового оборота, гармонизации социальных отношений. Отдельные положения о примирении зафиксированы в Гражданском и Арбитражном процессуальных кодексах Российской Федерации, Кодексе административного судопроизводства, Федеральном законе от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» и т.п.

Судебная практика также свидетельствует об актуальности примирения сторон. Пленумом Высшего арбитражного суда Российской Федерации утверждено Постановление от 18 июля 2014 г. № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе»¹. Порядок проведения процедуры судебного примирения отражен в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 2019 г. № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения»². В 2021 году Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2021 г. № 18 расширен обязательный досудебный порядок урегулирования спора в гражданском и арбитражном процессе.

¹ Постановление Пленума ВАС РФ от 18 июля 2014 года № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» // СПС «Консультант Плюс».

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения» // СПС «КонсультантПлюс».

Как средство урегулирования споров медиация признана в ст. 33 Устава ООН. В Директиве ЕС европейского парламента и совета Европейского союза № 52 от 21 мая 2008 года (далее Директива) относительно некоторых аспектов медиации в гражданских и коммерческих делах на международном уровне.

В процессе медиации именно стороны несут ответственность за принятие решения, для чего им необходимо четко представлять суть дела, предлагать возможные варианты решения и, в конце концов, принимать это решение³.

Дополнительным веским основанием для внедрения в образовательный процесс медиации является признание в России необходимости медиации в школе на нормативном уровне. В порядке реализации распоряжения Правительства Российской Федерации от 30 июля 2014 г. № 1430-р «Об утверждении Концепции развития до 2020 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность»⁴. 28.04.2020 года Минпросвещения России разработало методические рекомендации по развитию сети служб медиации (примирения) в образовательных организациях и рекомендует их использовать для формирования медиативных и восстановительных практик в дошкольных, общеобразовательных и профессиональных образовательных организациях, а также организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей⁵. В США первые попытки применения медиации в школе были предприняты уже в начале 1980-х годов. С тех пор этот метод в тех или иных формах используется достаточно широко в образовательном пространстве во многих странах мира.

Специалистами Центра медиации и права, основанного в Российской Федерации в 2005 году⁶, был проанализирован и обобщен опыт, накопленный в США, Великобритании, Австрии, Германии и других странах, и разработан метод, учитывающий особенности российского образования, семейных отношений и

³ Директива ЕС европейского парламента и совета Европейского союза № 52 от 21.05.2008

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации, 2014, № 32, ст. 4557; 2018, № 37, ст. 5780).

⁵ Письмо Минпросвещения России от 28.04.2020 № ДГ-375/07 "О направлении методических рекомендаций"

⁶ <https://mediacia.com>.

социокультурных условий, базирующийся на понимании глубины причин конфликтов, так необходимым в образовательно-воспитательной сфере отношений, ориентированный на работу со всеми участниками образовательного и воспитательного процесса.

Восстановительные практики применяются в системе образования многих стран: США, Великобритании, Шотландии и Северной Ирландии, Австралии, Новой Зеландии, Испании, Германии, Южной Африки (ЮАР), Канады, Норвегии, Дании, Швеции, Финляндии, Польши, Украины и других. Концепция восстановительного правосудия развивается во множестве стран как мировое движение за трансформацию правосудия, снижение карательных санкций и повышение участия общества в решении конфликтных и криминальных ситуаций. Важным документом стала утвержденная в 2019 году Рекомендация CM/Rec(2018) Комитета Министров государствам-членам Совета Европы, посвященная восстановительному правосудию по уголовным делам⁷.

Медиация, как необходимое условие развития современного бытия XXI века, имеет тенденцию к эволюционированию во всех странах мира.

В отличие от периодизации развития института медиации, предложенной Гринь Е. А. [1, с. 5], мы полагаем наличия не трех, а четырех этапов, обосновывая такой подход спецификой каждого нового этапа развития медиации.

Следуя идеям компаративизма при сравнении развития и применения в образовании процедур медиации в России и за рубежом, полагаем необходимым дать его авторскую периодизацию, выделив следующие этапы развития института медиации: 1. Англо-американский; 2. Европейский; 3. Глобальный; 4. Цифровой.

Предлагаем выделить в качестве 4 этапа – Цифровой. Он объективно возник в результате развития информационно-коммуникационных технологий и усиления интеграционных и глобальных процессов. В настоящее время активно применяются

⁷ Рекомендация Комитета Министров государствам – членам Совета Европы, посвященная медиации в уголовных делах. URL: <http://sprc.ru/wpcontent/uploads/2012/11/Рекомендации-№-R-99-19-Комитета-Министров-Совета-Европы-посвященная-медиации-по-уголовным-делам.pdf>.

медиативные практики в цифровом пространстве (e-Mediation, Online dispute resolution и т. д.).

Отмечая зарождение медиации как таковой на первом Англо-американском этапе, проанализируем требуемые направления ее развития в России, в первую очередь расширение внедрения в образовательный процесс на выделенном нами четвертом – Цифровом этапе.

Положительной оценки заслуживает опыт работы с медиапространствами и осмыслением новых тенденций в университетах США, имеющих достойную материальную базу, позволяющую обновлять учебное оборудование. Особый интерес представляет такой значимый момент, что обучение в этой области в американских вузах всегда сочетается с практикой, поскольку область эта творческая и быстро меняющаяся. Автором предлагается использовать этот алгоритм в России для прохождения студентами-юристами практики в интерактивной форме, приближенной к реальности, что позволит уже на втором курсе лучше понять цели и задачи последующего обучения на протяжении четырех лет, сделав его эффективным и полезным.

Система образования выполняет важнейшую общественную функцию и от ее эффективности зависит сохранение и передача научных знаний и навыков, культурного наследия и нравственных ориентиров.

Студенты-юристы должны не только хорошо знать право, понять, как его эффективно применять в судебном процессе, но и научиться уже в вузе избегать конфликтов и решать их. Это реально возможно при помощи уникального инструмента – медиации как объекта изучения различных научных дисциплин. В то же время каждая из наук формирует «тематизированную» совокупность знаний об объекте, которая называется предметом.

В мае 2022 года Министерство образования и науки заявило, что Россия откажется от Болонской системы и будет разрабатывать собственную – «уникальную» – модель высшего образования. Глава министерства В.Фальков пояснил, что реформа связана с приданием большей значимости специалитету, исторически сложившемуся в России⁸. Как будет проходить этот процесс и повысится ли качество российского образования зависит от множества факторов, в том числе от ученых.

⁸ Газета «Коммерсантъ» № 96 от 02.06.2022, стр. 1

Объективной реальностью в 2023 году является ситуация с беспрецедентными экономическими вызовами и ограничениями. Полагаем, что для благоприятного развития юридического образования по пути национальных приоритетов необходимо сместить акцент в обучении студентов с большого объема теории в сторону практико-ориентированного подхода в преподавании права в интерактивной форме, как предлагаемая автором.

Медиация, как активно развивающийся, альтернативный судебному, способ разрешения правовых конфликтов в авторской методике «Три Кита практико-ориентированного подхода», предлагается для освоения слушателями по интерактивной технологии за пять дней в составе уникального трио: основы ораторского искусства, состязательность судебного процесса и основы методики медиации, рассматриваемых с теоретической и практической позиций на примере реального дела, завершеного судом или медиаторами.

Принципиально новая методика «3 Кита ПОП» призвана устранить имеющийся пробел в системе российского образования и решить такую глобальную проблему, как существенное сокращение разрыва в обучении студентов-юристов не только между теоретическими знаниями и практическими навыками, но и значительно повысить востребованность студентов, имеющих знания о процедуре медиации, а тем более обладающих практическими навыками по ее применению для урегулирования правовых конфликтов в совокупности с навыками ораторского искусства и состязательности в различных видах судебных процессов. [3. С. 79–85]

Утверждая, что проблемы профессионального самоопределения молодых специалистов-юристов могут быть решены путем выработки Российской юридической наукой комплекса мероприятий, включающих в систему подготовки высококвалифицированных специалистов не только получение качественной теоретической базы, но и практических навыков, объединенных единой системой воспитательного воздействия, следует остановиться на необходимости привития изначально студентам-юристам, а затем и студентам иных специальностей, навыков медиатора и позаимствовать передовой опыт зарубежных стран в этой сфере деятельности.

Список использованной литературы

1. Гринь Е. А. Зарубежный и отечественный опыт использования процедуры медиации и перспективы ее применения : монография / Е. А. Гринь, С. В. Кобылинская. Краснодар : КубГАУ, 2019. С. 7.
2. Riskin L.L. Mediation orientations, strategies and techniques // 12 Alternatives to high cost litig. 1994. P. 111–114.
3. Либанова С.Э. Методика «Три кита практико-ориентированного подхода»- как универсальная интерактивная технология обучения студентов-юристов. Современное право. 2023. № 1. С. 79–85.
4. Тарасов Н.Н. Сравнительное правоведение: новые реальности и новые проблемы // Байкальские компаративистские чтения : материалы междунар. науч.- практ. конф., Иркутск, 22–23 апр. 2022 г. / отв. ред. И.А. Минникес. Иркутск : Изд. дом БГУ, 2022. С. 10
5. Фадеев В.И. О новых подходах к преподаванию конституционного и муниципального права в условиях уровневого образования // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 4. С. 59–64.
6. Фуллер Л. Мораль права. Издательство ИРИСЭН. 2007. С. 285.

Информация об авторе

Светлана Эдуардовна Либанова — профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева, доктор юридических наук, адвокат-медиатор; e-mail: libany@rambler.ru.

Author

Libanova Svetlana Eduardovna — Professor of the Department of Constitutional Law of the V.F. Yakovlev Ural State Law University, Doctor of Law, lawyer-mediator; e-mail: libany@rambler.ru.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМУЛИРОВАНИЯ ЗАГОЛОВКОВ ЗАКОНОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ

В работе представлен сравнительный анализ юридико-технических особенностей формулирования заголовков законов в Российской Федерации и США. Проанализированы преимущества и недостатки наименований законов в обеих странах. Сделан вывод о необходимости устранения длиннот из заголовков отечественных законодательных актов.

Ключевые слова: Закон; заголовок закона; нормативный правовой акт; предмет правового регулирования.

N.A. Maslov

FEATURES OF THE FORMULATION OF HEADINGS OF LAWS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE UNITED STATES OF AMERICA

The paper presents a comparative analysis of the legal and technical features of the formulation of headings of laws in the Russian Federation and the United States. The advantages and disadvantages of the names of laws in both countries are analyzed. It is concluded that it is necessary to eliminate long lines from the headings of domestic legislative acts.

Key words: Law; title of the law; normative legal act; subject of legal regulation.

В каждой стране существуют свои особенности оформления заголовков законодательных актов, которые обусловлены уровнем развития юридической техники и юридической науки, особенностями грамматики языка, сложившейся правовой культурой и иными факторами. Изучение этих особенностей всегда дает много пищи для размышлений. Вместе с тем оно необходимо не только для достижения познавательных целей, но и для

развития отечественного законотворчества. В рамках данной работы читателю предлагается сравнительная характеристика заголовков законодательных актов Российской Федерации и США.

Прежде чем приступить к изложению заявленной проблематики необходимо дать характеристику заголовка как структурной единицы нормативного правового акта. Для начала, следует сказать, что заголовок является очень важным реквизитом нормативного правового акта. И как любой реквизит он выполняет функции идентификации и поиска документа. Однако на этом его роль не заканчивается. Заголовок является первой структурной единицей нормативного правового акта, в которой указывается предмет правового регулирования. При этом он должен быть отражен точно и по возможности кратко [6, с. 209]. Легко заметить, что указанные требования противоречат друг другу. Подробное и точное описание предмета правового регулирования приводит к удлинению заголовка. Сокращение же заголовка возможно только если пожертвовать описанием предмета правового регулирования. В связи с этим нормодателю постоянно приходится выбирать между требованием точности изложения предмета правового регулирования и требованием краткости заголовка. Отечественный законодатель эту дилемму, как правило, решает в пользу точности предмета правового регулирования. Таким образом, мы имеем весьма длинные заголовки законодательных актов, которыми крайне неудобно пользоваться в юридической деятельности. Вдобавок к этому ситуация усугубляется еще и тем, что зачастую в заголовке закона вместе с предметом правового регулирования указывается круг лиц, на которых распространяется действие закона, а также территория на которой он должен действовать.

Т.В. Кашанина в качестве примера длинного заголовка приводит Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [6, с. 210; 9] (здесь и далее в тексте курсив наш – *Н. М.*). Соглашаясь с данным примером необходимо указать на то, что на сегодняшний день он не так иллюстративен, поскольку с момента принятия данного Федерального закона ситуация значительно усугубилась. Современный законодатель умудряется формулировать гораздо более размашистые заголовки. Наглядным примером этому может быть наименование Федерального закона от 29 мая

2019 года № 102-ФЗ «О проведении эксперимента по голосованию на цифровых избирательных участках, образованных в городе федерального значения Москве, на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва и выборах высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации), проводимых 8 сентября 2019 года» [10]. Думается, что наименование указанного Федерального закона могло быть значительно короче. К примеру, его можно было бы сформулировать следующим образом: «О проведении эксперимента по голосованию на цифровых избирательных участках». Как видно, в данной формулировке не содержится указаний на временные и территориальные рамки действия данного Федерального закона. Однако на наш взгляд в этом нет необходимости, поскольку этот нормативный материал содержится в частях 1 и 2 статьи 1 [10].

Региональное законодательство также не избежало проблемы длиннотности заголовков законов. Весьма показательным является наименование Закона Иркутской области от 8 ноября 2018 года № 94-ОЗ «Об областной государственной поддержке отдельных категорий студентов в целях привлечения их для дальнейшей работы в государственных образовательных организациях Иркутской области и муниципальных образовательных организациях, расположенных на территории Иркутской области». Исходя из анализа текста данного Федерального закона, можно предложить для его наименования следующую формулировку: «Об областной государственной поддержке студентов педагогических образовательных организаций» [5].

Указанные, а также подобные заголовки законов крайне затруднительно использовать в юридической деятельности. Во-первых, весьма длинными становятся ссылки на законы. Такие ссылки загромождают текст [7]. Во-вторых, подобного рода заголовки на самом деле никак не способствуют пониманию смысла закона [7]. При прочтении длинного заголовка даже подготовленный читатель потеряет мысль и начнет читать заново. В-третьих, длинные заголовки затрудняют систематизацию законодательства [7], в частности такие действия как учет, хранение и поиск закона в любой базе данных. В-четвертых,

длиннотность заголовка закона затрудняет его речевую воспроизводимость [8, с. 110]. А, как известно, в юридической деятельности зачастую бывает необходимо воспроизвести наименование закона вслух. Исходя из сказанного очевидно, что от длинот в заголовках законов нам необходимо избавляться.

Если же проанализировать практику формулирования заголовков законов в США, то там ситуация выглядит кардинально иной. К примеру, «Закон об этике в правительстве» [3], «Закон об уважении брака» [4], а также «Закон об американском плане спасения» [1] имеют очень короткие заголовки. Однако при внимательном прочтении текста указанных законодательных актов становится понятно, что их заголовки очень далеки от реального нормативного содержания законов. Так, «Закон об этике в правительстве» посвящен вопросам противодействия коррупции. Этим Законом регулируется порядок декларирования государственным служащими сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также порядок сообщения ими о получении подарков и пр. [3]. Конечно, антикоррупционное поведение имеет прямое отношение к этике, но все же данное название Закона весьма отдаленно отражает его предмет правового регулирования. Наименование «Закона об уважении брака» и вовсе может запутать читателя, поскольку в нем речь идет не об уважительном отношении к брачным узам, не о защите семьи и семейных ценностей в их традиционном понимании, а о признании всеми штатами однополых браков [4]. Таким образом, с изданием этого закона на уровне федерального законодательства США снимались противоречия между законодательством различных штатов по-разному регулирующих этот вопрос. И уж совсем загадочно выглядит наименование «Закона об американском плане спасения». И вот при прочтении этого наименования напрашивается несколько вопросов. Кого спасают или что спасают? Отчего спасают? И главное, в чем смысл этого плана спасения? Оказывается, речь идет о плане спасения экономики США от экономических и медицинских последствий пандемии COVID-19 [1]. Практика формулирования подобных заголовков продолжается и на уровне отдельных штатов. К примеру, в Калифорнии имеется кодифицированный акт с таким наименованием, как «Калифорнийский закон о справедливой занятости и жилищном обеспечении» [2]. Данный законодательный акт посвящен, прежде

всего, противодействию дискриминации в реализации трудовых и жилищных прав на основании расовой, национальной, половой, и религиозной принадлежности или же по каким-либо другим основаниям [2]. Однако на этом предмет правового регулирования Закона не исчерпывается. Он также регулирует вопросы противоборства сексуальным домогательствам [2]. Таким образом, его наименование не в полной мере отражает предмет правового регулирования.

Приведенные примеры позволяют утверждать, что в США имеются случаи установления наименований законодательных актов, которые не только не раскрывают предмет правового регулирования, но в определенном смысле скрывают его, «зашифровывают». Сами же заголовки при этом короткие и потому удобные для юридической деятельности. Также встречаются крупные кодифицированные акты, имеющие неточные заголовки. Хотелось бы еще отметить, такую черту заголовков законодательных актов США, как образность или даже метафоричность. При прочтении или устном воспроизведении они звучат очень торжественно и литературно. Однако достигается это путем искажения предмета правового регулирования до неузнаваемости.

Как видно из сказанного в Российской Федерации и в США существуют совершенно различные подходы к формулированию наименований законодательных актов. В Российской Федерации законодатель стремится насколько это возможно точно отразить в заголовке предмет правового регулирования. В связи с этим некоторые заголовки законов громоздки и неудобны для использования в юридической деятельности. В США наоборот законодатель формулирует короткие заголовки законов, которые плохо отражают предмет правового регулирования. По сути дела, практика формулирования заголовков законов в Российской Федерации и в США – это две крайности. И думается, что истина как всегда где-то посередине между двумя крайними точками. Конечно, отечественному законодателю не следует отказываться от практики точного описания в заголовке предмета

правового регулирования. Но в то же время нужно совершенствовать правила заголовочной юридической техники с целью сокращения длиннотности заголовков.

Список использованной литературы

1. American Rescue Plan Act of March 11, 2021 // United States Statutes at Large. – 135-4.

2. California Fair Employment and Housing Act of September 18, 1959. URL: <https://finduslaw.com/california-fair-employment-housing-act-feha-government-code-12900-12996> (дата обращения: 01.03.2024).

3. Ethics in Government Act of October 26, 1978 // Public Law 95-521, 26 October 1978.

4. Respect for Marriage Act of December 13, 2022 // Public Law 117-228, 13 December 2022.

5. Закон Иркутской области от 8 ноября 2018 года № 94-ОЗ «Об областной государственной поддержке отдельных категорий студентов в целях привлечения их для дальнейшей работы в государственных образовательных организациях Иркутской области и муниципальных образовательных организациях, расположенных на территории Иркутской области» // Ведомости Законодательного Собрания Иркутской области. – 2018. – № 5.

6. Кашанина Т.В. Юридическая техника: учебник / Т.В. Кашанина. – М.: Эксмо, 2007. – 512 с.

7. Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов. – М.: Издание Государственной Думы, 2004.

8. Ситникова А.И. Законодательная текстология уголовного права // Lex russica. – 2017. – № 3 (124). – С. 106–122.

9. Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2002. – № 24. – Ст. 2253.

10. Федеральный закон от 29 мая 2019 года № 102-ФЗ «О проведении эксперимента по голосованию на цифровых избирательных участках, образованных в городе федерального значения Москве, на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва и выборах высших должностных лиц субъек-

ектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации), проводимых 8 сентября 2019 года» // СЗ РФ. – 2019. – № 22. – Ст. 2658.

Информация об авторе

Николай Андреевич Маслов – доцент кафедры конституционного права и теории права Иркутского института (филиала) «Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)», кандидат юридических наук; e-mail: maslovna@mail.ru.

Author

Nikolay Andreevich Maslov – Ass. Professor of the Department of Constitutional Law and Theory of Law, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice, Ph.D. in Law; e-mail: maslovna@mail.ru.

К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННОМ РАЗВИТИИ МОНГОЛИИ

Предпринята попытка проанализировать динамику конституционного развития Монголии от первой Конституции 1924 г. до ныне действующей Конституции 1992 г. с учетом внесенных поправок. Главное внимание уделено действующей Конституции. Анализируется ее структура, техника изложения норм, особенности терминологии. Делается оговорка, что при отсутствии перевода, который можно было бы считать официальным текстом, для правильного понимания конституционных норм многое зависит от адекватности перевода. В русскоязычных источниках существующие переводы текста Конституции Монголии зачастую разнятся. Обращается внимание на такие особенности Конституции как исключительное право граждан Монголии на землю и правовое регулирование правового положения скота, который согласно Конституции является национальным богатством и подлежит государственной охране. Делается прогноз на дальнейшее конституционное развитие страны.

Ключевые слова: Монголия; конституция; особенности конституционно-правовых норм; юридическая техника; сравнительное правоведение.

I.A. Minnikes

ON THE CONSTITUTIONAL DEVELOPMENT OF MONGOLIA

An attempt has been made to analyze the dynamics of Mongolia's constitutional development from the first Constitution of 1924 to the current Constitution of 1992, taking into account the amendments. The main attention is paid to the current Constitution. Its structure, the technique of presenting norms, and the peculiarities of terminology are analyzed. A reservation is made that in the absence of a translation that could be considered an official text, much depends on the adequacy of the translation for a correct understanding of constitutional norms. In Russian-language sources, the existing translations of the text of the Constitution of Mongolia often differ.

Attention is drawn to such features of the Constitution as the exclusive right of Mongolian citizens to land and the legal regulation of the legal status of livestock, which according to the Constitution is a national treasure and is subject to state protection. A forecast is made for the further constitutional development of the country.

Key words: Mongolia; constitution; features of constitutional and legal norms; legal technique; comparative law.

Первой Конституцией в истории монгольского государства была Конституция Монгольской Народной Республики 1924 г. [6]. Историческое значение этого акта состоит в том, что законодательно было закреплено изменение формы правления от ограниченной монархии к республике.

По поводу дальнейшего конституционного развития страны мнения исследователей расходятся. Некоторые считают, что конституционные акты 1940 г. и 1960 г. были новыми Конституциями, второй и третьей Конституцией Монголии [5; 11], а некоторые полагают, что это были лишь внесением изменений в действующую конституцию¹.

Думается, можно согласиться с точкой зрения Н.П. Гуревой, которая считает, что «вторая монгольская конституция – именованная «Конституцией создания основ социализма» – была принята VIII Великим Народным Хуралом в июне 1940 года. В 1960 году она была заменена новой Конституцией (так называемой «Конституцией эпохи полной победы социализма»), которая, согласно представлениям тогдашних монгольских законодателей, должна была действовать вплоть до полной победы коммунизма и отмирания социалистического государства. Несмотря на существенные различия между ними названные выше монгольские конституции 1940 и 1960 гг. можно объединить в одну группу и отнести их к единой конституционной модели – к так называемым социалистическим конституциям, или, иначе, к конституциям социалистического типа» [3, с. 183]. Как представляется, эта позиция больше отражает существующие реалии.

Ныне действующая Конституция Монголии 1992 г. ознаменовала собой новую веху в развитии государства. Автор настоящей статьи в своих предыдущих публикациях уже затрагивал эту

¹ Конституция Монголии // <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

тому [9]. Кроме того, данная Конституция уже подвергалась анализу со стороны как российских, так и монгольских правоведов [1; 2; 4; 8; 12].

Однако поправки, которые в последующем вносились в Конституцию, и современное динамичное государственно-правовое развитие страны обуславливают актуальность этой темы и делают оправданным новое обращение к этой проблематике.

Конституция Монголии была принята Великим Народным Хуралом Монгольской Народной Республики в 11 часов 35 минут 13 января 1992 г., вступила в силу и подлежит исполнению во всей стране с 12 часов 12 февраля 1992 г., или в час лошади благословенного дня желтой лошади, отмеченного узами молодости, девятого дня, первого весеннего месяца черного барса года водяной обезьяны семнадцатого шестидесятилетия (ст. 70)². Характерно то, что распространенный в странах Азии восточный календарь нашел свое отражение даже в тексте Конституции.

Что касается структуры, то Конституция состоит из преамбулы, 6 глав, включающих в себя 70 статей. Главы имеют названия, статьи нет. Но при этом глава третья «Государственное устройство Монголии» состоит из 4 разделов, которые также имеют названия – «Великий Государственный Хурал Монголии», «Президент Монголии», «Правительство Монголии», «Судебная власть».

Глава 2 Конституции называется «Права и свободы человека». В отличие от европейских конституций в названии главы нет словосочетания «права человека и гражданина». Многие европейские исследователи критикуют Конституцию Монголии за то, что по ряду позиций она отличается от Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Однако эта ситуация представляется совершенно нормальной, так как Монголия страна азиатская и строго следовать Европейской конвенции не должна.

Следует отметить, как Конституция Монголии подходит к вопросу о взаимодействии норм международного и национального права. В ней говорится, что «Монголия не соблюдает международный договор и другие документы, противоречащие своей Конституции» (ст. 10). Таким образом, устанавливается

² Текст Конституции Монголии 1992 г. цитируется по: Вестник государства. Улан-Батор, 1992. Январь.

приоритет национального права над нормами международного права.

Много внимания в тексте Конституции уделяется критерию гражданства, который прописан достаточно четко и последовательно. Изначально ст. 14 декларирует, что «все, кто законно проживает в Монголии, равноправны перед законом и судом» (ч. 1) и «каждый человек обладает правосубъектностью» (ч. 2). Но кроме данной статьи термины «все» и «каждый» в тексте Конституции практически не встречаются.

Далее в Конституции называются основные права и свободы, гарантированные гражданам Монголии (ст. 16), и их основные обязанности (ст. 17). Конституция говорит также о том, что права и обязанности иностранных граждан, находящихся на территории Монголии, устанавливаются законами Монголии и договорами со странами, гражданами которых они являются, а права и обязанности лиц без гражданства Монголия устанавливает своим законом (ст. 18).

С точки зрения юридической техники такая конструкция представляется вполне оправданной.

Представляет интерес также положение ч. 5 ст. 18 Конституции, в которой говорится: «При предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства, находящимся на территории страны, возможности пользоваться основными правами и свободами граждан Монголии, указанными в статье шестнадцатой Конституции, могут быть в целях национальной безопасности и безопасности населения, охраны общественного порядка установлены законом соответствующие ограничения в отношении прав человека, кроме неотъемлемых прав человека, предусмотренных в международных договорах, к которым присоединилась Монголия».

Следует отдельно сказать о требованиях, которые предъявляются к кандидатам на выборные должности.

Согласно ст. 30 Конституции «Президентом избирается исконный гражданин Монголии, достигший сорока пяти лет, постоянно проживающий на родине не менее пяти последних лет, сроком на четыре года».

Таким образом, и критерий гражданства, и возрастной критерий обозначены и применительно к критерию гражданства употребляется термин не просто «гражданин», а «исконный гражданин».

Представляет интерес соотношение правотворческих полномочий Президента и Хурала (Парламента). Президент в рамках своих полномочий издает указы в соответствии с законом. Но в случае несоответствия указа Президента закону Великий Государственный Хурал может отменить его (ст. 34 Конституции). Это четко показывает, что по форме правления Монголия является парламентской республикой.

Кроме того, Президент в соответствии с законом не имеет права иммунитета. Так, Намбарын Энхбаяр, который был Президентом Монголии с 2005 по 2009 гг. в 2012 г. был осужден за коррупцию к четырем годам лишения свободы.

Требования к депутатам достаточно традиционны. Членом Великого Государственного Хурала избирается гражданин Монголии, достигший 25 лет, обладающий избирательным правом (ст. 21 Конституции).

Конституция Монголии в разделе «Судебная власть» также содержит критерий гражданства (гражданин Монголии), но при этом более детально регламентирует возрастной критерий.

Так, Главным судьей Верховного Суда может быть назначен гражданин Монголии, имеющий высшее юридическое образование, проработавший по своей специальности не менее десяти лет и достигший 35 лет.

Здесь также нужно обратить внимание на терминологию. Как все же правильно именовать главу Верховного Суда Монголии – Главный судья и Председатель?

Дело в том, официального перевода текста Конституции Монголии на русский язык нет. Перевод, который используется в данном случае, был сделан по поручению Великого Государственного Хурала и опубликован в журнале «Вестник государства». Поэтому, хотя данный перевод также не является официальным, думается, его следует взять за основу.

Судьей других судов – гражданин Монголии, имеющий высшее юридическое образование, проработавший по своей специальности не менее трех лет и достигший 25 лет (ст. 51 Конституции).

Членами Конституционного цэца (Конституционного Суда) назначаются граждане Монголии, имеющие высокую юридическую и политическую квалификацию, достигшие 40 лет (ст. 65 Конституции).

Еще одна особенность, на которую следует обратить внимание. Монголия по территории занимает 19 место в мире. При этом она одна из самых малонаселенных стран в мире. Плотность населения равна всего 2,2 человека на квадратный километр.

В этой связи заслуживает одобрения мудрость монгольского законодателя в отношении его бережного отношения к земле. Государство может передать в частную собственность земли, кроме пастбищ и земель общего и специального пользования, только гражданам Монголии. Запрещается передача земли в собственность иностранным гражданам и лицам без гражданства. Государство может предоставить иностранным гражданам, юридическим лицам и лицам без гражданства возможность только пользоваться землей за плату в течение определенного срока на условиях и в порядке, предусмотренных законом (ст. 6 Конституции).

Национальную самобытность страны отражает и ст. 5 Конституции, которая говорит о том, что скот является национальным богатством и подлежит государственной охране. Скотоводство является важным составляющим экономики страны. Ежегодно в соответствии с действующим законодательством проводится перепись поголовья скота, результаты которой учитываются при выработке решений на правительственном уровне.

С момента принятия Конституции 1992 г. в нее было внесено несколько серьезных поправок – в 1999, 2000, 2019 и 2022 годах, что также явилось объектом анализа российских и монгольских ученых [7; 10]. Некоторые из последних поправок к конституции касались баланса сил между Президентом и Премьер-министром – ограничения президентской власти и ограничения избрания на один шестилетний срок (по сравнению с двумя четырехлетними сроками ранее).

Данные поправки, по мнению многих аналитиков, представляют собой огромный сдвиг в системе управления страной. Во многом дальнейшее конституционно-правовое развитие Монголии будет зависеть от результатов выборов 2024 г.

Список использованной литературы

1. Алебастрова И. Новая Конституция Монголии // Право и жизнь: независимый научно-популярный журнал. – 1992. – № 3. – С. 45–49.

2. Болор-Эрдэнэ Л. О сильных и слабых сторонах Основного закона Монголии // Сибирский юридический вестник. – 1999. – № 3.
3. Гуреева Н.П. Некоторые вопросы развития конституционализма в Монголии // Вестник МГИМО-Университета. – 2011. – № 5 (20). – С. 182–188.
4. Гэрэлмаа Н., Цыреторов С.В. Основной закон Монголии и некоторые актуальные проблемы прав человека // Государство и правовые системы стран Азиатско-Тихоокеанского региона: перспективы сотрудничества с Российской Федерацией: материалы III Международной научно-практической конференции (Улан-Удэ, 17–19 июня 2010 г.). – Ч. 1. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. – С. 177–179.
5. Джагаева О.А. Конституция МНР 1960 г. – важный этап в развитии монгольской государственности // Проблемы отечественной и всеобщей истории: сборник научных трудов. – Элиста: Изд-во Калмыц. гос. ун-та, 1998. – С. 197–205.
6. Дурденевский В.Н., Лундшувейт Е.Ф. Конституции Востока. Египет. – Турция. – Персия. – Афганистан. – Индия. – Китай. – Монголия. – Япония. – Л.: Госиздат, 1926. – 180 с.
7. Зоригт О., Монхзуул Н., Хармаев Ю.В. К вопросу о внесении изменений и дополнений в Конституцию Монголии // Вестник Бурятского государственного университета. Юриспруденция. – 2018. – № 1. – С. 34–38.
8. Интервью Амарсанаа Жугнээ. Конституция Монголии и концепция гражданского общества // Вестник Бурятского государственного университета. Юриспруденция. – 2018. – № 1. – С. 57–61.
9. Минникес И.А. Конституция Российской Федерации и Конституция Монголии: сравнительный анализ в аспекте индивидуального правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. – 2009. – № 8. – С. 35–38.
10. Намжилдорж М. Поправки к Конституции Монголии и права человека // Наука и инновации: современные концепции: сборник научных статей по итогам работы Международного научного форума. Москва, 2021 г. – М.: Инфинити, 2021. – С. 83–89.
11. Шишмишиг Ж. Конституция Монголии 1992 г. и вопросы национальной безопасности // Актуальные проблемы современной юридической науки и практики: материалы Международной научно-практической конференции. Улан-Удэ, 14

июня 2017 г. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2018. – С. 181–193.

12. Юрковский А.В. Общая характеристика некоторых особенностей Конституции Монголии // Сибирский юридический вестник. – 2001. – № 4. – С. 14–21.

Информация об авторе

Илья Анисимович Минникес – заведующий отделом теории права и сравнительного правоведения Института правовых исследований Байкальского государственного университета, доктор юридических наук, доцент; e-mail: iaminnikes@yandex.ru.

Author

Ilya Anisimovich Minnikes – Head of the Department of Legal Theory and Comparative Law, Institute of Legal Research of Baikal State University, Doctor of Law, Associate Professor; e-mail: iaminnikes@yandex.ru.

ФОРМЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ СТАТЕЙ О ВЫБОРАХ В КОНСТИТУЦИЯХ СТРАН ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

В статье рассматривается проблема регламентации выборов в конституциях стран Восточной и Юго-Восточной Азии. Основное внимание уделено юридико-техническому аспекту проблемы, а именно, решению вопроса о том, каким образом систематизированы статьи о выборах в тексте конкретной конституции. Выявлено две основных формы систематизации конституционных статей. Первая — это децентрализованная форма, предполагающая рассредоточение электоральных статей по различным разделам (главам, частям) конституции. Вторая — это поляризованная форма, при которой наиболее важные нормы о выборах собраны в особый раздел конституции. Помимо этого раздела нормы, регламентирующие сферу выборов, имеются и в иных разделах конституции. Установлено, что в конституциях стран исследуемого региона используется преимущественно первая, децентрализованная форма изложения электоральных статей.

Ключевые слова: конституция; статьи конституции; выборы; конституционная регламентация выборов; избирательное право; страны Азиатско-Тихоокеанского региона.

I.V. Minnikes

FORMS OF SYSTEMATIZATION OF ELECTION ARTICLES IN CONSTITUTIONS OF EAST AND SOUTHEAST ASIA COUNTRIES

The article deals with the problem of election regulation in the constitutions of the East and South-East Asian countries. The main attention is paid to the legal-technical aspect of the problem, namely, the solution of the question of how the articles on elections are systematized in the text of a particular constitution. Two main forms of systematization of constitutional articles are revealed. The first is a decentralized form, which implies the dispersion of election articles in different sections (chapters, parts) of the constitution. The second

is a polarized form, when the most important norms on elections are collected in a special section of the constitution. Apart from this section, the norms regulating the sphere of elections are also present in other sections of the constitution. It has been established that the constitutions of the countries of the region under study mainly use the first, decentralized form of presentation of electoral articles.

Key words: constitution; constitutional articles; elections; constitutional regulation of elections; electoral law; Asia-Pacific countries.

Конституционное регулирование института выборов является неотъемлемой частью содержания основного закона любого государства. Но его объем, глубина и направленность варьируются от конституции к конституции. Это связано со степенью развития демократии в стране, с правовыми традициями государства, политической ситуацией, задачами власти и множеством других факторов.

Если рассматривать конституционное регулирование выборов с позиций формирования устойчивого демократического режима, то его объем и детализация должны быть максимальны. Как справедливо пишет М.В. Сербин, «нормы, регулирующие организацию и проведение выборов, должны, прежде всего, быть стабильными и не подвергаться постоянным изменениям под воздействием конъюнктурных обстоятельств или в угоду доминирующей на данный момент времени политической силе. Достичь такой стабильности можно путем закрепления принципов избирательной системы на конституционном уровне...» [5, с. 17].

Вопрос о конституционном регулировании института выборов в нашей стране вызывает интерес и у исследователей, и у практиков. Дискуссии о необходимости расширения охвата конституцией сферы электоральных отношений, о введении в Конституцию Российской Федерации особой главы о выборах, о ряде иных проблем [1, 2, 3, 4 и др.] свидетельствуют о том, что качество современных конституционных статей о выборах устраивает не всех.

Но нельзя сказать, что это проблемы лишь нашего законодательства. Судя по разнообразию подходов к закреплению электоральных отношений в конституциях зарубежных стран, единственно верного подхода не существует, у каждого есть как достоинства, так и недостатки.

С этой точки зрения сравнительный анализ практики воплощения электоральных отношений в конституционные предписания разных стран представляется не только интересным, но и продуктивным в контексте формирования позиции по данной проблеме.

Территориальные рамки данного исследования включают законодательство Вьетнама, Камбоджи, Китая, Республики Корея, Корейской Народно-демократической республики и некоторых других государств региона Восточной и Юго-Восточной Азии.

В силу ограниченности объема сфера данного исследования ограничена вопросом о формах систематизации электоральных статей в конституциях.

Определение места каждой статьи в конституции конкретного государства является результатом серьезной работы законодателя, поскольку оказывает влияние и на уяснение смысла предписаний, и на эффективность правоприменения. В частности, если конституционные нормы объединены в один раздел с заранее обозначенным предметом регулирования, их содержание и направленность воспринимаются значительно корректнее, нежели при необходимости выборки норм, рассредоточенных по разным разделам.

Анализ структуры конституций стран обозначенного региона позволяет выделить две основные формы расположения конституционных электоральных статей в тексте документа — децентрализованную и поляризованную.

Децентрализованная модель характеризует конституции тех стран, где электоральные нормы рассредоточены по различным разделам (главам, частям) конституции.

Примером децентрализованной модели могут служить Конституции Китая, Корейской Народно-демократической республики, Монголии и др.

Например, выборы и связанные с ними вопросы регламентируются в ст. 3 главы I «Основные принципы»; в ст. 34 главы II «Основные права и обязанности граждан»; и в ст.ст. 59, 60, 62, 65, 79, 97, 101–103, 111 главы III «Структура государства» Конституции Китая. Примерно теми же разделами регулируются электоральные отношения в Конституции Монголии.

Основной закон Вьетнама регулирует электоральную сферу отношений посредством ст. 7 главы I «Политическая система»;

ст. 27, 29 главы II «Права человека и основные права и обязанности граждан»; ст.ст. 70, 71, 74–76, 79,83 главы V «Национальное Собрание»; ст. 87, 88, 92, 93 главы VI «Президент государства»; ст. 98 главы VII «Правительство»; ст. 113–115 главы VIII «Местное управление». Кроме того, Конституция Вьетнама содержит две статьи (ст. 117, 118), которые объединены в особую главу XI, посвященную двум предметам – избирательным комиссиям и ревизионной власти.

Поляризованная модель систематизации электоральных норм в конституции требует более подробного объяснения.

Противоположностью децентрализованной модели, по логике, должна выступать централизованная форма систематизации. Но термин «централизованная модель» диктовал бы слишком жесткую форму объединения статей – в единый и единственный раздел (часть). Но ни одна из конституций не имеет такой структуры.

Наиболее близкая к такой форме систематизация электоральных норм произведена в Конституции Малайзии. Речь идет о специальной части VIII Конституции, именуемой «Выборы». В эту часть объединено несколько статей (ст.ст. 113–120), имеющих предметом выборы и связанные с ними вопросы. В частности, сюда вошли статьи о принципах наделения граждан активным и пассивным избирательным правом, об избирательных комиссиях и их вспомогательных органах, нарезке избирательных округов, опротестовании выборов и т.п.

Таким образом, в Конституции наличествует специальный раздел, целиком посвященный выборам.

Но квалифицировать данный вариант как централизованную модель систематизации мешает существенное обстоятельство: помимо семи статей, полностью посвященных выборам и образующих один специализированный раздел, в Конституции наличествует еще вдвое большее число статей, имеющих отношение к выборам, но рассредоточенных по разным частям текста. В частности, ст. 24 расположена в части III «Гражданство», остальные статьи (ст. 32, 33, 38, 45 и др.) – в части IV «Федерация». Поэтому говорить о централизованной модели систематизации и в этом случае было бы неверно.

Исходя из указанных соображений, автором предлагается иной термин для квалификации формы упорядочения статей о выборах – поляризация.

В контексте данной работы это означает наличие в тексте особой главы (части, раздела), который содержит базовые электоральные предписания, посему является своеобразным «полюсом» для ориентации других электоральных норм. Но, в отличие от строго централизованной модели, эта форма систематизации не исключает внедрения электоральных норм в иные разделы конституции.

Примером может служить, помимо ранее проанализированной Конституции Малайзии, законодательный опыт Индонезии. В контексте поставленной проблемы особый интерес представляет глава VII - В «Общие выборы». Правда, вся глава состоит из одной статьи (ст. 22 - Е). Но важно то, что в каждый пункт данной статьи вошли исключительно нормы о выборах, причем базового содержания — о принципах выборов (они должны проводиться «прямым, всеобщим, свободным, тайным, честным и справедливым образом» раз в пять лет — п. 1 ст. 22 - Е), их целях, видах, избирательном процессе. Кроме того, п. 5 ст. 22 - Е предусматривает создание всеобщей избирательной комиссии, имеющей «общенациональный, постоянный и независимый характер».

Но, как и в Конституции Малайзии, наличие данной главы не исключает статей, посвященных выборам, в других главах Конституции, например, в главе I «Форма государства и суверенитет»; в главе II «Народное консультативное собрание»; в главе III «Исполнительная власть» и даже в главе VIII, посвященной контрольно-надзорным органам.

Таким образом, наличие особого раздела (главы, части), в котором систематизированы исключительно электоральные нормы, в конституциях данного региона — редкая практика. Господствующей моделью является рассредоточение электоральных предписаний по ряду разделов. Как правило, это разделы о демократическом строе, о правах и свободах граждан, о государственных органах, местном самоуправлении.

Список использованной литературы

1. Авакьян С.А. Выборы в России: эволюция избирательных систем, современные проблемы // Вестник Московского университета. – Серия 11. – Право. – 2015. – №. 5. – С. 23–39.
2. Боброва Н.А. 20 лет и 20 недостатков Конституции России // Сборник тезисов по итогам Профессорского форума 2020

«Национальные проекты и профессорское сообщество». – 2020. – С. 43–48.

3. Масловская М. В. Конституция и избирательное законодательство России: соотношение, современное состояние, вопросы совершенствования // Конституция и избирательное право: настоящее и будущее. – 2009. – С. 38–39.

4. Миронов О. О. Конституция не может быть неизменной // Государство и право. – 1998. – №. 4. – С. 5–9.

5. Сербин М. В. К вопросу о необходимости главы Конституции Российской Федерации «Избирательная система» в свете конституционной реформы // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2014. – №. 5. – С. 15–18.

Информация об авторе

Ирина Викторовна Минникес — главный научный сотрудник Института правовых исследований Байкальского государственного университета, доктор юридических наук, профессор; e-mail: ivminnikes@mail.ru.

Author

Irina Viktorovna Minnikes — Chief Researcher, Institute of Legal Research of Baikal State University, Doctor of Law, Professor; e-mail: ivminnikes@mail.ru.

ОТРАЖЕНИЕ ФАКТА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ВПЕРВЫЕ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Автором проводится сравнительный анализ УК Российской Федерации 1996 г. с Уголовным кодексом Республики Казахстан в части отражения факта совершения преступления впервые. Делается вывод о значительной специфике в регламентации данного обстоятельства, обозначаются проблемные вопросы регламентации. Вместе с тем, подчеркивается необходимость анализа некоторых важных идей, положенных в основу законодательной регламентации в части дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности. Отмечается позиция казахского законодателя, касающаяся отражения факта совершения преступления впервые в рамках действия института освобождения от уголовной ответственности в зависимости от кратности преступлений. Констатируется факт более дифференцированного описания совершения преступления впервые с учетом не только отдельных категорий преступлений, но и отдельных видов преступлений. Обращается внимание на то, как в сочетании с дополнительными условиями казахский законодатель оценивает факт совершения преступления впервые применительно к освобождению от уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних.

Ключевые слова: Уголовный кодекс Республики Казахстан, Уголовный кодекс Российской Федерации, кратность преступлений, совершение преступления впервые, отражение в уголовном законе.

D.A. Parkhomenko

REFLECTION OF THE FACT OF COMMITTING A CRIME FOR THE FIRST TIME IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

The author carries out a comparative analysis of the Criminal Code of the Russian Federation of 1996 with the Criminal Code of the

Republic of Kazakhstan in terms of reflection of the fact of committing a crime for the first time. The conclusion is made about significant specificity in the regulation of this circumstance, problematic issues of regulation are outlined. At the same time, the need to analyze some important ideas underlying the legislative regulation in terms of differentiation and individualization of criminal responsibility is emphasized. The position of the Kazakh legislator concerning reflection of the fact of committing a crime for the first time within the framework of the institute of exemption from criminal liability depending on the multiplicity of crimes is noted. The fact of more differentiated description of committing a crime for the first time is stated, taking into account not only separate categories of crimes, but also separate types of crimes. Attention is drawn to the way in combination with additional conditions Kazakh legislator assesses the fact of committing a crime for the first time in relation to exemption from criminal liability and punishment of minors.

Key words: Criminal Code of the Republic of Kazakhstan, Criminal Code of the Russian Federation, multiplicity of crimes, committing a crime for the first time, reflection in the criminal law.

По утверждению Н.Д. Сергиевского «научное исследование не может ограничиться положительным правом одного какого-либо народа (правом отечественным). В качестве необходимого материала должны быть привлекаемы определения права других государств... Вся задача, при пользовании чужеземным материалом, заключается в том, чтобы не дать ему того значения, которого он не имеет, – он должен служить средством для ознакомления с опытом других народов и запасом готовых знаний, но не предметом слепого подражания» [4, с. 2–3].

Кроме того, как отмечает Е.Г. Кольцов, немаловажным фактором при выборе государств для сравнительно-правового исследования является уровень правовой культуры в том или ином государстве, который в современных условиях легко проследить по количеству правовой информации, относящейся к этому государству» [1, с. 6].

Анализируя Уголовные кодексы стран СНГ, а также других стран, ранее входивших в состав СССР, нельзя не сказать о том, что многие из них в первоначальной редакции испытали на себе достаточно серьезное влияние Модельного УК для государств-участников СНГ, принятого в 1996 г. [2], в том числе и в плане

отражения в них некоторых аспектов кратности преступлений. Примечательно то, что к регламентации интересующей нас проблемы Модельный УК отнесся весьма сдержанно. Факт совершения преступления впервые здесь традиционно упоминается в качестве обстоятельства, смягчающего «ответственность и наказание», правда, с оговоркой «совершение впервые преступления небольшой тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств» (п. «а» ч.1 ст. 62). Наличие указанного обстоятельства определяет освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ч. 1 ст. 74), изменением обстановки (ст. 76) и несовершеннолетних (ст. 98). Другая сторона кратности преступлений – «повторность совершения преступлений, рецидив, совершение преступлений в виде промысла» – изначально предусматривалась в качестве обстоятельства, «отягчающего ответственность и наказание» (п. «а» ч. 1 ст. 63). Однако в последующем это положение было исключено из Модельного УК¹.

Многие Уголовные кодексы стран СНГ, а также других стран, ранее входивших в состав СССР, в регламентации вопросов кратности преступлений в первоначальной редакции оказались однотипными УК Российской Федерации 1996 г. Значительная часть из них и по настоящее время принципиальных изменений в этом вопросе не претерпела (УК Азербайджанской Республики, Кыргызской Республики, Республики Таджикистан, Туркменистана, Республики Узбекистан). Возможно, сказанное в меньшей степени касается УК Грузии, в котором на сегодняшний день в отдельных главах регламентируются виды единого преступления (гл. 4) и множественность преступлений (гл. 5).

Более продвинутыми в регламентации кратности преступлений, причем, даже в сравнении УК Российской Федерации 1996 г., являются на сегодняшний день два Уголовных кодекса из рассматриваемой группы: УК Республики Беларусь и УК Республики Казахстан. С учетом того, что специфика законодательной регламентации кратности преступлений в Республике Бела-

¹ Это было сделано Рекомендательным законодательным актом СНГ от 16 ноября 2006 г. (Постановление № 27-6).

речь, была освещена автором» [3, с. 227–232], остановимся более подробно на оригинальном подходе трактовки этого вопроса законодателем Казахстана в УК 2014 года [5].

В разделе 2 «Уголовные правонарушения», регламентируя формы множественности преступлений, в рамках первой из них – «Неоднократность уголовных нарушений» (ст.12) – казахский законодатель определяет в частности, что «Уголовное правонарушение не признается совершенным неоднократно, если за ранее совершенное уголовное правонарушение лицо было осуждено либо освобождено от уголовной ответственности по основаниям, установленным законом». Ни о погашении судимости, ни о снятии судимости при этом речь не идет, что однако регламентируется общим правилом о значении судимости в ч. 9 ст. 79 УК Казахстана: «Погашение или снятие судимости аннулирует все правовые последствия, связанные с судимостью, за исключением ограничений, установленных назначенным пожизненно дополнительным видом наказания».

Кратности преступлений казахский законодатель придает двойное уголовно-правовое значение при назначении уголовного наказания: с одной стороны, совершение впервые уголовного проступка либо впервые преступления небольшой или средней тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств, признается фактором, смягчающим уголовную ответственность и наказание (п. 1 ч. 1 ст. 53 УК Казахстана); с другой – не только рецидив преступлений, как это предусмотрено в п. «а» ч. 1 ст. 63 УК Российской Федерации, но еще и неоднократность всех уголовных правонарушений оценивается здесь в качестве обстоятельства отягчающего уголовную ответственность и наказание (п. 1 ч. 1 ст. 54 УК Казахстана). Подобная позиция представлена и в УК Республики Таджикистан (ст. 61, 62), с той лишь разницей, что в нем сам по себе факт «совершения преступления впервые» без каких-либо дополнительных условий рассматривается в качестве обстоятельства, смягчающего наказание (п. «а» ч. 1 ст. 61). Предусмотрено такое же правило и в УК Туркменистана, но лишь в связи с «совершением впервые преступления небольшой тяжести» (п. «а» ч. 1 ст. 57).

Заслуживает внимания позиция казахского законодателя при отражении факта совершения преступления впервые в рамках действия института освобождения от уголовной ответвен-

ности. Во-первых, в отличие от ч. 1 ст. 75 УК Российской Федерации, освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием по основаниям, предусмотренным ст.65 УК Казахстана, ограничивается не категориями совершенного преступления, а отдельными видами преступлений, перечень которых весьма ограничен и носит исчерпывающий характер (террористическое преступление, экстремистское преступление, преступление, совершенное в составе преступной группы, преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетних, тяжкое или особо тяжкое преступление против личности, за исключением случаев, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК Казахстана)². Во-вторых, в отличие от УК Российской Федерации, в УК Казахстана освобождение от уголовной ответственности с учетом категории преступления, совершенного лицом впервые, по другим основаниям имеет более дифференцированный характер: с установлением поручительства (при совершении уголовного проступка, преступлений небольшой или средней тяжести) в последнем случае принимается во внимание еще и наличие штрафа в числе основных видов наказания (ст.69 УК Казахстана); в связи с утратой общественной опасности лица, совершившего уголовный проступок либо преступление небольшой или средней тяжести, – без каких-либо дополнительных условий (ч.2 ст.70 УК Казахстана)³; в связи с примирением с потерпевшим освобождение от уголовной ответственности может состояться и при совершении тяжкого преступления, но лишь в отношении определенного в законе круга лиц (несовершеннолетних, беременных женщин и т.д.) (ч.2 ст.68 УК Казахстана)⁴. Наконец, не может не привлекать внимания и то, насколько избирательно и в сочетании с дополнительными условиями казахский законодатель оперирует условием совершения преступления впервые применительно к

² Ограничения подобного рода предусмотрены и для некоторых других видов освобождения от уголовной ответственности, в частности, предусмотренных ст. 68, 69 УК Республики Казахстан.

³ Вместе с тем вызывает сомнение, что освобождение от уголовной ответственности по данному основанию представляет частный случай изменения обстановки, как это следует из названия ст. 70 УК Республики Казахстан.

⁴ Согласно ч. 1 ст. 68 УК Республики Казахстан, освобождение от уголовной ответственности лиц, совершивших уголовный проступок, преступление небольшой или средней тяжести, примирившихся с потерпевшим, во-первых, имеет характер императива и, во-вторых, не ставится в зависимость от кратности преступлений, точнее – от факта совершения преступления впервые.

освобождению от уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних. Для наглядности приведем эту статью УК Республики Казахстан полностью:

«Статья 83. Освобождение несовершеннолетних от уголовной ответственности и наказания

1. Несовершеннолетний, совершивший уголовный проступок или преступление небольшой тяжести либо *впервые совершивший преступление средней тяжести*, может быть освобожден судом от уголовной ответственности, если установлено, что его исправление возможно без привлечения к уголовной ответственности. При этом к нему могут быть применены принудительные меры воспитательного воздействия.

2. Несовершеннолетний, *впервые осужденный за совершение уголовного проступка или преступления небольшой или средней тяжести*, может быть освобожден судом от наказания, если будет признано, что его исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия.

3. Несовершеннолетний, *впервые совершивший тяжкое преступление* (курсив наш – Д.П.), не связанное с причинением смерти или тяжкого вреда здоровью человека, может быть освобожден судом от уголовной ответственности в случаях, предусмотренных частью второй статьи 68 настоящего Кодекса».

В части рассматриваемой нами проблемы УК Республики Казахстан примечателен еще и тем, что факт совершения впервые дачи и получения незаконного вознаграждения, если его размер не превышал «двух месячных расчетных показателей», при отсутствии предварительной договоренности о таком вознаграждении либо «не влечет уголовной ответственности» (в первом случае) (примечание 1 к ст. 367), либо «не является преступлением в силу малозначительности» (во втором случае) (примечание к ст. 366)⁵.

Изучение в интересующем нас аспекте Уголовного кодекса Казахстана, позволяет сделать общий вывод о том, что в рассматриваемом УК акцент делается на регламентацию множе-

⁵ Насколько нам известно, ни в одном из действующих на сегодняшний день Уголовных кодексов (Уголовных законов) нет нормы, предусматривающей возможность устранения уголовно-правовых обременений для взяточполучателя подобным образом.

ственности преступлений и более всего такую ее форму, как рецидив преступлений. Кроме этого, можно заключить следующее. В УК Казахстана не отражен факт совершения преступления в первый раз в жизни. Как и в УК РФ, понятия преступления, совершенного впервые, или лица, впервые совершившего преступление, имеют не фактическое, а юри-дическое значение, что обусловлено наличием положений о том, что погашение или снятие судимости аннулирует (прекращает) все правовые (уголовно-правовые) последствия, связанные с осуждением (судимостью). УК Казахстана содержит легальное определение разновидностей множественности преступлений, из содержания которых можно вывести понятие преступления, совершенного впервые. Между тем, при наличии специальных статей, посвященных разъяснению понятий, используемых в ст. 3 УК Казахстана, было бы логично именно в ней дать такое разъяснение или определение;

В качестве опыта, вполне заслуживающего внимания российского законодателя в регламентации факта совершения преступления впервые, выступает практика более дифференцированной «привязки» данного факта не только к отдельным категориям преступлений, но и отдельным видам преступлений, в зависимости от формы вины совершенного преступления, а также наличие законодательного определения разновидностей множественности преступления.

Список использованной литературы

1. Кольцов Е.Г. Субъект преступления в уголовном праве Российской Федерации и зарубежных стран: Сравнительно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд.юрид.наук. – М.,2009. – С. 6.
2. Модельный Уголовный кодекс для государств-участников СНГ. Рекомендательный законодательный акт [Электронный ресурс]: Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс» (Дата обращения 01.07.2022).
3. Пархоменко Д.А. Совершение преступления впервые и его отражение в уголовном законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь. В сборнике: Байкальские компаративистские чтения. Материалы международной научно-практической конференции. – Иркутск, 2023. – С. 227–232.

4. Сергиевский Н.Д. Русское уголовное право. Часть общая. СПб., 1910. С. 2–3.

5. Уголовный кодекс Республики Казахстан (с изм. и дополн. по состоянию на 12.09.2023 г.) [Электронный ресурс]: Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс» (Дата обращения 1 декабря 2023 г.).

Информация об авторе

Дмитрий Александрович Пархоменко – доцент кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, кандидат юридических наук, доцент; e-mail: parkhomenkoda@mail.ru.

Author

Dmitry A. Parkhomenko – Ph.D. in Law, Associate Professor, Criminal Law Department of Moscow State Law University (MSAL), Sadovaya-Kudrinskaya str., 9, Moscow, Russia; e-mail: parkhomenko-da@mail.ru.

УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ГРУЗИИ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ

В статье автор проводит сравнительный анализ Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. с Уголовным кодексом Грузии в части законодательного описания понятия и видов обстоятельств, исключающих преступность деяния. Автор делает вывод о стремлении грузинского законодателя к единообразному определению обстоятельств, исключающих преступность деяния. Этому способствует наличие законодательного определения и их исчерпывающего перечня. Вместе с тем, констатируется факт того, что при описании оснований реализации обстоятельств, преступность которых исключается, используются три, хотя и взаимосвязанных, но различных понятия: противоправное посягательство при необходимой обороне; деяние, причинившее вред правам и охраняемым законом интересам в случае крайней необходимости и оправданном профессиональном или хозяйственном риске и общественно опасное деяние в случае причинения вреда при задержании.

Ключевые слова: Уголовный кодекс Грузии; Уголовный кодекс Российской Федерации; обстоятельства, исключающие преступность деяния; малозначительность деяния; деяния, преступность которых исключается.

S.V. Parkhomenko

CRIMINAL LEGISLATION OF GEORGIA ON CIRCUMSTANCES EXCLUDING THE CRIMINALITY OF AN ACTION

The author conducts a comparative analysis of the Criminal Code of the Russian Federation of 1996 with the Criminal Code of Georgia in terms of the legislative description of the concept and types of circumstances excluding the criminality of an action. The author draws a conclusion about the desire of the Georgian legislator for a uniform definition of the circumstances excluding the criminal-

ity of an action. This is facilitated by the existence of a legislative definition and an exhaustive list of them. At the same time, it is stated that when describing the grounds for the implementation of circumstances, the criminality of which is excluded, three, although interrelated, but different concepts are used: unlawful encroachment with necessary defense; an act that caused harm to rights and legally protected interests in case of extreme necessity and justified professional or economic risk and a socially dangerous act in case of causing harm during detention.

Key words: The Criminal Code of Georgia; the Criminal Code of the Russian Federation; circumstances excluding the criminality of an act; the insignificance of an act; acts with criminality excluded.

Использование метода сравнительного правоведения в современных правовых исследованиях является более объективной необходимостью, чем просто иллюстрацией осведомленности того или иного автора о состоянии соответствующих зарубежных законодательных аналогов [2, с. 36]. Исходя из конкретного экономического и социально-политического состояния, имеющегося положительного опыта и традиций борьбы с преступностью в России недопустимо слепое копирование зарубежного законодательства, на что справедливо обращается внимание в литературе [3, с. 9]. Вместе с тем также недопустимо игнорировать зарубежный опыт борьбы с преступностью и зарубежное законодательство. Как отмечал известный французский юрист Марк Ансель, изучение зарубежного опыта «открывает перед юристом новые горизонты, позволяет ему лучше узнать право своей страны, ибо специфические черты этого права особенно отчетливо выявляются в сравнении с другими системами. Сравнение способно вооружить юриста идеями и аргументами, которые нельзя получить даже при очень хорошем знании только собственного права» [1, с. 38].

При рассмотрении зарубежного уголовного законодательства об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, в рамках уголовного закона бывших союзных республик, особый интерес представляет Уголовный Кодекс Грузии.

Анализ именно этого законодательного акта объясняется, прежде всего, тем, что в нем содержится единственное в своем роде их легальное определение: «Исключающими преступность деяния признаются обстоятельства, при которых действие или

бездействие, содержащие предусмотренные настоящим Кодексом признаки, не являются преступлениями ввиду отсутствия общественной опасности, противоправности или вины» (ст. 35) [4]. Правда, при регламентации отдельных обстоятельств, за исключением, пожалуй, малозначительности, законодатель четко не оговаривает, в силу отсутствия какого признака из числа названных, то или иное обстоятельство носит исключительный характер. Не лишена противоречия и сама дефиниция обстоятельств, исключающих преступность деяния, потому что если действие или бездействие содержит признаки преступления, то в их число обязательно входит и такой, как вина. И этот вывод основан на определении понятия преступления, предусмотренного в этом Уголовном кодексе.

Стремление грузинского законодателя к единообразному определению обстоятельств, исключающих преступность деяния, выраженное в законодательном их определении и исчерпывающем перечислении, к сожалению, сопровождается тем, что при описании оснований их реализации используются три, хотя и взаимосвязанных, но различных понятия: противоправное посягательство (при необходимой обороне); деяние, причинившее вред правам и охраняемым законом интересам (при крайней необходимости и оправданном профессиональном или хозяйственном риске); общественно опасное деяние (при причинении вреда при задержании). Если же общественная опасность – это свойство только преступления, то логично сделать вывод о том, что основанием необходимой обороны могут выступать и не общественно опасные противоправные посягательства, а основанием причинения вреда при задержании – только преступные (общественно опасные) посягательства. И это при одинаковых видах и размерах уголовного наказания за превышение пределов необходимой обороны и мер задержания.

Вместе с тем, в сравнении со многими зарубежными аналогами, УК Грузии выгодно отличается именно последовательностью регламентации. В основе отмеченной выше поливариантности в обозначении деяний, преступность которых исключается, с распределением их на две самостоятельные главы, лежит определение понятия преступления лишь через признаки противоправности и виновности деяния. При этом такой традиционный признак преступления, как общественная опасность, логично не находит своего отражения и в содержании различных

форм вины (ст.ст. 9, 10). Основным элементом ее содержания в УК Грузии выступает осознание противоправности деяния и его последствий. В этой связи несомненный интерес вызывает вопрос о практической реализации этой законодательной идеи. Поскольку же только названные признаки определяют преступление, выступающее основанием уголовной ответственности (ст. 7), постольку наименование одних обстоятельств «исключающими противоправность» (гл. 8), а других – «исключающими... вину» (гл. 9) в общем-то обоснованно, и можно только догадываться о том, почему и те, и другие грузинский законодатель не объединил общим названием «Обстоятельства, исключающие преступность деяния». В данном случае логика прослеживается и в том, что обстоятельства, смягчающие вину, также помещенные в гл. 9 УК Грузии, никак не перекликаются (по крайней мере с формальной точки зрения) с обстоятельствами, смягчающими ответственность, о которых идет речь применительно к назначению наказания. Не перекликаются потому, что обстоятельства последнего вида конкретно вообще не называются в ст.ст. 53, 54 УК Грузии. Вместе с тем, следует заметить, что их открытый (а точнее, неопределенный) перечень позволяет включать в их число и такие, которые фактически смягчают именно вину и, казалось бы, должны быть регламентированы в гл. 9 УК Грузии. Однако это невозможно, поскольку грузинский законодатель в самом УК, назвав гл. 9 «Обстоятельства, исключающие и смягчающие вину», четко установил правовые последствия только для исключаящих обстоятельств – для «невиновных деяний». И эти последствия почему-то выражаются в освобождении от уголовной ответственности, а не в ее исключении (ст. 38). К слову сказать, эта неточность присутствует и при характеристике обстоятельств, исключаящих противоправность деяния, в названии ст. 32 УК Грузии.

При том, что вопрос о правовых последствиях поведения лица при наличии анализируемых обстоятельств заслуживает особого внимания, заметим: если деяние не является противоправным и виновным, оно (в том числе и по мысли грузинского законодателя) не является и преступлением. Следовательно, в данном случае не возникает даже обязанность несения уголовной ответственности, а поэтому субъекта деяния не от чего и освобождать.

Уголовное законодательство бывших союзных республик об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, не лишено оригинальности и в легальном определении круга таких обстоятельств.

По нашим сведениям, из двенадцати Уголовных кодексов этой группы зарубежных источников уголовного законодательства только один предусматривает открытый перечень обстоятельств, исключающих преступность деяния – это УК Грузии, в котором вслед за перечислением обстоятельств, исключающих противоправность деяния в ст.ст. 28–31, приводится ст. 32, согласно которой «Не являются противоправными действия лица, совершившего предусмотренное настоящим Кодексом деяние при наличии иных обстоятельств, которые хотя в настоящем Кодексе прямо не упоминаются, но вполне удовлетворяют условиям правомерности этого деяния». Такое законодательное решение, с одной стороны, предоставляет широкие возможности правоприменителю в решении вопроса о преступности либо неправомерности содеянного и право считать правомерным, например, лишение жизни с согласия потерпевшего. С другой – у правоприменителя такого права нет, поскольку на совершение подобного рода деяния содержится прямой запрет в ст. 110 УК Грузии, и остается надеяться, что об этом осведомлен субъект возможного преступления, так как осознание противоправности деяния, как уже отмечалось, является в данном случае обязательным элементом содержания вины.

И, наконец, оригинальную позицию занимает УК Грузии и в отношении вопроса о правомерности крайней необходимости, которую он ставит в зависимость не от размера причиненного вреда, а от значимости блага, которому он (вред) причиняется: «...если блага, которым был причинен вред, были менее значительными, чем спасенные» (ст. 30 УК Грузии). Дело, однако, в том, что сами эти правовые блага в УК Грузии не называются и не ранжируются в зависимости от их ценности. Причем этот вопрос обходится стороной не только в рамках обсуждаемой проблемы, но и при определении задач, стоящих перед Уголовным законодательством. Тем самым данный вопрос полностью «отдается на откуп» правоприменителю.

Список использованной литературы

1. Ансель М. Методологические проблемы сравнительного права // Очерки сравнительного права. М., 1991. С. 37–42.
2. Звечаровский И.Э., Лысенко О.В. Незаконное вознаграждение: Уголовно-правовые аспекты. СПб., 2002. -130 с.
3. Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство: Опыт критического анализа. - СПб., 2000. – 279 с.
4. Уголовный кодекс Грузии [Электронный ресурс]: (Дата обращения 27.07.2022).

Информация об авторе

Светлана Валерьевна Пархоменко — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации; e-mail: psvet@mail.ru.

Author

Svetlana V. Parkhomenko — Doctor of Law, Full Professor; Full Professor of the chair of the criminal law disciplines, Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation; e-mail: psvet@mail.ru.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СЕТЕВОЙ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ

В результате информационной (цифровой) революции происходит заметное расширение сферы гражданской активности, меняется характер законопослушного и противоправного поведения. В различных правовых порядках возникают новые формы гражданской активности. Такая активность может быть конструктивной, направленной на решение насущных вопросов и реализацию интересов и потребностей тех или иных групп, сообществ, структур. В то же время сетевые акторы нередко используют доступные технологические возможности в деструктивных целях. Перед правом встает непростая задача, связанная с выработкой правил социального взаимодействия, не наносящих вреда интересам государства и общества. Корректировки требуют существующие нормативные рамки в области определения допустимой меры свободы субъектов права. Большинство национальных юрисдикций следует путем экстраполяции действующих регуляторных механизмов на вновь возникающие способы социального взаимодействия. Однако не все то, что было рассчитано на совершенно иную форму коммуникации, сохраняет стабильное регулятивное значение в контексте сетевизации.

Ключевые слова: коммуникация; регулирующая функция права; информационное пространство; виртуальные сетевые образования; социальная ответственность; демократия; регуляторные механизмы.

E.V. Perepelitsa

LEGAL REGULATION OF NETWORK CIVIC ACTIVITY

As a result of the information (digital) revolution, there is a noticeable expansion of the sphere of civic activity, and the nature of law-abiding and illegal behavior is changing. New forms of civic activism are emerging in various legal orders. Such activity can be constructive, aimed at solving pressing issues and realizing the interests and needs of certain groups, communities, structures. At the same

time, network actors often use available technological capabilities for destructive purposes. The law faces a difficult task related to the development of rules of social interaction that do not harm the interests of the state and society. Adjustments require the existing regulatory framework in the field of determining the permissible measure of freedom of subjects of law. Most national jurisdictions follow the path of extrapolation of existing regulatory mechanisms to newly emerging modes of social interaction. However, not everything that was designed for a completely different form of communication retains stable regulatory significance in the context of networking.

Key words: communication; regulatory function of law; information space; virtual network formations; social responsibility; democracy; regulatory mechanisms.

Сетевые средства коммуникации меняют среду обитания общества. В мире цифровых технологий исчезают всяческие барьеры и преграды. Информационный технологический уклад ставит нетривиальные вопросы о трансформации существующих механизмов социального управления, способов принятия юридически значимых решений. Право не должно утрачивать свою регулирующую функцию, просто на просто приспособляясь к нынешнему технологическому укладу. Сегодня многие национальные правовые порядки стоят перед необходимостью разработки инновационных, гибких, сложноорганизованных юрико-технических регуляторов, учитывающих влияние цифрового фактора на социальное взаимодействие.

В результате информационной революции происходит заметное расширение сферы гражданской активности, меняется характер законопослушного и противоправного поведения. Информационное пространство продуцирует образование виртуальных сетевых образований, движений. На авансцену выходят «группы людей, взаимодействующих на основе коммуникаций Интернета, имеющих общие связи между собой на основе общих целей, ценностей и интересов, способных к проявлению совместных форм активности» [1, с. 7]. Причем одни и те же люди могут быть членами нескольких блоков и структур одновременно, свободно интегрироваться в их состав и беспрепятственно покидать их. Участникам различных структур и сообществ удастся легко договариваться между собой, вырабатывать

правила локальных коммуникаций. В информационном пространстве прекрасно работают механизмы посредничества, с помощью которых достигается согласие при принятии решений в групповых, общих и иных интересах.

Возможности беспрепятственно строить коммуникацию, с невероятной скоростью и быстротой устанавливая прямые и обратные связи состоит в том, что человек, «не выходя из дома, получает доступ к практически неограниченному объему информации, что позволяет формировать и выражать свое мнение, создавать сообщества, исходя из определенных интересов, распространять какие-либо сведения или данные, запрашивая точку зрения других пользователей» [2, с. 73]. Под сомнение оказались поставленными существующие нормативные рамки в области определения допустимой меры свободы субъектов права, общественных акторов. Опыт многих национальных юрисдикций показывает, что прошлые подходы недостаточно эффективны в плане категоризации социальной ответственности.

Инновационные технологии усложняют сеть общественных взаимосвязей, вовлекают людей в новые социальные отношения. Широкое применение дистантных средств связи, сайтов «открывает дверь» как для общественной солидарности, так и для энтропии. Не лишено оснований утверждение о том, что «солидарность – такое качество социальной коммуникации, при котором ее участники и сознательно и интуитивно разделяют некоторые установки, стандарты поведения и коллективные ценности в той мере, в какой это позволяет им действовать сообща» [3, с. 79]. Одни и те же технологии могут с успехом применяться как для сплочения общества, так и для разрыва стабильных социальных связей. В информационном пространстве становится возможным «инициирование ложной активности в целях лоббирования интересов определенных групп» [4, с. 183]. Разумеется, надежда на то, что высокие технологии переустроят существующий мир на исключительно гуманистических основаниях, утопична: «Интернет не только не лечит старые болезни демократии, но нередко усугубляет их течение. Тем не менее, нынешний технологический уклад дает реальные практические примеры созидания позитивных традиций взаимодействия государства и общества и развития их коммуникативной культуры» [5, с. 319].

Дистантное взаимодействие явилось матрицей новых форм гражданской активности. Такие формы не аналогичны тому, что происходит в офлайн-формате. Для пользователей глобальной компьютерной сети возможность коммуникаций через мессенджеры и социальные сети представляется привычной и естественной. Те, кто знаком с Интернетом с детства, не испытывает нужду в том, чтобы осваивать «бумажный» формат взаимодействия. Сетевые формы социального взаимодействия превратились в источник дискурсивных практик: общественных слушаний, общественных экспертиз, онлайн-консультаций, обсуждений локальных решений, консультативных опросов и референдумов, петиций, лоббирования, краудсорсинга, интерактивных дискуссионных форумов, слушаний, конференций. Данный перечень можно продолжать. Количество форм гражданской активности с каждым днем увеличивается [6, с. 116]. Пожалуй, самой большой популярностью в странах ближнего и дальнего зарубежья пользуются гражданские инициативы, онлайн-консультации и дебаты.

Сетевые формы гражданской активности сочетаются с обычными и подчас конкретные очертания приобретают конвергентные механизмы. Причин для такой конвергенции немало, и все зависит от желания и мотивированности людей, степени освоенности ими современных технологий, ответной реакции на гражданскую активность со стороны публичной власти и заинтересованности государства в диалоге с обществом. Существующие модели гражданской активности подчас реализуются на нескольких цифровых платформах сразу. Необходимо учитывать факты сочетания в одной и той же форме сетевой гражданской активности методов и средств, адаптированных к другим формам. Разные модели как бы пронизывают друг друга, например, элементы гражданских слушаний и общественных обсуждений обнаруживаются в гражданских жюри, результаты общественных экспертиз могут представляться в формате гражданских форумов и слушаний. Общественные слушания, проводимые путем традиционного голосования, дополняются электронными средствами, общественный контроль осуществляется при посредстве онлайн-консультаций [7].

К текущему моменту в мировой практике сложились разные подходы к правовому регулированию сетевой гражданской активности. Большинство национальных юрисдикций следует

путем экстраполяции действующих регуляторных механизмов на вновь возникающие способы социального взаимодействия. В то же самое время далеко не все то, что было рассчитано на совершенно иную форму коммуникации, сохраняет стабильное регулятивное значение. Существуют успешные примеры разработки специальных нормативных правовых актов. Однако же многое выпадает из правового поля и остается нерегламентированным. В данной области одинаково вредна как ничем не ограниченная свобода, так и исчерпывающее регламентирование.

Научная юриспруденция еще не выработала релевантного подхода к поведению в информационном пространстве и к активности, проявляемой сетевыми акторами. Встают задачи по теоретически безупречной и обоснованной классификации дискурсивных практик, нахождению консолидированного согласия относительно принципов формирования и деятельности онлайн-образований. Формы сетевой гражданской активности утверждаются с разной скоростью и успехом. Одни из них действительны и эффективны, вторые – существуют лишь формально и не приносят заметной пользы государству и обществу, третьи – являются потенциальным источником опасности. В этой связи не стоит упускать из виду потенциальные риски использования цифровых технологий [8, с. 47]. Разрушительные «информационные войны» – процесс, как правило, управляемый, а не хаотичный» [9, с. 61].

В странах ближнего и дальнего зарубежья можно встретить внушительные примеры позитивной публичной активности [10]. Использование телекоммуникационных сетей умножает случаи неконфликтного разрешения сложных вопросов при совместном участии государственных и общественных акторов, учета и сопоставления несовпадающих, конкурирующих и конфликтующих интересов. Важно выработать адекватный юридический подход к регулированию гражданской сетевой активности и понять, имеют ли вновь образуемые дискурсивные практики общие и универсальные принципы своего формирования, либо каждому отдельно взятому случаю свойственны свои собственные, уникальные закономерности.

Профильная юридическая теория пока не предложила способов измерения, которые бы в одинаковой степени подходили к различным формам активности, проявляемой сетевыми акто-

рами. Отдельный вопрос заключается в возможности применения к одним формам гражданской сетевой активности механизмов, апробированных к другим такого рода формам.

Коммуникативная среда как особое пространство позволяет выстраивать социальное взаимодействие в режиме диалога, интеракций, обратной связи. В этом есть свои плюсы и преимущества.

В юрисдикциях, преуспевших в смысле образования дискурсивных практик, мы находим примеры организованного использования сетевой гражданской активности в диалоге между государством и обществом. Это в том числе опросы граждан на независимых Интернет-площадках и форумах, Интернет-петиции, онлайн-референдумы и др. Каждый механизм имеет свою специфику, в то же время можно засвидетельствовать определенную общность разных форм сетевой активности.

В правовой науке предпринимаются попытки подведения широкой палитры общественной онлайн-активности к некоторому единому знаменателю. В качестве обобщающего предложен термин «правовое сотворчество» [11, с. 74]. Он обозначает, каким именно образом цифровые и коммуникационные технологии делают возможным широкое присутствие граждан, общественных структур и институтов в процессах, происходящих в государстве, не исключая правообразовательные, правотворческие, управленческие. Современные коммуникационные средства способствуют тому, чтобы обычные граждане становились до известных пределов «соавторами политико-правовых решений» [11, с. 74].

Дистантные коммуникации символизируют возможности общества инициировать диалог с государством, как и наоборот – государство вправе рассчитывать на заинтересованное взаимодействие со структурами и акторами, представляющими общество. Развитие подобных практик в информационную эпоху подтверждает обоснованность научного предположения о том, что «общество часто не в состоянии решать самые насущные проблемы в одиночку, также, как и государство не в состоянии их решать без общества» [12, с. 96].

В контексте реальности инновационных технологий, перехода существенной части общественных отношений в цифровую среду, дигитализации правонарушений и недостаточной сте-

пени защищенности общества от несанкционированного применения открывшихся возможностей серьезным образом меняется миссия самого права. Стоящие перед ним регулятивные и охранительные задачи на несколько порядков усложняются. Значительным модификациям подвержена юридическая ответственность как комплексное правовое средство, мера принуждения и мера защиты.

Наряду с развитием и совершенствованием охранительно-восстановительных юридических средств, направленных на защиту от преднамеренного использования информационно-коммуникационных технологий в незаконных целях и от деструктивной гражданской активности, критически важно уделять внимание вопросам, касающимся тех глубоких социальных трансформаций, которые вызваны достижениями информационной революции и тому, какой должна быть ответная реакция на указанные обстоятельства со стороны собственно права.

Список использованной литературы

1. Государственная политика информационной безопасности и информационное противоборство: учеб. пособие / В. Ю. Арчаков [и др.]. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2020. – 227 с.

2. Карабельникова Ю.Л. Краудсорсинг в сфере права: российский опыт и перспективы // Право – явление цивилизации и культуры / Российский университет дружбы народов. – М. – 2020. – Вып. 2. – С. 70–76.

3. Ветютнев Ю.Ю. Аксиология правовой формы. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 197 с.

4. Минникес И.А. Конституционные права граждан и цифровая реальность (возможные угрозы) // Труды Института государства и права РАН. – 2021. – Том 16, № 6. – С. 182–197.

5. Перепелица Е.В. Крайдсорсинг: понятие и юридическое содержание // Новые горизонты развития системы информационного права в условиях цифровой трансформации: монография / отв. ред.: Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев, В.Б. Наумов. М.: ИГП РАН, 2022. – С. 318–325.

6. Гриб В.В. Взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Юрист, 2011. – 401 с.

7. Гражданское участие в процессе принятия решений. Обзор стандартов и практик в государствах-членах Совета Европы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.icnl.org/wp-content/uploads/cfr_Civil-participation-in-decision-making-processes_An-Overview-of-Standards-and-Practices-in-CoE-Member-States_Rus.pdf. – Дата доступа: 09.02.2024.

8. Головенчик Г.Г. Цифровизация белорусской экономики в современных условиях глобализации. – Минск: Изд. центр БГУ, 2019. – 257 с.

9. Сушинский С.А. Лоббирование от «А» до «Я». – Ростов р/Д: Феникс, 2015. – 269 с.

10. Обращения граждан и организаций [Электронный ресурс] // Правительство Российской Федерации. – Режим доступа: <http://services.government.ru/letters/>. – Дата доступа: 09.01.2024.

11. Трофимов В.В. Коммуникация гражданского общества и публичной власти на платформе правового сотворчества как социальный инструмент выравнивания и стабилизации курса государственно-правового развития (введение в проблему) / Право: история и современность. – 2018. – № 1. – С. 73–80.

12. Зотов В.Б., Бронников И.А. Информационно-коммуникационные технологии – лейтмотив городского управления // Власть. – 2015. – № 11. – С. 94–100.

Информация об авторе

Елена Васильевна Перепелица – доцент кафедры медиалогии факультета журналистики Белорусского государственного университета, ассоциированный член кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат юридических наук, доцент, E-mail: elenaperpelitsa@rambler.ru.

Author

Elena Vasilyevna Perepelitsa – Associate Professor of the Department of Medialogy, Faculty of Journalism, Belarusian State University, Associate Member of the UNESCO Department of Copyright, Related, Cultural and Information Rights of the National Research University Higher School of Economics, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, E-mail: elenaperpelitsa@rambler.ru.

ИНСТИТУТ ПЕРЕСМОТРА РЕШЕНИЙ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ В ГОСУДАРСТВАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Рассматривается практика законодательного регулирования по вопросу оснований и порядка пересмотра решений конституционных судов в государствах постсоветского пространства. Установлено, что такое регулирование не получило широкого распространения. Вместе с тем сравнительный анализ законов о конституционных судах тех государств, где пересмотр решений конституционных судов допускается, позволяет выявить общие тенденции развития этого института.

Ключевые слова: судебный конституционный контроль; решение конституционного суда; пересмотр решений конституционного суда; государства постсоветского пространства.

А.А. Petrov

INSTITUTE FOR REVIEWING DECISIONS OF JUDICIAL BODIES OF CONSTITUTIONAL CONTROL IN THE STATES OF THE POST-SOVIET AREA

The practice of legislative regulation on the issue of the grounds and procedure for reviewing decisions of constitutional courts in the states of the post-Soviet space is considered. It has been established that such regulation is not widespread. At the same time, a comparative analysis of the laws on constitutional courts of those states where review of decisions of constitutional courts is permitted allows to identify general trends in the development of this institution.

Key words: judicial constitutional control; decision of the constitutional court; review of decisions of the constitutional court; states of the post-Soviet area.

На основании Конституции Российской Федерации и Федеральным конституционным законом от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» [8]

решения Конституционного Суда Российской Федерации обладают рядом фундаментальных свойств, предопределяющих их правовую природу и место в системе источников российского права. Одним из таких свойств является окончательность: в соответствии с частью первой статьи 79 названного Закона решение Конституционного Суда окончательно и не подлежит обжалованию. В научной литературе отмечается, что это свойство решений Конституционного Суда указывает на невозможность их пересмотра, а также подчеркивает особое положение Конституционного Суда в судебной системе, имея в виду невозможность существования каких бы то ни было вышестоящих по отношению к нему судебных инстанций [4, с. 418]. В этом ключе высказывался и сам Конституционный Суд, подчеркнувший в своем определении от 13 января 2000 года № 6-О [9], что его статус не предполагает обжалование принимаемых им решений, т.к. иное не соответствовало бы его природе как органа конституционного контроля, и что положение части первой статьи 79 Закона о Конституционном Суде означает признание того факта, что в судебной системе Российской Федерации нет иного органа конституционного судопроизводства, уполномоченного проверять соответствие нормативно-правовых актов Конституции и в случае их неконституционности лишать их юридической силы. Предложения по введению процедуры пересмотра решений Конституционного Суда Российской Федерации не получили поддержки законодателя [3].

Данный подход в полной мере согласуется с общемировой практикой – она практически не знает примеров организации судебного конституционного контроля, в рамках которых допускался бы пересмотр решений конституционных судов и иных органов с аналогичными функциями. Вместе с тем в некоторых государствах постсоветского пространства такой пересмотр допускается, и этот опыт представляет несомненный интерес.

1. Беларусь. Заключение и решения Конституционного Суда Республики Беларусь являются окончательными, обжалованию и опротестованию не подлежат (часть первая статьи 83 Закона «О конституционном судопроизводстве» [1]). Вместе с тем на основании статьи 87 этого Закона Конституционный Суд Беларуси вправе по своей инициативе пересматривать их в установленном порядке при наличии следующих оснований:

– если изменилась норма Конституции, на основании которой приняты заключение, решение Конституционного Суда, не вступившие в законную силу. Такая возможность, однако, не представляется реальной, поскольку согласно статье 80 названного Закона заключение, решение Конституционного Суда вступают в силу по общему правилу со дня их принятия (иной срок вступления в силу может быть установлен в конкретном заключении либо решении);

– если открылись новые обстоятельства, которые могут повлиять на сущность заключения, решения Конституционного Суда и содержащиеся в них правовые позиции.

Часть вторая статьи 87 Закона Беларуси «О конституционном судопроизводстве» ограничивает период, когда может быть осуществлен пересмотр заключения, решения Конституционного Суда, пятилетним сроком с даты принятия соответствующего акта.

2. Казахстан. Нормативные постановления и заключения Конституционного Суда Казахстана являются окончательными и не подлежащими обжалованию (часть 1 статьи 62 Конституционного закона «О Конституционном Суде Республики Казахстан» [6]). Вместе с тем статьей 61 Закона определено, что решение Конституционного Суда Казахстана может быть пересмотрено, если:

– изменилась норма Конституции Республики Казахстан, на основании которой было принято решение;

– открылись новые существенные для предмета обращения обстоятельства.

Пересмотр решений Конституционного Суда Казахстана может быть осуществлен Конституционным Судом по собственной инициативе, а также по инициативе Президента Республики Казахстан.

В части второй статьи 61 названного Закона содержится правило, согласно которому пересмотренное решение Конституционного Суда должно быть отменено постановлением о пересмотре. Это означает, что пересмотр в любом случае должен выражаться в принятии по делу нового решения и не может ограничиваться корректировками отдельных положений ранее принятого решения Конституционного Суда.

Часть третья статьи 61 Закона о Конституционном Суде Казахстана устанавливает, что порядок рассмотрения вопроса о пересмотре решения Конституционного Суда определяется Регламентом Конституционного Суда. Формально этому вопросу посвящена глава 7 Регламента, однако обращение к ее содержанию свидетельствует о фактическом отсутствии в ней каких-либо специфических правил по данному вопросу.

3. Кыргызстан. Часть первая статьи 52 Конституционного закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» [5] устанавливает, что акты Конституционного суда Кыргызстана являются окончательными и обжалованию не подлежат. Однако статья 52.1 этого закона предусматривает возможность их пересмотра, основаниями которого могут быть:

- изменение нормы Конституции, на основании которой было принято решение;
- новые существенные для предмета обращения обстоятельства, неизвестные Конституционному суду в момент вынесения решения;
- противоречие решения моральным и нравственным ценностям, общественному сознанию народа Кыргызской Республики.

Решение Конституционного суда может быть пересмотрено им по представлению Президента Кыргызской Республики или по представлению председателя Конституционного суда; тем самым пересмотр решения Конституционного суда Кыргызстана по его собственной инициативе не предусмотрен.

В результате пересмотра ранее вынесенное решение подлежит изменению или отмене.

Часть 3 статьи 52.1 вышеназванного закона Кыргызской Республики предусматривает дополнительное регулирование вопроса о пересмотре решения Конституционного суда в Регламенте Конституционного Суда, однако данный нормативный акт каких-либо предписаний по этому вопросу не содержит.

4. Молдова. Кодекс конституционной юрисдикции Республики Молдова [2] объявляет постановления и заключения Конституционного суда окончательными и не подлежащими обжалованию (статья 71). Однако по инициативе Конституционного суда большинством его судей они могут быть пересмотрены. Основаниями пересмотра могут быть:

– вновь открывшиеся обстоятельства, которые не были известны на момент принятия постановления и дачи заключения, если эти обстоятельства существенно влияют на постановление и заключение;

– внесение изменений в положения Конституции, законов и других нормативных актов, послужившие основанием к принятию постановления и даче заключения.

5. Узбекистан. В соответствии с частью первой статьи 73 Конституционного закона «О Конституционном суде Республики Узбекистан» [7] решение Конституционного суда окончательно и обжалованию не подлежит. Вместе с тем статья 74 этого Закона наделяет Конституционный суд Узбекистана правом пересматривать свои решения по следующим основаниям:

– ввиду вновь открывшихся обстоятельств, неизвестных Конституционному суду в момент вынесения решения;

– в случае изменения конституционной нормы, на основании которой было принято решение;

– в случае признания Конституционным судом принятия данного решения с нарушением установленного порядка конституционного судопроизводства.

Указанная статья уточняет, что решение Конституционного суда может быть пересмотрено им по собственной инициативе, возможность направления специальных обращений иных субъектов права в Конституционный суд по вопросам пересмотра его решений не предусматривается. Вместе с тем часть первая статьи 34 Закона о Конституционном суде содержит положение, согласно которому Конституционный суд отказывает в принятии обращения к рассмотрению, если по предмету обращения им ранее было вынесено решение, вступившее в законную силу, за исключением случаев наличия оснований для пересмотра решений Конституционного суда. Из этого следует, что Конституционный суд, получив обращение по уже разрешенному им ранее вопросу, вправе исследовать его на предмет установления оснований для начала процедуры пересмотра ранее вынесенного решения.

Обобщая, можно сформулировать следующие выводы:

1) институт пересмотра решений конституционных судов в государствах постсоветского пространства имеет ограниченное распространение, представляя собой в целом исключение из общего подхода, не предполагающего такой возможности;

2) если пересмотр допускается, то это не влечет за собой отказа от общего правила об окончательности решений конституционного суда и невозможности их обжалования;

3) как правило, пересмотр возможен только по собственной инициативе конституционного суда, в отдельных случаях – также по инициативе главы государства;

4) стандартными основаниями пересмотра являются:

– либо новые (вновь открывшиеся) обстоятельства, неизвестные конституционному суду при принятии решения. В отдельных случаях такие обстоятельства дополнительно характеризуются как существенные;

– либо изменение нормы конституции, на основании которой было принято решение;

5) регулирование вопроса о пересмотре решений конституционных судов является кратким, особые процедурные правила практически отсутствуют.

Список использованной литературы

1. Закон Республики Беларусь от 8 января 2014 г. № 124-З «О конституционном судопроизводстве». – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&po=N11400124> (дата обращения: 20.02.2024).

2. Кодекс конституционной юрисдикции Республики Молдова от 16 июня 1995 г. № 502-XIII. – URL: [https://www.constcourt.md/public/files/file/Vaza%20legala/CodJ C.rus.pdf](https://www.constcourt.md/public/files/file/Vaza%20legala/CodJ%20C.rus.pdf) (дата обращения: 20.02.2024).

3. Колбая Г.Н. Закон о Конституционном Суде: ухудшить нельзя, улучшить! // Журнал российского права. 1998. № 3. С. 84–96.

4. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный) / под ред. Г.А. Гаджиева. – М.: Норма: Инфра-М. 671 с.

5. Конституционный закон Кыргызской Республики от 15 ноября 2021 г. № 133 «О Конституционном суде Кыргызской Республики». – URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/112318/edition/1282054/ru> (дата обращения: 20.02.2024).

6. Конституционный закон Республики Казахстан от 5 ноября 2022 г. № 153-VII ЗРК «О Конституционном Суде Республики Казахстан». – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2200000153> (дата обращения: 20.02.2024).

7. Конституционный закон Республики Узбекистан от 27 апреля 2021 г. № ЗРУ-687 «О Конституционном суде Республики Узбекистан». – URL: <https://lex.uz/ru/docs/5391999> (дата обращения: 20.02.2024).

8. О Конституционном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ // СПС «КонсультантПлюс: ВерсияПроф».

9. По жалобе гражданки Дудник Маргариты Викторовны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 13 января 2000 г. № 6-О // СПС «Консультант-Плюс: ВерсияПроф».

Информация об авторе

Алексей Александрович Петров — доктор юридических наук, главный научный сотрудник Института правовых исследований, профессор кафедры конституционного и административного права Байкальского государственного университета; e-mail: petrov-a-irk@mail.ru.

Author

Petrov Aleksey Aleksandrovich — Doctor of Law, Chief Researcher for the Institute of Legal Studies, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, Baikal State University; e-mail: petrov-a-irk@mail.ru.

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В статье предпринята попытка оценить глобальные тенденции общеправового развития современных институтов государства и общества на современном этапе. Автор продолжает исследования мировых императивов, имеющих значение принципов права, характерных для всех государств, анализирует проблему трансформации права под влиянием глобализационных процессов, предпринимает попытку содержательного анализа новых явлений правовой интеграции.

Ключевые слова: императив; общеправовое развитие; правовые традиции; права человека; суверенитет.

O.V. Plyusnina

MODERN CHALLENGES OF GLOBAL INTEGRATION

The article problematizes the issues of global trends in the general legal development of modern institutions of the state and society. World imperatives that have the meaning of the principles of law that are characteristic of all states are considered. The idea of preserving the sovereignty of the state is defended, analyzes the problem of the transformation of law under the influence of globalization processes, and attempts to meaningful analyze of new phenomena of legal integration.

Key words: imperative; general legal development; legal traditions; human rights; sovereignty.

В современный период тенденции и направления общеправового развития вызывают особый интерес, поскольку события последних лет, происходящие на постсоветском пространстве, позволяют нам говорить о масштабных и серьезных изменениях, происходящих в этой сфере. Как уже отмечалось в предыдущих исследованиях автора, имеет смысл говорить о том, что формируются новые принципы, новые элементы и предписания в структуре как международного, так и национального права, которое существует в рамках каждого государства.

Происходящее второе десятилетие стирание правовых различий даже в антагонистичных правовых системах, схожесть новых правовых норм структурно и по содержанию, возникновение новых, аналогичных институтов и субинститутов права продиктовано закономерностями правового развития, актуальными потребностями взаимодействия стран, имеющими разный уровень диалога государственных систем и государств. Однако, как уже говорилось в ранних исследованиях, все закономерности и все глобальные системы общеправового развития можно условно разграничить на тенденции закономерные и тенденции, которые носят навязанный характер [1].

Унификация и гармонизация права, основанная на потребностях развития государств, обеспечивая, по мнению А.Б. Тищенко, сближение правовых систем, охватывает правотворческий и правоприменительный процессы и создает условия для уменьшения различий в правовых системах разных стран. Для гармонизации права, как правило, используются рецепция и имплементация. Ярким примером рецепции в российском праве стала глава 2 Конституции Российской Федерации, закрепляющая права и свободы человека и гражданина, в которой нашли отражение международные договоры, например, Международный пакт о гражданских и политических правах. Имплементация же проявляется в том, например, что международные договоры обязательны для стран-участниц, а при монистическом подходе международные документы будут имплементированы в национальное право, что в свою очередь образует единство практики различных государств. Примером имплементации является разъяснение Верховным судом Российской Федерации правовых позиций Европейского суда по правам человека [2].

Глобализационные процессы в праве характеризуются, по мнению Т.С. Глазатовой, разносторонностью воздействия на право и правовую систему в целом, обусловленное природой глобализации «как системной интеграции идей, принципов, связей и отношений», воздействием глобализации на процесс развития права и его теорию, радикальным и фундаментальным характером глобализации, воздействием её на гармонизацию и унификацию права, вовлеченностью в глобализационные процессы не только национального и внутригосударственного, но и международного права [3].

Среди факторов, определяющих интерференцию глобализационных процессов в праве, можно выделить происходящие процессы сближения национальных правовых систем, принадлежащих как одной, так и разным правовым семьям, разработка и внедрение международно-правовых стандартов, принимающих зачастую вид обязательных предписаний и включаемых в национальную правовую систему. Однако, в силу уникальности российской правовой системы и её традиционалистического цивилизационного типа [4], имплантация успешных практик государств с техногенной цивилизацией не всегда допустима и имеет необходимый эффект. Здесь необходимо согласиться с мнением В.С. Степина о социальных процессах управления и коммуникации «динамизм техногенной цивилизации разительно контрастирует с консервативностью традиционных обществ, где виды деятельности, их средства и цели меняются очень медленно, иногда воспроизводясь на протяжении веков» [5], которые в равной степени применимы и к развитию права.

Запрос на защиту внутренней экономики в условиях санкционных ограничений, экономической блокады и культурно-политического отторжения со стороны международного сообщества обуславливает необходимость пересмотра институционального и функционального содержания сложившегося порядка интегрирования в российскую правовую систему международных норм, принципов и правовых стандартов. Зачастую потребности использования международных норм вступают в противоречие с имеющимися политическими, культурными и социальными реалиями сегодняшнего дня.

Следует говорить о том, что глобализация превратилась в начале XXI века в универсальный императив правового развития. При этом в реальностях «глобального права» национальный суверенитет описывают как «зону сужения национально-государственного регулирования», а, следовательно, роль национального права снижается в угоду влиянию функциональных институтов развития, к которым профессор Ю.А. Тихомиров относит Всемирный банк, ВТО, МОТ, ВОЗ и др. [6, с.16]. К слову, усиление роли влияния ВОЗ на нормативное регулирование всех без исключения государств мы в полной мере смогли оценить в период пандемии COVID-19. Причем наибольшее воздействие было оказано даже не в сфере здравоохранения и сбережения человеческого ресурса, а на рынке труда и в различных

сферах экономической деятельности, что обусловило масштабные изменения нормативных массивов – от появления новых форм трудовой деятельности до новых сфер экономики («удаленка», бесконтактные способы предпринимательской деятельности, он-лайн торговля и др.)

Уходя от концепций однополярного и биполярного мироустройства, мы, тем не менее, не можем избежать интеграционных процессов. Одним из важных вопросов остается следующий: достигает ли процесс глобализации содержания или он затрагивает только формальные юридические атрибуты. Зачастую именно формализация воспринимается как задача правового глобализационного развития, и реализация в таком формате названных выше императивов способствует активному подавлению уникальности правовых систем и государств. Это опосредовано тем, что в контексте императивов применяются не лучшие образцы мировой правовой мысли, а государства, стоящие на разных ступенях правового развития, вынуждены искажать свое право под некие общие «общецивилизационные» задачи, что приводит к обесцениванию внутригосударственных норм.

В сфере взаимоотношений внутреннего и международного права также обнаруживается тенденция усиления роли глобальных императивов. Конституционное преодоление разрыва в восприятии глобального примата международного права над национальным в рамках внесенных поправок в Конституцию Российской Федерации устанавливает принципиально новый регламент взаимоотношений правовых регуляторов.

В международных отношениях сейчас существенно возросла роль новых регуляторов, отражающих интересы международных корпораций, бизнеса, неправительственных организаций, имеющих форму так называемого «мягкого права» к направлениям развития которого, по мнению Ю.А. Тихомирова, можно отнести расширение и укрепление потенциала, договорной базы международного сотрудничества, увеличение удельного веса рекомендательных актов – примерных, типовых, модельных законов; повышение роли договоренности государств на саммитах, конференциях и конгрессах; придание высокой значимости «образцам лучшей практики», увеличение радиуса взаимодействия институтов национального и международного права, национальных и международных структур (органов, организаций) [6, с. 18]. Кроме названных, в инструменты правового

воздействия глобальных императивов попадают и «силовые» методы, такие как прямой отказ от международных договоренностей (прямое нарушение принципа «*pacta sunt servanda*»), срыв соглашений и введение экономических санкций, политическое, экономической и информационное давление на другие государства, идеологическое вмешательство в дела суверенных государств (так называемая «гуманитарная интервенция»), юридическое прикрытие неправомерных действий и др.

«Как видно, в приведенных ситуациях используются такие регуляторы отношений между странами, как локальные договоренности, шантаж и давление, угрозы, прямые насильственные действия, ложные объяснения. Им должны противостоять принципы верховенства права, гуманистические принципы международного и конституционного права, с опорой на широкую поддержку мировой общественности» [6, с. 17].

Национальное право формируется и используется каждой страной самостоятельно на основе концепции правового суверенитета. Это обеспечивает государству, как члену мирового сообщества, право на добровольной основе создать общие нормативные регуляторы в виде международных договоров, социальных хартий, модельных актов, согласованных принципов. Такие регуляторы воздействуют не только на сферы внешней деятельности стран, но и на их внутригосударственное построение [7]. При этом кажется вполне логичным требование «фундаментальные юридические императивы должны формулироваться только в законах» [8, с. 113]. Это является определяющим как для внутригосударственного, так и для международного права [9].

К числу правовых императивов – внутригосударственных принципов, которые тесно связаны и взаимодействуют между собой, В.Н. Карташов относит, например, принцип законности (строгого и неукоснительного соблюдения законов), который в российской правовой системе образуют императивы:

а) Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу;

б) законы и иные правовые акты не должны противоречить Конституции Российской Федерации;

в) Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы и федеральные законы имеют прямое действие на всей территории Российской Федерации;

г) федеральные законы не могут противоречить федеральным конституционным законам;

д) субъекты правотворчества и реализация права, все граждане и должностные лица обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации, законы и основанные на законах правовые акты и т.д. [8, с. 103].

Глобальные мировые императивы, как принципы правового развития, характерны, по мнению ученых, для всех государств. Попадая в систему внутригосударственного права, они должны быть всесторонне исследованы с точки зрения правовых, культурных, нравственных, исторических традиций, национальной идентичности. В настоящее время сохраняется необходимость серьезного переосмысления содержания ряда нормативных предписаний, принятых в период ориентации на глобализацию и сближение правовых систем, оценки необходимости их сохранения с точки зрения новых направлений правового развития.

К числу таких глобальных мировых императивов Ю.А. Тихомиров относит:

ограничение суверенитета государств в пользу общих человеческих норм мирового сообщества,

приоритет признанных норм и принципов международного права перед нормами внутреннего права,

прямое обеспечение международно-правовой защиты прав и свобод человека [10].

Вопрос приоритета в выборе вектора государственной политики между суверенитетом или следованием глобальным императивам определяется государствами самостоятельно и в современной истории множество примеров следования как по одному, так и по другому пути. Например, объединение стран Европейского Союза вокруг ценностей европейской конституции, Маастрихтского и Лиссабонского договора при утрате части суверенных прав спровоцировавшее выход из союза Великобритании. Или опыт создания на постсоветском пространстве союзных государств, Таможенного союза и ЕАЭС, декларирование общих принципов взаимодействия которых в интеграционных процессах не влечет за собой отказа от суверенитета, а больше направлены на решение функциональных задач.

По мнению Ю.А. Тихомирова [6, с.17], политические и экономические интересы в международной сфере способствуют

развитию антиправовых взглядов, подталкивающих западных политиков к соответствующим решениям. Нарушения принципов и международного общения – суверенитета, равенства государств, права народов на самоопределение – приводят к срыву международных договоренностей (например, Минских соглашений), к давлению на государства, неправовым экономическим санкциям, ограничению свободы СМИ и информационной войне.

Безусловно, перечисленные императивы с различной интенсивностью проявляются в национальных правовых системах и исследование степени их влияния на правовые системы современности является важным и интересным в контексте как общеправового, так и национального развития. Однако, особую озабоченность вызывает влияние на доктрину и нормотворчество императивов отказа от внутреннего и внешнего суверенитета государства в пользу общечеловеческих (принимаемых так называемым мировым сообществом) норм, а также возможность прямого обеспечения международно-правовой защиты прав и свобод внутри суверенных государств.

Не отрицая благой цели защиты прав человека, которая стояла при формировании этих императивов, и подчеркивая эту одну из самых значимых в правовом, социальном и общественном развитии цель, тем не менее отметим наличие в большинстве современных государств сложившихся собственных внутригосударственных инструментов развития.

Видится, что в настоящее время необходимо выработать такие способы интеграции в мировое правовое пространство, такие ответы на глобализационные вызовы, которые позволят сохранить наилучшие достижения права России, основанные на серьезных разработках современных ученых, а также исследователей досоветского и советского периода, эталонных образцах нормативных правовых предписаний, особенно в ситуации меняющегося законодательства в свете происходящей конституционной реформы. Общие и частные тенденции правового развития являются не только определяющими для формулирования концепций и целей правового сравнения, но и первопричиной сопоставления правовых систем в рамках современной компаративистики.

Список использованной литературы

1. Плюснина О.В. Глобальные тенденции общеправового развития // Историческая память и духовный опыт формирования российской государственности. Сборник трудов III Международной научно-практической конференции. – Кострома, КГУ, 2020. – С. 94–97. https://ksu.edu.ru/conf-dlr2/conferences/2020/Sbornik_trudov_Istoricheskaya_pamyat_2020-3-6.pdf
2. Тищенко, А. Б. Современные тенденции сближения правовых семей в условиях глобализации / А. Б. Тищенко // Государство и право во времени и пространстве : сборник тезисов докладов Республиканской научно-практической конференции с международным участием студентов, магистрантов, аспирантов, 3 декабря 2021 года / [под ред. Д. В. Петроченкова] ; Белорусский государственный экономический университет. – Минск : БГЭУ, 2022. – С. 54–57.
3. Глазатова Т.С. Влияние процессов глобализации на развитие права в современном мире // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – № 32. – С. 19–28.
4. Пашенцев Д.А. Правовые традиции России и развитие международных экономических организаций // Вестник Московского городского педагогического университета, 2015. – С. 547.
5. Степин В. С. Устойчивое развитие и перспективы цивилизации // Социальная политика и социология. – 2005. – № 1. – С. 24.
6. Тихомиров Ю.А. Государство в мировом сообществе // Общественные науки и современность. – 2017. – №3. – С. 16–18.
7. Влияние международного права на национальное законодательство (2007): Материалы заседания Международной школы-практикума молодых ученых-юристов (Москва, 24–26 мая 2007 г.) Отв. ред. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. М.: Юриспруденция.
8. Карташов, В.Н. Теория правовой системы общества : учебное пособие. В 2 т. Т. I / В.Н. Карташов ; Яросл. гос. ун-т. – Ярославль : ЯрГУ, 2005. – С. 103, 113.
9. Минникес И. А. Принципы права: некоторые теоретические аспекты. Принципы права: общетеоретические и отраслевые аспекты [Текст] : материалы межвузовского круглого стола,

проводимого в рамках 70-й конференции преподавателей и докторантов БГУЭП, Иркутск, 25 марта 2011 г.– С. 8.

10. Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения. — М.: Издательство НОРМА, 1996. — С. 10.

Информация об авторе

Ольга Витальевна Плюснина – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и истории государства и права, Костромской государственной университет; e-mail: o_plusnina@ksu.edu.ru.

Author

Plusnina Olga Vitalievna – candidate of legal sciences, associate professor, head of the department of theory and history of law and state, Kostroma State University; e-mail: o_plusnina@ksu.edu.ru.

ОСНОВАНИЯ И ПОРЯДОК ОБЖАЛОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ВЫБОРОВ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

В статье излагаются результаты сравнительного исследования законодательства о выборах и референдумах европейских стран в части регулирования вопроса об обжаловании результатов выборов. Проводится классификация соответствующих законодательных актов в зависимости от способа решения национальным законодателем некоторых ключевых вопросов, касающихся оснований и процедуры обжалования результатов выборов. Делается вывод о меньшей детальности правового регулирования, характерного для европейских стран, по сравнению с аналогичным регулированием в Российской Федерации.

Ключевые слова: выборы; избирательный процесс; результаты выборов; обжалование; основания; законодательство.

V.E. Podshivalov

FOUNDATIONS AND PROCEDURE FOR APPEALING ELECTION RESULTS IN EUROPEAN COUNTRIES

The article presents the results of a comparative study of the legislation on elections and referendums of European countries in terms of regulating the issue of appealing election results. A classification of relevant legislative acts is carried out depending on the way the national legislator resolves some key issues relating to the grounds and procedure for appealing the election results. It is concluded that the legal regulation characteristic of European countries is less detailed than similar regulation in the Russian Federation.

Key words: elections; electoral process; election results; appeal; grounds; legislation.

Какими бы ни были установлены избирательная процедура, способы распределения депутатских мандатов между участниками выборов и прочие элементы избирательной системы определенного государства, во всех случаях имеется теоретическая возможность, что будут допущены такие нарушения во время подготовки к выборам или в ходе голосования, которые

поставят под сомнение установленные итоги голосования (т.е. количество отданных избирателями голосов) или результаты выборов (т.е. лицо или перечень лиц, которые объявлены избранными). С учетом исторических обстоятельств, сложившихся в середине 1990-х годов и обусловивших появление контуров современного избирательного законодательства Российской Федерации, представляется интересным изучить правовое регулирование, касающееся вопроса об основаниях и наиболее значительных элементах процедуры обжалования результатов выборов, установленное в современных законодательных актах основных европейских стран.

При проведении сравнительно-правовых исследований одним из наиболее важных условий, обеспечивающих степень успешности исследования, является возможность нахождения общих черт среди исследуемого массива законодательных актов. Предыдущие исследования законодательства европейских стран о выборах и референдумах, проведенные автором, показали обоснованность группировки актов на 1) западноевропейские (с включением или выделением в отдельные подгруппы стран Северной и Южной Европы), послужившие основой для разработки международных избирательных стандартов, хотя и имеющие множество своеобразных черт; 2) восточноевропейские, идеологическая основа которых была разработана в последнем десятилетии XX века (с возможным выделением государств – бывших республик СССР в отдельную подгруппу), носящие характер имплементации ранее сложившихся международных избирательных стандартов в условиях национального своеобразия; 3) законодательство Великобритании – по причине принадлежности к иной правовой семье, что решающим образом сказывается на содержании и роли писаного права в регулировании общественных отношений.

Эмпирическая база исследования была сформирована из законодательных актов о выборах и референдумах более 30 европейских стран, размещенных в базе данных ОБСЕ/БДИПЧ [1]. Приведенные ниже примеры правового регулирования в конкретных странах служат иллюстративным материалом.

Результаты проведенного исследования целесообразно изложить в форме обзора основных вариантов правового регулирования, касающихся: 1) решения вопросов обжалования непо-

средственно в актах о выборах и референдумах или только в актах, устанавливающих судебную процедуру; 2) изложения оснований и порядка обжалования результатов выборов отдельно от оснований и результатов иных нарушений порядка совершения избирательных действий; 3) адресата обжалования результатов выборов, то есть органа или круга органов, полномочных рассматривать жалобу на результаты выборов; 4) наличия или отсутствия конкретного перечня оснований для пересмотра результатов выборов.

1. Отраслевая принадлежность законодательных актов, устанавливающих основания и порядок обжалования результатов выборов

Согласно результатам исследования, национальный законодатель, как правило, предусматривает наряду с судебным административный порядок рассмотрения жалоб на итоги голосования и (или) результаты выборов, который регулируется непосредственно в тексте законодательного акта о выборах.

Вместе с тем предмет жалобы, которая может рассматриваться в административном порядке, может быть ограниченным: например, в Австрии при проведении выборов Президента Федеральная избирательная комиссия уполномочена проверять только итоги голосования, сообщенные ей избирательными комиссиями земель (Federal Presidential Election Act of the Republic of Austria [2], section 16 (3); аналогичное регулирование предусмотрено и для выборов в национальный совет (Federal Law on National Council Elections of the Republic of Austria [3], part 5, section 4, §110 (1–4)). Интересная особенность предусмотрена законодательством Норвегии (Election Act of the Kingdom of Norway [4]): в отношении выборов в муниципальные советы жалобы, касающиеся действительности избрания членов муниципальных советов, рассматриваются министерством внутренних дел, чье решение является окончательным и не может быть обжаловано в суде (§13-2(4)).

В других странах, напротив, обжалование результатов выборов отнесено к исключительной подведомственности судов: например, в Польше обжалование результатов выборов Президента Республики Польша осуществляется только в Верховный Суд (On election of the President of the Republic of Poland [5], ст. 73–76; On elections to the Sejm of the Republic of Poland and to the Senate of the Republic of Poland [6], ст. 78–79). В Латвии решение

Центральной избирательной комиссии о результатах выборов в парламент также подлежит обжалованию в суд (The Saeima Election Law of the Republic of Latvia [7], art. 51).

Доступные к исследованию законодательные акты Великобритании ([8–11]) не содержат положений, касающихся обжалования принятых в ходе избирательной кампании решений, в том числе решений об итогах голосования и результатах выборов.

2. Наличие (отсутствие) специального правового регулирования вопросов обжалования результатов выборов

В большинстве рассмотренных государств основаниям и порядку обжалования результатов выборов посвящены отдельные правовые нормы, выделяющие жалобы на результаты выборов из общего числа жалоб на нарушение избирательных процедур. Прежде всего, жалобы на итоги голосования и (или) результаты выборов выделяются порядком их подачи и сроками рассмотрения (типичный срок варьируется в пределах трех – семи дней со дня принятия обжалуемого решения), а также специальными требованиями о наличии мотивировки жалобы и подтверждающих обстоятельства документов.

3. Орган (органы), полномочный (полномочные) рассматривать жалобу на результаты выборов

Как правило, жалобы на итоги голосования и результаты выборов рассматриваются центральным избирательным органом, организующим выборы.

Вместе с тем при избрании высших органов государственной власти полномочия по рассмотрению жалоб могут быть переданы органам иной компетенции. Например, во Франции (Code electoral de France [12]) при проведении выборов в Национальную Ассамблею такие жалобы рассматриваются Конституционным Советом (art. LO182 – LO186). В Норвегии (Election Act of the Kingdom of Norway [4]) орган, уполномоченный рассматривать жалобы на результаты выборов, определяется в зависимости от результатов выборов. Для парламентских выборов таким органом является парламент (Стортинг), который принимает решение с учетом заключения Национальной избирательной комиссии, или министерство внутренних дел для выборов в муниципальные советы (§13-1–§13-3); интересно заметить, что, следовательно, Стортинг самостоятельно рассматривает вопрос о законности избрания вновь созванного состава своих депутатов.

4. Перечень оснований для пересмотра результатов выборов

Как правило, законодательство европейских государств о выборах не дает примеров подробного перечня нарушений, которые априори считаются достаточно серьезными, чтобы привести к признанию выборов недействительными. Среди таких стран можно назвать Латвию, законодательство которой вообще не указывает причин, которые могут быть основанием для признания выборов недействительными судом (The Saeima Election Law of the Republic of Latvia [7], art. 51).

В других случаях законодатель ограничивается обобщенными формулировками, содержащими оценочные понятия, нуждающимися в толковании. Так, например, в Норвегии как парламентские, так и муниципальные выборы признаются недействительными в конкретном округе или на территории проведения выборов в целом «если совершена ошибка, которая влияет на распределение депутатских мандатов по спискам и которая не может быть устранена» (Election Act of the Kingdom of Norway [4], §13-2(4), §13-3(3), §13-4(2)). В Польше выборы Президента, депутатов Сейма и сенаторов признаются недействительными в случаях «нарушения настоящего Закона при проведении голосования и установления результатов выборов, если они могут повлиять на результаты выборов» (On election of the President of the Republic of Poland [5], ст. 72(1); On elections to the Sejm of the Republic of Poland and to the Senate of the Republic of Poland [6], ст. 78(1)). Встречаются и еще более общие формулировки: так, во Франции (Code electoral de France [12]) при проведении выборов в Национальную Ассамблею основанием к отказу удовлетворения жалобы является то, что она «не содержит доводов, которые не могут иметь влияние на результаты выборов» (art. LO183); при проведении выборов советников в департаментах административный суд может признать выборы недействительными «в случае неточностей в списках избирателей или неправильностей в ходе проведения голосования» (art. L223-1).

В результате проведенного исследования имеются основания сделать вывод, что законодательство Российской Федерации отличается значительно большей детальностью как в части процедур обжалования и полномочий соответствующих административных органов и судов, так и в части оснований принятия

указанными органами правоприменительных решений. Применительно к рассматриваемым отношениям среди проанализированных законодательных актов различия в подходах между государствами, отнесенными к различным группам, менее значительны, чем по отношению к иным вопросам организации и проведения выборов и референдумов.

Список использованной литературы

1. OSCE/ODIHR database of legal reviews and legislation // <https://legislationline.org/>
2. Federal Presidential Election Act of the Republic of Austria (1971, as amended 2016) // <https://legislationline.org/taxonomy/term/21687>
3. Federal Law on National Council Elections of the Republic of Austria (1992, as amended 2016) // <https://legislationline.org/taxonomy/term/21686>
4. Election Act of the Kingdom of Norway (2002) // <https://legislationline.org/taxonomy/term/24938>
5. On election of the President of the Republic of Poland (1990, as amended 2000) // <https://legislationline.org/taxonomy/term/12627>
6. On elections to the Sejm of the Republic of Poland and to the Senate of the Republic of Poland (2001) // <https://legislationline.org/taxonomy/term/12628>
7. The Saeima Election Law of the Republic of Latvia (1995, as amended 2014) // <https://legislationline.org/taxonomy/term/23285>
8. Elections Act of the United Kingdom (2001, as amended 2015) // <https://legislationline.org/taxonomy/term/14279>
9. European Parliamentary Elections Act of the United Kingdom (2002, as amended 2009) // <https://legislationline.org/taxonomy/term/23415>
10. Representation of the People Act of the United Kingdom (2000, as amended 2017) // <https://legislationline.org/taxonomy/term/23417>
11. Political Parties and Elections Act of the United Kingdom (2009, as amended 2016) // <https://legislationline.org/taxonomy/term/23410>
12. Code electoral de France (1962, as amended 2020) // <https://legislationline.org/taxonomy/term/24472>

Информация об авторе

Владимир Евгеньевич Подшивалов – кандидат юридических наук, директор Института правовых исследований, Байкальский государственный университет; член Избирательной комиссии Иркутской области с правом решающего голоса. E-mail: helgon@yandex.ru.

Author

Vladimir Evgenievich Podshivalov – Candidate of Law, Head of the Legal research institute, Baikal State University; member of the Electoral Commission of Irkutsk region with a decisive vote. E-mail: helgon@yandex.ru.

ПРАВОВАЯ ТРАДИЦИЯ КАК ПРЕДМЕТ КОМПАРАТИВИСТИКИ, ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА

Правовая традиция в последнее время стала одним из главных предметов изучения ученых-правоведов, несмотря на свое дискуссионное содержание. В докладе обосновывается актуальность изучения правовых традиций, особенно для незападных правовых систем, выявляются объективные и субъективные причины многозначности данного понятия, а также предложено авторское определение правовой традиции как аналитической модели, позволяющей структурировать данные о носителях профессионального юридического сознания, о принятых ими основах правовой парадигмы, а также о характерных институтах (позитивного) права.

Ключевые слова: правовая традиция; правовая система; правовая культура; правовые форманты; аналитическая модель.

D.Y. Poldnikov

LEGAL TRADITION AS SUBJECT MATTER OF COMPARATIVE LAW, LEGAL THEORY AND LEGAL HISTORY

Legal tradition has recently become one of the main subjects of study for legal scholars, despite its controversial content. The author substantiates the relevance of this subject matter, especially for understanding non-Western legal systems, identifies reasons of its ambiguity, as well as argues that it should be defined as an analytical model that allows structuring data on the bearers of professional legal consciousness and their accepted the foundations of the legal paradigm, as well as the characteristic institutions of (positive) law.

Key words: legal tradition; legal system; legal culture; legal formants; analytical model.

Правовые системы современности переживают сегодня разнонаправленный тенденции: с одной стороны, сближение в

рамках транснациональной конвергенции (прежде всего, в рамках международных организаций экономической интеграции, таких как БРИКС, ЕАЭС, ЕС и др.), с другой — размежевание на уровне правовой культуры и ценностей («коллективный Запад» против сторонников многополярного мира). Обе тенденции являются вызовом для сравнительного правоведения, поскольку ни конвергенция, ни дифференциация не возможны без адекватного понимания сходств и различий правовых систем, прежде всего, в решении социальных конфликтов де-юре органами правосудия.

Разумеется, такое понимание юристу дает не только знание догмы права и юридической техники, но и изучение общего контекста толкования и применения норм [1, с. 411; 2, с. 301]. Особенно важно знание контекста для понимания правовых систем стран Азии и Африки, которые специалисты относят к культуре высокого контекста. Здесь тексты законом или договоров нередко имеют ритуальное значение и подразумевают немало важной информации «между строк», известной носителям данной культуры из иных источников информации [3, с. 1]. Таковы, например, немногочисленные (менее 300) законы современной Китайской народной республики, действительное применение которых народными судами и правоохранительными органами зависит не только от массы подзаконных актов, но и от идеологических документов и негласных распоряжений Коммунистической партии КНР [4, с. 25].

Именно в культурном контексте кроется то, что итальянский компаративист Рудольфо Сакко называл скрытыми факторами (формантами, *cryptotypes*), влияющими на действительное или потенциальное разрешение правовых споров [5, с. 1]. Выявить их невозможно без сравнительного изучения истории правовых систем современности, поскольку именно эта дисциплина имеет своим предметом изучения зависимости права от прошлого, преемственность его развития, несмотря на реформы и революции (которые со временем приводят к становлению иной традиции).

Наиболее подходящим термином для обозначения указанного явления в праве самых разных стран является правовая традиция, а не более широкие по объему правовая культура или цивилизация [6, с. 66]. Однако обращение к правовой традиции

в юридической компаративистике осложняется академическими дискуссиями о содержании данного понятия, его признаках и разновидностях. Обсуждение правовых традиций в рамках международной конференции в РУДН в 2013 г. выявило даже позицию тех, кто отрицал совместимость традиций с условиями современных постиндустриальных обществ [7. с. 39]. Действительно, вслед за Максом Вебером, исследователем перехода от традиционного и к рационально-легальному типу легитимности, можно было бы утверждать, что античный раб и современный пролетарий не поняли бы друг друга. Наши проблемы – совсем другого рода. Однако в академическую дискуссию вмешалась политика: Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ дополнил полномочия Правительства Российской Федерации защитой традиционных семейных ценностей (п. а, ч. 1 ст. 114), а Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 утвердил перечень подлежащих сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (п. 1.4).

Аналогичный поворот к традиционным ценностям на рубеже XX–XXI в. очевиден не только в России, но и других незападных странах, в том числе членов ЕАЭС или БРИКС. Достаточно назвать правовую политику по возрождению живого обычного права в ЮАР после отмены режима апартеида в 1994 г. или идеологию индуисткости (хиндутва) правящей партии Республики Индии с 2014 г. Таким образом, традиционные ценности и поддерживающая их правовая традиция вновь — часть актуальной повестки национального и сравнительного правоведения.

Тем не менее ученые-правоведы не менее двух столетий не могут договориться об определении правовой традиции даже в рамках национальной науки. Для российских авторов правовая традиция в широком смысле — одно из проявлений правовой культуры, а значит, часть надбиологической программы деятельности человека либо компонент механизмов действия права [7, с. 19, 33]. В англоязычной юриспруденции Дж. Мерриман называл правовой традицией «совокупность глубоко укоренившихся, исторически обусловленных взглядов на природу права, его роль в обществе и государстве, на надлежащую организацию и функционирование правовой системы, а также на то, как право

формируется или должно формироваться, применяться, изучаться, совершенствоваться и преподаваться» [10, с. 2]. Для Г. Бермана традиция есть «чувство преемственности между прошлым и будущим, партнерство... поколений, взгляд потомков на предков в поисках вдохновения для движения вперед» [11, с. 740].

Разногласия ученых о понятии и определении правовой традиции объясняются (как и в отношении права или государства), главным образом, изменчивостью смысла правовой традиции в разные периоды, а также различными подходами ученых к изучению данного явления.

Феномен изменчивости терминологии раскрывается благодаря открытиям специалистов по интеллектуальной истории и «генеалогии» понятий второй половины XX в. (К. Синнер в Англии, М. Фуко во Франции, Р. Козеллек в Германии и др.). В европейских языках слово «традиция» чаще всего связано с латинским глаголом «передавать» (лат. *tradere*) и в целом указывает на передачу информации или материальных объектов между субъектами социальных взаимоотношений. Производные от передачи (лат. *traditio*) термины использовались в трех контекстах: 1) социально-политическом, экономическом и правовом, 2) лингвистическом и культурном, 3) религиозном. Последний доминировал в античном и средневековом словоупотреблении. Традиция являлась одним из центральных понятий иудео-христианской теологии со II в. н.э. до раннего Нового времени. Современное европейское понятие традиции связано со светской концепцией истории, а значит, формировалось со второй половины XVIII в. Но лишь к XX в. оно утвердилось в качестве основного историко-литературного понятия с весьма широким содержанием [8, с. 608]. Большая российская энциклопедия определяет традиции как «социальное и культурное наследие, передающееся от поколения к поколению и воспроизводящееся в определенных обществах и социальных группах в течение длительного времени... (которое) присутствует во всех социальных и культурных системах и является одним из необходимых условий их существования» [9, с. 331]. европейские ученые-правоведы сравнительно поздно занялись осмыслением традиции в широком смысле культурного наследия (а не акта передачи вещи, лат. *traditio*, по римскому праву) лишь благодаря немецкой исторической школе XIX в.

Современные дискуссии о смысле правовой традиции обусловлены конкуренцией формально-юридического (догматического), социологического и культурологического подходов в юриспруденции XIX-XX вв.

а) Первый восходит к философии Канта или Гегеля и предполагает, что предметом изучения юристов необходимо сделать историю права как раскрытие основных идейных начал – «народного духа», свободы, справедливости, нравственности и т.п. В XX в. такой подход наиболее полно воплотил Ганс Кельзен в чистом учении о праве и государстве. «Чистое» учение изолировало предмет правоведения от предмета иных общественных наук, лишив возможности объяснять эволюцию правовых институтов социальными факторами.

б) Социологическое измерение правовой традиции связано с появлением современной социологии О. Конта, М. Вебера, Э. Дюркгейма, и обращением правоведов к отражению социальных интересов и конфликтов в правовых институтах («борьбе за право» Р. Иеринга, «живого права» О. Эрлиха, «права в жизни» Р. Паунда). Сюда же следует отнести марксистское правоведение, изучавшей отражение классовой борьбы в правовых институтах (в СССР – начиная с Е.Б. Пашуканиса и П. Стучки). Однако изучение сущего (производственных отношений и т.п.) снижало ценность должного (духовных ценностей) и ставило под вопрос автономию права.

г) Культурный поворот «постмодерна» в социальных и гуманитарных науках второй половины XX в. позволил раскрыть роль духовных ценностей в формировании контекста правотворчества и правоприменения, а также осмыслить не только преемственность, но и ее разрывы («генеологию» знания, по М. Фуко). Еще одним важным вкладом «постмодерна» в изучение правовых традиций стало открытие дискурсивного характера знания: межсубъектная реальность права формируется и меняется благодаря передаче информации в образовательном, профессиональном и обыденном контекстах.

Деструктивный (критический) заряд «постмодерна» не мешал историкам и компаративистам делать выводы для изучения правовых систем: одним из основных предметов сравнительного изучения и преподавания должна стать правовая традиция. Неопределенность данного понятия не только неизбежна, но и желательна, поскольку позволяет охватить разные

конкретно-исторические типы правовых традиций. Пример «гибкого» определения таковых дает канадский компаративист П. Гленн: в его популярном учебнике под традицией предлагается понимать комплекс нормативной информации о межличностном взаимодействии, которая связывает прошлое и настоящее, подвергается изменениям благодаря оригинальным решениям, заимствованиям, их адаптации и неизбежным искажениям [12, с. 13]. Директор немецкого института истории и теории права Т. Дуве признал данное понятие продуктивным для диалога компаративистов и историков права [13, с. 15].

Поддерживая позицию зарубежных ученых, считаю необходимым в основу учебного курса истории зарубежного права положить правовую традицию как аналитическую модель современного правоведения, которая позволяет структурировать доступные нам из первоисточников разных цивилизаций сведения:

I. о «пользователях» и «творцах» права (то есть об обществе в целом, его социальных группах, институтах власти и органах правосудия),

II. о принятых ими основах правовой парадигмы (включая тип правопонимания, формы права, приемы их толкования и применения), а также

III. о характерных институтах (позитивного) права по основным сферам регулирования.

Выделение указанных элементов позволяет последовательно анализировать сходства и различия включенных в курс правовых традиций, а также изучать правовые традиции как обособленно, так и «насквозь», просматривая тот или иной элемент нескольких традиций (например, тип правопонимания или правовое регулирование отношений в сфере частного права. Именно такой подход избран в моем недавно изданном учебнике [14, с. 21].

Список использованной литературы

1. Graziadei M. The Making of the Civil Codes: A Twenty-First Century Perspective / M. Graziadei (ed.). – Cham, 2022. – 412 с.
2. Kischel U. Comparative law / U. Kischel. – Oxford, 2020. – 928 с.
3. Hall E. Beyond Culture / E. Hall. – New York, 1976. – 291 с.

4. Трощинский П.В. Правовая культура Китая: от традиции к современности / П.В. Трощинский // Закон. – 2022. – № 9. – С. 16–29.
5. Sacco R. Legal formants: a dynamic approach to comparative law (Installment I of II) / R. Sacco. // The American Journal of Comparative Law– 1991. – № 39.1. – P. 1–34.
6. Полдников Д.Ю. Правовая культура и правовая традиция как предмет сравнительной истории права // Правовая культура и правовая традиция: сборник статей памяти профессора Нина Александровна Крашенинниковой / Под ред. С.И. Нагих, О.Л. Лысенко, Е.Н. Трикоз. – М., 2023. – С. 60–73.
7. Правовые традиции. Жидковские чтения: материалы международной научной конференции. Москва, 29 марта 2013 / Под ред. Г.И. Муромцева, М.В. Немытиной. – М., 2014. – 541 с.
8. Kosellek R. Geschichtliche Grundbegriffe / R. Koselleck.– Vol. 6.– Stuttgart, 1972.
9. Гофман А.Б. Традиция // Большая российская энциклопедия/ Том 32. – М, 2016. С. 331.
10. Merryman J.H., The civil law tradition: an introduction to the legal systems of Europe and Latin America. / J. Merryman – 4th edn. Berkley: Stanford University Press, 2018.
11. Berman H. The Western Legal Tradition in a Millennial Perspective: Past and Future / H. Berman // Louisiana Law Review. – 2000. – № 60. – P. 739–763.
12. Glenn P. Legal traditions of the world: Sustainable diversity in law / P. Glenn. – Oxford, 2014. – 395 с.
13. Duve T. Legal traditions: A dialogue between comparative law and comparative legal history / T. Duve // Comparative Legal History. – 2018. № 6:1. P. 15–33.
14. Полдников Д.Ю. Сравнительная история зарубежного права: учебник: в 2-х томах. / Д.Ю. Полдников. – М., 2024. – 544 с.

Информация об авторе

Дмитрий Юрьевич Полдников – профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения Московского государственного института международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (г. Москва), доктор юридических наук, доцент; e-mail: d.poldnikov@inno.mgimo.ru.

Author

Dmitry Poldnikov – Professor, Chair of legal theory and comparative law, MGIMO University, Ph.D. in Law, Ass. Professor; e-mail: d.poldnikov@inno.mgimo.ru.

ОТ ЦЕЛИ К КОНКРЕТИЗАЦИИ ОБЪЕКТА СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Сравнительное правоведение обычно связывается с сопоставлением правовых систем разных государств. Однако, в практической юридической деятельности необходимость сравнительного метода возникает вначале относительно норм национального законодательства. Реальная потребность в сравнении отечественного и зарубежного законодательства возникает из обнаруживаемой неадекватности применяемого для решения юридических конфликтов национального законодательства. В системе правоприменительных операций существуют относительно самостоятельные цели каждой. Для достижения многих из них необходим сравнительный метод. Особенности целей определяют особенности объектов сравнительного анализа, т.е. конкретизацию исходного объекта сравнительного правового исследования – текстов законов. Дефекты законодательства для решения внутригосударственных конфликтов – потребности, приводящие к реальным целям сравнительного правоведения в его традиционном понимании. Эти цели конкретизируют объекты сравнения из правовых текстов разных государств. Надуманность целей сравнительного правоведения проявляется в неточном определении объектов сравнительных исследований и наоборот.

Ключевые слова: цель; объект; предмет; метод; правоприменение; правотворчество; сравнительное исследование; логическая норма права.

S.B. Polyakov

FROM AIM TO CONCRETIZATION OF OBJECT OF COMPARATIVE LAW RESEARCH

Comparative law usually implies comparison of legal systems of different countries. However, in legal practice the comparative method is mainly needed for legal norms of the national law. The real necessity for comparison of domestic and foreign legislation is caused by revealed cases of inadequate application of national law in legal

conflicts resolution. In the system of law enforcement operations, each one has relatively independent aims. To achieve most of them, one needs the comparative method. Features of aims define features of object of comparative analysis. Consequently, they define concretization of the initial object of comparative law research, i.e. text of law. Defects of legislation in domestic conflicts resolution are reasons, which lead to real aims of comparative law in its traditional understanding. These aims concretize comparison objects found in legal texts of various countries. Farfetched aims of comparative law results in inaccurate definition of comparative research objects and vice versa.

Key words: aim; object; scope; method; law enforcement; law-making; comparative research; logical legal norm.

Сравнительный метод исследования применяется в разных науках. Прижившийся в правоведении термин компаративистика (от лат. *comparativus* – сравнительный) связывается в словарях в первую очередь с языкознанием, литературоведением, но не с правовыми исследованиями. Поэтому сравнительный метод является общенаучным методом исследования.

В правоведении этот метод в основном связывается со сравнением правовых систем разных стран. «Гносеологическая природа сравнительного правового метода выражается в том, что он представляет собой способ выявления фактов сходства и различия, присущих законодательству разных стран либо субъектов федеративного или конфедеративного государства. Объектом исследования выступают тексты законов и иных нормативных правовых актов, а результаты анализа сводятся прежде всего к установлению конкретных фактов сходства или различия сравниваемых законодательных систем» [7, с. 101]. Из этого следует: «Сравнительные правовые исследования проводятся в целях: 1) познания общих устойчивых черт, компонентов правового регулирования, присущих системам права нескольких или всех современных государств; 2) противопоставления системы права одного государства правовым системам других государств; 3) выявления передового правотворческого опыта правового регулирования и его заимствования другими странами» [7, с. 336].

Но отглагольные существительные «познание», «противопоставление», «выявление» обозначают функцию, а не осязаемый результат, который должен быть достигнут, т.е. цель в ее

общепринятом понимании: «Цель – предвосхищение в сознании результата, на достижение которого направлены действия» [9, с. 534].

Аналогично определяются цели сравнительных правовых исследований в других научных, признанных до учебных, источниках по теме. «Сравнительное правоведение как самостоятельная наука и учебная дисциплина имеет три главные цели: 1) научно-познавательную; 2) практико-прикладную; 3) учебно-воспитательную» [6, с. 14]. Далее эти цели представляются как значение сравнительного правоведения для науки, практики, образования, что напоминает логическую ошибку определения, содержащего круг. Во всяком случае, результат применения сравнительного метода скрывается в тумане.

«Сравнительное правоведение как метод является одним из важных научных средств изучения правовых явлений. Благодаря применению сравнительного метода становится возможным выявить общее, особенное и единичное в правовых системах современности.

Сравнительное правоведение как наука – это совокупность научных знаний о правовых системах современности, материально представленная множеством книг, брошюр, статей, научных докладов» [6, с. 19].

Выявить общее, особенное и единичное для чего? Чтобы написать множество книг, брошюр, статей для чего?

Для написания множества книг, брошюр, статей без ясной цели можно сравнивать, что угодно и как заблагорассудится. В таком случае сравнительный метод становится самоцелью, а не средством достижения конкретного результата, и вследствие практической бесплодности дискредитируется.

Необходимость и содержание сравнительного метода правовых исследований определяется в цепи детерминации человеческого поведения потребность – интерес – ценность – цель. В правоотношениях у субъектов права изначально нет потребности сравнивать нормы отечественного и зарубежного права за исключением тех, кто преподаёт сравнительное правоведение и должен отчитываться по эффективному контракту преподавателя статьями по теме. В этих целях он определяет объекты и предметы сравнения норм и институтов права по личным пристрастиям.

Необходимость сравнительного метода проявляется в неизбежности сравнения, прежде всего, норм национального законодательства, применяемого в юридических делах.

На стадии определения закона, которым следует руководствоваться при разрешении дела, и по нему предмета доказывания, обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела (ст. 148 ГПК РФ, ч. 1 ст. 133 АПК РФ, п. 1 ч. 1 ст. 138 КАС РФ, ст. 73 УПК РФ, ст. 26.1 КоАП РФ) тогда, когда в возражениях на иск (обвинение) ответчик (обвиняемый) указывает на то, что спорные отношения регулируют не нормы права, названные истцом, а иные нормы права, согласно которым требования истца (обвинителя) не подлежат удовлетворению, для суда (иного правоприменителя) возникает задача установления и преодоления коллизий норм права.

Для решения этой задачи нужно формально-догматическое сравнение норм права, предлагаемых сторонами.

Если предписания адресованы разным субъектам (несовместимые понятия), то коллизии между такими предписаниями нет. При полном или частичном совпадении понятий адресатов в сравниваемых нормах права о наличии коллизии можно утверждать, когда

– для возникновения тождественных дозволенных, обязательных или запрещенных одному адресату действий (тождество диспозиций) нормы устанавливают разные фактические составы (различие гипотез);

– при тождественных фактических составах (тождество гипотез) для одного адресата нормы устанавливают разные действия (противоположность диспозиций): право, а не обязанность на их совершение; запрет, а не право на совершение действий и т.д. [5, с. 46–93].

В объекте – тексты законов логическая норма права – предмет исследования (то, что отыскивается, что конструируется из текстов законов). Конструирование логической нормы права – обязательная для решения любого юридического дела правоприменительная операция. Но тогда, когда выявленная логическая норма права сравнивается с логической нормой права из текстов разных законов, два предмета превращаются в объекты сравнительного анализа в целях установления наличия или отсутствия коллизии между ними и выбора одной из них для при-

менения в деле. В системе правоприменительных операций переход предмета, определяемого с одной правоприменительной целью, в объект следующей правоприменительной цели означает конкретизацию исходного объекта – тексты законов в самостоятельные объекты сравнительного анализа, определяющие его содержание.

Содержание сравнительного метода в целях установления наличия или отсутствия коллизии норм права, на взаимоисключающем применении которых настаивают стороны юридического конфликта, заключается в установлении вышеуказанного соотношения элементов сравниваемых логических норм права. Это научное решение правоприменительного вопроса в отличие от обычного в юридическом деле практического вывода о наличии или отсутствии коллизии норм права по наитию. От практической правоприменительной потребности – к научной цели определения признаков коллизий норм права и метода их установления. Таким методом является сравнительный анализ логических норм права. Далее учебно-воспитательная цель обучения такому методу решения практических задач в юридическом деле.

В правоприменительной операции толкования права необходимо сравнение двух противоположных позиций сторон юридического спора относительно одного текста правового акта:

– в тексте правового акта содержится / не содержится обязанность / запрет / право (на стадии определения закона, которым следует руководствоваться при разрешении дела) [8];

– юридический факт является / не является обязательным в фактическом составе или обстоятельство имеет / не имеет юридического значения (не является юридическим фактом) для предписания по предмету иска (на стадии определения обстоятельств, подлежащих установлению по делу);

– фактическое обстоятельство дела соответствует / не соответствует юридическому факту (понятию в норме права) (на стадии доказывания юридически значимых обстоятельств).

Из самой цели – сделать вывод о том, какая из двух противоположных позиций правильная – следует необходимость сравнительного метода. Сравнению подлежат позиции относительно одного текста, т.е. объект сравнительного исследования – текст правового акта должен быть конкретизирован в интерпретации этого текста сторонами юридического спора. Научное

толкование права отличается от обычного властного практического вывода о неправильном толковании права без аргументации наличием методов. Содержание сравнительного метода в правоприменительной операции толкования права заключается в точном определении предмета спора и противоположных позиций по нему. Одна должна быть выражена утвердительным суждением, другая – отрицательным относительно спорного текста в связи с обстоятельством дела. Далее осуществляется переход от сравнительного метода к другим методам – способам и приемам толкования права для вывода о правильности одной из позиций.

Аргументация наличия пробела в законе или в праве – это доказывание дефектности системы законодательства или права. Участник дела, утверждающий о пробеле в законе, по существу предлагает новую норму права для решения дела. Его оппонент в деле отрицает дефект закона и необходимость его дополнения доводами о квалифицированном молчании законодателя и ошибке в праве, если бы предлагаемая оппонентом в деле норма права существовала [5, с. 145–205].

Сравнительный метод очевидно необходим для обоснования

– довода о наличии пробела в праве: спорное обстоятельство (деяние), не предусмотренное в законе, относится к роду, относительно видов которых в законе предусмотрены правовые последствия (объекты сравнения – предлагаемая для восполнения доказываемого пробела норма права, отсутствующая в законе, и существующая норма права, предусматривающая однородное спорное обстоятельство);

– доводов о квалифицированном молчании законодателя: а) спорное обстоятельство, деяние исключены из законодательства, б) проект нормативного правового акта о признании юридического значения спорного обстоятельства отклонен [1, с. 75–76] (объекты сравнения – предлагаемая для восполнения доказываемого пробела норма права, отсутствующая в законе, – с одной стороны и отмененная или содержащаяся в отклоненном проекте нормативного правового акта норма права – с другой стороны);

– довода об ошибке в праве: спорное обстоятельство, деяние не относятся к роду, названному участником дела, заявив-

шим о пробеле в праве, поскольку названный им родовой признак не является определяющим (объекты сравнения те же, что при вышеуказанном доводе о наличии пробела в праве).

После вывода о наличии пробела в законе для его преодоления в юридическом деле используется аналогия закона, само определение которой указывает на необходимость использования сравнительного метода, используемого вначале для обоснования наличия пробела в законе, а затем для отыскания в законодательстве сходных норм права.

Именно типичные споры о пробеле в праве указывают на дефект национального законодательства и рождают реальную потребность обратиться к зарубежному опыту правового регулирования. Прежде всего, при новизне предмета юридических конфликтов для отечественных отношений. В таком случае, чтобы «не изобретать велосипед», правильнее начать с существующего опыта регулирования новых человеческих конфликтов. Но цель эффективного правового регулирования родных конфликтов не должна подменяться целью копирования норм права, содержащегося в зарубежном законодательстве. Для эффективного правового регулирования необходимо, чтобы новые нормы права соответствовали всей системе права, его целям и принципам. Поэтому объектами сравнения в целях восполнения пробелов в национальном законодательстве должны быть тексты национальных и зарубежных законов не только для выявления лакун в первых и норм права вместо них во вторых, но и для сравнения целей, принципов, методов правового регулирования (конкретизированные объекты сравнительного правового исследования) для выявления совместимости и способов взаимодействия заимствуемых норм-«доноров» с отечественной системой законодательства.

Для научно-познавательного сравнительного правоведения без практико-прикладной цели произвольный выбор норм, институтов права, структурных элементов законов и т.д. из текстов правовых актов разных правовых систем – объекта исследования для целей написания статьи или книги с пользой от этого автору не имеет общественного вреда, поскольку является личным делом. Но беда обществу, если компаративист симпатичные ему предметы (например, однополые браки или Scorpus для измерения науки), отысканные в иностранном законодательстве, или скопированные из текста зарубежного закона

нормы права или даже только термины вздумает возвести в отечественный правотворческий замысел, не выходя за узкие пределы сравниваемых текстов правовых актов. «Нельзя навязывать всему обществу законодательную нормативность, отрицающую или ставящую под сомнение базовые ценности общего блага, разделяемые большинством населения страны» [4], [1, с. 76–77].

С другой стороны, неполный выбор объектов сравнительного правоведения лишает доказательственного значения выводы с ошибкой логического закона исключенного третьего.

Например, один исследователь для критики специальных норм для защиты предпринимателей, содержащихся в УПК РФ, осуществил сравнительно-правовой анализ законодательства Франции, Германии и Испании, в которых таких норм нет. Он предложил скопировать их уголовно-процессуальное регулирование, основанное на специализации органов, расследующих экономические преступления, но не на специальных гарантиях для предпринимателей. Однако, объектом его исследования не были находящиеся за пределами законов идеология следователей, прокуроров, судей в сравниваемых правовых системах, их восприятие системы права. С одной стороны, вековое воспитание уважения к частной собственности, к бизнесу, с другой стороны: «гражданское право – это одно, а уголовное право – это другое». Да и тексты уголовных законов, подлежащих реализации в уголовном судопроизводстве, не сравнивались, в том числе по критерию способа изложения норм. Притом что в российском законодательстве значительная часть норм, регламентирующих наступление уголовной ответственности предпринимателей, «имеет бланкетный характер, направляющих рядового «правоприменителя-уголовника», привыкшего к расследованию примитивных краж, грабежей и разбоев, в дебри права гражданского» [3].

В правотворчестве актуальнее (необходим в каждом случае) сравнительный анализ логических норм права, содержащихся в проекте нормативного правового акта, и действующих логических норм права, позволяющий делать объективный вывод о том, в пользу каких субъектов права изменяется правовое регулирование [2].

Список использованной литературы

1. Баранов В.М. Риски «квалифицированного молчания законодателя»: доктрина, практика, техника // Юридическая техника. Н. Новгород, 2019. № 13. С. 63–81.
2. Баранов В.М., Поляков С.Б. Правовая экспертиза изменений действующего российского законодательства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 3 (110). С. 135–151.
3. Колоколов Н.А. Критический отзыв официального оппонента проф. Н.А. Колоколова на диссертацию А.А. Жарёнова «Особенности уголовного судопроизводства по делам об экономических преступлениях», которая была представлена на соискание ученой степени кандидата юридических наук // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2/2023. С. 62–69.
4. Зорькин В.Д. Буква и дух Конституции // Российская газета. 2018. 10 октября.
5. Поляков С.Б., Гилев И.А. Система правоприменительных операций. М., Юрлитинформ, 2023.
6. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности): учебник / Под ред. В.А. Туманова. М., Юрист, 2000.
7. Сырых В. М. История и методология юридической науки : учебник. М., Норма: ИНФРА-М, 2012.
8. Трапезникова Е.В. Формула компьютерного толкования диспозиции нормы права // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 710–714.
9. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1987.

Информация об авторе

Сергей Борисович Поляков – профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Пермского филиала Национального исследовательского университета Высшей школы экономики, доктор юридических наук, доцент; e-mail: psb59@rambler.ru.

Author

Sergei Borisovich Polyakov — Professor of the Civil Law and Business Law Department, HSE-University (Perm), Doctor of Juridical Science, Ass. Professor; e-mail: psb59@rambler.ru.

СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РОССИИ И МИРЕ

В настоящей статье анализируются основные изменения, произошедшие в незаконном обороте культурных ценностей в современный период в Российской Федерации, сравниваются появившиеся особенности характеристики данного вида незаконного оборота с общемировыми тенденциями. В результате сравнительного анализа автор приходит к выводу о том, что объем незаконного оборота культурных ценностей как в России, так и в мире составляет в среднем около 10% от уровня их легальной реализации. Статистические показатели исследуемых преступлений демонстрируют снижение хищений предметов, имеющих культурную ценность, при одновременном росте незаконного поиска и изъятия таких археологических предметов из мест залегания. При этом показатели контрабанды культурных ценностей снижаются. Анализ характеристики похищенных предметов показал различие в общемировой и российской их структуре: если общемировым ведущим видом являются нумизматические ценности и другие предметы небольшого размера, то в российской контрабанде доминируют иконы (60%).

Ключевые слова: незаконный оборот культурных ценностей; хищения; контрабанда; изъятие археологических предметов из мест залегания.

A.L. Repetskaya

MODERN FEATURES OF ILLEGAL TRAFFICKING OF CULTURAL VALUES IN RUSSIA AND THE WORLD

This article analyzes the main changes that have occurred in the illicit trafficking of cultural property in the modern period in the Russian Federation, and compares the emerging features of the characteristics of this type of illicit trafficking with global trends. As a result of a comparative analysis, the author comes to the conclusion that the volume of illicit trafficking in cultural property both in Russia and in the world averages about 10% of the level of their legal sale. Statistical

indicators of the crimes under study demonstrate a decrease in the theft of objects of cultural value, with a simultaneous increase in the illegal search and seizure of such archaeological objects from their locations. At the same time, rates of smuggling of cultural property are decreasing. An analysis of the characteristics of stolen items showed a difference in their global and Russian structure: if the leading global type is numismatic valuables and other small items, then Russian smuggling is dominated by icons (60%).

Key words: illicit trafficking in cultural property; theft; smuggling; removal of archaeological objects from their locations.

Незаконный оборот культурных ценностей существует во всем мире, однако основная часть потребителей, участвующих в таком обороте, приходится на развитые страны, тогда как развивающиеся страны в основном являются поставщиками такого рода ценностей. В этой связи, осуществление такого оборота имеет преимущественно транснациональный характер. В результате этой деятельности преступники поставляют на международный криминальный рынок произведения искусства, артефакты, другие культурные ценности.

Странами, в которых в основном сосредоточена большая часть покупателей, являются Соединенные Штаты Америки, Великобритания и Китай. В совокупности на эти страны в 2022 г. приходилось 80% объема мировых продаж произведений искусства и других культурных ценностей. Лидирующее положение в этой тройке занимает США (45%) с объемом в 28,3 млрд. долларов; затем идет Великобритания (18%) – 12,7 млрд. долларов и Китай (17%) – 11,7 млрд. долларов

¹.

Таким образом, потребности на легальном рынке этих товаров огромны, многие предпочитают инвестирование своих ресурсов в культурные ценности, соответственно и стимулы для незаконного их получения тоже велики. Увеличение спроса приводит не только к развитию легального арт-рынка, но и к кражам из музеев, частных коллекций и храмов, а также к неправомерному разрушению археологических памятников, разграблению старинных зданий и т.п. [1, p. 11].

¹ См.: The Global Art Market // Art Market Report 2023 // <https://theartmarket.art-basel.com/the-art-market-2023/global-market>

Соответственно, способов получения таких товаров два: во-первых, это различного вида хищения, а во-вторых, незаконные археологические раскопки, и другие незаконные изъятия указанных предметов из мест их залегания (в земле, под водой и пр.) [2, с. 507].

Так, например, по данным ГИАЦ МВД РФ, на конец 2019 г. на территории Российской Федерации похищенными числись более 77 тысяч предметов, имеющих культурную ценность (десять лет назад (2012 г.) этот показатель имел сходный характер – более 75 тыс. единиц). Основными способами получения этих предметов преступниками в 87% были кражи². Однако, в 2020 г. наметилась общемировая тенденция к изменению соотношения преступных способов получения культурных ценностей: стало наблюдаться снижение числа краж из музеев и увеличение количества незаконных раскопок³.

По прибыльности незаконный оборот культурных ценностей занимает третье место, после торговли наркотиками и оружием. Ежегодный оборот мирового теневого рынка антиквариата оценивается почти в 10 миллиардов долларов [3], при этом ЮНЕСКО оценивает международный нелегальный оборот культурных ценностей в 2,2 млрд. долларов⁴. По оценке ФБР, в XXI в. ежегодно похищается произведений искусств на сумму от 4 до 6 млрд. долларов⁵. Сопоставимы с этими показателями и данные Управления ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН), согласно которым, общемировой объем незаконного оборота культурных ценностей составляет 3,4–6,3 млрд. долларов в год⁶.

Соответственно доля доходов от незаконного оборота культурных ценностей составляет порядка 10% в общей структуре их легального оборота. Так, например, по данным Global Art Market Report 2023⁷, в 2022 г. международный легальный рынок искусств и культурных ценностей заработал 67,8 млрд. долларов.

² https://dzen.ru/WvUs_XmDnnt (дата обращения: 1.10.2023г)

³ <http://artguide.com/news/8071> (дата обращения: 22.10.2023)

⁴ https://dzen.ru/WvUs_XmDnnt (дата обращения: 1.10.2023г)

⁵ Васильева Ж. РГ собрала топ украденных и похищенных ценностей / <https://rg.ru/2019/01/30/rg-sobrala-top-ukradennyh-i-unichtozhennyh-cennostej.html>

⁶ <https://news.un.org/ru/story/2016/03/1282751>

⁷ The Global Art Market // Art Market Report 2023 // <https://theartmarket.artbase.com/the-art-market-2023/global-market>

В России оборот всего антикварного рынка составляет от 1 до 2 млрд. долларов, а его теневая часть также составляет порядка 10%⁸. В цифровом выражении объем рассматриваемой деятельности оценивался лишь однажды (в 2007 г.) представителем Росохранкультуры⁹, которым была озвучена сумма в 300 млн долларов в год¹⁰.

В структуре российского списка похищенных культурных ценностей 2020 г. доминируют иконы – 45 тыс. (60%), второе место занимают монеты и денежные знаки – 11 тыс. единиц (15%), на третьем – ордена и медали – 6 тыс. (8%); еще 6,8% составили 5 тыс. старинных и редких книг¹¹.

Общемировая структура похищенных культурных ценностей представляет собой немного другую картину: здесь доминирующим товаром являются нумизматические ценности (в основном монеты), затем следуют исторические и археологические ценности (печати, оружие, доспехи, фотографии, предметы домашнего обихода и др.).

В целом, основная часть нелегальной торговли состоит из товаров небольшого размера, которые легко использовать для контрабанды, например, ювелирных изделий и монет [4], удельный вес которых в последние годы снижается, тем не менее, они продолжают доминировать в структуре нелегального оборота культурных ценностей. Так, например, по данным Всемирной таможенной организации (ВТО) в структуре изъятых предметов в 2015 г. монеты составляли 98% предметов, представляющих культурные ценности, а 2019 г. – уже только 30%¹². В российской структуре доля этих предметов в два раза меньше.

Еще одной новой общемировой тенденцией в современный период, которая стала четко прослеживаться с 2020 г., стало изменение источников незаконного получения культурных ценностей. Совершенствование технических возможностей охраны

⁸ Отечественный антикварный рынок // <https://antiqueland.ru/articles/696/>

⁹ Росохранкультура – Федеральная служба по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия, которое было упразднено Указом Президента в 2011г

¹⁰ <https://rg.ru/2007/03/22/antikvariat.html>

¹¹ <https://rg.ru/2020/01/07/za-god-v-rossii-pohitili-bolee-77-tysiach-kulturnyh-cennostej.html>

¹² Annual Report World Customs Organization 2015-2016; 2018-2019 / <https://wcoomd.org/media/wco/public/global/pdf>

музеев и других хранилищ культурных ценностей, создание разнообразных международных баз данных похищенных из них предметов искусства значительно усложнило использование хищений как способа совершения рассматриваемых преступлений. Преступники, занимающиеся преступной деятельностью в указанной сфере, стали все чаще предпочитать получение таких товаров в результате незаконных раскопок кражам из музеев.

Так, например, в России по ст. 164 УК РФ (хищение предметов, имеющих особую ценность) в последние годы регистрируются единицы таких преступлений, да и те имеют тенденцию к снижению: если в 2010 г. в регистрации числилось 41 преступление, то в 2020 г. их было уже только 15. Выявляется и осуждается преступников еще меньше: по данным судебной статистики осужденных по указанной статье было: в 2020 г. – 6; 2021 г. – 5; 2022 г. – 9¹³.

«Черных» же копателей стало столь много, и причиняемый ими ущерб стал таким значительным, что в 2013 г. их деятельность была криминализована введением в уголовный кодекс ст. 243² УК РФ, предусматривающей ответственность за незаконный поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания¹⁴.

В регистрации указанные преступления тоже появляются нечасто (уровень латентности в этой сфере очень высок, так как деятельность этих лиц тщательно ими маскируется под легальную), но эти показатели имеют выраженную тенденцию к росту: так, если в 2015 г. их было в регистрации только 6; в 2020 г. – уже 29. То, что это преступление в основном имеет организованный характер, совершается с использованием технических средств или служебного положения, свидетельствуют показатели судимости, согласно которым суды осуждали за рассматриваемое преступление только по части 3, предусматривающей вышеперечисленное как квалифицирующие признаки, при этом если в 2020 г. это был 1 осужденный, то в 2022 г. – 21¹⁵.

Наибольшая активность «черных археологов» наблюдается в Крыму, и в целом в зоне Причерноморья, Краснодарском крае, Калининградской области [5]. В мире наибольшему разграбле-

¹³ <https://www.stat.ани-ппецс.пф/stat/ug/t/14/s/17>

¹⁴ ФЗ от 22 июня 2013г №245-ФЗ

¹⁵ <https://www.stat.ани-ппецс.пф/stat/ug/t/14/s/17>

нию археологических памятников подвержены страны, в которых велись или ведутся активные военные действия. Среди наиболее пострадавших в этом плане можно назвать Сирию, Иран, Афганистан, некоторые африканские государства.

Специфика предупреждения данного вида преступного бизнеса заключается в том, что наиболее эффективными мерами противодействия будут те, которые реализуются в рамках международного взаимодействия правоохранительных органов, использующих международные базы данных и современные средства при идентификации предметов, представляющих культурные ценности. Такие совместные действия будут способствовать сохранению культурного наследия как России, так и других стран.

Список использованной литературы

1. Mars-Andre Renold. The art market: A victim of its own success // The UNESCO Courier, Volume 2020, Issue 4, Nov. 2020, p. 11–14.

2. Репецкая А.Л. Уголовный промысел, связанный с незаконным оборотом культурных ценностей: характеристика и противодействие в современных условиях // Всероссийский криминологический журнал. — 2023. — Т. 17, № 6. С. 502-513. DOI: 10.17150/2500-4255.2023.17(6).502-513

3. Богданов А.В., Ильинский И.И., Хазова В.Е., Хазов Е.Н. Противодействие хищениям предметов и документов, имеющих особую историческую, научную, культурную, религиозную и художественную ценность // Вестник Московского университета МВД России. — 2019. — №3. — С. 169–176. DOI 10.24411/2073-0454-2019-10159

4. Patias, P.; Georgiadis, C. Fighting Illicit Trafficking of Cultural—The ENIGMA Project // Remote Sens. 2023, 15, 2579. <https://doi.org/10.3390/rs15102579>

5. Петров И. Древнее зло: из России незаконно вывозят старинные артефакты // Известия от 21.09.2021 / <https://iz.ru/1223935/ivan-petrov/drevnee-zlo-iz-rossii-nezakonno-vyvoziat-starinnye-artefakty>

Информация об авторе

Анна Леонидовна Репецкая — доктор юридических наук, профессор, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: repetsk@mail.ru.

Author

Anna L. Repetskaya – Doctor of Law, Professor, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation; e-mail: repetsk@mail.ru.

«УВАЖИТЕЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ» В ПРАВЕ КАК СЛОЖНЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКТ И ОЦЕНОЧНОЕ СУЖДЕНИЕ

На основе положений законодательства, правопримени- тельной практики и юридической доктрины, предпринята по- пытка осмысления феномена «уважительные причины» в про- екции к сложным юридическим фактам и учению об оценочных суждениях в праве. При помощи юри- дико-лингвистического подхода, общенаучного и общетеоретического восприятия зако- нодательной лексемы «уважительные причины» изучается ее проявление не только в структуре и содержании правоотноше- ний, но влияние на изменение правового статуса личности. На примере структуры специального правового статуса сотрудника органов внутренних дел, лица, осуществляющего трудовые функции, доказывается необходимость адекватной интерпрета- ции уважительных причин, детерминирующих изменение прав и юридических обязанностей субъектов правоотношений, на ос- нове комплексного подхода, с учетом не только формальных, но и духовных, нравственных и иных компонентов.

Ключевые слова: уважительные причины; юридический факт; правоотношение; правовой статус; оценочное суждение; определенность; конкретизация.

A.G. Repyev

"VALID REASONS" IN LAW AS A COMPLEX LEGAL FACT AND VALUE JUDGMENT

Based on the provisions of legislation, law enforcement practice and legal doctrine, an attempt has been made to comprehend the phenomenon of "valid reasons" in projection to complex legal facts and the doctrine of value judgments in law. With the help of a legal and linguistic approach, a general scientific and general theoretical perception of the legislative lexeme "valid reasons", its manifestation is studied not only in the structure and content of legal relations, but also its impact on changing the legal status of an individual. Using the example of the structure of the special legal status of an employee

of the internal affairs bodies, a person performing labor functions, the need for an adequate interpretation of the valid reasons determining the change in the rights and legal obligations of subjects of legal relations is proved on the basis of an integrated approach, taking into account not only formal, but also spiritual, moral and other components.

Key words: valid reasons; legal fact; legal relationship; legal status; value judgment; certainty; concretization.

Классиками отечественной теоретико-правовой мысли (В.Б. Исаков, В.Н. Синюков и другие), занимающимися исследованиями реальных жизненных обстоятельств, на основании которых возникают, изменяются либо прекращаются правоотношения, давно доказано наличие такой их разновидности, как сложные юридические факты. К примеру, профессор В.Б. Исаков к ним относит такие фактические обстоятельства, которые имеют несколько различных сторон (признаков) [1, с. 25].

Действительно, возникающие в реальной жизни ситуации все реже воспринимаются как нечто простое и односложное, и все чаще через призму совокупности случайного и закономерного, объективного и субъективного, личного и государственного, наконец правового и внеправового (духовного, нравственного, религиозного). Объективация подобных сложных юридических фактов в нормах законодательства происходит путем использования относительно устоявшихся языковых лексем: «исключительные обстоятельства», «особые условия», «исключительные случаи», а также «уважительные причины». Последняя юрико-лингвистическая конструкция выступает распространенным приемом включения в правовую материю нестандартных жизненных ситуаций, внезапно произошедших казусов, всецело охватить которые в рамках нормативного опосредования не всегда под силу правотворческому органу [3].

Объяснимо с этих позиций, что сегодня мы можем наблюдать своего рода возрождение интереса к такого рода неоднозначным правовым феноменам – сложным юридическим фактам. Однако, к сожалению, они не всегда рассматриваются применительно к постулатам классической теории права. Так, Н.А. Плахтий, проведя комплексное исследование такого сложного юридического факта как «исключительный случай» игно-

рирует фундаментальную, устоявшуюся классификацию юридических фактов по волевому признаку на события и действия, и все случаи в праве им воспринимаются как факты-события, не зависящие от воли субъекта, но с загадочным свойством – «моделируемости» [2, 88–89]. Между тем, в законодательстве и правоприменительной практике реально существуют примеры, демонстрирующие прогнозируемый характер случая, в том числе, исключительного. Так, в случае развода и последующего раздельного проживания родителей, ребенок, по общему правилу, остается с матерью¹, однако в силу действия ряда положений международных нормативных правовых актов (в том числе, принципа 6 Декларации прав ребенка), судебные органы могут вынести противоположное решение, ссылаясь на исключительный случай. Таковым, в частности, в Российской Федерации признается длительное «плохое материальное положение» матери². В таком виде исключительный случай выступает юридическим фактом – действием, а не событием (не зависящим от воли субъекта).

Полагаем, в свете сказанного, что применительно к сложным юридическим фактам, кроме того имеющим и оценочную природу, имеет место сочетание волевого и случайного, внезапного и прогнозируемого. Исключительные обстоятельства и случаи, особые условия и пр., есть совокупность случайного и закономерного. Доказывает выдвинутое положение и пример с таким сложным юридическим фактом, как «уважительные причины».

Следует понимать, что смыслообразующая указанного словосочетания лексема – «уважение», до настоящего времени не имеет легального определения, несмотря на то, что многократно упоминается в нормативных, правоприменительных и правоинтерпретационных актах (уважение чести и достоинства, уважение к суду, уважение частной жизни и многое другое). При помощи данной лексемы закреплён ряд основополагающих правовых принципов, например «уважение прав и свобод» как

¹ Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.07.2011 // СПС «Консультант Плюс».

² Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 12.02.2019 № 33-1514/2019 // СПС «Консультант Плюс».

неукоснительное требование деятельности полиции³. Неоднозначность интерпретации юридической доктриной и практикой родового понятия закономерно усложняет понимание и адекватное восприятие юридико-лингвистической конструкции «уважительные причины». Не будем перегружать текст тезисно излагаемого материала ссылками на соответствующие нормативные правовые акты (при желании каждый сможет убедиться в сказанном далее путем обращения к справочным информационным ресурсам). Мы лишь постулируем палитру многообразия «уважительных причин», которые законодатель требует учитывать в рамках правоотношений, при: восстановлении пропущенного процессуального срока; неявки лица в суд; установлении обстоятельств отсутствия на рабочем месте; увольнении по собственному желанию без отработки; нарушении больничного режима, и многое другое.

Как было указано ранее, данный сложный юридический факт может служить основанием изменения или прекращения правоотношений, существенно влияя на правовое положение субъекта. К примеру, отсутствие установленных уважительных причин отказа сотрудника органов внутренних дел проходить службу в особых условиях, выступает «основанием для освобождения его от замещаемой должности, расторжения контракта и увольнения»⁴.

Помимо того, что нормативная оговорка «без уважительных причин» сама по себе носит оценочный характер, она еще и в определенном смысле усугубляет неопределенность правового регулирования и правовой режим, для которого должны быть определены данные причины. Речь идет о потребности конкретизации «особых условий» деятельности для сотрудников органов внутренних дел. Данный вопрос далеко не праздный в силу возникающего впоследствии в отношении них изменения правового статуса. Так, в соответствии с частью 2 ст. 35 указанного

³ См.: О полиции: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (в ред. от 04.08.2023), ст. 5 // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900; 2023. № 32 (ч. I). Ст. 6172.

⁴ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (в ред. от 04.08.2023, с изм. от 12.10.2023), ч. 2 ст. 35 // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020; 2023. № 32 (ч. I). Ст. 6168.

Закона о службе период действия особых условий может отразиться на таких элементах специального правового статуса сотрудника, как:

– субъективные права (к примеру, на отдых – путем изменения режима его служебного времени);

– юридические обязанности (за счет возложения дополнительных или выделения среди существующих – приоритетных (первостепенных, неотложных), как например, командирование в другую местность);

– а также ограничения, запреты, ответственность (как правило повышенная, и не только юридическая, но и социально-нравственная). Установление этих и иных особых условий путем изменения правового статуса сотрудника законодатель допускает возможным без его согласия на срок до шести месяцев в течение календарного года и устанавливает ответственность за отказ без уважительных причин нести службу в особых условиях в виде увольнения со службы.

При этом норма, устанавливающая изъятие из содержания ст. 35 Закона о службе, выполненная в виде стандартной для отечественного законодательства оговорки «без уважительных причин», также не раскрыта и не детализирована. Даже без детального ее анализа можно заключить, что она имеет ярко выраженную оценочную природу, наполнена не только формально-юридическим свойством, но и нравственным, морально-этическим, духовным и иными составляющими.

Ситуации, в рамках которых уважительные причины существенно влияют на дальнейшее развитие правоотношений проявляются и в повседневной жизни граждан, могут быть характерны для любого человека. Так, до настоящего времени не решен вопрос с конкретизацией уважительных причин отсутствия работника на рабочем месте⁵. Как известно, при их неимении работодатель вправе расторгнуть трудовой договор. Сложные метеорологические условия (например, снегопад), не позволившие вовремя прибыть на работу, не всеми судебными инстанци-

⁵ См.: Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (в ред. от 30.01.2024), п. «а» ч. 6 ст. 81 // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3; Российская газета. 2024. 02 февр.

ями и экспертным сообществом признаются в качестве уважительных причин для прогула⁶. Вместе с тем, Верховный Суд Российской Федерации не так давно продемонстрировал искусство толкования сложных юридических фактов и оценочных положений законодательства, на основе учета не только формальных доводов, но и нравственных, духовных аспектов⁷.

Конструкция «уважительные причины», в том числе применительно к допустимым основаниям отсутствия на рабочем месте, предполагает всестороннее, целостное изучение личности работника, его отношение к служебным полномочиям и обязанностям, выполняемым на общественных началах, поведении в быту и пр. Проявив чуткость и понимание непростых жизненных обстоятельств (наличие на иждивении несовершеннолетнего ребенка и престарелых родителей), важность института семьи и ценность взаимной заботы (истница каждые выходные вынуждена ездить в Московскую область для обеспечения родителей продуктами питания), высшая судебная коллегия подтвердила сочетание закономерного и случайного в рамках сложных юридических фактов и потребность их комплексного, системного толкования.

Формулируя выводы изложенного материала, укажем следующее:

во-первых, юридические лексемы «уважительные причины», «в исключительном случае», «в случае, если» и тому подобные, сегодня приобрели не только устойчивый характер в качестве компонента правовой материи, но и должны рассматриваться как разновидность нормы-оговорки, имеющей формально установленный и общеобязательный характер. Учение о нормах-оговорках, как проявлении тенденции специализации законодательства, продолжает формироваться, при этом сегодня они активно используются для изъятия и (или) дополнения к правовому регулированию;

⁶ См., например: Апелляционное определение Московского городского суда от 22.10.2018 по делу № 33-45711/2018 // СПС «Консультант Плюс»; Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прекращением трудового договора по инициативе работодателя (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 09.12.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 4; Матвей Шпаро: Для меня непогода никогда не стала бы уважительной причиной для опоздания на работу // Российская газета. 2024. 9 янв.

⁷ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 12.08.2019 № 5-КГ19-98 // СПС «Консультант Плюс».

во-вторых, «уважительные причины» являются сложным юридическим фактом с оценочным суждением, сочетая в себе совокупность случайного и закономерного, объективного и субъективного, личного и государственного, наконец правового и внеправового. Все обозначенные компоненты должны непременно учитываться субъектами правоинтерпретации и правореализации, для обеспечения адекватного учета уважительных причин внутри структуры и содержания правоотношений;

в-третьих, мы не сторонники максимальной конкретизации законодательства и бесконечного прирастания нормативного материала. Для чего что-то менять, если можно верно понять и интерпретировать (разъяснить). Несмотря на существующие мнения относительно необходимости детализации перечня уважительных причин (такие предложения, к примеру относительно уважительных причин прогула, уже поступают)⁸, возможно законодателю и не следует этого делать. Все-таки общественные отношения настолько многогранны, что предусмотреть все возможные казусы и их последствия представляется неразрешимой задачей;

в-четвертых, для воплощения в практическую плоскость требований уважения прав и свобод граждан, гуманизма и справедливости, субъектам правоотношений при понимании уважительных причин следует в первую очередь ориентироваться на человекоцентристский подход и основополагающие ценности общества (духовные, нравственные и иные). В таком случае, необходимость излишней конкретизации правового регулирования, доскональной юридизации общественных отношений и максимально глубокого вторжения права в нашу повседневную жизнь отпадет сама собой.

Список использованной литературы

1. Исаков В.Б. Юридические факты в советском праве: монография / В.Б. Исаков. – Репр. изд. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. – 144 с.
2. Плахтий Н.А. Исключительный случай в российском праве: теоретические и практические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2023. – 225 с.

⁸ См.: Сотрудники могут запретить увольнять за опоздания в плохую погоду // Российская газета. 2024. 9 янв.

3. Суменков С.Ю. Исключительные обстоятельства и уважительные причины как факторы проявления исключений из правил / С.Ю. Суменков // Государство и право. – 2011. – № 7. – С. 91–95.

Информация об авторе

Артем Григорьевич Репьев – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России, доктор юридических наук, доцент. E-mail: repev-artem@yandex.ru.

Author

Artem Grigorievich Repev – Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor. E-mail: repev-artem@yandex.ru.

ПРЕДИКТИВНАЯ ПОЛИЦИЯ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассматривается внедрение предиктивной аналитики в деятельность правоохранительных органов. Обсуждаются преимущества предиктивной полиции перед традиционными методами борьбы с преступностью, такие как проактивный подход, оптимизация ресурсов и повышение безопасности общества. В то же время выделяются вызовы и проблемы, возникающие при использовании предиктивной полиции, включая этические и правовые аспекты, недостаточную точность прогнозов, недоверие общества и технические проблемы. Описываются методы анализа данных, которые используются в предиктивной полиции для прогнозирования преступлений и выявления потенциальной преступной деятельности. В статье делается краткий обзор применения в зарубежных странах предиктивной полицейской модели. Автор подчеркивает необходимость сбалансированного подхода к использованию предиктивной полиции для обеспечения эффективности и соблюдения основных ценностей демократического общества.

Ключевые слова: предиктивная аналитика; предиктивная полиция; прогнозирование преступности; предотвращение преступлений.

A.F. Rehovskiy

PREDICTIVE POLICING: CHALLENGES AND PROSPECTS

The article deals with the implementation of predictive analytics in the activities of law enforcement agencies. It discusses the advantages of predictive policing over traditional crime fighting methods, such as proactive approach, optimization of resources and increased public safety. At the same time, challenges and problems encountered in the use of predictive policing are highlighted, including ethical and legal considerations, lack of predictive accuracy, public mistrust, and technical problems. Data analysis techniques that are used in predictive policing to predict crime and identify potential

criminal activity are described. The article briefly reviews the application of the predictive policing model in foreign countries. The author emphasizes the need for a balanced approach to the use of predictive policing to ensure effectiveness and to uphold the core values of a democratic society.

Key words: predictive analytics; predictive policing; crime forecasting; crime prevention.

В настоящее время во многих сферах жизни общества применяется предсказательная аналитика (прогнозная аналитика, предиктивная аналитика – от англ. слова *predict* «предсказывать»). По оценкам Transparency Market Research на 2022 год, мировой рынок систем для предиктивного анализа будет расти в среднем на 17, 8% ежегодно [1].

Сегодня использование предиктивной аналитики в уголовной юстиции становится мировым трендом. Предиктивная аналитика (РА) – это комплекс, состоящий из методов анализа данных и способов их интерпретации, позволяющий принимать успешные решения в будущем на основе результатов прошлых событий [2], так и постоянно обновляющихся в реальном времени.

Применение искусственного интеллекта для прогнозирования преступлений представляет собой актуальную и важную тему. Внедрение предиктивной аналитики в правоохранительную деятельность позволило сформировать новое направление деятельности полиции для предупреждения преступлений.

Предиктивная полиция (от англ. «predictive policing») – это стратегия правоохранительных органов, в которой используются математические предиктивные аналитические методы для выявления потенциальной преступной деятельности. Этот подход направлен на предотвращении преступлений путем упреждающего использования полицейских ресурсов в виде усиленного полицейского патрулирования или профилактических бесед с населением. Основная идея стратегии заключается в том, чтобы предотвратить преступления, а не реагировать на них после их совершения.

В состав данных, на основе которых делается прогнозирование, обычно входят статистические данные о преступлениях, мониторинг социальных сетей и данные датчиков, например видеокамер наблюдения, в режиме реального времени.

Предиктивная полицейская деятельность – это использование аналитических методов для определения целей для вмешательства полиции с целью предотвращения преступлений, раскрытия прошлых преступлений или выявления потенциальных правонарушителей и жертв [3].

Компьютерные модели, прогнозирующие преступность, делятся на две группы. Программы первого типа определяют, кто с наибольшей вероятностью совершит преступление или, наоборот, станет жертвой. Они оценивают профили людей с учетом возраста, криминальной истории, данных о трудоустройстве, знакомств (например, через страницы в социальных сетях) и другой информации. Какие именно сведения для этого используются, зависит от разработчиков, а те не всегда раскрывают подробности, под предлогом коммерческой тайны.

В моделях второго типа главное – время и место, то есть, где и когда может быть совершено преступление. Алгоритмы делят территорию города на маленькие зоны площадью несколько десятков метров – это может быть конкретный квартал или перекресток – и высчитывают вероятности на основании поступающих данных. Например, компания PredPol, строит прогнозы, опираясь на статистику сообщений об убийствах, кражах, ограблениях, угонах транспорта. Но также могут учитываться даже погода, часы работы окрестных баров и школ. Если программа считает, что риск совершения преступления высок, на место отправляют наряд полиции.

Оба подхода не новые. Еще в конце 1920-х годов в США стали применять статистические модели, чтобы решить, выпускать того или иного преступника из тюрьмы досрочно или оставить за решеткой. В 1970-х криминологи задумались, как среда, например плотная многоэтажная застройка, обуславливает преступность. А уже в следующем десятилетии американские полицейские вместо того, чтобы только гоняться за преступниками, занялись «проактивным» патрулированием мест, где с большой вероятностью случится что-нибудь неладное.

Большинство развитых стран внедрило предиктивную полицию, хотя и с неоднозначной реакцией на ее эффективность. Несмотря на то, что в самом начале предиктивная политика включала в себя простые эвристики и алгоритмы, она стала более сложной в постоянно меняющейся технологической среде [4].

С появлением новых технологий и аналитических инструментов, подходы к прогнозированию преступлений стали более точными и эффективными. В современных методах используются данные большого объема, машинное обучение, прогнозирование на основе географической информационной системы GIS, социальные медиа и искусственный интеллект для создания более точных прогнозов и для помощи правоохранительным органам в предотвращении преступлений.

Существующие предиктивные системы, используемые правоохранительными органами по всему миру, можно условно разделить на два типа: неперсонифицированные системы, которые в своей деятельности полностью исключают персональные данные людей; и персонифицированные системы, являющиеся операторами персональных данных.

Системы первого типа используют в основном статистические данные (к которым могут относиться в том числе: полицейские рапорты, информация о погоде, дорожном движении и маршрутах общественного транспорта) и не годятся для сложных задач, требующих анализа личности конкретного лица.

Системы второго типа занимаются анализом гораздо более разнообразного спектра больших данных, включая визуальные большие данные (к коим относятся, например, записи с городских систем видеонаблюдения (ССТV)), данные, собираемые из активности человека в Интернете (сообщения на форумах и в социальных сетях, поисковые запросы, онлайн-покупки и прочее), а также прочие данные, как банковские счета, кредитные истории, профессиональная занятость и так далее [5, с. 137].

Предиктивная полицейская деятельность, основанная на данных, в различных формах и в различной степени использовалась в разных странах в течение последних нескольких десятилетий.

Вот некоторые примеры:

1. Соединенные Штаты: Использование предиктивной полиции в США началось в 1990-х годах, когда Департамент полиции Нью-Йорка (NYPD) начал использовать данные о преступности и статистический анализ для выявления районов с высокой преступностью и более эффективного распределения ресурсов. С тех пор многие другие полицейские департаменты по всей

территории США приняли аналогичные подходы, включая Департамент полиции Лос-Анджелеса (LAPD), Департамент полиции Чикаго (CPD) и Департамент полиции Бостона (BPD).

2. Великобритания: В Великобритании предиктивная полиция используется с начала 2000-х годов, причем одним из пионеров в этой области стала Лондонская столичная полицейская служба (MPS). MPS разработала сложную систему анализа данных под названием «Databuster», которая использует исторические данные о преступности, оперативную информацию в режиме реального времени и другие факторы для выявления потенциальных «горячих точек» и соответствующего распределения ресурсов. Другие полицейские силы Великобритании, такие как полиция Большого Манчестера (GMP) и полиция Уэст-Мидлендса (WMP), также приняли подобные подходы.

3. Канада: Королевская канадская конная полиция (КККП) использует методы предиктивной работы полиции с конца 2000-х годов, уделяя особое внимание выявлению и предотвращению преступлений, связанных с наркотиками. КККП разработала платформу анализа данных под названием "Стратегическая структура полицейской деятельности на основе разведанных", которая использует статистический анализ и алгоритмы машинного обучения для выявления районов и лиц с повышенным риском.

4. Австралия: В Австралии предиктивная полицейская деятельность используется с начала 2010-х годов, а одним из пионеров в этой области стала полиция Нового Южного Уэльса (NSWPF). NSWPF разработала систему анализа данных под названием «Аналитическая платформа преступности и разведки» (CIAP), которая использует исторические данные о преступности, оперативную информацию и другие факторы для выявления потенциальных «горячих точек» и соответствующего распределения ресурсов. Другие полицейские силы Австралии, такие как полиция штата Виктория (VICPOL), также применяют подобные подходы.

5. Германия: В Германии предиктивная полиция используется с середины 2010-х годов, причем одним из пионеров в этой области является Департамент полиции Гамбурга (HPD). Полиция Гамбурга разработала систему анализа данных под названием «Гамбургская модель преступности», которая использует

исторические данные о преступности, оперативную информацию и другие факторы для выявления потенциальных «горячих точек» и соответствующего распределения ресурсов. Другие полицейские службы Германии, такие как Департамент полиции Берлина (BPD), также применяют подобные подходы. Это лишь несколько примеров стран и полицейских департаментов, которые применяют методы предиктивной работы полиции. Многие другие страны и полицейские департаменты также начали использовать подходы к предотвращению преступлений, основанные на данных, и в будущем использование предиктивной полиции, вероятно, будет продолжать расти.

Кажется, некоторые модели предиктивной аналитики действительно справляются со своей задачей лучше людей. В исследовании, опубликованном в *Journal of the American Statistical Association*, ученые провели рандомизированный контролируемый эксперимент, сравнив эффективность работы экспертов-криминологов в департаменте полиции Лос-Анджелеса (США) и департамента полиции Кента (Великобритания) с предиктивными моделями. Они пришли к выводу, что модели предсказывают в 1,4–2,2 раза больше преступлений. Кроме того, патрулирование с использованием предсказаний, сделанных моделями, снизило частоту определенных преступлений на 7,4%.

Впрочем, другие исследования демонстрируют противоположные результаты. Например, сотрудники НКО RAND Corporation изучили опыт применения программы Predictive Intelligence Led Operational Targeting (PILOT) в полицейском департаменте Шривпорта (США). Исследователи пришли к выводу, что использование предиктивной аналитики не привело к снижению имущественных преступлений. К похожим выводам пришли ученые, изучавшие применение программ SKALA и PreMap в Германии [6]. Очевидно, что влияние предиктивной полиции может варьироваться от места применения и способа реализации.

На сегодняшний день уже существуют системы, такие как PredPol, ShotSpotter и HunchLab, которые используют алгоритмы машинного обучения для анализа исторических данных о преступлениях. Эти системы способны предсказывать потенциальные места и время преступлений, что позволяет полиции оптимизировать патрулирование и предпринимать профилактические меры.

В России использование искусственного интеллекта для прогнозирования преступлений находится на ранней стадии развития. Наибольший прогресс достигнут в использовании алгоритмов искусственного интеллекта для видеонаблюдения, особенно в Москве [7].

В связи с ростом числа цифровых финансовых преступлений в России растет интерес к разработке точных и эффективных методов прогнозирования и мониторинга такой преступной деятельности. Методы машинного обучения стали многообещающим подходом к прогнозированию финансовых преступлений, поскольку они позволяют эффективно анализировать большие и сложные наборы данных и выявлять закономерности и тенденции, которые трудно обнаружить человеку

В целом, использование методов машинного обучения для прогнозирования цифровых финансовых преступлений в России представляет собой перспективное направление исследований, и продолжение работы в этом направлении может иметь значительные последствия для укрепления кибербезопасности и предотвращения финансового мошенничества в стране [8].

Министерство внутренних дел России (МВД) рассматривает возможность привлечения к поиску правонарушителей современных нейросетей. На 2024 г. ведомство запланировало проведение соответствующей научно-исследовательской работы, а следующий год будет отдан под разработку сразу двух смарт-технологий, которые помогут работникам органов правопорядка искать потенциальных преступников, пишут «Ведомости».

Первая система получила предварительное название «Конъюнктура» – в ее задачи войдет прогнозирование различных чрезвычайных ситуаций и негативных происшествий и моделирование сценариев реагирования на них, уточняет издание. Вторая система – «Клон» – нужна для выявления «фактов подделки видеоизображений в интересах правоохранительных органов». Обучаться нейросети, используемые в этих системах, будут на отдельных наборах данных. Их МВД подготовит в течение 2024 г. [9].

На фоне неограниченного доступа некоторых предиктивных систем к массивам больших данных возникают опасения в легальности и этичности их использования. Как справедливо указывают Р.И. Дремляга и В.В. Решетников «...подобные си-

стемы, построенные на методах предиктивного анализа, в большинстве стран действуют вне правового поля» [5, с.138]. Авторы данного исследования выделяют «три подхода к регулированию применения подобных систем, которые условно можно назвать «европейский», «китайский» и «американский» [5, с.139].

Но сегодня лидером в данном вопросе можно признать Сингапур, который «... является одной из пока немногих стран мира, которая, кроме разработок и изучения возможностей математико-статистического прогнозирования преступности, реформирует законодательство с целью внедрения достижений современных технологий в правовое русло» [10, с.159].

Помимо правовых проблем, возникающих при использовании ИИ в предиктивной деятельности полиции существуют и этические проблемы.

Действительно, многоуровневое законодательство о защите персональных данных, полицейское законодательство и использование неправительственного (негосударственного) программного обеспечения в комплексе порождает много проблем в деятельности предиктивной полиции.

На техническом уровне работа ИИ сталкивается с проблемой интерпретации данных. Понимание того, как машина принимает решение, является сложной задачей. Многие сложные модели с высокой точностью (например, модель глубокого обучения) не принимают прозрачных решений. В то время как простые регрессионные модели обычно не могут достичь сопоставимой точности прогнозирования. Этот конфликт вынуждает искать компромисс между точностью и интерпретируемостью. Чтобы уменьшить неожиданные отклонения и повысить прозрачность, нам нужна как надежная модель прогнозирования преступности, так и прозрачная процедура, понятная ученым, практикам и заинтересованным сторонам [11].

Прогнозирование преступлений с помощью ИИ находится на начальном этапе своего развития, и его потенциал еще не полностью реализован. В ближайшем будущем мы можем ожидать следующих усовершенствований:

1. Улучшение точности прогнозов: сбор большего количества данных и разработка более сложных алгоритмов позволят повысить точность прогнозов ИИ.

2. Интеграция с другими системами: связь систем прогнозирования с камерами видеонаблюдения, датчиками и другими

источниками информации усилит возможности мониторинга и реагирования.

3. Предотвращение преступлений в реальном времени: развитие технологий позволит не только предсказывать вероятные места преступлений, но и оперативно реагировать на угрозы.

4. Этические и правовые аспекты: рост осведомленности о необходимости защиты личных данных и недопущения предвзятости в алгоритмах ИИ.

Первые практические реализации, такие как предиктивная полиция, считаются «многообещающими» и пока не являются окончательными.

Использование инструментов предиктивного ИИ для улучшения процесса принятия решений в области предупреждения и расследования преступлений – это реальность. Они внедряются практически до того, как мы полностью поймем, как они работают, пока мы принимаем юридические решения, которые могут определить прогресс этой технологии, и задолго до того, как мы сможем предсказать их полное воздействие [12].

Применение ИИ в области прогнозирования преступлений открывает новые возможности для правоохранительных органов по всему миру. Однако необходимо тщательно учитывать этические и правовые нормы, чтобы гарантировать защиту прав человека и предотвратить злоупотребления. Сбалансированный подход к использованию ИИ позволит максимально реализовать его потенциал в борьбе с преступностью, сохраняя при этом основные ценности демократического общества.

Список использованной литературы

1. Предиктивная судебная аналитика: возможно ли знать решение судьи до его вынесения — Право на vc.ru <https://vc.ru/legal/104833-prediktivnaya-sudebnaya-analitika-vozmozhno-li-znat-reshenie-sudi-do-ego-vyneseniya>.

2. Предиктивная аналитика – это система прогнозного анализа: предикативная модель управления, предсказательное моделирование будущего методами Predictive Analytics (cleverence.ru) <https://www.cleverence.ru/articles/auto-busines/prediktivnaya-analitika-hto-eto-takoe-metody-i-instrumenty-prognosticheskogo-analiza/>.

3. Perry, W.L., McInnis, B.J., Price, C.C., Smith, S., & Hollywood, J.S. (2013). Predictive Policing: The Role of Crime Forecasting in Law Enforcement Operations.
4. Mugari I., Obioha E. E. Predictive policing and crime control in the United States of America and Europe: trends in a decade of research and the future of predictive policing // Social Sciences. – 2021. – Т. 10. – №. 6. – С. 234.
5. Дремлюга Р. И., Решетников В. В. Правовые аспекты применения предиктивной аналитики в правоохранительной деятельности // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2018. № 3. С. 133–144.
6. На что способны системы предсказания преступлений (homo-science.ru) <https://homo-science.ru/post/na-chto-sposobny-sistemy-predskazaniya-prestuplenij>.
7. <https://www.penal.org/sites/default/files/files/A-07-23.pdf>.
8. Ivanyuk, V. Forecasting of digital financial crimes in Russia based on machine learning methods. J Comput Virol Hack Tech (2023). <https://doi.org/10.1007/s11416-023-00480-3>.
9. Искусственный интеллект выходит на борьбу с преступностью в России. Правонарушителей будут искать хитрые нейросети - CNews https://corp.cnews.ru/news/top/2024-01-11_iskusstvennyj_intellekt.
10. Туробов, А. В. Международный опыт применения математико-статистических алгоритмов прогнозирования преступности / А. В. Туробов, М. А. Чумакова, А. В. Вечерин // Международные процессы. – 2019. – Т. 17, № 4(59). – С. 153-177. – DOI 10.17994/IT.2019.17.4.59.9. – EDN XMFOEI.
11. Zhang, Xu, Lin Liu, Minxuan Lan, Guangwen Song, Luzi Xiao, и Jianguo Chen. «Interpretable machine learning models for crime prediction». Computers, Environment and Urban Systems 94 (1 июнь 2022 г.): 101789. <https://doi.org/10.1016/j.compenvurb-sys.2022.101789>.
12. Llinares F. M. Predictive policing: utopia or dystopia? On attitudes towards the use of big data algorithms for law enforcement // IDP: revista de Internet, derecho y política= revista d'Internet, dret i política. – 2020. – №. 30. – С. 5.

Информация об авторе

Александр Федорович Реховский – заведующий кафедрой правосудия, прокурорского надзора и криминалистики Дальневосточного федерального университета, кандидат юридических наук, доцент; e-mail: rekhovskiy.af@dvfu.ru.

Author

Alexander Fedorovich Rekhovskiy – Head of the Department of Justice, Prosecutor's Supervision and Criminalistics, Far Eastern Federal University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor; e-mail: rekhovskiy.af@dvfu.ru.

МОДЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

В статье исследуются правовые основы и принципы построения системы органов по профилактике коррупционных правонарушений. Автор выделяет две модели организации органов по противодействию коррупции в субъектах Российской Федерации. Первая модель: функции противодействия коррупции осуществляет администрация Главы субъекта Российской Федерации. Вторая модель: функции противодействия коррупции осуществляет специальный орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации.

Ключевые слова: коррупция в государственном управлении; противодействие коррупции; профилактика коррупционных правонарушений; органы по профилактике коррупционных правонарушений.

G.T. Romashova

MODEL ANTI-CORRUPTION SYSTEMS IN THE CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION: THE EXPERIENCE OF COMPARATIVE ANALYSIS

The article examines the legal foundations and principles of building a system of bodies for the prevention of corruption offenses. The author identifies two models for organizing anti-corruption bodies in the constituent entities of the Russian Federation. First model: anti-corruption functions are carried out by the administration of the Head of the subject of the Russian Federation. The second model: the anti-corruption functions are carried out by a special executive body of the constituent entity of the Russian Federation

Key words: corruption in public administration; anti-corruption; corruption offenses; prevention of corruption offenses; bodies for the prevention of corruption offenses.

В Российской Федерации созданы правовые основы для противодействия коррупции на всех уровнях публичной власти. Эффективная реализация правовых норм в этой сфере возможна только при обеспечении функционирования соответствующего организационного механизма, то есть системы органов, специально уполномоченных государством на проведение в жизнь антикоррупционной политики и применение антикоррупционных мер.

Система органов противодействия коррупции в Российской Федерации имеет сложный, многоуровневый характер, особое место в данной системе занимают органы субъектов Российской Федерации по профилактике коррупционных правонарушений, централизованное формирование которых началось с 2015 г.

Организационно-правовые основы создания органов по профилактике коррупционных правонарушений в Российской Федерации определены в статье 5 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – ФЗ о противодействии коррупции) [2, с. 8].

В сложном процессе противодействия коррупции организационно задействованы все уровни публичной власти: Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, Счетная палата Российской Федерации, федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления.

В мае 2008 года, за несколько месяцев до вступления в силу ФЗ о противодействии коррупции по Указу Президента Российской Федерации от 19.05.2008 № 815 «О мерах по противодействию коррупции» [3, с. 3] в целях создания системы противодействия коррупции в Российской Федерации и устранения причин, ее порождающих, был образован Совет при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции, возглавляемый Президентом Российской Федерации.

Впервые в законодательстве Российской Федерации в данном Указе использован термин «система противодействия коррупции в Российской Федерации», к сожалению, это понятие не было раскрыто и в последующие периоды не получило дальнейшего использования в других нормативных правовых актах. Вместе с тем систему противодействия коррупции в организаци-

онно-правовом и функциональном аспекте можно было бы рассматривать как сложный комплекс элементов, включающий в себя систему органов, уполномоченных осуществлять деятельность по противодействию коррупции в Российской Федерации, а также совокупность применяемых данными органами мер и средств по противодействию коррупции.

В развитие положений части 5 статьи 5 ФЗ «О противодействии коррупции» принят Указ Президента Российской Федерации от 15.07.2015 № 364 «О мерах по совершенствованию организации деятельности в области противодействия коррупции» (далее – Указ № 364) [4, с. 9], которым утверждены:

Типовое положение о комиссии по координации работы по противодействию коррупции в субъекте Российской Федерации;

Типовое положение о подразделении федерального государственного органа по профилактике коррупционных и иных правонарушений;

Типовое положение об органе субъекта Российской Федерации по профилактике коррупционных и иных правонарушений.

Указ № 364 заложил организационно-правовые основы системы органов Российской Федерации в сфере противодействия коррупции, которая строится на принципах централизации, федерализма и координации.

Принцип централизации связан с формированием системы органов противодействия коррупции на основе вертикальности под руководством Президента Российской Федерации. Огромную роль в реализации этого принципа играет Управление Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции.

Принцип федерализма отражает положения пункта «б» статьи 72 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которым «защита прав и свобод человека и гражданина; ... обеспечение законности, правопорядка, общественной безопасности» отнесены к предметам совместного ведения» [1, с. 36]. В этой связи противодействие коррупции как одно из важнейших направлений правоохранительной деятельности государства осуществляется уполномоченными органами на всех уровнях публичной власти при условии обязательного взаимного согласования применяемых ими мер.

Принцип координации позволяет обеспечить взаимодействие законодательных, исполнительных, в том числе правоохранительных, органов государства, а также органов прокуратуры, местного самоуправления и общественного контроля в сфере противодействия коррупции.

В Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы, утвержденном Указом Президента Российской Федерации от 16.08.2021 № 478 [5, с. 6], предусмотрен специальный раздел «IX. Совершенствование правовых и организационных основ противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации», в подпункте «а» пункта 25 которого Правительству Российской Федерации с участием Администрации Президента Российской Федерации предлагается рассмотреть вопросы, касающиеся совершенствования правового регулирования деятельности комиссий по координации работы по противодействию коррупции в субъектах Российской Федерации и органов субъектов Российской Федерации по профилактике коррупционных и иных правонарушений, в том числе вопрос об актуализации Типового положения о комиссии по координации работы по противодействию коррупции в субъекте Российской Федерации и Типового положения об органе субъекта Российской Федерации по профилактике коррупционных и иных правонарушений.

В сфере противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации сложилась система органов, построенная на принципах координации и субординации. В зависимости от правового положения органа по профилактике коррупционных правонарушений в структуре исполнительной власти субъекта Российской Федерации условно можно выделить две сложившиеся модели.

Первая модель организации органов по профилактике коррупционных правонарушений предусматривает, что органом субъекта Российской Федерации по профилактике коррупционных и иных правонарушений является администрация главы субъекта Российской Федерации и/или высшего исполнительного органа субъекта Российской Федерации (далее – Администрация). Одновременно Администрация, как правило, осуществляет задачи и функции государственного органа субъекта Российской Федерации по управлению государственной службой. Осуществление функций по профилактике коррупционных правонарушений возлагается либо на существующее в структуре

Администрации подразделение по вопросам государственной службы, либо на подразделение, специально созданное для этой деятельности. Наименование структурных подразделений, ответственных за профилактику коррупционных правонарушений, субъекты определяют самостоятельно, единого подхода к наименованиям, в отличие от координационных органов по противодействию коррупции не выработано.

Рассматриваемая модель является преобладающей среди субъектов Российской Федерации.

Организационно-правовые основы профилактики коррупционных правонарушений закрепляются в законодательстве субъектов двумя способами: либо в тексте положения об Администрации подробно изложены функции и полномочия Администрации в данной сфере; либо действует нормативный правовой акт о специализированном структурном подразделении Администрации.

Так, в Санкт-Петербурге органом по профилактике коррупционных и иных правонарушений является Администрация Губернатора, непосредственное осуществление данных функций возложено на Комитет государственной службы и кадровой политики; в Ленинградской области — Администрация Губернатора и Правительства области, в структуре которой создано Управление профилактики коррупционных и иных правонарушений; в Архангельской области — Управление по вопросам противодействия коррупции Администрации Губернатора области и Правительства области.

Структурные подразделения Администраций некоторых субъектов Российской Федерации помимо функции по профилактике коррупционных правонарушений наделяются и другими смежными функциями, что отражается в их широком наименовании. Например, Управление по вопросам противодействия коррупции Правительства Псковской области наделено дополнительными функциями по обеспечению реализации Губернатором и Правительством области политики в сфере противодействия коррупции, а также по нормативному обеспечению реализации Губернатором и Правительством области законодательства о противодействии коррупции в Псковской области.

Можно выделить следующие положительные моменты рассмотренной первой модели организации органов по профилактике коррупционных правонарушений.

Во-первых, сосредоточение в одном органе функций по управлению государственной службой субъекта Российской Федерации и функций по профилактике коррупционных правонарушений позволяет выработать единые подходы к организации и проведению как кадровой работы, в целом, так и отдельных кадровых процедур и технологий, к чему можно отнести и профилактику коррупционных правонарушений.

Во-вторых, преимуществом централизации названных функций является возможность кадровых служб и подразделений по профилактике коррупционных правонарушений органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации выстраивать работу с одним «центром», а не множеством органов.

В качестве недостатка данной модели можно отметить то обстоятельство, что орган по профилактике коррупционных правонарушений, встроенный в систему Администрации, не имеет необходимой юридической значимости среди других исполнительных органов. Данный орган, по сути, выполняет контрольные функции в отношении всех государственных служащих исполнительных органов субъекта Российской Федерации, в том числе и иных подразделений Администрации, а значит, должен обладать особым правовым статусом в системе исполнительной власти субъекта Российской Федерации в целом. Вместе с тем не обособленный в структуре органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации орган по профилактике коррупционных правонарушений не обладает в полной мере качествами независимости и беспристрастности для реализации полномочий в рамках антикоррупционной деятельности. В этой связи можно говорить о риске конфликтов интересов внутреннего и внешнего характера при реализации данным органом контрольных и проверочных мероприятий.

Дискуссионным, требующим дополнительного обоснования вопросом является тенденция к расширению количества функций рассматриваемых органов. Наделение этих органов дополнительными функциями в области противодействия коррупции, может привести не только к дублированию этих же функций в компетенции других органов и подразделений Админи-

страции, но и противоречит сущности контрольной деятельности, которая не должна сочетаться с другими видами государственной деятельности.

Вторая модель организации органов по профилактике коррупционных правонарушений предполагает создание для этой цели самостоятельного исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, подчиненного непосредственно главе субъекта Российской Федерации. Как правило, в компетенцию данных исполнительных органов государственной власти входит функция более общего характера — проведение или реализация мер государственной политики в сфере противодействия коррупции в субъекте Российской Федерации.

Так, в Калининградской области в 2018 г. была образована Служба по противодействию коррупции, которая является исполнительным органом государственной власти Калининградской области, осуществляющим функции органа Калининградской области по профилактике коррупционных и иных правонарушений.

В Мурманской области с 2019 г. действует Управление по реализации антикоррупционной политики Мурманской области как исполнительный орган государственной власти области, осуществляющий функции по реализации государственных полномочий Мурманской области в сфере профилактики коррупционных и иных правонарушений.

Аналогичная практика есть в других субъектах Российской Федерации. Например, Управление по противодействию коррупции при Главе Республики Калмыкия; Комитет по противодействию коррупции Республики Крым; Управление по профилактике коррупционных и иных правонарушений Белгородской области; Отдел по профилактике коррупционных и иных правонарушений Нижегородской области; Департамент противодействия коррупции и контроля Свердловской области.

Рассматриваемая модель обладает рядом преимуществ. Первое, выделение самостоятельного специализированного органа в структуре исполнительной власти субъекта Российской Федерации обеспечивает независимость и объективность при осуществлении им антикоррупционной деятельности, снижает риск конфликтов интересов в структуре органов исполнитель-

ной власти. Второе, прямое подчинение главе субъекта Российской Федерации обеспечивает как прямое и оперативное поступление в нему полной информации о состоянии коррупционной деликтности в субъекте Российской Федерации, так и возможность быстрого реагирования на сложившуюся ситуацию со стороны руководителя региона. Третье, создание самостоятельного исполнительного органа более точно отражает цели и задачи контрольной деятельности, осуществляемой в сфере противодействия коррупции.

В качестве дискуссионного момента здесь также следует назвать тенденцию к расширению функций данных органов, к формированию из них органов государственного управления в сфере противодействия коррупции на уровне субъекта Российской Федерации. Необходимо обосновать как данная тенденция влияет на реализацию функционального принципа построения системы исполнительной власти в Российской Федерации в целом.

Коррупция оказывает негативное явление не только на экономику, политику, социальную сферу, культурное восприятие граждан, но и на различные структуры сообщества и граждан [6, с. 3].

Таким образом, на основе федерального законодательства субъекты Федерации имеют возможность формировать органы по профилактике коррупционных правонарушений наиболее отвечающие их требованиям и условиям деятельности, на это влияют как количество государственных служащих субъекта Российской Федерации, так и особенности организации региональной исполнительной власти.

Список использованной литературы

1. Российская Федерация. Конституция. Конституция Российской Федерации : с изменениями, одобренными общероссийским голосованием 1 июля 2020 года : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс» : [сайт]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/9004937>

2. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [Электронный ресурс] // Официальный

интернет-портал правовой информации. http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=14&nd=102126657&intelsearch=

3. Указ Президента Российской Федерации от 19.05.2008 № 815 «О мерах по противодействию коррупции» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=102122053&intelsearch=&firstDoc=1

4. Указ Президента Российской Федерации от 15.07.2015 № 364 «О мерах по совершенствованию организации деятельности в области противодействия коррупции» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=11&nd=102375996&intelsearch=

5. Указ Президента Российской Федерации от 16.08.2021 № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=602370769&intelsearch=&firstDoc=1

6. Павлов, В. Г. Коррупция и преступность / В. Г. Павлов, М. Ю. Павлик, Р. А. Ромашов // Ленинградский юридический журнал. – 2023. – № 3(73). – С. 108–125. – DOI 10.35231/18136230_2023_3_108. – EDN APNHSR.

Информация об авторе

Галия Талгатовна Ромашова — доцент кафедры конституционного и административного права, Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук. E-mail: romashova-gt@ranepa.ru.

Author

Galia Talgatovna Romashova — North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russian Federation, St. Petersburg, assistant professor of the Department of Law, assistant professor, candidate of legal sciences. E-mail: romashova-gt@ranepa.ru.

ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОПОНИМАНИЯ В УСЛОВИЯХ ТРАДИЦИОННЫХ И ДИСКРЕТНЫХ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ СИСТЕМ

Основываясь на общетеоретических подходах к типологии правопонимания предлагается рассматривать конституционное правопонимание в качестве системной конструкции объединяющей совокупность взглядов на феномен конституции, с определением ее места в системе правовых ценностей, а также представлений о традиционных национальных ценностях получивших конституционное закрепление и характеризующих субстанциональное наполнение национальной цивилизации в ее линейной либо дискретной интерпретации.

Проводится сравнительный анализ конституционного правопонимания, складывающегося в традиционных (на примере США) и дискретных (на примере России) государственно-правовых системах.

Выделяются проблемные блоки характеризующие современное российское конституционное правопонимание, определяются его особенности и возможные перспективы.

Ключевые слова: конституционное правопонимание; конституционализм; государственно-правовая система; национальная традиция; поколенческий возраст; политогенез; дискретность.

M.R. Romashova

FEATURES OF THE CONSTITUTIONAL LEGAL UNDERSTANDING IN THE CONDITIONS OF TRADITIONAL AND DISCRETE STATE LEGAL SYSTEMS

Based on general theoretical approaches to the typology of legal understanding, it is proposed to consider constitutional legal understanding as a systemic structure uniting a set of views on the phenomenon of the constitution, with the definition of its place in the system of legal values, as well as ideas about traditional national values that have received constitutional consolidation and characterize

the substantial content of national civilization in its linear or discrete interpretation.

A comparative analysis of the constitutional legal understanding that develops in traditional (on the example of the USA) and discrete (on the example of Russia) state legal systems is carried out.

The problematic blocks characterizing the modern Russian constitutional legal understanding are highlighted, its features and possible prospects are determined.

Key words: constitutional legal understanding; constitutionalism; state legal system; national tradition; generational age; politogenesis; discreteness.

В теории права проблема правопонимания традиционно рассматривается в качестве одной из важнейших, что обуславливает постоянный интерес к ней выражающийся как в многочисленных интерпретациях традиционных (классических) типов понимания права (позитивизм, юснатурализм, социологическая, историческая, психологическая школы), так и во вновь возникающих интегративных концепциях (либертарная, коммуникативная, диалогическая концепции, реалистический позитивизм) [8]. Отмечая высокую степень дискуссионности теоретического правопонимания, вместе с тем нельзя не отметить, что в отраслевой юриспруденции данной проблематике практически не уделяется внимания. Как правило, «отраслевки» исследуют юридическую технику отраслевого правотворчества и правореализации. При этом в качестве базовой основы принимается все тот же позитивизм, в соответствии с которым право – это акты и принципы признанные правовыми государством. По мнению автора, в современных условиях такой подход явно устарел. Право, являя собой историко-культурное явление неразрывным образом связано с национальной ментальностью, а это значит, что в основу правопонимания вообще и отраслевого правопонимания в частности должны быть положены особенности национального правосознания и национальной правовой культуры.

Системный подход к конституционному праву актуализирует проблему конституционного правопонимания [6, 140–145]. При рассмотрении данной проблемы следует выделить несколько аспектов:

– совокупность взглядов на феномен конституции, с определением ее места и роли в системе правовых ценностей, сложившихся в национальной государственно-правовой системе на определенном этапе социально-исторического развития;

– представление о конституционном праве как о научной специальности и отраслевом сегменте национального права, с последующим анализом его соотношения с другими отраслями и межотраслевыми массивами;

– характеристика конституционного устройства государства и общества в рамках существующего конституционного строя;

– соотношения конституционного правопонимания и понимания конституционного (государственного) права.

Перечисленные аспекты следует рассматривать в национально-историческом контексте, предполагающем деление правовых систем в целом и конституционно-правовых систем в частности на традиционные и дискретные. При этом не зависимо от формальных и содержательных характеристик, все правовые системы имеют общую особенность – непосредственную связь с государством. По мнению автора, дуальность права и государства обусловлена детерминирующим характером их сосуществования и взаимного влияния, что в свою очередь позволяет рассматривать в качестве инструментальной конструкции, государственно-правовую систему – форму социальной жизнедеятельности, сочетающую в себе общественную организацию и механизм публичной власти.

Традиционность и дискретность рассматриваются как качественные оценочные критерии динамического состояния государственно-правовой системы.

Традиционные государственно-правовые системы характеризуются относительной неизменностью формальных, структурных и содержательных параметров государства и права в рамках трех и более человеческих поколений, воспринимающих их представителями в качестве правопреемников и правопродолжателей.

Государственно-правовые системы дискретного типа формируются в переходные периоды, когда утрачивают социальную значимость, политическую и юридическую силу традиционные структуры и институты государства и права, сменяемые в своем

функционировании вновь формируемыми механизмами, которые со временем могут стать традиционными, либо продолжить находится в состоянии перманентной изменчивости (трансформации) [10, 34–46].

В рамках данной статьи автором будет рассмотрено традиционное конституционное правопонимание на примере государственно-правовой системы США и дискретное конституционное правопонимание на примере России.

В основу американской государственно-правовой и конституционной традиции положены несколько определяющих констант:

- идеология буржуазного либерализма, основанного на личной свободе, формальном равенстве и позитивном эгоизме, предполагающем субъективное восприятие эгоистических интересов как первичных и приоритетных по отношению к интересам социальных корпораций и государства в целом;

- система договорной союзной федерации, в рамках которой субъекты-штаты, по сути своей являются автономными государственно-правовыми образованиями, выстраивающими взаимодействие с общефедеральными структурами на паритетных договорных основаниях;

- приоритет общенационального гражданского статуса по отношению к национальному (конфессиональному, региональному);

- сочетание «сакральной» (догматической) и «живой» (адаптированной к современным реалиям) Конституции.

Конституционное правопонимание, сложившееся в американской юриспруденции, основывается на двух документальных формах, неизменность которых является гарантией незыблемости государственно-правовой системы США. Речь идет о Декларации независимости (1776 г.) и Конституции (1787 г.).

По сути своей Декларация является документом «учреждающим» государство, а Конституция – право. При этом сочетание «неизменности» государственно-правовых основ выраженных в документальных формах и их динамической содержательной трансформации, получает проявление с одной стороны в традиционном транзите президентской власти («президенты меняются, государственная власть остается»), получившим свое конституционное закрепление в 22-ой поправке, а с другой стороны в доктрине «живой конституции». Представление о последней

образно выразил О.У. Холмс, отметивший, что «Жизнь закона подчиняется опыту (в первую очередь судебному – прим. М.Р.)» [2, 4–8].

Именно с документальной неизменностью Конституции США связывается сохранение вот уже на протяжении около 250 лет, системы традиционных конституционных ценностей, к числу которых наряду со свободой слова, религии, прессы, собраний, правом на подачу петиций (обращений граждан – прим. М.Р.), относится столь значимое для американцев право хранить и носить оружие, с реализацией которого связано одно из определений американской демократии как «союза вооруженных джентльменов» [1, 046–055]. Несложный подсчет позволяет определить достаточно солидный «поколенческий возраст» американской конституционной традиции – 10 человеческих поколений.

Конституционное правопонимание, сложившееся в рамках российской юридической науки и практики, как уже ранее отмечалось является дискретным. Разделение отечественной государственно-правовой истории на три автономных цикла (монархический, советский республиканский, президентский республиканский), предполагает не только трансформацию формы государственного правления, но и смену парадигм государственно-правового восприятия в условиях сменяющихся циклов российского политогенеза, для каждого из которых характерно собственное, качественно отличное от других конституционное правопонимание [9].

В Российской Империи («поколенческий» возраст - более 12 поколений) конституция воспринимается как явление не только чуждое, но и враждебное системе традиционных национальных ценностей, сводимых к известной триаде графа Уварова: «Православие. Самодержавие. Народность». С конституционализмом как явлением непосредственным образом связывается революционное разрушение патримониальной модели государственно-правового устройства. Само упоминание конституции рассматривается властью как опасное для империи вольнодумство, с вытекающими для «конституционалистов» негативными последствиями.

Конституционное правопонимание в советской России («поколенческий возраст» - 3 поколения), минует два концептуальных этапа: революционной и социалистической законности.

В условиях революционной законности Конституция в прямом смысле слова является «законом законов», поскольку «текущих» отраслевых кодифицированных актов в первые годы советской власти попросту не было, а их отсутствие восполнялось революционным правосознанием трудового народа, руководствующемуся в правоприменительной деятельности не юридическими нормами, а классовым чутьем [7, 7–16].

Период социалистической законности, основывается на социалистической традиции положенной в основание мировой семьи социалистического права. В рамках названной семьи складывается понимание конституции как документа закрепляющего пройденный этап социалистического строительства и определяющего сложившийся порядок государственного устройства. Стратегическое планирование осуществляется коммунистической партией, являющейся «руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы» (ст. 6 Конституции СССР 1977 г.). Решение о выходе на «новый исторический этап» и как следствие о необходимости принятия новой конституции принимается на партийном съезде и воплощается в жизнь советской властью, представленной советами депутатов трудящихся [4, 40–47].

Современное российское конституционное правопонимание представляет собой достаточно сложное явление, в котором можно выделить несколько проблемных блоков:

– представление о конституционном правопонимании как об интегративном, объединяющем в своем системном восприятии юридический позитивизм, юснатурализм, социологическую и историческую школы;

– формирование концепции «живой» конституции и определение места в ней как традиционных (парламент), так и нетипичных (народ, президент, конституционный суд) субъектов конституционного правотворчества и конституционной право-реализации;

– представление о Конституции как социальной ценности и юридической форме закрепления традиционных духовно-нравственных ценностей, идентифицирующих Россию как «государство-цивилизацию»;

– определение места российской конституционно-правовой системы на «правовой карте» современного мира, с выработкой

принципов ее соотношения с конституционно-правовыми системами дружественных, нейтральных и недружественных по отношению к Российской Федерации государств.

По мнению автора, особенность современного российского конституционного правопонимания заключается в стремлении объединить в едином логическом контексте три самостоятельных «необъединяемых» традиции: завершенную монархическую (имперскую), завершенную советскую, формирующуюся постсоветскую.

Закрепление в ст. 67.1. тезиса о «Российской Федерации с ее тысячелетней историей...», носит в большей степени метафорический характер. Понятно, что Российская Федерация (Россия) как самостоятельное суверенное государство «возникает» на политической карте мира в 1992 г., одновременно с получившими «независимость» бывшими союзными республиками, ранее входившими в состав Союза ССР.

В современных условиях не сохранилась советская конституционная традиция, в рамках которой принятие очередной союзной конституции, являлось своего рода триггером, обуславливающим принятие в течении последующего года региональных конституций союзными и автономными республиками.

«Переименование» советского народа в российский не привело к формированию «наднациональной» гражданской идентификации, перестав быть «советскими», наши соотечественники не спешат называть себя «россиянами», а внесенное в конституцию «безнациональное» понятие «государствообразующий народ» (ст. 68), не только не решает проблему, но напротив делает ее еще более противоречивой [5, 37–41].

Отказ от партийной стратегии строительства коммунизма и положенной в основу этой стратегии коммунистической идеологии, повлек достаточно активно критикуемый запрет единой государственной идеологии. При этом критики забывают, что «проводником» государственной идеологии является партия, точно так же как «проводником» религии является церковь. Недопустимость партийной монополии исключает монопольную идеологию государства, представляющего в настоящее время неопределенное (в плане социального структурирования), однако от этого не единое социально-политическое образование [3, 37–39].

Эти и другие не менее значимые и от того не менее дискуссионные аспекты позволяют говорить о современном конституционном правопонимании как об исторической новации, находящейся на стадии формирования, результат которого нам еще только предстоит получить, если, конечно, не произойдет очередной для российской государственно-правовой и неразрывным образом связанной с ней конституционной системы трансформации.

Список использованной литературы

1. Белевцева, С.Н. Распространение демократии американского образца в конце XX века: мессианизм, традиции, защита собственных интересов / С.Н. Белевцева // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2012. – № 3–1(23). – С. 046–055. – EDN PLFNWD.

2. Данилова Е.В., Данилов В.А. Влияние взглядов О. У. Холмса на развитие школы конституционного права США // 2022. № 10. С. 4–8.

3. Караев, И. И. Социальная структура общества и стабильность в условиях постсоветской России / И. И. Караев, М. Д. Магаррамов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 4. – С. 37–39. – DOI 10.23672/x5066-3224-6461-1. – EDN XLYCVW.

4. Коровин, К. С. Советский партийный конституционализм как предмет источниковедения истории политических и правовых учений / К. С. Коровин // Пробелы в российском законодательстве. – 2021. – Т. 14, № 7. – С. 40–47. – EDN GZNOWW.

5. Коновалов, В. Н. Становление гражданской идентичности в контексте национальной политики Российской Федерации / В. Н. Коновалов // Культура. Наука. Интеграция. – 2016. – № 4(36). – С. 37–41. – EDN ZDUPQZ.

6. Крусс, В. И. Конституционное правопонимание и догма формально-юридической дескрипции / В. И. Крусс, Г. Д. Борисов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2023. – № 3(63). – С. 140–145. – EDN OSSWКУ.

7. Никулин, В. В. От чрезвычайного права к "революционной законности". Формирование концепции "революционной законности" в Советской правовой доктрине / В. В. Никулин //

Право: история и современность. – 2020. – № 4(13). – С. 7–16. – DOI 10.17277/pravo.2020.04.pp.007-016. – EDN PCRQKT.

8. Правогенез / И. Л. Честнов, С. А. Февралев, Е. Н. Тонков [и др.]. – Санкт-Петербург : Издательство Алетейя, 2021. – 481 с. – ISBN 978-5-00165-241-0. – DOI 10.23681/619702. – EDN XDXTFD.

9. Ромашов, Р. А. Политогенез : Храм- Полис- Государь-ство-State / Р. А. Ромашов. – Санкт-Петербург : Издательство Алетейя, 2020. – 300 с. – ISBN 978-5-907189-93-5. – EDN LKRZKC.

10. Ромашов, Р. А. Государственно-правовые системы современности / Р. А. Ромашов // Ленинградский юридический журнал. – 2020. – № 3(61). – С. 34–46. – DOI 10.35231/18136230_2020_3_34. – EDN ZXVKQV.

Информация об авторе

Мария Романовна Ромашова — соискатель ученой степени кандидата юридических наук ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет А.С. Пушкина». Помощник адвоката Санкт-Петербургской коллегии адвокатов «Триумф», e-mail: 7029807@mail.ru.

Author

Maria Romanovna Romashova — is a candidate for the degree of Candidate of Law of the Leningrad State University of A.S. Pushkin. Assistant lawyer of the St. Petersburg Bar Association "Triumph", e-mail: 7029807@mail.ru.

С.С. АЛЕКСЕЕВ О КЛАССИФИКАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Активные процессы глобализации современного мира, динамично развивающиеся международные связи закономерно приводят к росту значения сравнительного правоведения в целом и проблем классификации правовых систем разных стран в частности, поскольку взаимообмен передовым правовым опытом может происходить только между близкими по своим принципиальным юридическим особенностям системами. Поэтому важно определить группы, классы, типы последних, степень их близости или удаленности друг от друга, что осуществляется в рамках работы по классификации правовых систем. Каждая новая классификация дает определенный эвристический эффект, позволяет анализировать правовые системы под соответствующим углом зрения и увидеть в необычном многообразии правовой карты мира новые и новые грани. С.С. Алексеев предлагает классификацию, для которой приоритетными являются критерии юридического порядка. На этом основании он предлагает трехчленное деление всех современных правовых семей на романо-германскую, прецедентную (отдифференцированные) и все остальные (неотдифференцированные) семьи, ориентируя компаративистов во всех случаях на анализ юридических особенностей правовых систем, в том числе и на то, как все остальные факторы социальности выражаются в юридическом преломлении.

Ключевые слова: С.С. Алексеев; сравнительное правоведение; компаративистика; правовая система; семья правовых систем; классификация правовых систем; типология правовых систем.

A.P. Semitko

S.S. ALEKSEEV ON THE CLASSIFICATION OF NATIONAL LEGAL SYSTEMS

Active processes of globalization of the modern world, dynamically developing international relations naturally lead to the growing

importance of comparative law in general and the problems of classification of legal systems of different countries in particular, since the interchange of advanced legal experience can only take place between systems that are close in their fundamental legal features. Therefore, it is important to define groups, classes, types of the latter, the degree of their proximity or remoteness from each other, which is carried out within the framework of work on the classification of legal systems. Each new classification gives a certain heuristic effect, makes it possible to analyse legal systems from an appropriate angle and to see new and new facets in the unusual diversity of the legal map of the world. S. Alekseev proposes a classification for which the criteria of legal order are the priority. On this basis, he proposes a three-part division of all modern legal families into the Romano-Germanic, precedent (undifferentiated) and all other (undifferentiated) families, orienting comparativists in all cases to analyze the legal features of legal systems, including how all other factors of sociality are expressed in legal refraction.

Key words: S.S. Alekseev; comparative law; comparativism; legal system; family of legal systems; classification of legal systems; typology of legal systems.

В эпоху глобализации и динамично растущих международных связей как между государствами, так и иными субъектами – бизнесом, некоммерческими организациями, частными лицами – роль сравнительного правоведения приобретает все больший и больший вес в системе юридических наук, поскольку встает объективная потребность в унификации правовых предписаний там, где это можно сделать безболезненно для вступающих в тот или иной контакт национальных правовых систем, в поиске общечеловеческого знаменателя между разными правовыми культурами и инкорпорации всего самого лучшего, что создано у других и может принести пользу принимающим культурам. В этом последнем случае важно понимать, что обмен и положительное заимствование передового правового опыта может быть эффективным, а порой и просто возможным в первую очередь между близкими, родственным по своему духу и принципиальным юридическим особенностям национальными правовыми системами. По этой причине проблема типологии и классификации последних на различные типы, семьи, группы была

и остается весьма актуальной – ведь каждая новая классификация дает определенный эвристический эффект, позволяет анализировать правовые системы под соответствующим углом зрения и увидеть в необычном многообразии правовой карты мира новые и новые грани. Не случайно за прошедшее столетие интерес компаративистов сместился постепенно от вопроса «Что такое сравнительное право: метод или наука?» к проблеме типологии и классификации правовых систем, к учению о правовых семьях [11, с. 120; 15, с. 27]. При этом классики компаративистики признают, что не имеет большого смысла тратить чернила на споры по поводу определения «самой лучшей» классификации, ибо каждая из них имеет свои достоинства, которые зависят от целей и предмета изучения – от того, насколько тот или иной, зависящий от избранных критериев, «набор» близких друг к другу правовых семей способен решить проблему, которая является стержневой для всех изучаемых правопорядков [7, с. 20; 14, с. 117].

Наиболее распространенными и признанными в современной компаративистике являются классификации Р. Давида и К. Цвайгерта и их последователей [7, 14]. В первой на основе идеологического и технико-юридического критериев выделяются три главные, три ключевые правовые семьи, образующая так называемую трихотомию, состоящую из романо-германской, англосаксонской, социалистической, и примыкающий к ней остальной юридический мир – религиозные и традиционные системы [7]. Причем этот последний, примыкающий к трихотомии мир, составляет по вполне убедительным подсчетам А. Х. Саидова четыре пятых планеты [12, с. 78], хотя понятно, что количество населения и размер территорий, на которых оно проживает вряд ли могут выступать – вместе или по отдельности – в качестве критериев типологии правовых систем и потому не могут играть никакой роли в этом научном процессе. Ведь если какие-то социально-правовые образования изучаются в пределах всего человечества, то наличие их где-то в состоянии и форме, порождающих сомнения в самом их существовании или схожести с ключевыми правовыми феноменами, вынуждает исследователей помещать эти «сомнительные» объекты за рамками ключевых образований, что, возможно, и не является самым лучшим решением для классификаций, претендующих на

всеобщий характер, а потому требует дальнейших размышлений. Так, Р. Леже предлагает изучать прежде всего великие правовые системы современности, определить точно перечень которых также трудно, как и выделить конкретный круг «великих музыкантов» или «великих писателей». Однако некоторые системы права важны, по его мнению, не только сами по себе, но также и потому, что они помогают познать другие многочисленные системы, которыми они были заимствованы или скопированы. По этой причине первые требуют к себе особого внимания, являясь «ключами к правовой жизни всего мира. Вот то, что вызывает в нашем сознании употребление словосочетания “великие системы права”» [9, с. 2].

Что касается социалистических правовых систем, то практически полное их исчезновение в конце прошлого века позволило Р. Леже назвать упомянутую выше трихотомию прекрасной, но недолговечной – по независящим, конечно, от Р. Давида причинам – классификацией [9, с. 100]. Поэтому некоторые авторы вполне закономерно вместо социалистической семьи правовых систем добавляют в указанную трихотомию религиозно-общинные правообразования [8, с. 5, 116].

Концепция К. Цвайгерта и присоединившегося к нему позже Х. Кётца базируется на обобщенном критерии правового стиля, объединяющего пять показателей (происхождение и эволюция правовой системы; своеобразие правового мышления; специфические правовые институты; природа источников права и способы их толкования; идеология). В итоге выделяется восемь правовых кругов, или семей: романская; германская; скандинавская; общего права; социалистического права; права стран Дальнего Востока; исламского права; индусского права [14, с. 117]. В этом ряду отсутствуют религиозно-общинные системы ряда стран и, прежде всего, Африки, а значит классификация не может претендовать на всеобщий характер. В то же время определенная «детализация», имеющая здесь место в выделении отдельно романской, германской и скандинавской правовых систем, которые в других – более крупных классификациях – помещаются в романо-германскую семью правовых систем самими авторами объясняется тем, что «если поместить под одну крышу объединенной романо-германской правовой семьи романское право, право Германии, Австрии, Швейцарии да еще и

скандинавское право, то возникает опасность того, что рассмотрение будет ограничено лишь относительно абстрактными элементами общности, которые эти правовые системы, если сравнить их с общим правом, действительно имеют» [14, с. 109]. С.С. Алексеев по этому поводу замечает, что «дело-то как раз в том, что эти “относительно абстрактные элементы общности” раскрывают самые глубинные, существенные во всех отношениях, качественно контрастные черты правовых систем, позволяющие охарактеризовать эти системы со стороны их юридической природы и перспектив развития» [1, с. 133]. Ориентир на наиболее глубинные, качественно контрастные черты правовых систем закономерно приводит к более крупной классификации, которую более точно назвать типологией национальных правовых систем современности.

Признавая возможности различных типологий национальных правовых систем, плодотворность не только синхронного, но и диахронного анализа, А. Х. Саидов, ориентируясь на три взаимосвязанных группы критериев (история; система правовых источников и структура правовой системы) выделяет в итоге близкий к указанной выше концепции перечень правовых семей – общего права, романо-германскую, скандинавскую, латиноамериканскую, социалистическую, мусульманскую, индусскую, обычную, дальневосточную [11, с. 125]. Судьба социалистического права вынуждает внести, казалось бы, соответствующую поправку и в указанные классификации тоже, исключив из них социалистическую семью правовых систем, однако А. Х. Саидов по-прежнему выделяет эту группу [11, с. 211–240], однако в более поздних работах относит к ней меньшее количество социалистических правовых систем: так, в пособии 2006 года он включает в эту группу лишь право таких стран, как Китай и Куба, рассматривая одновременно (как впрочем делал это и ранее) право Китая в главе «Социалистическая правовая система», а также в главе «Дальневосточное право» [13, с. 248–250, 313–326], что приводит к нарушению стройности предложенной им классификации, поскольку члены последней должны попадать только в одну группу, или класс объектов.

Для теории права наиболее важным является типологический подход, то есть деление всех национальных правовых систем, прежде всего, на наиболее крупные группы, классы, или типы. В любом случае закономерно возникает проблема выбора

критериев классификации – они могут быть социальными, идеологическими, формационными, цивилизационными, строго юридическими и т.д. [10, с. 251–262]. С. С. Алексеев полагает, что приоритет должен быть отдан критериям юридического порядка и на этом основании с опорой на разработки Р. Давида предлагает трехчленное деление, которое может быть положено в основу общей характеристики состояния и развития права в современных обществах: «сначала два, так сказать, “генеральных” юридических типа – романо-германское право и общее, прецедентное право, а вслед за тем в качестве особого, к тому же «сборного» типа, – традиционные, неотдифференцированные системы» [1, с. 131]. Ранее С. С. Алексеев выделял четыре основные семьи национальных систем (регионов) права: к первым двум добавлял еще две – общинные (неотдифференцированные) юридические системы ряда стран Азии и Африки, а также заидеологизированные правовые системы при авторитарных политических режимах и прежде всего социалистических стран [5, с. 276; 4, с. 48]. Позже он отметил: «Более подробное рассмотрение проблемы показало, однако, что заидеологизированные системы социалистических стран, по сути дела, представляют собой всего лишь особую разновидность третьей из указанных групп (с той лишь особенностью с юридической стороны, что, наряду со своей остроидеологической сутью, “прикрыты” современными юридическими системами, в основном – германской, и развиваются в причудливой связи с этой “видимостью”» [1, с. 131]. Трехчленное деление национальных юридических систем базируется на юридических критериях, которые вытекают из понимания ученым правовой системы как сложного комплекса тесно взаимосвязанных компонентов – писаного права, судебной практики и правовой идеологии [2, с. 86–91; 3, с. 27–34; 5, с. 276]. Ведущее место, которое принадлежит одному из этих критериев и приводит к трехчленному делению: романо-германское право базируется на общих нормах, выраженных в законе; общее, прецедентное право основано на судебных прецедентах, а неотдифференцированные правовые системы при невероятном многообразии, которое может вытекать из специфики разного по уровню, включая самые зачаточные этапы, развития позитивного права или юридической практики, всей своей сущностью обязаны правовой или квазиправо-

вой идеологии, которая «абсорбирует» в себе разные религиозные, традиционно-общинные верования либо идеологические постулаты тоталитарных обществ – коммунизма, фашизма и т.п. С. С. Алексеев полагает также, что «следует уточнить конкретные показатели группировки семей юридических систем. С этой точки зрения к числу главных критериев основных, «базовых» типов правовых систем следует отнести: во-первых, то, что может быть названо «общим фоном» или «климатом» правовой жизни данной страны, или ее общей и устойчивой инфраструктурой, в рамках и посредством которой (или – в русле которой) существует и развивается национальное право всех стран данной группы; во-вторых, господствующую правовую идеологию, т.е. господствующую юридическую доктрину, доминирующие юридические идеи, которые проникают в само содержание действующего права, практики его применения и безоговорочно признаются, почитаются в качестве непреложных, непререкаемых; в-третьих, реальную структуру позитивного права, комплекс присущих ему специфических институтов – правовых средств, юридических конструкций, структурных подразделений («выделяющихся своим своеобразием»), а также правовых источников и методов их толкования» [1, с. 132–133]. Это – уточнение провозглашенных юридических критериев – идеологии, юридической практики и позитивного права, а первый показатель – это, по сути дела, «расширенная» правовая идеология, поскольку она не существует в безвоздушном пространстве, но испытывает на себе влияние той инфраструктуры, в русле которой функционирует национальное право. Если говорить языком системного подхода, то этот «общий фон» есть результат внешних структурных связей правовой действительности со всеми остальными сферами социальности.

Эвристичность данной типологии состоит в том, что через нее «просвечивают» некоторые другие, уже известные подходы, но взятые через призму критериев юридического порядка. Если мы возьмем классификацию правовых систем на два типа – западных и незападных, то увидим, что романо-германская и прецедентная системы относятся к первой, а неотдифференцированные системы – ко вторым. Типология Р. Леже, говоря о великих правовых системах современности в скрытом виде исходит из посылки о наличии великих и всех остальных – назовем их растущими – правовых системах. Однако здесь французский

компаративист может получить упрек в претензиях на гегемонию развитых в отношении к неразвитым правовым системам, где первые так или иначе оказывают влияние на вторые. Этот упрек будет неуместным применительно к типологии С. С. Алексеева, в которой фиксируется глубочайшее качественное отличие двух отдифференцированных правовых систем от множества неотдифференцированных, потому что здесь нет намека на неразвитость последних. Применение исключительно юридических критериев позволяет зафиксировать высокую синкретичность, нерасчлененность религиозных, моральных, общинно-традиционных и/или утопических – по сути чисто фантазмагорических – социальных идей с тем или иным уровнем участия в регулировании общественных отношений права. Последнее может быть различным, но далеко не первостепенным, поскольку иные социальные регуляторы подавляют, тормозят либо и вовсе уничтожают правовое начало в том или ином государственном или государственно-подобном образовании. Говорить о каких-то специфических правовых особенностях национального права, юридической практики и правовой идеологии в этих неотдифференцированных правовых системах, безусловно, важно и поучительно, но указанные особенности в характеристике национальной правовой системы будут играть исключительно второстепенную, подчиненную, субсидиарную роль. А вот анализ юридических особенностей романо-германской и прецедентной правовых систем – напротив будет наиболее важным и весьма показательным, поскольку правовая идеология в ее глубинных основаниях у этих двух систем имеет много сходных положений. О разграничении этих двух правовых семей и их сравнении, в частности в области юридической процедуры и доказательственного права, одним из первых написал еще Джон Фортеस्कью в своей работе «В похвалу законам Англии» около 1470 года [16, р. 51–52]. С тех пор понимание качественной юридической специфики этих двух семей лишь набирало силу и сегодня считается общепризнанным.

Предложенная С. С. Алексеевым типология национальных правовых систем нацеливает компаративистов на исследование правовых систем под углом зрения строгих и четких правовых критериев, неотделенных непреходящей стеной от любых других социальных, духовных и прочих факторов, поскольку все они находят свое преломление в юридических критериях такой

типологии. Становится также понятным, что если страна из неотдифференцированного «лагеря» стремится к правовому развитию, то она может проводить эффективные заимствования лишь у близких им по духу и преуспевших на пути правового прогресса оттдифференцированных правовых семей в рамках основных компонентов правовой системы (не только юридических средств, которые есть в позитивном праве и/или процедур судебной практики, но и в правовой идеологии тоже), если – нет, то можно заимствовать какой-то позитивный опыт из неотдифференцированных, традиционно-общинных, религиозных правовых, или точнее сказать, квазиправовых семей тоже. А теоретикам права этот подход позволяет обогащать свою науку, поскольку, как подчеркивал С. С. Алексеев, сравнительно-правовые исследования позволяют ожидать появления новых правовых категорий, которые участвуют в достройке категориального аппарата общей теории права [6, с. 27].

Список использованной литературы

1. Алексеев С. С. Восхождение к праву. 2002 // Алексеев С.С. Собрание сочинений в 10 томах. М.: Статут, 2010. Т. 6. С. 132–133.
2. Алексеев С. С. Общая теория права: В 2 т. Т. 1. С. 86–91.
3. Алексеев С. С. Право и правовая система // Правоведение. 1980 № 1. С. 27–34.
4. Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. – М.: Статут, 1999. – С. 48 (712 с.)
5. Алексеев С. С. Теория права. Изд. 2-е. М.: БЕК, 1995. С. 276.
6. Алексеев С. С. Структура общей теории государства и права // Актуальные проблемы теории государства и права. М.: АН СССР. Ин-т государства и права. М. 1974. С. 27 (214 с.)
7. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности: Пер. с фр. В. А. Туманова. М.: Междунар. отношения, 1998. – С. 20 (400 с.)
8. Егоров А. В. Теория сравнительного правоведения. М.: Проспект, 2023. – С. 5, 116 (288 с)
9. Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход. Пер. с франц. М.: Волтерс Клувер, 2009. – С. 2 (584 с.).

10. Марченко М. Н. Сравнительное правоведение. Общая часть. М.: Зерцало, 2000. – С. 251 – 262 (560 с.).
11. Саидов А. Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности): Учебник / Под ред. В. А. Туманова. М.: Юрист, 2000. – С. 120 (448 с.)
12. Саидов А. Х. Сравнительное правоведение и юридическая география мира. М.: Институт государства и права РАН, 1993. – С. 78 (149с.).
13. Саидов А. Х. Сравнительное правоведение. М.: Норма, 2006. – С. 248–250, 313–326 (368 с.)
14. Цвайгерт, К. Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2-х тт. Т. 1. Основы: Пер.с нем. М.: Междунар. отношения, 1998. – С. 117 (480 с.)
15. Шепелев Д. В., Шепелева Д. В., Белянская О. В. Сравнительное правоведение. Учебное пособие. М.: Проспект, 2023. С. 27. (128 с.)
16. Goltzberg S. Le droit comparé. Paris: Presses Universitaires de France, 2018. P. 51–52.

Информация об авторе

Алексей Павлович Семитко — доктор юридических наук, старший научный сотрудник РАН, декан юридического факультета, заведующий кафедрой публичного права, профессор АНО ВО «Гуманитарный университет» (Екатеринбург, Россия); Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, лауреат Всероссийской премии имени Сергея Сергеевича Алексеева «За заслуги в юриспруденции»; ORCID ID: 0000-0003-4425-3053. SPIN-код: 5866-9944; e-mail: asemitko@mail.ru.

Author

Alexey P. Semitko — Dr. Sci. (Law), Senior Researcher at the RAS, the Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Dean of Law Faculty, Head of Ppublic Law chair, Professor of Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia), Laureate of the All-Russian Prize named after Sergey Sergeevich Alekseev “For Merits in the Field of Jurisprudence”; ORCID ID: 0000-0003-4425-3053. SPIN-код: 5866-9944; e-mail: asemitko@mail.ru.

ИНСТИТУТ ПРАВОВОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В КОМПАРАТИВИСТСКОМ АСПЕКТЕ

В статье исследуется институт правовой экспертизы с позиции законодательного его закрепления в России и в странах ближнего зарубежья, таких как Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан. Сравнительно правовой анализ законодательства данных стран свидетельствует, о том, что в нашем государстве назрела необходимость принятия специального базового федерального закона, комплексно регулирующего институт правовой экспертизы, как инструмента проверки качества как проектов нормативных правовых актов, так и действующих законов. В странах ближнего зарубежья институт правовой экспертизы находит свое отражение в основном в законах о нормативных правовых актах и законах о правовых актах.

Ключевые слова: компаративистика; институт; экспертиза; закон.

M.G. Smirnova

INSTITUTE OF LEGAL EXPERTISE IN THE COMPARATIVE ASPECT

The article examines the institute of legal expertise from the perspective of its legislative consolidation in Russia and in neighboring countries such as Azerbaijan, Armenia, Belarus, Georgia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Moldova, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan. A comparative legal analysis of the legislation of these countries indicates that in our state there is a need to adopt a special basic federal law comprehensively regulating the institute of legal expertise as a quality control tool for both draft regulatory legal acts and current laws. In the countries of the near abroad, the institute of legal expertise is reflected mainly in the laws on normative legal acts and laws on legal acts.

Key words: comparative studies; institute; expertise; law.

1. В России и странах ближнего зарубежья институт правовой экспертизы используется прежде как инструмент проверки качества как проектов нормативных правовых актов, так и действующих законов.

Стоит констатировать, что в настоящее время в науке отсутствует единая дефиниция непосредственно понятия правовой экспертизы, которая рассматривала бы данный институт в этом ключе. Данное понятие не нашло своего официального отражения в тексте законодательства, которое регулирует данный институт.

Термин «экспертиза правовых актов» фигурирует в российском государстве в Федеральном законе от 17.07.2009 года № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных актов» [1], а также в ряде подзаконных нормативных правовых актах, которые детализируются механизм ее осуществления. Так действует постановление Правительства Российской Федерации, которым утверждены правила проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов, а также методика проведения экспертизы.

Целью проведения антикоррупционной экспертизы является проверка проектов законов и иных нормативных правовых актов на наличие правил поведения, позволяющих создать возможности для появления коррупции. Уполномоченные субъекты осуществляют проверку проектов нормативных правовых актов для устранения коррупциогенных факторов, обеспечения правопорядка и законности. Положения законопроектов проектов, создающих широкие усмотрения, возможность необоснованного применения исключения из правил, неопределенные по своему выражению, могут создать соответствующие коррупционные риски.

Проведение экспертизы является обязательной, в случае уклонения государственного или иного органа от ее проведения, с соответствующим заявлением может обратиться прокуратура с требованием о признании незаконным бездействия и возложении обязанности на орган по ее проведению.

В тексте Федерального закона от 21 июля 2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (статья 22) раскрывается только понятие общественной экспертизы [2].

Из основных видов правовой экспертизы в науке можно выделить социальные правовые экспертизы и юридико-технические.

2. Автор полагает, что элементы экспертной оценки можно встретить в таких процедурах как мониторинге правоприменения, общественного обсуждения законопроектов, оценке регулирующего воздействия. Также своего рода экспертизу качества нормативных правовых актов на предмет их соответствия законодательству, обладающему большей юридической силы, осуществляют суды по делам, связанным судебным нормоконтролем (непосредственным и опосредованным).

3. Стоит констатировать, что в странах ближнего зарубежья таких как, Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Киргизия, Молдавия, Таджикистан, Узбекистан имеются специальные законы о нормативных правовых актах, а которых институт правовой экспертизы так или иначе урегулирован.

Так, законодательстве Азербайджана институт правовой экспертизы находит свою регламентацию в Конституционном Законе Азербайджанской Республики от 21 декабря 2010 № 21-IVKQ «О нормативных правовых актах» [3], в Армении в Законе Республики Армения от 28 марта 2018 года № ЗР-180 «О нормативно-правовых актах» [4], в Республике Беларусь в Законе Республики Беларусь от 17 июля 2018 года № 130-з «О нормативных правовых актах» [5], в Грузии в Органическом законе Грузии от 22 октября 2009 года № 1876 – Пс «О нормативных актах» [6], в Киргизии в Законе Кыргызской Республики от 20 июля 2009 г. № 241 «О нормативных правовых актах Кыргызской Республики» [7], в Молдавии в Законе Республики Молдова от 22 декабря 2017 г. № 100 «О нормативных актах» [8], в Таджикистане в Законе Республики Таджикистан от 30 мая 2017 г. № 1414 «О нормативных правовых актах» [9], в Узбекистане в Законе Республики Узбекистан от 20 апреля 2021 № ЗРУ-682 «О нормативно-правовых актах» [10].

В Казахстане и в Туркмении приняты законы о правовых актах, в которых институт правовой экспертизы также находит свое закрепление. Так в Казахстане принят Закон Республики Казахстан от 06 апреля 2016 года № 480-V ЗРК «О правовых актах» [11], а в Туркмении Закон Туркменистана от 26 августа 2017 г. № 589-V «О правовых актах» [12].

4. В данных законах стран ближнего зарубежья прописано обязательное проведение тех или иных видов экспертиз перед принятием нормативного правового акта. Так, в Азербайджане регламентировано проведение лингвистической, финансовой, экономической, экологической, криминологической и юридической экспертизы (ст. 37 вышеуказанного закона). Выделяют проведение обязательных экспертиз, таких как лингвистическая, финансовая, юридическая экспертиза. Обязательная юридическая экспертиза проекта нормативного правового акта, закона проводится до других обязательных экспертиз (ст. 49 вышеуказанного закона).

В Армении закрепляется только один вид экспертизы – государственно-правовая, которая носит обязательный характер. Государственно-правовую экспертизу должны пройти все проекты законов и подзаконных нормативных правовых актов, кроме конкретных актов, прямо прописанных в тексте закона. В законе устанавливается пятнадцатидневный срок для проведения данной экспертизы.

Устанавливаются также требования для проведения данной экспертизы к подзаконным нормативным правовым актам. Предоставляется право Министерства, проводившего данную экспертизу, в случае если такой акт был опубликован, и по мнению министерства, не соответствует конституции и закону о нормативных правовых актах, обратиться в судебные органы для признания данного акта недействующим.

В Республике Беларусь в законе предусмотрена проведение обязательной юридической экспертизы как проектов, так и уже принятых нормативных правовых актов. В законе прописаны особенности проведения криминологической экспертизы нормативных правовых актов и их проектов (ст. 49 вышеуказанного закона).

В Грузии достаточно скромно урегулирован вопрос о проведении правовых экспертиз проектов нормативных правовых актов. Так, указывается, что проекты нормативных правовых актов направляются в Министерство юстиции данной республики для дачи правового заключения. В законе предусмотрена возможность проведения повторной правовой экспертизы.

В Казахстане вышеуказанный закон о правовых актах содержит дефиницию «юридической экспертизы», под которой понимается проверка проекта нормативного правового акта на

предмет его соответствия Конституции Республики Казахстан и законодательству Республики Казахстан, в том числе законодательству в сфере противодействия коррупции.

Предусмотрено проведение таких видов экспертиз, как лингвистическая, экономическая, экологическая, а также правовая.

В данном законе ряд статей посвящен проведению научной экспертизы проектов нормативных правовых актов, регламентация данного вида экспертизы не носит детального характера.

В Киргизии выделяются определенные виды научной экспертизы, такие как антикоррупционная, гендерная, правозащитная, экологическая и правовая и т.д. Данный перечень экспертиз не является закрытым. Основная цель их проведения проверка соответствия проекта нормативного правового акта законодательству, которое имеет более высокую юридическую силу, а также контроль за качественным содержанием норм, которые напрямую связаны с его эффективностью.

В Молдавии вышеуказанный закон предусматривает проведение экологической, финансовой, экологической, правовой, научной и антикоррупционной. Основной целью экспертиз является проверка законопроекта на соответствие законодательству Европейского Союза. Данный перечень экспертиз является открытым и позволяет провести иные экспертизы в зависимости от характера, регулируемых в них отношений законопроектом.

В законе Таджикистана о нормативных правовых актах также предусмотрено проведение целого перечня различных экспертиз, таких как научно-техническая, лингвистическая, финансово-экономическая, экспертиза анализа влияния регуляторного воздействия, правовая, специально-научная и антикоррупционная.

В Туркмения также по аналогии с вышеуказанными странами регламентирует различные виды экспертиз, такие как экологическая, правовая, антикоррупционная и другие. Данный перечень также не является закрытым. Также в закон о нормативных правовых актах разрешает проведение экспертизы в процессе официального опубликования законов и других нормативных актов.

В Узбекистане является обязательным проведение правовой и антикоррупционной экспертизы, однако заключение экспертов не носит обязательного характера.

Таким образом, данный анализ законодательства стран ближнего зарубежья наглядно показывает, что в данных странах так или иначе институт правовой экспертизы находит свою регламентацию в специальных законах, в которых отражены виды экспертиз и порядок их проведения.

5. Сравнительно правовой анализ законодательства стран ближнего зарубежья свидетельствует, о том, что в нашем государстве назрела необходимость принятия специального базового федерального закона, комплексно регулирующего институт правовой экспертизы, как инструмента проверки качества как проектов нормативных правовых актов, так и действующих законов. В таких странах как Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Киргизия, Молдавия, Таджикистан институт правовой экспертизы находит свое отражение в основном в законах о нормативных правовых актах, в Казахстане и в Туркмении в законах о правовых актах.

Список использованной литературы

1. Федеральный закон от 17.07.2009 года № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных актов». – URL: https://vsrf.ru/about/anti_corruption/acts/federal/ (Дата обращения: 18.02.2024).

2. Федеральный закон от 21 июля 2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165809/ (Дата обращения: 18.02.2024).

3. Конституционный Закон Азербайджанской Республики от 21 декабря 2010 № 21-IVKQ «О нормативных правовых актах». - URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=33085 (Дата обращения: 18.02.2024).

4. Закон Республики Армения от 28 марта 2018 года № ЗР-180 «О нормативно-правовых актах». - URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=105910 (Дата обращения: 18.02.2024).

5. Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 года № 130-з «О нормативных правовых актах» - URL: https://base.spin-form.ru/show_doc.fwx?rgn=108640 (Дата обращения: 18.02.2024).

6. Органический закон Грузии от 22 октября 2009 года № 1876 – Ис «О нормативных актах» - URL: <https://www.matsne.gov.ge/ru/document/view/90052> (Дата обращения: 18.02.2024).

7. Закон Кыргызской Республики от 20 июля 2009 г. № 241 «О нормативных правовых актах Кыргызской Республики» - URL: https://base.spin-form.ru/show_doc.fwx?rgn=28680 (Дата обращения: 18.02.2024).

8. Закон Республики Молдова от 22 декабря 2017 г. № 100 «О нормативных актах» - URL: https://base.spin-form.ru/show_doc.fwx?rgn=103704 (Дата обращения: 18.02.2024).

9. Закон Республики Таджикистан от 30 мая 2017 г. № 1414 «О нормативных правовых актах» - URL: https://base.spin-form.ru/show_doc.fwx?rgn=97969 (Дата обращения: 18.02.2024).

10. Закон Республики Узбекистан от 20 апреля 2021 № ЗРУ-682 «О нормативно-правовых актах» - URL: https://base.spin-form.ru/show_doc.fwx?rgn=131964 (Дата обращения: 18.02.2024).

11. Закон Республики Казахстан от 06 апреля 2016 года № 480-V ЗРК «О правовых актах». - URL: <https://zakon.uchet.kz/rus/docs/Z1600000480> (Дата обращения: 18.02.2024).

12. Закон Туркменистана от 26 августа 2017 г. № 589-V «О правовых актах». - URL: https://base.spin-form.ru/show_doc.fwx?rgn=98294 (Дата обращения: 18.02.2024).

Информация об авторе

Смирнова Марина Геннадьевна — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала Российского университета правосудия; e-mail: msm777@inbox.ru.

Author

Marina Gennadievna Smirnova — doctor of law, associate professor, professor of the department of civil procedural law, Saint-Petersburg Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation; e-mail: msm777@inbox.ru.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ БИОПРАВА В СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВАХ НА ПРИМЕРЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОПРОСОВ КЛОНИРОВАНИЯ

Одним из актуальных направлений развития современного права во многих государствах является биоправо, что предопределено необходимостью развития биотехнологий. При этом определены ряд проблем, общих для государств, возникающих в ходе формирования биоправа, связанных с необходимостью учета культурологических и этических факторов, неопределенностью концептуальных подходов, принципов регулирования, терминологии и непосредственно правового регулирования. Ключевой категорией биоправа являются «соматические права», нуждающиеся в надлежащем юридическом оформлении, обеспечении и защите. На примере одного направления – клонирования проведен сравнительно-правовой анализ и рассмотрены соответствующие проблемы на примерах различных государств. Сделан вывод, что изучения опыта иностранных государств в процессе формирования биоправа может оказаться полезным и эффективным.

Ключевые слова: биоправо; соматические права; право на клонирование; запрет клонирования.

E.S. Tretyakova

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE DEVELOPMENT OF BIOLAW IN MODERN STATES ON THE EXAMPLE OF REGULATION OF CLONING ISSUES

One of the urgent directions of the development of modern law in many states is biolaw, which is predetermined by the need for the development of biotechnologies. At the same time, a number of problems common to states that arise during the formation of biolaw are identified, related to the need to take into account cultural and ethical factors, the uncertainty of conceptual approaches, regulatory principles, terminology and direct legal regulation. The key category of bi-

olaw is "somatic rights", which need proper legal registration, provision and protection. Using the example of one direction – cloning, a comparative legal analysis was carried out and the relevant problems were considered using the examples of various states. It is concluded that studying the experience of foreign countries in the process of forming a biolaw can be useful and effective.

Key words: biolaw; somatic rights; the right to cloning; prohibition of cloning.

В настоящее время одним из актуальных направлений развития права является правовое обеспечение развития новых технологий, в том числе биотехнологий. В результате чего на основе ранее существовавшей сферы под названием биоэтика, переходя всё в большей степени от социального регулирования к правовому во многих государствах, в том числе, в Российской Федерации, стало формироваться биоправо.

С одной стороны, в отечественной и зарубежной литературе биоэтике посвящено множество трудов, и она является весьма разработанной сферой, однако, большинство научных исследований находится в предметном поле философии, медицины и непосредственно этики, при этом, социальное регулирование не справляется эффективным упорядочением обозначенной сферы, поэтому необходимо усиление регулирования соответствующих вопросов за счет подключения правовых инструментов.

В Российской Федерации биоэтика (на сегодняшний день это более распространенное название) рассматривается преимущественно как сфера науки, ввиду несформированности нормативного и законодательно закреплённого института, в отличие от иностранных государств, таких как Франция, США в которых имеется более развитое законодательство в области биоэтики.

Биоэтика и право, в современных правовых системах непосредственно связаны и взаимодействуют друг с другом, оказывая, в том числе взаимное влияние. В ходе совершенствования прежде всего правовых предписаний, безусловно, необходимо учитывать основы, разработанные в рамках учения о биоэтике, консолидировав этические и правовые ценности в целях гуманизации правовых процессов в рассматриваемой сфере. Однако, именно формирование биоправа является необходимой предпосылкой для юридического оформления прав, называемых соматическими, их обеспечения и надлежащей защиты.

Таким образом, биоэтика не является непосредственно юридической сферой и не может на это претендовать, с точки зрения системы права целесообразно использовать категорию “биоправо”, рассматривая ее как систему норм, направленных на упорядочение и охрану соответствующего блока отношений. Биоэтика и биоправо непосредственно взаимосвязаны между собой, биоправо основывается на биоэтике, переводя социальные ценности и нормы в правовой, общеобязательный формат. Биоэтика оказывает существенное влияние на права и право в целом. Таким образом, биоправо - формирующееся межотраслевое правовое образование, система норм, направленных на юридическое оформление, упорядочение и охрану соматических прав, оказание медицинской помощи, медицинских услуг, проведением медицинских и фармацевтических исследований и экспериментов, генетическими манипуляциями, органами тканями живых и мертвых людей на основе принципов морали и биоэтики.

В настоящее время в рамках концепции прав человека специалисты выделяют особую категорию прав человека - соматические, именно на юридическое оформление, гарантированность, обеспечение, реализацию и защиту соматических прав, в первую очередь, должно быть направлено биоправо.

В концепции социальных ценностей права и свободы человека имеют фундаментальное значение. Это находит отражение и в современном законодательстве, ст. 2 Конституции Российской Федерации устанавливает, что права и свободы человека являются высшей ценностью. Аналогичные постулаты предусмотрены и в Конституциях иностранных государств, что подкрепляется международными документами и их непосредственным содержанием. Система прав человека эволюционирует параллельно с обществом и государственно-правовыми системами. В контексте появления новых прав, в том числе, связанных с активным развитием технологий, относительно недавно появилась концепция четвертого поколения прав человека, включающих и так называемые, соматические права.

Ключевой категорией биоправа являются «соматические права». Впервые в российской юридической науке термин “соматические права” был предложен В.И. Круссом, понимавшим их как «право человека самостоятельно распоряжаться своим телом: осуществлять его «модернизацию», «реставрацию» и

даже «фундаментальную реконструкцию», изменять функциональные возможности организма и расширять их технико-агрегатными либо медикаментозными средствами» [2, с. 43], при этом, автор также использует категорию “личностные права”.

В зарубежной юриспруденции есть мнение, что соматические права — это права человека на инновации в сфере здравоохранения, а именно: “право на биомедицинский эксперимент; право на вспомогательные репродуктивные технологии; право донорства крови и ее компонентов; право на трансплантацию органов и анатомических материалов; право на терапевтическое клонирование; право на исправление (изменение) пола; право на виртуальную реальность” [11, с. 337].

Таким образом, в современной юриспруденции большое внимание уделяется новым «соматическим» правам, которые условно можно разделить на пять групп, “они направлены на защиту: 1) человеческого организма, то есть тела человека как такового. Это соматические и репродуктивные права, т.е. права на смерть, тело, органы, искусственное оплодотворение, аборт, стерилизацию, перемену пола, гендерную или генетическую идентичность, клонирование, трансплантацию, защиту от генетически модифицированных организмов и т.д.; 2) жизни, здоровья и потребностей развития человека в условиях глобализации вызовов и угроз человеческой цивилизации (права на мир, безопасность, устойчивое развитие, чистую воду, чистый воздух и др.); 3) духовно-морального мира человека (права на надежду, счастье, самоидентификацию, защиту от содомии и др.); 4) достойной жизни человека (права на защиту от бедности и социального ostrакизма, социальную помощь, социальную справедливость); 5) персональной биологической информации о человеке (право на биологическую конфиденциальность и др.)” [4]. Обозначенные права дают понимание обширности биоправа, как правового образования и возможности его потенциальной структуризации.

При этом, в рамках биоправа, как формирующегося правового образования существуют различные проблемы, связанные с терминологией, определением предмета, юридическим оформлением соответствующих принципов, как основы правового регулирования. В настоящее время юридическое сообщество должно уделить пристальное внимание разработке соответ-

ствующих проблем и предложению возможных вариантов их решения, что, в том числе будет способствовать и развитию самого биоправа. В ходе разработки соответствующих вопросов, одним из механизмов могут стать сравнительно-правовые исследования, которые будут способствовать, в том числе, использованию позитивного опыта других государств.

Одним из соматических прав, которое можно рассмотреть в качестве примера является право на клонирование. Тема клонирования также активно обсуждается не только юридическим сообществом, но среди философов. [7].

Кроме того, в связи с развитием биотехнологий, специалисты активно обсуждают возможность использования клонированных животных, которые могли бы служить донорами органов. В соответствии с данной концепцией, они бы не жили «нормальной жизнью», поскольку их разводили бы специально для получения органов и убивали в тот момент, когда эти органы становились бы необходимы. В своей работе С. Абдумаликов поднимает еще один важный вопрос, связанный с такого рода практикой, утверждая, что сложным является не только вопрос о гуманности такого вида донорства, важной этической и психологической проблемой является принятие человеком органа животного или искусственного органа как своего собственного, осознание своего организма как целого, истинно человеческого, даже после пересадки в него любого органа «нечеловеческого происхождения. На современном этапе медицины активно разрабатываются методы клонирования органов и тканей, которые помогут снять ряд этических и юридических проблем трансплантации, поскольку донор и реципиент в таком случае будет являться одним человеком [5, с. 52].

Таким образом, развитие биотехнологий, позволяющих использовать клонирование в различных его аспектах ставит не только перед медицинским, но и перед юридическим сообществом много новых вопросов, требующих детального анализа, определения соответствующих векторов развития правового регулирования, а соответствующие процессы становятся предметом биоправа, кроме того, соответствующие проблемы, определенные ранее для биоправа могут быть продемонстрированы на основании данного направления.

На сегодняшний день существуют отдельные, разрозненные правовые акты, направленные на регулирование соответствующих вопросов. К ним можно отнести международные соглашения, например, Декларацию ООН, принятую резолюцией 59/280 Генеральной Ассамблеи ООН от 8 марта 2005 года, которая призывает государства-члены запретить все формы клонирования людей, в такой мере, в какой они несовместимы с человеческим достоинством и защитой человеческой жизни. Помимо этого, в отдельных государствах начато формирование национального законодательства в данной сфере, при этом, практика современных государств не имеет единого стандарта и формируется в различных направлениях, что связано, в том числе с морально-этическими и культурологическими факторами. Так, в тридцать одном государстве, в том числе во Франции, Германии и России закреплен полный (в том числе, временный) запрет на клонирование. В пятнадцати странах, таких как Япония, Великобритания, запрещено репродуктивное клонирование, оставляя возможности осуществления терапевтического клонирования. А некоторые страны явно не запрещают исследование эмбриональных стволовых клеток или терапевтическое клонирование [13]. Во многих странах, подобно США не принято никакого законодательного регулирования относительно вопросов клонирования человека, что потенциально допускает проведение всех видов исследований [9].

Относительно формирующейся терминологии, определение клонирования весьма широкое. В самом общем смысле клонирование — это создание копии существа, то есть воссоздание организма с идентичной ДНК другого организма [10].

В науке различают три вида клонирования: репродуктивное, терапевтическое и молекулярное. Применительно к человеку, принципиально важно понимать разницу между двумя первыми видами. При терапевтическом клонировании развитие эмбриона останавливается в течение 14 дней, и он используется для получения стволовых клеток. Репродуктивное же клонирование должно приводить к рождению полноценного идентичного другому человеку индивида. Это важно учитывать при разработке концептуального подхода к правовому регулированию клонирования в рамках национальной юрисдикции.

В Российском законодательстве под клонированием человека понимается создание человека, генетически идентичного

другому живому или умершему человеку, путем переноса в лишенную ядра женскую половую клетку ядра соматической клетки человека. В Коммюнике стран «Большой восьмерки» 1997 г., подписанном в Денвере, клонированием является «создание детей путем метода пересадки ядра соматической клетки». В Дополнительном протоколе к Конвенции о правах человека и биомедицине, запрещающем клонирование человеческих существ, запрещается «любое вмешательство с помощью методов расщепления эмбриона или переноса ядра (учитываются все методы переноса ядра), направленное на создание человека, генетически идентичного другому человеку, живому или мертвому» [6]. Английский Акт о человеческом клонировании 2001 г. указывает на «недопустимость помещения в женщину человеческого эмбриона, созданным иным способом, чем путем оплодотворения».

В отдельных государствах, например, в США наблюдается неоднозначное отношение к клонированию, при обсуждении данных вопросов в Сенате, часть сенаторов выражали согласие с законопроектом, в котором запрещались все формы клонирования человека, но при этом давали добро на развитие экспериментов на эмбрионах, предполагающих их клонирование [3]. Положения второго законопроекта, внесенного через год, содержали запрет для любого лица ... клонировать человека будь то для исследований, терапии или для инициирования беременности. На федеральном уровне так и не было принято законов, направленных на регулирование соответствующих отношений, однако, ряд штатов приняли законы о запрете клонирования: 7 штатов строго запрещают как репродуктивное клонирование, так и клонирование для биомедицинских исследований; 10 штатов запрещают репродуктивное клонирование, но разрешают клонирование для биомедицинских исследований [12].

Подход в правовом регулировании многих государств ориентирован на моральную сторону вопроса, согласно которой репродуктивное клонирование – противоестественно и запрещено, а терапевтическое шанс на достижение новых открытий в медицине.

На сегодняшний день в Российской Федерации Федеральным основным нормативным правовым актом, регулирующим сферу клонирования человека, является Федеральный закон от 20.05.2002 № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование

человека». Действие данного закона ограничено: «до дня вступления в силу федерального закона, устанавливающего порядок использования технологий клонирования организмов в целях клонирования человека». Временный характер запрета клонирования обусловлен недостаточностью изученности биологических и социальных последствий клонирования, и как следствие необходимостью защиты прав и свобод человека. Тем не менее, запрет может быть не только продлен, но и отменен по мере достижения необходимого уровня накопленных научных знаний в данной области.

Таким образом, развитие биотехнологий является неизбежным, с одной стороны, оно потенциально позволит сделать жизнь человека более эффективной и решать многие проблемы медицинского характера, с другой стороны, это порождает риски, связанные с правами человека. Сравнивая подходы различных государств к правовому регулированию соматических прав, их обеспечению, реализации и защите, можно отметить, что они отличаются друг от друга, что связано, не только с уровнем развития технологий, но и с особенностями культурологического характера. Общими проблемами современных государств в сфере биоправа помимо необходимости учета этических и культурологических факторов являются несформированность терминологии, концептуальных подходов, принципиальных начал и правового регулирования. В ближайшей перспективе не только в Российской Федерации, но и во многих государствах остро встанет проблема относительно необходимости определения концептуального подхода к правовому регулированию вопросов клонирования и других новейших биотехнологий, разработки непосредственно нормативного регулирования и охраны соответствующих аспектов. В рамках этого процесса серьезной основой могут стать международные стандарты, а в ряде случаев, сформированный опыт иных государств.

Список использованной литературы

1. Калиниченко П.А. Запрет клонирования человека в европейском праве // URL: <https://eulaw.edu.ru/publikatsii/statipravo-pravu-evropejskogo-soyuza/zapret-klonirovaniya-cheloveka-v-evropejskom-prave-p-a-kalinichenko/> (дата обращения: 07.10.2023)

2. Крусс В.И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. 2000. № 10. С. 43–50.

3. Сальников В.П., Старовойтова О. Э. Клонирование человека как правовая категория // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klonirovanie-cheloveka-kak-pravovaya-kategoriya> (дата обращения: 02.10.2023)

4. Умнова-Конюхова И. А., Алешкова И. А. Влияние научно-технического прогресса в биотехнологиях на права человека и принципы права // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 10 (143). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-nauchno-tehnicheskogo-progressa-v-biotekhnologiyah-na-prava-cheloveka-i-printsipy-prava> (дата обращения: 16.10.2023).

5. Abdumalikov S. Ethical problems of organ and tissue transplantation // The journal of Social Sciences and Researches // Models and methods for increasing the efficiency of innovative research. 2023. С. 50–56.

6. Explanatory report to the Additional Protocol to the Convention on Human Rights and Biomedicine on the Prohibition of Cloning Human Beings // URL: (date of application: 22.11.2023).

7. Häyry M. Ethics and cloning // British Medical Bulletin. 2018. № 128. С. 1–7.

Human Cloning Prohibition Act, S. 1574, 105th Cong. (1998) // URL: <https://www.congress.gov/bill/105th-congress/senate-bill/1574> (date of application: 23.11.2023).

8. Human Reproductive Cloning Act 2001// URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2001/23/enacted> (date of application: 22.03.2023).

9. Kathryn Wheat, Kirstin Matthews, Ph. D. World Human Cloning Policies // URL: <https://www.ruf.rice.edu/~neal/stem-cell/World.pdf> (date of application: 30.12.2023).

10. Seok-Yong Choi, Hyunju Ro, Hankuil Yi DNA Cloning: A Hands-on Approach // URL: <http://fcen.uncuyo.edu.ar/catedras/dnacloning.pdf> (date of application: 20.12.2023).

11. Shevchuk O., Lysodyed O., Borysenko I., Bululukov O., Babaieva O. Legal Support of the Patient's Right to Innovation in

Health // European Journal of Sustainable Development. 2020. № 9 (4). С. 337–350.

12. The Threat of Human Cloning Ethics, Recent Developments, and the Case for action / The Witherspoon Council // URL: <https://www.thenewatlantis.com/publications/appendix-state-laws-on-human-cloning> (date of application: 14.12.2023).

13. World Human Cloning Policies // URL: <http://www.ruf.rice.edu/~neal/stemcell/World.pdf> (date of application: 09.01.2024)

Информация об авторе

Екатерина Сергеевна Третьякова – профессор, и.о. заведующего кафедрой гражданского и предпринимательского права Пермского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, доцент, e-mail: es-tret@mail.ru, etretyakova@hse.ru.

Author

Ekaterina Sergeevna Tretyakova – professor, acting head of the department of civil and entrepreneurial law, Perm Branch of the National Research University Higher School of Economics, Doctor of Law, Associate Professor, e-mail: es-tret@mail.ru, etretyakova@hse.ru.

СОВРЕМЕННОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

Современное юридическое образование, с одной стороны, неуклонно развивается, а с другой стороны, «прирастает» различными проблемами. В статье предлагается анализ данных проблем в контексте реализации государственной молодёжной политики. Особое внимание обращается на те аспекты, которые связаны с внедрением цифровых технологий в образовательный процесс. Цифровизация, в силу своей специфики, влечет необходимость пересмотра существующих подходов к организации образовательной деятельности. Автор приходит к выводу, что в настоящее время необходим поиск новых инновационных методов освоения юридических дисциплин, которые в симбиозе с классическими методами могут создать условия для эффективного усвоения материала.

Ключевые слова: юридическое образование; государственная молодёжная политика; цифровизация; информационные технологии; инновации; юридические дисциплины.

V.Yu. Turanin

MODERN LEGAL EDUCATION IN THE CONDITIONS OF IMPLEMENTATION OF STATE YOUTH POLICY

Modern legal education, on the one hand, is steadily developing, and on the other hand, it is “increasing” with various problems. The article offers an analysis of these problems in the context of the implementation of state youth policy. Particular attention is paid to those aspects related to the introduction of digital technologies into the educational process. Digitalization, due to its specificity, entails the need to revise existing approaches to organizing educational activities. The author comes to the conclusion that at present it is necessary to search for new innovative methods of mastering legal disciplines, which, in symbiosis with classical methods, can create conditions for effective mastery of the material.

Key words: legal education; state youth policy; digitalization; information technology; innovation; legal disciplines.

Современный образовательный процесс столкнулся с множеством вызовов: перманентное изменение образовательных стандартов, переход обучения в онлайн-режим, цифровизация общественных отношений и др. Юридическое образование также существует в данном «фарватере», обретая новые грани в контексте преодоления общих проблем. При этом важно понимать векторы развития юридического образования, те пути, которые необходимо пройти педагогам и студентам в будущем. И здесь актуальной представляется корреспондирующая связь образовательного пространства и той молодежной политики, которую проводит Россия в настоящее время.

Отметим, что в Основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года ключевое понятие «государственная молодежная политика» определяется как «направление деятельности Российской Федерации, представляющее собой систему мер нормативно-правового, финансово-экономического, организационно-управленческого, информационно-аналитического, кадрового и научного характера, реализуемых на основе взаимодействия с институтами гражданского общества и гражданами, активного межведомственного взаимодействия, направленных на гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи, расширение возможностей для эффективной самореализации молодежи и повышение уровня ее потенциала в целях достижения устойчивого социально-экономического развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности страны, а также упрочения ее лидерских позиций на мировой арене» [5].

А.Л. Елисеев и А.Ю. Кретов справедливо отмечают, что для успешной самореализации молодежи необходимо выполнение шести основных задач: «формирование системы ценностей с учетом многонациональности государства; просветительская работа с молодёжью, применение инновационных образовательных и воспитательных технологий, самообразование молодёжи путем создания необходимых для этого условий; формирование ценностей здорового образа жизни, экологической культуры, физическое развитие молодёжи, создание условий,

связанных с повышением уровня безопасности жизнедеятельности молодёжи; создание условий для реализации потенциала молодёжи в социально-экономической сфере, внедрение технологии «социального лифта» как способа изменения социального статуса; формирование благоприятных условий для молодых семей с целью повышения рождаемости, культивирование ценностей семейной культуры и образа успешной молодой семьи, оказание всесторонней поддержки молодым семьям; выстраивание информационного поля, благоприятного для развития молодёжи» [4, с. 47–48].

На последней из справедливо выделенных задач нам бы хотелось остановиться подробнее, преломив её к образовательному контексту.

Отметим, что в условиях стремительного развития общественных отношений и необходимости эффективной реализации государственной молодёжной политики, крайне важную роль играет формирование нового юридического образовательного пространства, позволяющего осуществлять качественную подготовку студентов-юристов. Отметим, что цифровизация стала неотъемлемой частью развития современного общества, она пронизывает буквально все сферы его жизнедеятельности. Цифровой «вызов» был брошен и сфере юридического образования.

В настоящее время использование информационных технологий позволяет студентам-юристам быть в курсе актуальных событий, налаживать коммуникацию с преподавателями на расстоянии, организовывать процесс непрерывного обучения и не только. Применение различных интерактивных форм вызывает интерес и помогает лучше усваивать материал. Более того, обладание выпускником навыками поиска и обработки информации, работы с виртуальными программами делает его конкурентоспособным на рынке труда. Однако, несмотря на наличие многих положительных сторон, на практике все же выявляются и определенные проблемы, связанные с цифровизацией в юридическом образовании.

Одной из видимых является проблема самого восприятия инноваций. Некоторые информационные технологии органично вписались в образовательный процесс, стали своеобразным помощником как для преподавателей юридических дисциплин

плин, так и студентов-юристов. Так, не один десяток лет в учебном процессе активно используются электронные базы данных и библиотечные системы, справочно-правовые системы, программы для создания текстов, рисунков, презентаций и прочее. Однако прогресс не стоит на месте, и с течением времени возникает необходимость в апробации новых разработок. Например, достаточно неоднозначную реакцию вызвали технологии дистанционного обучения, которые получили повсеместное применение в течение последних нескольких лет, что было вызвано объективной необходимостью, а именно распространением коронавирусной инфекции. Многие оказались не готовы к такому формату, в том числе психологически, поскольку социальное взаимодействие практически сошло на нет. Однако стоит констатировать, что с течением времени напряжение, в некоторой степени, снизилось. Соответственно, вопрос адекватного восприятия инноваций является делом времени – одни из них зарекомендовывают себя в надлежащем виде, другие же оказываются невостребованными.

Другой проблемой является влияние цифровизации на качество юридического образования. Одни информационные технологии помогают сделать обучение более интересным для студентов, помочь им в решении различных образовательных задач. Например, это презентации, сопровождающие изложение материала на лекциях или использование интерактивных панелей на практических занятиях. Другие же инновации могут оказывать отрицательное влияние. Снова в качестве примера можно привести дистанционное обучение. С одной стороны, переход на него позволил не прерывать образовательный процесс в условиях распространения коронавирусной инфекции, продолжить освоение образовательных программ. С другой стороны, хоть это и временная мера, нельзя отрицать некое снижение уровня качества знаний студентов-юристов и их мотивации к получению новых знаний. Например, в таком формате затруднительно осваивать прикладные юридические дисциплины, в частности, криминалистику, требующую отработку навыков на криминалистических полигонах и в специализированных кабинетах с технико-криминалистическими средствами и материалами. Некоторые вузы оказались в должной мере не готовы к срочному переходу на дистанционное обучение ввиду отсутствия необходимых разработок. Не следует отрицать и тот факт,

что в условиях домашней обстановки некоторыми студентами могло допускаться попустительство по отношению к выполнению той или иной образовательной задачи.

Другая проблема касается материальной базы юридических вузов, институтов и факультетов. Важно обеспечить оснащение аудиторий всеми техническими устройствами, необходимыми для организации занятий в интерактивной форме. Однако стоит отметить, что на эту проблему обращено внимание на федеральном уровне, и она находится на стадии постепенного разрешения. Так, Министерством науки и высшего образования Российской Федерации реализуется программа «Приоритет-2030», ставящая одной из своих задач обеспечение условий для формирования цифровых компетенций и навыков использования цифровых технологий у обучающихся [6]. В ее рамках в вузах осуществляется создание современных проектных и образовательных пространств.

Помимо этого, реализуются и иные программы, что является несомненным плюсом. Однако несколько иная ситуация состоит с технической оснащённостью самих обучающихся. Как показал период дистанционного обучения, не у всех из них имеются равные возможности. Например, одной из явных проблем выступила нестабильность доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в отдаленных и труднодоступных местностях. Также у некоторых возникла необходимость в приобретении дополнительных устройств – веб-камер, наушников с микрофонами и т.п., что относится уже к финансовой стороне упомянутой проблемы.

Р. В. Пузиков и И. М. Максимова справедливо отмечают, что «цифровизация – это то, что способствует формированию конкурентоспособных профессионалов» [7, с. 47]. Действительно, обладание выпускником навыками поиска и обработки информации, работы с виртуальными программами делает его конкурентоспособным на рынке труда, поскольку без работы с техническими устройствами не обойтись уже ни в государственных органах, ни на предприятиях. Однако отсутствие целенаправленного плана по формированию таких компетенций выступает негативной тенденцией. Как справедливо отмечает Е.В. Алферова, «важно иметь стратегию для продвижения соответствующего представления о цифровой среде в процессе обучения студентов-юристов и определить, какие инициативы

могли бы составить возможные изменения» [3, с. 19]. Особое внимание в нем, на наш взгляд, следовало бы акцентировать на важности изучения и методике преподавания дисциплин «Информатика и информационные технологии», «Информационные технологии в юридической деятельности».

Перспективным направлением также выступает подготовка юристов в сфере цифрового права, в связи с чем можно предусмотреть открытие нового профиля обучения. Однако внимание нужно уделить не только совершенствованию навыков по работе с информационными технологиями студентов-юристов, но и преподавателей как субъектов передачи им знаний. В условиях неуклонного «старения» преподавательского корпуса это особенно актуально. Необходимо не допустить возникновения «цифрового разрыва» между ними для возможности эффективного построения коммуникации.

Достаточно интересной нам представляется точка зрения Н. В. Александровой, которая считает перспективным освоение студентами-юристами технологий LegalTech [2, с. 93]. Они представляют собой технологические решения, направленные на повышение эффективности оказания юридических услуг. С их помощью можно проверить контрагента, составить юридический документ, подобрать судебную практику и не только. Действительно, это выступит полезным дополнением в системе инструментов формирования профессиональных навыков. Особенно это актуально для будущих бизнес-юристов. Как минимум, знание основ работы с ними будет для них крайне полезно.

В связи с тем, что право – достаточно динамическая система, для студента-юриста не менее важно умение создавать условия для своего непрерывного образования. Как справедливо отмечают Р. А. Абдусаламов, Л. В. Магдилова, Д. А. Рагимханова, «суть непрерывного обучения в юридическом образовании заключается в постоянном, добровольном и самомотивированном поиске правовых знаний» [1, с. 8]. Здесь без информационных технологий, конечно, тоже не обойтись. Полагаем, что востребованным в этом направлении может стать использование образовательных чат-ботов. Например, возможно внедрение чат-бота, отслеживающего актуальные изменения в действующем законодательстве и отображающего их ежедневно в информативной сводке. Для организации непрерывного обуче-

ния также будут полезны онлайн-курсы, качество которых растет с каждым годом. Так, например, теперь многие из них включают не просто тесты, но и кейсы, проектирование и творческие задания.

Конечно, всего множества инноваций, используемых в организации образовательного процесса, охватить невозможно, однако нами рассмотрены те из них, которые являются наиболее обсуждаемыми. Завершая исследование, согласимся с мнением Ю. А. Хватика, который констатирует следующее: «затрагивая тему обучения юристов навыкам использования технических средств и информационных систем, следует отметить, что мы стоим на позиции того, что юристы должны уметь программировать. Однако они должны понимать, как работают цифровые технологии» [8, с. 174].

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что современные проблемы юридического образования, преимущественно, связаны с внедрением новых информационных технологий. При этом, цифровизация в юридическом образовании – это процесс неизбежный и, во многом, необходимый. Молодежь первой познаёт все трудности и проблемы цифрового подхода к обучению, испытывает на себе особенности реализации инновационных подходов. Поэтому, полагаем, что не стоит пренебрегать классическими методами преподавания юридических дисциплин, которые нужно уметь грамотно сочетать с инновациями, тем самым создавая условия для эффективной организации образовательного процесса.

Список использованной литературы

1. Абдусаламов Р. А., Магдилова Л. В., Рагимханова Д. А. Некоторые проблемы совершенствования юридического образования в условиях цифровизации // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2019. – Т. 31. – № 3. – С. 7–10.

2. Александрова Н. В. Некоторые вопросы высшего юридического образования в условиях цифровизации // Вестник Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – 2021. – № 4 (27). – С. 89–95.

3. Алферова Е. В. Дилеммы юридического образования в контексте цифровизации // Право и управление. XXI век. – 2022. – Т. 18. – № 2 (63). – С. 14–21.

4. Елисеев А.Л., Кретов А.Ю. Государственная молодёжная политика Российской Федерации: проблемы и перспективы // Вестник государственного и муниципального управления. – 2017, № 1 (24). – С. 47–48.

5. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 года № 2403-р // СПС «КонсультантПлюс»

6. Программа «Приоритет-2030» // Официальный сайт Министерства науки и высшего образования Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/priority2030> (дата обращения: 05.01.2024).

7. Пузиков Р. В., Максимова И. М. Цифровизация юридического образования как необходимая составляющая подготовки квалифицированного специалиста в области права // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 3 (195). – С. 47–49.

8. Хватик Ю. А. Методологические аспекты цифровизации юридического образования // Актуальные проблемы гражданского права. – 2021. – № 2 (18). – С. 172–182.

Информация об авторе

Владислав Юрьевич Туранин — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Author

Vladislav Yurievich Turanin – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law Belgorod State National Research University.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ МОНГОЛОВ

В статье обсуждаются вопросы сохранения национальной памяти народа в культуре, опыте, мышлении, истории, международном (гуманитарном) и национальном праве и правовом мышлении. На примере Монголии исследуется роль наследия Чингисхана и «Великой Ясы» («Их засаг») в создании и поддержании опорных принципов монгольского государства, включая принцип верховенства закона.

Ключевые слова: память; национальная память; право; правовое мышление; правоприменение; законодательство; основной закон государства; конституция; конституционализм; традиция и преемственность в правовом мышлении.

Vaanchig Udval

STATE LEGISLATION AND NATIONAL MEMORY OF THE MONGOLS

The article discusses the implementation of the national memory of the people in culture, experience, thinking, history, international (humanitarian) and national law and legal thinking. On example of Mongolia, the role of the legacy of Genghis Khan and his “Great Yasa” (“Yasaq” or “Zasag”) in the creation and maintenance of the pillars of the Mongolian state, including the principle of the rule of law, is explored.

Key words: memory; national memory; law; legal thinking; law enforcement; legislation; fundamental law of the state; constitution; constitutionalism; tradition and continuity in legal thinking.

Исследовательская группа «Национальная память» формулирует национальную память как «отражение объективной реальности, которая копируется и сохраняется в общественном сознании и носит коллективный характер». Помимо того что национальная память хранится и в общественном сознании, она обладает свойством восстановления, воспроизведения и аккумуля-

ляции и является важным источником, формирующим мировоззренческие установки, общее отношение людей к мировым и национальным состояниям и изменениям. Национальная память также важный источник и аккумулятор общественного опыта, выступающего источником существования и развития нации, ее независимости и цивилизационных установок. Всем известно, что человек — это субъект природный и социальный. Основной социальной средой человека служит семья, племя, социальная группа, класс, этнос и нация. Поэтому коллективную память подразделяют на семейную, профессиональную, этническую, национальную, общечеловеческую и т.д.

По нашему мнению, высшей и главной формой человеческой памяти является национальная память, которая выражает общие интересы нации, воплощает в себе особенности и специфику духа и мышления нации и имеет нравственную природу. Профессор Б. Даш-Ёндон отмечает: «Национальная память — это... уникальная концепция, олицетворяющая феномен духовной независимости. Национальная память заложена в философии, идеологии, религии, морали и правосознании нации на протяжении ее истории, является концепцией, мотивацией, ориентацией и принципом борьбы нации за свое существование, духовной ценностью наций и государств, передающаяся по наследству. Национальная память выражается прежде всего через политику и деятельность власти как центрального субъекта общественного управления, является важным фактором интеллектуального иммунитета независимости и безопасности страны».

Национальная память отражается в культуре, опыте, мышлении, истории, международном (гуманитарном) и национальном праве и правовом мышлении государства и нации. История формирования культуры, норм и порядка включает трехсторонние отношения: между человеком — обществом, человеком — человеком и человеком — природой и окружающим миром, что является сутью и историей правоприменения и правового мышления. В этом историческом процессе раскрывается общественная суть человека, организованная жизнь под властью чьей-либо силы или авторитета, или это является естественной «политической» сущностью человека, которую Аристотель («Политика») и позднее Макс Вебер («Политика-профессия и судьба челове-

ская») определили в следующем: «Изначальная природа человеческого общества состоит в том, чтобы жить вместе, чтобы существовать, а смысл сожителства – сосуществование в организации», т.е. для того, чтобы жить в человеческой среде, индивидуум должен принадлежать к группе людей (племени, семье, стране-нации и т.д.), определяемой как не имеющая иного пути существования, кроме как подчиниться (управляться) силе власти, законам, традициям и обычаям. Его называют способом существования, основанным на прошлом и настоящем опыте, аккумулированном в памяти индивидуальной и социально объединенной группы людей.

Считается, что основной формой управляемой и организованной жизни, которая составляет основную природу человеческого общества, является государство, а фактической узаконенной основной формой социального управления – власть. Вот почему людям нужна власть и администрация, а для власти и администрации нужен закон. Древние мыслители Гераклит, Сократ, Платон и Аристотель подчеркивали связь между людьми, государством и законом высказыванием «атрибута единства». Вот почему необходимо, чтобы «история человека была историей нации, история нации — это история государства, а история государства — это история законодательства и его исполнения».

Соблюдение законности и правопорядка, решение основных дел государства и граждан в соответствии с законом являются важным делом монгольского народа и драгоценной традицией монгольского государства.

Самыми яркими ценностями правосознания, ориентации памяти и исторической традиции монголов выступает золотое учение Чингисхана «Пусть будет беспокойно мое существо, да и пусть будет спокойствие и мир для моей страны» и «Великая Яса/Их засаг» – закон, который он придумал и инициировал. Многие мудрецы мира отмечали, что “Яса” имеет огромное значение не только немногих монголов, но и представляет собою ценность государственного и правового мышления всего человеческого рода. Чингисхан с его мудростью, «находясь на вершине всех царей мира, не потрудился изучить все, что написано о могучих Хосоровых, летописи и древних записках о фараонах / Юлии Цезаре, он установил закон и правопорядок своей головой.”

«Что касается того, как он покорял страны, и его способности разрушать мощь своих врагов, то это была сила его мышления и тщательно продуманной подготовки и помощи его верных друзей и услуг», — писал Джувейн в своей «Истории завоевателя мира». Рашид-ад-Дин в своих «Священных писаниях» писал: «Даже через пятьсот, одну тысячу, десять тысяч лет в будущем, если мои потомки, которые родятся в мире и будут править миром, будут следовать нравственности и власти Чингисхана и его законам, не изменяя их, их империя будет навсегда существовать и процветать навсегда». «Спасение придет им с небес, и они всегда будут радостными и счастливыми».

Закон “Яса”, который является основным источником государственного права и законодательства Великой империи Монголии, определяет форму правления, правовой режим, королевскую власть, организацию правительственных организаций, права и обязанности и порядок работы государственных органов и их чиновников, административный распорядок, охрану природы, установлены принципы уголовных наказаний. Например, в “Их засаг” военные и судебные, религиозные наказания были включены в государственное право». Помимо включения семейных и коммерческих норм в «Гражданское законодательство», «Уголовное законодательство», была определена система правовых норм для укрепления государственной власти и социальных и государственных структур Великого Монгольского государства, а также для защиты всех граждан в установленном законом порядке от преступных посягательств. Одним словом, в “Их засаг” все общественные отношения были приведены в правовое регулирование¹.

Правопорядок и внешняя политика государства в “Их засаг” определены как государственная политика для будущих поколений, политика обеспечения безопасности границ, предотвращения внешних нападений, расширения политических, экономических и культурных связей со странами Запада и Востока, активизации информационного обмена, улучшения управления страной.

Многие идеи, ставшие «золотыми методами», заложенные в “Их засаг”, в будущем были усвоены. “Их засаг” и внес ценный

¹ Дж. Болдбаатар, Д. Лундээжанцан. Исторические традиции государства и права Монголии. Улан-Батор. 2021, С. 89–90.

вклад в формирование сегодняшней дипломатической культуры, гарантирующей неприкосновенность и безопасность послов и дипломатических персон.

Помимо международных отношений, дипломатии и безопасности, в “Их засаг” определен порядок обращения с природой – землей-матушкой, основанный на национальных традициях. Монголы – это народ, который умел любить и защищать землю-матушку. Монголы издавна поклонялись горам и воде, «оживляли» их, устанавливали табу на них и порядок обращения с ними, просвещали всех своих потомков и строили свою жизнь в тесной гармонии с окружающей средой. Обращение с природой как с живой силой – это уникальная традиция, что должно быть сохранено в нашей национальной памяти.

В истории человечества вопрос прав женщин впервые был в “Их засаг”. Подтверждение тому, что в документе, найденном профессором Сумьябаатором в «Писаниях государства Гуулин» (Корея): «Раньше губернатора и солдат заставляли насильно жениться на женщинах любого нового города или поселка, в который они приезжали. «Этого не должно произойдет в будущем»². Уместно подчеркнуть, что защита жизни, имущества, здоровья и драгоценной жизни людей была «кровной задачей» “Их засаг”, нарушение закона влечет за собой высшую меру наказания.

Таким образом, “Их засаг” был естественным законом в силу того, что он был введен в правовое регулирование, в том числе и во многих аспектах гуманитарных отношений, вытекающих из необходимых и реальных потребностей общества. По определению Ж. Болдбаатара и Д. Лундээжанцана, “Их засаг” является очень важным документом, равным по значимости таким известным мировым законам, как вавилонский закон Хаммурапи и индийский закон Ману, сыгравшие важную роль в формировании всей социальной и политической организации истории мировой цивилизации. Потому что принципы и идеалы этого закона служили не только в Монголии, но и на уровне великой державы, оккупировавшей полмира³.

² Дж. Болдбаатар, Д. Лундээжанцан. Исторические традиции государства и права Монголии. С. 91.

³ Там же. С. 94.

Историки относят первую письменную форму права к шумерскому царю Хаммурапи, известному своим трактатом «Ур-Намму» около 2100 г. до н.э. Среди наиболее известных законов более позднего времени можно назвать «Десять Лунденов», «Законы Солона», «Двенадцать таблиц» римского права и «Дигесты» Юстиниана.

Законы Англии существовали до норманнского завоевания 1066 года, но были усилены Великой хартией вольностей 1215 года и развиты до современного содержания Первым и Вторым Вестминстерскими актами 1275 и 1285 годов. Англо-американское право сформировалось в американских колониях в начале 1600-х годов и в конечном итоге заложило основу Конституции США 1787 года.

Закон Чингисхана о «Великом Правительстве» сыграл огромную роль в жизни созданной им империи, всесторонне затрагивая жизнь монголов и других народов, выполняя роль главного закона мира на протяжении многих лет. Например, русский ученый В. А. Рязановский писал, что в Золотоордынском государстве, кроме этого закона, не было другого писаного закона, державшего в своих руках судьбу Русских царств. Закон о «Великой власти» действовал в XV–XVI веках в государстве Цагадай и в XVI веке в государстве Зучи.

Ученые полагают, что Закон о Великом Правительстве был первоначально одобрен Великим Хурулдаем (по-современному Великий Государственный Хурал) 1206 года, с поправками в 1210 и 1218 годах и пересмотрен в 1227 году.

Древние историки и летописцы, такие как Макриси, Мирхогенд, Ибн Баттута, Вартан и Рашид ад-Дин, записали определенные части «Их засаг» и донесли до нас. В китайских источниках встречается все больше материалов, в которых упоминается этот закон...

Идеалы «Их засаг» как главный закон государства, а также реальные естественные нормы, возникшие из действительных потребностей и требований общественной жизни, составляли политику государственного права во все периоды истории Монголии, включая Великую Монголию, династию Юань, Богд-хант Монголию, Монгольскую Народную Республику, современную Монголию, становились неиссякаемым источником и ценностью национального правового сознания и памяти монголов. Например, Закон Великой династии Юань (1271 г.); («Энциклопедический закон Великого Юаня» (1322 г.); «Монгольско-ойрадское право» (1640 г.); «Халх-журам» («Законопорядок Халха (внешней Монголии)»/ во время маньчжурского правления (создан и реализован между 1709 и 1795 годами); «Внешнемонгольское правоведение» (1785 г.); «Монгольское узаконенное писание» (1915-1918 гг.) в эпоху возникновения Монголии (Богдийского ханства Монголии) и другие законы Монголии были настоящими «естественными законами», возникшими из реальных жизни и потребностей общественной жизни.

После проведения их сравнительного исследования, анализа ценностей законотворчества и правового мышления монгольской нации, сохранившихся и переданных во веки веков как национальная память в законах монгольского государства, можно прийти к следующему:

Мораль справедливости – правовой неукоснительный принцип – отношения ко всем гражданам беспристрастно, одинаково и милосердно, независимо от их привилегий, богатства или их этнической принадлежности.

Марко Поло: «...Правление Чингисхана было прямолинейным, дружелюбным и сострадательным к народу, почувствовав такую справедливость к людям к нему приходили и присоединялись люди из других стран. Когда он увидел, что его последователи и сторонники погрузили всю землю,... он осмелился завоевать мир и править им»⁴.

Джувеини: «Монгольские законы достигли удивительного уровня справедливости и усердия в исполнении. Не имеет значения, является ли он генералом, командующим общей армией..., если он совершит ошибку или преступное злодейство, неважно, насколько далеко он находится от правителя, император пошлет хотя бы одного из своих кавалеристов, он может немедленно наказать виновника... Например, если необходимо отрубить ему голову, отрубят ему голову. Если они захотят забрать золото, заберут золото»⁵.

В правовых источниках всех периодов монгольской истории имеется немало положений об опорных принципах государства, таких как единство монгольского государственного управления и стремление к национальному согласию.

Важнейшей из ценностей Монголии является верховенство закона. Ее сформулировали основатели Конституции: доктор, профессор, Герой Труда Монголии Б. Чимед, доктор, профессор, заслуженный юрист Д. Лундээжанцан и др. Верховенство закона как правовой принцип включает:

- 1) все законы и правовые акты должны соответствовать основному закону государства – Конституции;
- 2) права и свободы человека гарантируются законом, защищены справедливым судом;
- 3) единство в понимании и толковании и в соблюдении Конституции и соответствующих ей законов на всей территории страны;
- 4) виновные в нарушении закона должны быть привлечены к ответственности.

⁴ Рональд Лейтам. Марко Поло. Путешествия. Улан-Батор. 2012. С. 147.

⁵ Лорд Богд Чингисхан. Составители: Н. Жалбажав.

Б. Чимед отмечает: «Верховенство закона устанавливается, если основные характеристики справедливости и других правовых норм включены в Конституцию»⁶.

Идеалы, упомянутые выше в государственном праве Монголии, стали общей тенденцией или золотой нитью, связывающей настоящее и будущее государственного права.

Это незыблемый костяк монгольского национального правосознания и мышления, ядро национальной памяти. Подчеркнем одну вещь: предпринимались и предпринимаются преднамеренные и непреднамеренные попытки исказить историю Монголии. В частности, утверждается, что у кочевых монголов нет культуры прав и т.д. По этому поводу Р. Сайшаал в своем труде «Секретное писание Чингисхана» писал: «Разговоры о том, что у монголов нет законов, — это всего лишь разговоры людей, не знающих истории монгольского народа, и болтовня «лоэ», которые оскорбляют нацию... как сборище диких... Если вы объективно посмотрите на историю, монгольская нация имела законы и постановления с давних времен... Чтобы укрепить недавно созданное Монгольское царство... Чингисхан установил первоначальный монгольский этический кодекс законов, установив правопорядок и создав первый юридический документ, написанный в письменной форме — “Их засаг”».

Это одно из доказательств того, что, чтобы защищать правду об истории своей страны, необходимо возродить и укрепить национальную память и освежить ее.

Список использованной литературы

1. Амар А. Краткая история Монголии. Улан-Батор, 1936 год.
2. Вернадский Г.В. Сборник "Монголы и Русь". Улан-Батор, 2008, 2011, Том I. С. 274.
3. Дэш-Ёндон Б. Источники древнегреческой философской мысли в 3 тт.
4. Даш-Ёндон Б. Время: Разум и философия. Улан-Батор, 2012. С. 54–56.
5. Далай Ч. Монгольская история. Великая Монголия (1206–1260) Улан-Батор, 1994.

⁶ Чимид Б. Верховенство Конституции. 2003. С. 125.

6. Нацагдорж Ш. Краткая история Центрального Халха под властью Маньчжурии. С. 27, 29.
7. Болдбаатар Дж. Лундээжанцан.Д. Исторические традиции государства и права Монголии. Улан-Батор, 1997.
8. Болдбаатар Ж. История Монголии. Улан-Батор, 2006.
9. Жугдэр Ч. Политические взгляды Чингиса и военное искусство. Улан-Батор, 1990.
10. “МНТ”/ Священное писание Монголов”. Улан-Батор, 2005.
11. История Монголии. (В 5 тт.). Том. 3. (XIV–XVII вв.). Улан-Батор, 2004.
12. Сайшаал Р. Писание Чингисхана. Улан-Батор, 2004.
13. Санждорж М. Из истории Монгольского государства. Тт. I, II, III Улан-Батор, 2006, 2007 г.
14. Блэк Хорс С. Стоун. Внешний мир Монголии XVII века: история взаимоотношений России и маньчжурского государства Цин. Диссертация доктора ист. наук, §9.
15. Болд Р. Геополитика и Монголия. «Открытые лекции: 2016–2017 учебный год». Улан-Батор: Академия управления, 2017.
16. Гангааням С. Монголы боролись за свою независимость. Улан-Батор, 1993. С. 71.
17. Пекин, тайна независимости Монголии. 10.04.1993.
18. Бор Дж., Батар Д. Безопасность Монголии. Улан-Батор, 2016.
19. Дашбадра Д. Политика и последствия политики Маньчжурского государства в отношении религии в Монголии. Улан-Батор, 2008.
20. Энхцецег Дугарсурена. Встреча Благородного Хана Монголии. Улан-Батор, 2007.
21. Урадын Э. Булаг. Моя нация — твои проблемы. Интервью вели Гао Чан, Ван Нинсинь // Монголын унэн = Правда Монголии, 2017. (перевод Ч. Мунхтула)
22. Балжинням Б. Описание полной истории монголов. Улан-Батор, 2005. Том II. С. 270.
23. Сосорбарам Ч. Геополитика Чингисхана. Улан-Батор, 2012.
24. Сосорбарам Ч. Возможные представления о безопасности во внешней среде Монголии // Международные исследования. Улан-Батор, 2004.

25. Сосорбарам Ч. История Монголии и политика “черного ящика”. Улан-Батор. 2005.
26. Аристотель. Политика. (по С.А. Жебелову). Соч. в 4-х томах. Т. 4. М., 1983. С. 481.
27. Гегель Г.В.Ф. История философии. М., 2000. С. 447.
28. Спиноза. Избр. труды. В 2-х томах. Т. 1. М., 1957. С. 290
29. Си Ма Цин. Исторические записи Пэн Да, Сюй Тин, посла династии Южной Сун.

Информация об авторе

Ванчигийн Удвал — исследователь Института правовых исследований Шихихутугского университета, доктор юридических наук (Ph.D), профессор; e-mail: udval.vaanchig@gmail.com.

Author

Vaanchig Udval – researcher of Law Research Development Center, Shihihutug University, Mongolia, Ph.D, Professor; e-mail: udval.vaanchig@gmail.com.

РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ ОСУЖДЕННЫХ В ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ ГОСУДАРСТВ ЕВРОПЫ И АЗИИ

В работе рассмотрены основные идеи и мероприятия, определяющие вектор развития европейских и азиатских государств в сфере ресоциализации правонарушителей. Ресоциализация осужденных как деятельность по созданию условий для ведения законопослушного образа жизни является на сегодняшний день важнейшей частью работы по предотвращению рецидивной преступности. В правовом опосредовании эта деятельность выражается через институты пробации и реабилитации правонарушителей. Описаны основные особенности пробации в разных правовых традициях. Предпринята попытка выделить общие и особенные черты правового регулирования пробации в Европе и Азии. В заключение формулируются сильные и слабые стороны опыта разных традиций в целях выделения наиболее успешных практик ресоциализации для возможного использования в правовой системе России.

Ключевые слова: ресоциализация осужденных (правонарушителей); реабилитация правонарушителей; пробация; рецидивная преступность.

T.V. Filonenko

RE-SOCIALIZATION OF CONVICTS IN THE LEGAL TRADITION OF EUROPEAN AND ASIAN STATES

The paper considers the main ideas and activities that determine the vector of development of European and Asian states in the field of resocialization of offenders. Resocialization of convicts as an activity to create conditions for leading a law-abiding lifestyle is today the most important part of work to prevent recidivism. This activity is legally mediated through the institutions of probation and rehabilitation of offenders. The main features of probation in different legal traditions are described. An attempt is made to identify common and special features of legal regulation of probation in Europe and Asia. In conclusion, strengths and weaknesses of the experience of different traditions are formulated in order to identify the most successful

practices of re-socialization for possible use in the legal system of Russia.

Key words: resocialization of convicts (offenders); rehabilitation of offenders; probation; recidivism.

Правовые традиции государств Европы и Азии существенно отличаются. Эти различия проявляются в устройстве многих социальных и правовых институтов. Есть они и в сфере ресоциализации осужденных, что обусловлено во многом социальным укладом, культурно-историческими особенностями, религиозными и духовными ценностями разных цивилизаций. Однако – неожиданно или закономерно? – в обсуждаемой сфере обнаруживаются и общие черты: успешные практики и механизмы ресоциализации в разных культурах во многом совпадают, что дает нам возможность рассматривать их как позитивный и перспективный опыт.

Идеи ресоциализации осужденных связаны с поиском путей снижения и предотвращения рецидивной преступности. В современном представлении эти идеи выражаются в институтах probation и реабилитации правонарушителей.

Зарождение института probation в Европе началось вместе с реформированием системы уголовного наказания. В XIX в. ученые-правоведы пришли к выводу, что уголовное наказание в виде лишения свободы малоэффективно как в снижении преступности, так и в исправлении осужденных. Данное обстоятельство вызвало объективную потребность в поиске новых средств воздействия на уровень преступности.

Изначально заинтересованность в разрешении этой проблемы проявилась только в научных кругах и у частных организаций. В XX в. в большинстве стран Западной Европы этот вопрос все больше начал привлекать внимание государственных органов. В итоге проблема организации системы уголовного наказания приобрела глобальный характер.

В 1990 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Минимальные стандартные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), которые стали первым универсальным специализированным документом, определившим основные принципы применения альтернативных (не связанных с лишением свободы) наказаний [1, с. 9–10].

Вслед за ними, в 1992 г., появились Европейские правила применения общественных (альтернативных) санкций и мер.

Однако ни в одном из вышеуказанных актов понятие «пробация» не было раскрыто в полной мере. Оно использовалось как синоним условного осуждения и условно-досрочного освобождения [4, с. 5–8].

В ходе эволюции институт probation все больше стал выполнять социально-реабилитационные функции в отношении граждан, преступивших закон и нуждающихся в подобной помощи. В XXI в. подход к пониманию probation на международном уровне изменился. В Европейском Союзе probation стала рассматриваться как комплекс осуществляемых при надзоре обязательных мер, которые, среди прочего, включают требования, касающиеся поведения, места жительства, образования и обучения, деятельности в свободное время и ограничений или видов профессиональной деятельности осужденных или бывших осужденных¹.

При имплементации европейских правовых стандартов в национальное законодательство институт probation претерпел ряд изменений в соответствии с особенностями правовой системы государства. Так, в одних странах под probation понимается уголовный надзор или уголовная опека, связанная с деятельностью исполнения наказаний без лишения свободы (без изоляции от общества) либо с освобождением из-под стражи. В других странах (в том числе и в России) probation – это комплекс мер, обеспечивающих адаптацию и социальную реабилитацию, защиту законных прав и интересов лиц, подвергнутых уголовному преследованию, вместе с осуществлением надзора и контроля за их поведением. В третьих странах probation применяется как институт, сопровождающий условное лишение свободы, либо отсрочку назначения наказания или отсрочку исполнения наказания [3, с. 133]. Однако, как верно отмечает Член Совета по вопросу условно-досрочного освобождения Германии, эксперт Совета Европы Юрген Мутц: «Пробация в самом широком смысле охватывает любую деятельность, служащую реабилитации и реинтеграции преступника в общество» [2, с. 19–20].

¹ Рамочное решение Совета Европейского Союза 2008/947/ПВД от 27 ноября 2008 г. о применении принципа взаимного признания к приговорам суда и решениям о probation с целью осуществления надзора за исполнением мер probation и альтернативных санкций.

Организационное построение служб пробации в странах Европы существенно различается в зависимости от вида их социального управления. Так, в одних странах выполнение задач пробации изначально было полностью доверено частным организациям (Англия и Уэльс, Нидерланды), в других оно исторически относилось исключительно к предмету государственного управления (Чехия, Испания, Ирландия, Швеция). Также имеются и смешанные формы управления, сочетающие пробационную деятельность как государственного, так и частного сектора (Франция, Австрия).

В большинстве европейских стран в течение XX века произошло огосударствление деятельности частных организаций, участвующих в пробации. Сложившаяся тенденция продолжается и сегодня.

Уголовно-исполнительная политика многих азиатских стран в последние десятилетия характеризовалась переходом от карательно-изоляционной направленности к реабилитационной, суть которой состоит в том, что осужденным нужно дать второй шанс и предоставить условия для возвращения в общество, вместо того, чтобы изолировать их от него. В правовых системах стран Азии распространен термин «реабилитация», которым обозначают идею ресоциализации преступников и предоставления им второго шанса, а также систему учреждений и мероприятий, созданных для воплощения в жизнь этой идеи. Пробация при таком подходе является частью реабилитации и представляет собой некую систему надзора за осужденным, предполагающую ряд обязанностей и ограничений, но без изоляции лица от общества.

Наиболее известной особенностью пробации в азиатских государствах является широкое вовлечение волонтеров (добровольцев) с переложением на них некоторых надзорных функций и собственно деятельности по повседневной работе с правонарушителями. Наиболее известен в этом плане опыт Японии, но участие добровольцев в деятельности уголовно-исполнительной системы, в частности, в работе по реабилитации и ресоциализации преступников, предусмотрено законодательством нескольких стран (например, в Таиланде, Филиппинах, Кении, Корее, Сингапуре и Китае) [6, р. 98]. Именно волонтеры встречаются с поднадзорными несколько раз в месяц, оказывают им повсе-

дневную поддержку, работают с семьей поднадзорного, оценивают жилищные условия, часто помогают найти и сохранить работу.

Показательно, что в законодательстве Японии, например, используется термин, буквально переводимый как «лечение», при описании программ работы с правонарушителями. Правонарушители подразделяются по японскому законодательству на несколько категорий в зависимости от вида совершенных деяний и степени криминального риска, и для каждой категории разработана своя программа реабилитации. Такие системы называются «прогрессивное лечение» и «категоризированное лечение» [5, р. 46–47].

Пробация выполняет две основные функции: защита общества путем наблюдения за правонарушителем; и помощь правонарушителю в ведении законопослушного образа жизни (эти положения прямо закреплены в законодательстве, например, Японии¹, Сингапура [9] и Южной Кореи²).

Взаимодействие с правонарушителями построено, прежде всего, на методах социальной работы. Для сотрудников службы пробации установлены образовательные цензы (Южная Корея, Гонконг, Япония), также они должны проходить обучение медицине, психологии, педагогике, социологии и другим специальностям, связанным с реабилитацией осужденных (Япония) [5, р. 16].

Все программы реабилитации правонарушителей так или иначе включают в себя предоставление нуждающимся социальных услуг. Обычно программы реабилитации включают в себя обучение методам ведения сельского хозяйства и промышленным навыкам, курсы грамотности, беседы о духовном развитии, просвещение по вопросам злоупотребления алкоголем и наркотиками, а также помощь с получением медицинского обслуживания, жилья и трудоустройством.

Еще одной особенностью азиатских практик по предотвращению преступности является активное привлечение бизнеса и общественности к организации конкретных реабилитационных мероприятий. Например, в Японии предусмотрено четыре типа

¹ Закон о службе пробаторов (закон № 203 от 1950 г.) // Режим доступа: https://www.moj.go.jp/hogo1/soumu/hogo_hogo04.html

² Act on probation [Enforcement Date 21. Jan, 2022.] [Act No.18299, 20. Jul, 2021., Partial Amendment] www.law.go.kr

реабилитационных центров для лиц, освободившихся из мест лишения свободы, Act on probation [Enforcement Date 21. Jan, 2022.] [Act No.18299, 20. Jul, 2021., Partial Amendment] www.law.go.kr при этом два из них являются частными и финансируются за счет бизнес-корпораций. Такие центры курируются Министерством юстиции Японии или работают по договорам со службой пробации. «Дома на полпути» (Halfway House) предназначены для размещения взрослых и несовершеннолетних правонарушителей в течение нескольких месяцев после освобождения, там помогают адаптироваться к режиму свободной жизни, найти работу и жилье, реализуют программы обучения социальным навыкам и программы по борьбе с наркоманией и алкоголизмом. «Дома поддержки на самообеспечении» предоставляют лицам, освобожденным условно-досрочно, и лицам, находящимся на испытательном сроке, жилье и некоторые бытовые услуги; существуют в различных формах, включая отдельно стоящие дома и квартиры.

На Тайване сотрудники службы пробации и условно-досрочного освобождения также тесно сотрудничают с некоммерческими организациями. Наиболее известны три неправительственные организации: Тайваньская ассоциация защиты после освобождения (Taiwan After-care Association, ТАА), Ассоциация волонтеров службы пробации (PVA) и Ассоциация поддержки потерпевших (AVS). Они предоставляют жилье, профессиональное обучение, кредиты для малого бизнеса, медицинские, образовательные услуги и помощь в трудоустройстве [7, p. 578].

В заключение можно сделать некоторые выводы. Деятельность служб пробации практически во всех странах Европы больше сводится к выполнению надзорной функции. И законодательство, и менталитет не предполагает дружеской атмосферы между сотрудником служб пробации и правонарушителем (в то время как терминология «дружба», «поддержка» используется в документах азиатских стран). Практически не оказывается помощь лицам, содержащимся под стражей до суда или под домашним арестом, бывшим заключенным, в том числе помилованным, попавшим под амнистию. Слабо налажена система помощи отдельным категориям преступников (например, психически больным, умственно отсталым) [8]. При этом хорошо проработаны правовые стандарты работы с осужденными, много сделано для совершенствования работы пенитенциарной

службы и улучшения условий содержания в местах лишения свободы.

В странах Восточной Азии преобладают методы социальной работы, распространено задействование добровольцев и аутсорсеров (психологи, социальные работники, клерки), исторически сложилась практика привлечения средств крупного бизнеса к делу ресоциализации правонарушителей в целях предотвращения рецидивной преступности. Институт пробаторов-волонтеров показывал высокую эффективность в XX в., в условиях распространения общинного проживания в местных поселениях. Урбанизация породила много проблем, в том числе и определенный кризис службы пробации. Однако несомненным достижением являются детальные программы реабилитации, ориентированные на разные группы осужденных, а также большой спектр конкретных услуг для лиц, освобождающихся из мест лишения свободы. Информационная пропаганда позволила привлечь ресурсы некоммерческих организаций и бизнеса, тем самым снизив нагрузку на государство, которое не способно самостоятельно обеспечить весь объем необходимых для ресоциализации правонарушителей мероприятий.

Список использованной литературы

1. Лещенко С.А. Аналитический обзор применения положительного опыта использования индивидуальных программ по пробации / С.А. Лещенко, В.В. Конунникова, Н.В. Гвоздева // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2022. – № 3. – С. 9–13. – DOI 10.18572/2072-4438-2022-3-9-13. – EDN IBVIQI.
2. Никитин А.М. Зарубежный опыт постпенитенциарной адаптации лиц, освобождающихся из мест лишения свободы / А.М. Никитин, Е.Л. Плющева // Российская юстиция. – 2013. – № 8. – С. 19–20.
3. Тыныбеков Н.Т. Регулирование института пробации в законодательстве зарубежных стран / Н.Т. Тыныбеков // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. – 2019. – № 7. – С. 132–135.
4. Уткин В.А. О перспективах пробации в России / В.А. Уткин // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2016. – № 4. – С. 5–8.

5. Criminal justice in Japan: edition 2019 / Edited by T.L. Schmid // Linguistic Adviser. 2019. 55 pp.

6. Frank J. Porporino. Valuing volunteers in corrections: Learning from the Volunteer Probation Officer scheme in Japan // Advancing Corrections Journal: Edition #13-2022. Volume 1. Pp. 96–108.

7. Jou S., Shen SK., Heberton B. (2022). Rehabilitation in Taiwan. In: Vanstone, M., Priestley, P. (eds) The Palgrave Handbook of Global Rehabilitation in Criminal Justice. Palgrave Macmillan, Cham. P. 577–596. https://doi.org/10.1007/978-3-031-14375-5_33

8. Raynor Peter. Consent to Probation in England and Wales: How It Was Abolished, and Why It Matters // European Journal of Probation. Volume 6, Edition 3 (декабрь 2014 г.): 296–307. <https://doi.org/10.1177/2066220314549530>.

9. Tang Stanley. Effective rehabilitation and reintegration of offenders // Официальный сайт United Nations Asia and Far East Institute. Раздел Публикации. URL: <http://www.unafei.or.jp> -> No82_07VE_Tang.pdf

Информация об авторе

Татьяна Викторовна Филоненко – декан факультета профессиональной переподготовки и повышения квалификации Дальневосточного юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации; к.ю.н., советник юстиции; tanya.f-vlad@mail.ru.

Author

Tatiana V. Filonenko – Far Eastern Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation; Dean of the Faculty of Professional Retraining and Advanced Training; Ph.D., Counselor of Justice; tanya.f-vlad@mail.ru.

ПРИМЕНЕНИЕ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ В ЗАКОНОТВОРЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ КАК ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ

В статье рассматривается порядок применения современных технологий в законотворческом процессе, который не нашел оформления надлежащим образом в нормативных правовых актах. Приводятся доводы об имеющихся сегодня недостатках применения Интернет-технологий в законотворческом процессе, преодоление которых позволило бы сократить дистанцию между населением и властью. Исследование имеющихся практик и научных мнений по вопросу применения Интернет-технологий не позволяют повысить активность совместного участия граждан и парламента в законотворческом процессе. Показана необходимость увеличения числа интернет-технологий, причем раскрыта необходимость использования разновидности их применения в зависимости от стадии законотворческого процесса. Делается вывод, что для сокращения дистанции между народом и властью необходимо использовать применение искусственного интеллекта и робототехники. Описаны способы применения интернет-технологий, которые позволят расширить возможности участия граждан в обсуждении законопроектов.

Ключевые слова: интернет, законотворческий процесс, технологии, формы участия, демократия, граждане, парламент.

O.A. Fomicheva

THE INTERNET TECHNOLOGIES USE IN THE LAW-MAKING PROCESS AS A GUARANTEE OF DEMOCRACY IN RUSSIA

The procedure for the use of modern technologies in the law-making process, the use of which is not properly formalized in regulatory legal acts are article discusses. The current shortcomings of the Internet technologies use in the law-making process, the overcoming of which would reduce the distance between the population and the authorities are given arguments. The study of existing practices and scientific opinions on the use of Internet technologies does not allow

to increase the activity of joint participation of citizens and parliament in legislative activities. The need to increase the number of Internet technologies is shown, and the need for a variety of their application depending on the law-making process stage is revealed. It is concluded that the use of artificial intelligence and robotics should be used to reduce the distance between the people and the government. The author describes the ways of using Internet technologies that will expand the opportunities for citizens to participate in the discussion of draft laws.

Key words: Internet, law-making process, technologies, forms of participation, democracy, citizens, parliament.

Законотворческий процесс охватывает широкий спектр форм деятельности различными участниками (парламентом, Президентом Российской Федерации, гражданами и др.) по преобразованию законотворческой идеи в закон. Законотворческий процесс базируется на принципе демократии, который обеспечивает баланс полномочий власти и прав граждан на участие в предложении идей законов и/или их участия в рассмотрении законопроектов (например, возможность возразить, подтвердить идею закона и др.) Участие граждан в законотворческих процедурах способствует согласованию интересов общества и государства в процессе принятия закона, достижению единства во мнениях. Отчасти на это ориентирует появившаяся в 2020 г. в Конституции Российской Федерации ст. 75¹, определяющая необходимость создания условий для взаимного доверия государства и общества, социального партнерства и солидарности (экономической, политической и социальной).

Одной из ключевых проблем в обеспечении конституционных прав на участие граждан в законотворческом процессе является вопрос правового регулирования технологий (в понимании «механизма обеспечения реализации прав»). При этом одни технологии способствуют расширению прав на участие граждан в законотворческом процессе (к примеру, Интернет-технологии), а другие, наоборот, приводят к снижению возможностей для реализации прав на участие в этих процедурах (к примеру, технологии процедуры внесения законопроекта в парламент, которые усложняют этот порядок).

В настоящее время применение интернет-технологий и робототехники (в понимании «автоматизированные технические

системы» [5, с. 46]) позволяют расширить возможности для вовлечения в этот процесс различных субъектов. Вместе с тем порядок использования интернет-технологий в процедурах законотворческого процесса не всегда урегулирован в нормах права, что приводит к нарушению прав его участников. Поддерживая в некоторой степени тезис, что «интернет – это реальность настоящего времени и фактор, который необходимо учитывать в законотворческом процессе» [8], одновременно необходимо учитывать доводы, что робототехника приводит к замене труда человека и сокращению числа требуемых практикующих юристов [10], что не всегда положительно отражается на качестве принятого закона.

Следует признать положительным факт распространения применения робототехники в законотворческом процессе, например, в виде автоматизированной системы учета законопроектов, размещенной на официальном сайте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (система обеспечения законодательной деятельности). Однако такое размещение позволяет любому желающему только лишь ознакомиться с законопроектами. Следует отметить, что обратной связи у данной системы не предусмотрено. К примеру, нет возможности у специалиста, имеющего практический опыт соответствующей сферы рассматриваемого законопроекта, изложить веские доводы о наличии противоречий в положениях проекта закона. Видится перспективным предусмотреть возможность обратной коммуникации и разработать порядок реализации прав граждан на предоставление обоснованных предложений и возражений на рассматриваемый законопроект. Предполагается, что нет необходимости изменять или дополнять нормы Регламента палаты. Как известно, законопроект находится на рассмотрении в ответственном или профильном комитете Государственной Думы. Поэтому именно комитету необходимо в этом случае «открыть» доступ к обсуждению законопроекта на сайте.

На официальных сайтах законодательных органов в субъектах Российской Федерации также разработаны и действуют сайты, на которых либо имеются поисковые автоматизированные системы, либо размещаются файлы законопроектов. Единства в оформлении нет, и это обоснованно, поскольку субъект

Российской Федерации самостоятельно определяет такой порядок. Однако перспективным будет применять робототехнику, с помощью которой можно не только найти по ключевым словам законопроект и ознакомиться с текстом, но и обсудить (внести предложения, возразить и пр.). Можно привести положительный пример практики рассмотрения законопроекта «О содержании и защите домашних животных в Оренбургской области»¹. От гражданина поступили возражения о нецелесообразности обязательной регистрации домашнего животного (собаки), которая весит менее одного килограмма, наряду с тем, что для других животных, например, кошек, такая регистрация не является обязательной. Законодательным органом предложения жителя Оренбургской области были учтены на этапе рассмотрения законопроекта. Такой опыт можно считать перспективным к развитию с использованием Интернет-технологий.

Вопрос развития прав граждан на участие в обсуждении законопроектов с помощью Интернет-технологий уже давно разрабатывается в науке конституционного права. Как справедливо отмечает Т.А. Васильева, зарубежные парламенты уже достигли высокого уровня «цифровой зрелости» [6, с. 143]. Так, в Бразилии активно обсуждаются законопроекты с гражданами в чатах, создаваемых на официальном сайте парламента [2, с. 16]. В России порядок обсуждения законопроектов с гражданами определен Указом Президента Российской Федерации от 9 февраля 2011 г. № 167 «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов», а в субъектах РФ приняты соответствующие законы². Однако перечень обсуждаемых законопроектов федерального уровня не установлен и всенародное обсуждение происходит по иницилируемым Президентом Российской Федерации проектам, а на региональном уровне нормы о перечне выносимых на обсуждение

¹ Постановление Законодательного Собрания Оренбургской области от 9 января 2013 г. № 23-01/15 «О проекте закона Оренбургской области «О содержании и защите домашних животных в Оренбургской области». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zaksob.ru>

² См., например: Закон Иркутской области от 18 июня 2010 г. № 44-ОЗ «Об областном опросе» // Ведомости Законодательного Собрания Иркутской области. 2010. № 21. Т. 1; Закон Тюменской области от 10 июня 2013 г. № 38 «Об общественном обсуждении проектов законов Тюменской области» // Тюменская область сегодня. 2013. № 101 и др.

законопроектов не имеют четкой формулировки. Такое положение дает основание для нарушения права граждан на самостоятельное инициирование процесса обсуждения законопроектов, а желающим обсудить такие законопроекты приходится долго искать об этом информацию, что сказывается на активности граждан.

Отсутствие практики проведения референдумов на федеральном уровне исключает возможность участия граждан в законотворческом процессе качестве «законодателя» как лиц, имеющих право принять закон вместо парламента (реализация ст. 3 Конституции Российской Федерации). Имеются доводы и обоснования ученых в отказе от проведения референдумов финансовыми и политическими причинами [3]. В этой связи следует обратить внимание на предложения о переходе к использованию информационных технологий в голосовании по законопроекту [11] как института участия граждан в решении вопросов государственной и общественной жизни [13, с. 22].

Ученые справедливо указывают на ряд проблем в осуществлении процедуры перехода на информационные технологии при проведении референдумов и голосования (ненадлежащее обеспечение тайны голосования; необеспечение неизменности информации о волеизъявлении; отсутствие возможности наблюдения и контроля за процедурой волеизъявления граждан при дистанционном электронном голосовании [7, с. 100]). Хотя имеются более ранние исследования, предлагающие методики шифрования и идентификации [3], но развитие модели голосования с помощью Интернет-технологий следует применять разумно и в совокупности с другими технологиями законотворческого процесса.

Одной из проблем к переходу на участие граждан в государственных делах с использованием интернет-технологий ученые выделяют недостаточность в подготовленности общества к взаимодействию с властью посредством цифровизации этого процесса не только в профессиональном плане [9, с. 26–27; 12, с. 10], но и в недостатках ориентированности граждан в интернет-пространстве (указывается низкий процент (23%) такого участия через цифровые платформы [4; 15]). Что касается профессионализма, то видится перспективным привлекать граждан к участию в обсуждении законопроектов по вопросам обустройства

жизни и быта (в частности, пример законопроекта по животным) на стадии рассмотрения законопроекта в комитетах парламента. По поводу владения гражданами интернет-технологий следует учитывать Стратегию развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203, которая неизбежно приведет к реализации вопросов взаимодействия общества и государства с помощью Интернет-пространства. Считаем этот переход оправданным, поскольку власть не может ориентироваться на отстающих. Для преодоления вопросов неподготовленности граждан к цифровизации предпринимается множество мер, в том числе разработаны и действуют программы обучения (в т. ч. бесплатно для пенсионеров, инвалидов и др. льготных категорий).

Возрастание роли искусственного интеллекта в современном мире приведет к замене мнения гражданского общества на этот «сервис интернет услуг». Поэтому вопрос об ускорении развития на практике форм участия граждан в законотворческом процессе с помощью интернет-технологий становится наиболее актуальным сегодня. Совокупность составных компонентов понятия «современная технология» не позволяет однозначно сформулировать ответ об их приоритетности применения. Вместе с тем большинство технологий законотворческого процесса, особенно на стадии проектирования законопроекта, все чаще учеными предлагается восполнить робототехникой.

Следует согласиться с выводом ученых, что процесс информатизации демократии является «серьезным испытанием для современного общества» [14, с. 16], способным «ускорить процесс перехода от слабой к истинной демократии» [1, с. 340]. Вместе с тем применение технологий по составлению законопроекта, его правовой оценке должно стать необходимыми в обеспечении качества законотворческого процесса. Технологии обеспечивают принятие легитимных законов с учетом найденного баланса между обществом и государством. Однако применение интернет-технологий (робототехники и искусственного интеллекта) рекомендуется использовать на стадии разработки, но под контролем специалиста-человека. Для перспективы расширения возможностей к участию граждан лучше использовать интернет-чаты на стадии рассмотрения законопроекта до мо-

мента его принятия парламентом. Вместе с тем здесь следует подумать о том, чтобы обеспечить правовую регламентацию порядка оценки предложений и обращений граждан, чтобы не оставить их без внимания. Следуя опыту российской общественной инициативы, можно развивать аналогичные площадки.

Список использованной литературы

1. Keskinen A. Future democracy in the information society / Keskinen A. // *Futures*. Quilfield. 2000. Vol. 33. № 3/4. Pp. 338–349.
2. Mitozo I.B. Institutional Dynamics and the Development of E-Participation Tools in Brazil and the UK / I.B. Mitozo // *E-legis*. 2021. Vol. 14. № 36. P. 13–21.
3. Амелин Р.В., Чаннов С.Е. Прямая электронная демократия в Российской Федерации: возможности и перспективы / Р. В. Амелин, С. Е. Чаннов // *Конституционное и муниципальное право*. 2017. № 1. С. 27–31.
4. Антонова Е.Е. Реализация отдельных прав граждан в условиях информационного общества / Е. Е. Антонова // *Уральский Форум конституционалистов (Екатеринбург, 3–8 октября 2022 г.)*. Вып. 8 / отв. ред. М. С. Саликов. – Екатеринбург: УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева, 2023. – Ч. 2. С. 3–9.
5. Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике / В.В. Архипов, В.Б. Наумов // *Труды СПИИРАН*. 2017. Вып. 6(55). С. 46–62.
6. Васильева Т.А. Парламент online: проблемы функционирования // *Конституционализм: универсальное и национальные измерения: монография* / Под ред. Т.А. Васильевой, Н.В. Варламовой. – М.: ИГП РАН, 2022. С. 140–158.
7. Григорьев А.В. Конституционно-правовое регулирование использования современных информационно-коммуникационных технологий при осуществлении институтов прямой демократии в России. дисс... канд. юрид. наук / Григорьев Антон Владимирович. – Москва, 2020. – 224 с.
8. Гринь О.С. Трансформации требований к форме договоров с учетом развития цифровых технологий / О. С. Гринь // *Актуальные проблемы российского права*. 2019. № 6. С. 49–57.

9. Добрынин Н.М. Народовластие и суверенитет в современной парадигме российского конституционализма: к 10-летию со дня опубликования работы С. А. Авакьяна «Точка отсчета – народ» / Н. М. Добрынин // Государство и право. 2017. № 7. С. 22–33.

10. Ерёменко Р.С. Искусственный интеллект и юрист: дуэль или коворкинг? / Р. С. Ерёменко // Актуальные проблемы гражданского права. 2019. № 1–2 (13–14). С. 204–243.

11. Курячая М.М. Электронное голосование как этап развития непосредственной демократии / М. М. Курячая // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 11. С. 31–35.

12. Лазарев В.В. Государство в свете мемологии / В.В. Лазарев // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 3–16.

13. Масловская Т.С. Перспективы и тенденции развития конституционного права / Т. С. Масловская // Конституционное право: итоги развития, проблемы и перспективы: сб. мат. междунар. конференции / отв.ред. С.А.Авакьян. – М., 2017. С. 19–23.

14. Федосеева Н.Н. Демократия в информационном обществе / Н. Н. Федосеева // Журнал российского права. 2007. № 6. С. 11–18.

15. Швабауэр А.В. Кардинальное изменение правил оказания госуслуг и конституционные права граждан / А.В. Швабауэр // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 10. С. 3–7.

Информация об авторе

Ольга Анатольевна Фомичева – профессор и заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин юридического факультета Орского филиала Московского финансово-юридического университета МФЮА (Орск, Россия), доктор юридических наук, доцент; e-mail: olga-fomicheva@mail.ru.

Author

Olga Anatolevna Fomicheva – Professor, Chair of Criminal Law Disciplines Faculty, MFUA University, branch in Orsk (Orsk, Russia), Doctor of Law, Associate Professor; e-mail: olga-fomicheva@mail.ru.

О ПРОБЛЕМАХ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСОВ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ

В ходе исторического процесса своего существования государство может проходить определённые этапы, связанные с изменением своих внутренних конструкций, одной из которых является правовая система данного государства. Если государство подошло к этапу изменения своей правовой системы, то оно неизбежно пройдёт процесс, в науке именуемый как переходный период. В ходе изучения данного явления исследователь может столкнуться с рядом проблемных вопросов. Анализ данных проблем позволит исследователю выдержать линию исследования в нужном направлении. По ходу статьи автор анализирует определение переходного периода в контексте трансформации правовых систем, а также рассматривает проблему определения границ переходного периода при изучении конкретного исторического этапа развития конкретного государства. По итогам исследования автор делает вывод о сложности и многогранности явления «переходный период при смене правовой системы государства», требующего внимательного и углублённого изучения.

Ключевые слова: правовая система государства; переходный период; трансформация правовой системы; фундаментальные правовые принципы.

N.S. Chigrinskii

THE PROBLEMS OF STUDYING ISSUES OF TRANSFORMATION OF LEGAL SYSTEMS

During the historical process of its existence, a state can go through certain stages associated with changes in its internal structures, one of which is the legal system of a given state. If a state has approached the stage of changing its legal system, then it will inevitably go through a process referred to in science as a transition period. In the course of studying this phenomenon, the researcher may encounter a number of problematic issues, the analysis of which is devoted to this work.

Key words: legal system of the state; transition period; transformation of the legal system; fundamental legal principles.

При изучении истории развития стран постсоветского периода можно прийти к идее того, что практически каждая такая страна прошла определённый этап, в правовой науке именуемый переходным периодом. У каждого государства такой период был разным, однако тем интереснее для изучения представляется нам эта тема. По своей сущности переходный период представляет собой определённую стадию в жизни государства, когда основополагающие, фундаментальные принципы начинают либо заменяться новыми, либо исчезать вовсе, отмирая и оставаясь лишь историческим отголоском функционирования прежней системы государства.

В рамках данной работы мы сосредоточимся на том, какие основные проблемы возникают у исследователей при изучении трансформации правовой системы, а именно – при изучении вышеупомянутого переходного периода. Ведь сложность изучения описываемого процесса на первый взгляд видится в том, что это процесс смены одного явления другим, то есть это динамический процесс, в котором одни объекты должны исчезнуть, другие – измениться, а третьи должны остаться в неизменном виде. Убедиться в том, так ли это – мы постараемся в заключительной части данной статьи.

Для начала стоит определиться: что есть переходный период при смене правовых систем – хотя во вступительной части данной работы мы косвенно определили данное явление, затронув его сущность. Действительно, в первую очередь речь идёт о некоем процессе, в котором чаще всего одно явление преобразуется в другое – хотя также допустимы случаи, когда один объект заменяется другим. Данный процесс можно определить, как, например, процесс радикальной трансформации государствообразующих систем страны (политической, социальной, правовой, экономической и др.). [1, 70] Но коль скоро сферой наших научных интересов является право, то корректнее будет говорить именно о переходном периоде в смене правовых систем. Таким образом, корректнее выбрать следующее определение: это процесс смены качественного состояния правовой системы, вызванный объективно созданными предпосылками.

Стоит отметить, что существует точка зрения о возможности называть непосредственно рассматриваемый нами процесс как «правовая система переходного периода». [3, 22] Данная точка зрения представляется обоснованной, поскольку какими бы развитыми не были общественные отношения – те инструменты регулирования, которые установлены основополагающими нормативными правовыми актами страны, всё равно в своей совокупности составляют правовую систему определённого типа; и хотя значительная часть элементов конкретной правовой системы подвергается изменению (или же вообще «отмирает») – правовая система переходного периода складывается именно тогда, когда общественные отношения регулируются не в полной мере, с процессом «резкой» замены одних регулятивных институтов другими, с возникновением большого количества новых пробелов в описываемом процессе регулирования.

Коль скоро мы определили, чем является переходный период в смене правовых систем, первой важным шагом при изучении трансформации правовых систем является то, что необходимо чётко определить: речь идёт об изучении трансформации именно правовой системы конкретного государства, поскольку зачастую исследователь может уйти в процесс изучения трансформации смежных систем – например, процесс смены политической системы государства, социальной или же экономической. Безусловно, данные сферы общественных отношений косвенно затрагиваются при изучении различных национальных правовых систем – но важно то, что данное изучение происходит при сосредоточении на исследовании именно правовой системы, а схожие системы входят в предмет изучения только в следующих косвенных целях: определения границ конкретной сферы, которая подвергается исследованию, а также необходимость изучить последствия влияния на правовую систему конкретного государства иных общественных сфер (или наоборот). Поэтому, на наш взгляд, исследователь должен строить своё исследование вокруг конкретной системы общественных отношений – за исключением случая комплексного исследования исторических процессов.

Следующим проблемным вопросом изучения конкретных примеров трансформации правовых систем является сложность определения так называемых «точек отсчёта и завершения»

конкретного переходного периода. Поскольку в рамках дисциплины теории и истории государства и права возможно использовать исторический метод при изучении особенностей переходного периода от одной правовой системы к другой, то возникает ситуация, когда достаточно сложно определить конкретный короткий исторический отрезок времени, который может считаться описываемым переходным периодом. Например, рассматривая трансформацию социалистической правовой системы в романо-германскую (на примере событий в СССР в конце XX века), можно встретить различные точки зрения. Одни исследователи считают, что переход начался одновременно с конституционной реформой 1990-х годов; [2, 96] другие акцентируют внимание именно на начале так называемой «горбачевской перестройке» - при этом отмечая значимость произошедших за два десятилетия до этого «косыгинских» реформ. [4, 300] Но важно понимать, что все описанные исторические события напрямую связаны не столько со сменой правовой системы государства, а с политическими, экономическими и другими.

На наш взгляд, как уже было указано выше, при изучении трансформации правовой системы в государстве вполне допустимо косвенное затрагивание процесса трансформации иных сфер общественных отношений – таким образом, при определении точки начала переходного периода одной правовой системы к другой нужно выяснить, когда основополагающие, фундаментальные принципы конкретной правовой системы начали либо меняться, либо прямо не исполняться – например, изданием подзаконных актов, чья сущность противоречит основополагающим принципам, установленных основными законами государства – однако их политическое и экономическое влияние столь велико, что реальное действие фундаментальных принципов начинает ослабевать с точки зрения их правовой силы. Таким образом, сосредоточить внимание необходимо именно на издании конкретных нормативных правовых актах государства – при этом необязательно эти правовые акты должны являться фундаментальными (как, например, Конституция). Важно понять цель принятия данного правового акта и то, как радикально он меняет устоявшиеся общественные отношения (что, собственно, и может являться началом изучаемого переходного периода).

Подводя итог вышеизложенному важно резюмировать, что переходный период при смене одной правовой системы в государстве другой – это динамический процесс трансформации основополагающих правовых принципов в государстве, сопровождающийся принятием конкретных нормативных правовых актов, направленных на изменение данных принципов. Однако при изучении данного периода нужно быть сосредоточенным на том, что исследование ведётся в отношении именно правовой системы государства, а также при попутном изучении конкретного исторического периода в определённом государстве важно, опираясь на изучение исторического массива нормативных правовых актов определить момент издания ключевых из них (то есть тех, которые своим принятием начинали переходный период).

Список использованной литературы

1. Бакарджиев Я.В. Переходный период в развитии государства и правовой системы // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2014. - № 4 (41). – С. 69–79.

2. Дерябина Е.С. Конституционное реформирование в СССР и России в переходный период (конец 80-х – начало 90-х гг. XX века) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2019. - № 4 (39). – С. 93–103.

3. Сорокин В.В. Проблемы понимания правовой системы переходного периода (часть 1) // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. – М, 2005. – № 5 (65). – С. 21–24.

4. Упоров И.В. Горбачевская «перестройка» как переходный этап от социалистической экономики к рыночной // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2023. - № 2 (96). – С. 299–304.

Информация об авторе

Николай Сергеевич Чигринский – заместитель начальника отдела по вопросам регионального законодательства и регистрации уставов муниципальных образований Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Иркутской области, аспирант 4 курса заочной формы обучения Юридического института Иркутского государственного университета; e-mail: tchigrinsky@yandex.ru.

Author

Nikolai Sergeevich Chigrinskii — Deputy Head of the Department for Regional Legislation and Registration of Charters of Municipal Entities of the Office of the Ministry of Justice of the Russian Federation for the Irkutsk Region, 4th year postgraduate student of the correspondence course of the Law Institute of Irkutsk State University; e-mail: tchigrinsky@yandex.ru.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОВЕРИЯ ПОЛИЦИИ В КОНТЕКСТЕ ЗАРУБЕЖНОЙ МЫСЛИ

Современная парадигма демократического правового государства предполагает действительную демонстрацию всей совокупности его учреждений настоящей заботы о благе общества и переход от декларативных заявлений о важности доверия общества государственным учреждениям в русло безусловного соблюдения государственным служащими нормативных правовых предписаний, устанавливающих пределы предметного поля функционирования конкретной институции государства. Отмеченное в полной мере относится и к деятельности полиции Российской Федерации, от законных и обоснованных действий личного состава которой зависит направленность вектора доверия общества к самой полиции. С учетом изложенного и исходя из существующего в зарубежной научной мысли подхода к изучению наиболее значимых аспектов, определяющих общественное доверие полиции, автором проведен анализ отдельных зарубежных источников, имеющих важное значение для исследования заявленной темы. В данном случае акцентировано внимание на следующей триаде концептуальных положений, сформулированных в контексте апеллирования к таким областям, как: 1) фидуциарный принцип полицейской деятельности; 2) дискреционные полномочия полиции; 3) процессуальная модель полицейской деятельности. На основе проведенного анализа автором сформулированы выводы, сводимые к важности качественного подбора кадров для прохождения службы в рядах полиции и целесообразности усиления воспитательной работы с каждым сотрудником полиции «по линии» осознания им актуальности установления доверительных отношений с общественностью.

Ключевые слова: теория права; общественное доверие; полиция; фидуциарный принцип; дискреционные полномочия; процессуальная справедливость.

**THEORETICAL LEGAL ANALYSIS
OF THE PROBLEM OF PUBLIC TRUST IN THE POLICE
IN THE CONTEXT OF FOREIGN THOUGHT**

The modern paradigm of a democratic rule-of-law state presupposes a real demonstration of the totality of its institutions of real concern for the good of society and a transition from declarative statements about the importance of public trust in state institutions into the mainstream of unconditional compliance by civil servants with regulatory legal requirements that establish the limits of the subject field of functioning of a specific state institution. The above fully applies to the activities of the police of the Russian Federation, the direction of the vector of public trust in the police itself depends on the legal and justified actions of its personnel. Taking into account the above and based on the approach existing in foreign scientific thought to the study of the most significant aspects that determine public trust in the police, the author analyzed individual foreign sources that are important for the study of the stated topic. In this case, attention is focused on the following triad of conceptual provisions, formulated in the context of appealing to such areas as: 1) the fiduciary principle of policing; 2) discretionary powers of the police; 3) procedural model of policing. Based on the analysis, the author formulated conclusions that boil down to the importance of high-quality selection of personnel for service in the police and the advisability of strengthening educational work with each police officer «along the line» of their awareness of the relevance of establishing trusting relationships with the public.

Key words: theory of law; public trust; police; fiduciary principle; discretionary powers; procedural justice.

В протяженном ряду проблемных вопросов, имеющих прямое отношение к профессиональной деятельности полиции различных стран, вопрос общественного доверия занимает одно из центральных мест, что предопределено самим смыслом социальной миссии полицейского ведомства, предназначенного для служения обществу и во благо общества. Наиболее отчетливо данный аспект представлен в нормативных установлениях российского законодательства и, в частности, в ст. 9 «Общественное

доверие и поддержка граждан» Федерального закона № 3-ФЗ «О полиции»¹. Как следует из содержания отмеченной статьи, реализуя функционально-значимые задачи по-своему предназначению, российская полиция должна достигать доверия общества к своим действиям (ч. 1), которые надлежит осуществлять на основе их обоснованности и ясности для населения (ч. 2). При этом основополагающим критерием официальной оценки со стороны общественности деятельности личного состава полиции, как это отмечено в указанном законодательном акте Российской Федерации, является общественное мнение (ч. 6).

В английском «Законе о реформе полиции и социальной ответственности» (2011 г.)² вопрос относительно доверия между полицейской институцией и обществом закреплен в положениях ст. 34 «Взаимодействие с населением», в соответствии с которой начальник полиции наделен обязанностью принятия мер по получению от жителей каждого района информации о работе соответствующего полицейского участка, в части поддержания правопорядка и борьбы с преступностью (п. 1) Наряду с отмеченным, от полиции требуется информирование общественности о тех усилиях, которые предпринимаются полицейскими по эффективному решению отмеченной выше задачи (п. 2).

В Республике Казахстан вопросы повышения доверия населения к деятельности органов внутренних дел, их взаимодействия с институтами гражданского общества и применения в этих целях системы общественного контроля закреплены в ст. 13 «Взаимодействие, сотрудничество и общественный контроль» закона «Об органах внутренних дел Республики Казахстан»³.

Отмеченные законоположения, в части нормативного правового закрепления сущностных вопросов предметного поля доверия общества к полиции, корреспондируют универсальным положениям принципов правоприменения полиции, разрабо-

¹ О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ // Сайт «Консультант-Плюс». – Текст: электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 12.02.2024).

² Police Reform and Social Responsibility Act 2011 // Сайт «Legislation.gov.uk». – Текст: электронный. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2011/13/section/34/enacted> (дата обращения: 10.02.2024).

³ Об органах внутренних дел Республики Казахстан: Закон Республики Казахстан от 23 апреля 2014 г. № 199-V ЗПК // Сайт «Аділет». – Текст: электронный. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000199> (дата обращения: 12.02.2024).

таных реформатором британской столичной полиции и известным полицеистом Робертом Пилем [4]. Исходя из содержания второго «пилианского принципа», «способность полиции к выполнению своих обязанностей зависит от фактора доверия общества к необходимости существования полиции, ее действиям и поведению» [1, с. 33].

Акцентируя внимание на особенностях научного осмысления феномена общественного доверия полиции в контексте некоторых выводов зарубежной научной мысли, представляется необходимым остановиться на вопросах презентации указанного явления посредством сопряжения исследуемого доверия в форматах: во-первых, фидуциарного принципа полицейской деятельности; во-вторых, дискреционных полномочий полиции; в-третьих, процессуальной модели полицейской деятельности.

1. Фидуциарный принцип полицейской деятельности предполагает наличие тесной связи между долгом службы каждого сотрудника полиции как фидуциара (англ. «fiduciary» – доверенный) и общественным эквивалентом его фидуциарных обязанностей, характеризующихся проявлением представителем отмеченного правоохранительного ведомства лояльности к населению и заботы о благе общества. При этом обязанности подобного рода предопределяют общие контуры стиля поведения полицейских, а отклонение от предписаний фидуциарного порядка может привести к перспективе доминирования личных интересов сотрудника полиции над общественными и, как следствие, к злоупотреблениям с его стороны [2, р. 19], – заключает С.Р. Галуб (Университет Талсы, Оклахома, США) на основе проведенного им анализа фидуциарного принципа полицейской деятельности.

2. Дискреционные полномочия полиции (англ. «discretionary police powers» – необязательные полномочия полиции) в действительности означают способность должностного лица полицейской институции принимать решения на основе личного суждения или выбора. Выражая свободу выбора, в том числе между моралью и правом, отмеченный способ поведения, в его дискреционном обрамлении, предоставляет правоохранителю свободу действий в конкретной ситуации, – что делать в конкретной обстановке, не будучи связанным строгими правилами или рекомендациями. Иллюстрацией к указанному могут служить действия судьи, который на основе дискреционных

полномочий принимает решения на основе собственного суждения или усмотрения, а не следования строгим правилам или руководящим принципам. В частности, при вынесении приговора осужденному лицу, судья может учитывать различные факторы, такие как тяжесть преступления, криминальное прошлое обвиняемого и любые смягчающие обстоятельства. Что касается поведения полицейского, в части задействия им полномочий дискреционного характера, то особого внимания заслуживает фактор обязательного запрета на использование им «дискреционных полномочий, сопряженных с нарушением прав и свобод человека и гражданина» [6, р. 626], – констатирует В. Яо (Университет Нового Южного Уэльса, Кенсингтон, Австралия), исследующий проблему полицейского усмотрения при реализации служащими полиции предоставленной им исполнительной власти.

По нашему представлению, фактор наделения полицейского властными полномочиями способствует переводу его поведения в область риска, тождественную утрате должного уровня доверия к полиции со стороны общества. Отмеченное происходит в случае деформации у личности полицейского его правового сознания, которое по определению должно быть ориентировано на честное служение обществу и безусловное соблюдение принципа законности своих действий. Более того, искаженный выбор полицейским между законным и целесообразным, основанным исключительно на собственном представлении служащего полиции о должном принятии конкретного решения в конкретной обстановке, как правило приводит к наступлению негативных последствий, вызывающих законное осуждение со стороны общества.

3. Процессуальная модель полицейской деятельности корреспондирует положениям теории процессуальной справедливости, предложенной Т.Р. Тайлером (Йельский университет, Нью-Хейвен, Коннектикут, США). В соответствии с выводом указанного специалиста в области юридической психологии, «справедливость процесса принятия решений увеличивает в глазах людей – объектов этих решений – легитимность тех, кто эти решения принимает» [5, р. 117–118]. Как представляется, доверие общества неотделимо от уровня воспринимаемой населением легитимности и обоснованности принимаемых полицией

мер, а также соответствия процессуальных действий ее служащих ожиданиям граждан, исходя из социальной миссии самого полицейского ведомства как института государства. Данный тезис соответствует эмпирическим исследованиям зарубежных ученых, выявивших следующее: «установление легитимности или доверия представляет собой желательную альтернативу использованию принудительной силы полиции для достижения ожидаемого эффекта от реализации ее властной компетенции» [3, р. 2].

Резюмируя изложенное, необходимо заметить следующее:

1. Общественное доверие полиции в определяющей степени зависит от множества факторов, среди которых первенствующее место занимает качество подбора кадров для прохождения службы в отмеченном правоохранительном ведомстве.

2. Формирование у каждого сотрудника полиции осознанного отношения к исполнению долга своей службы и проявления им подлинной заботы о достижении общественного доверия достигается воспитанием личного состава: во-первых, с точки зрения понимания «солдатом правопорядка» своей миссии на уровне служения государству, доверенным лицом которого он является; во-вторых, в духе приверженности сотрудников полиции положительным традициям честного служения своему Отечеству; в-третьих, на личном примере руководителей служебных коллективов, подающих своим подчиненным образцы добросовестной полицейской службы.

Список использованной литературы

1. Чимаров С.Ю. К вопросу о «Принципах правоприменения» Роберта Пиля в деятельности полиции / С.Ю. Чимаров // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 3 (75). – С. 33–34.

2. Galoob S.A. Fiduciary Principle of Policing / S.A. Galoob // Criminal Law and Philosophy. – 2023. – Volume 17(3). – Pp. 1–20.

3. Nix J., Wolfe S.E., Rojek J., Kaminski R.J. Trust in the Police: The Influence of Procedural Justice and Perceived Collective Efficacy / J. Nix // Crime & Delinquency published online 17 April 2014. – Pp. 1–14. – DOI: 10.1177/0011128714530548.

4. Sir Robert Peel's Policing Principles. – Текст: электронный. – URL: <https://lawenforcementactionpartnership.org/peel-policing-principles/> (дата обращения: 11.02.2024).

5. Tyler T.R. Social Justice / T.R. Tyler // International Journal of Psychology. – 2000. – Volume 35 (2). – Pp. 117–125. – DOI: 10.1080/002075900399411.

6. Yao W. Police Discretion: A Power that Can Be Abused and Should Be Regulated / W. Yao // Proceedings of the 2nd International Conference on Culture, Design and Social Development (CSDS 2022, ASSEHR 739). – Atlantis Press, 2023. Pp. 620–628. – DOI 10.2991/978-2-38476-018-3_73.

Информация об авторе

Сергей Юрьевич Чимаров – профессор кафедры управления персоналом и воспитательной работы Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор исторических наук, профессор, e-mail: serg120756@gmail.com.

Author

Sergey Yurievich Chimarov – Professor of the Department of Personnel Management and Educational Work of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Historical Sciences, Professor, e-mail: serg120756@gmail.com.

**ПРАВОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ:
ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ В РОССИЙСКОЙ
И ЗАРУБЕЖНОЙ ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ**

Статья посвящена проблемам понимания правовой безопасности российскими и зарубежными учеными-юристами. По результатам сравнительно-правового исследования сделаны выводы относительно терминологических и содержательных особенностей понимания и определения правовой безопасности. В частности, отмечается, что в российской правовой науке отсутствует терминологическое единство в рассматриваемом вопросе. Описываются и различия в понимании сущности и содержания правовой безопасности. Для зарубежной доктрины характерна трактовка правовой безопасности как принципа конституционного права, находящегося в неразрывной связи с идеями правового государства, в то время как в отечественной науке распространен подход, в соответствии с которым правовая безопасность представляет собой одну из сфер национальной безопасности. Помимо различий автор указывает и на сходства в понимании правовой безопасности в российской и западной науке.

Ключевые слова: правовая безопасность; национальная безопасность; принцип права; качество законодательства.

V.N. Shutova

**LEGAL SECURITY: PROBLEMS
OF UNDERSTANDING IN RUSSIAN
AND FOREIGN LEGAL DOCTRINE**

The article is devoted to the problems of understanding legal security by Russian and foreign legal scholars. Based on the results of a comparative legal study, conclusions are drawn regarding the terminological and substantive features of understanding and defining legal security. In particular, it is noted, that in Russian legal science there is no terminological unity in the issue under consideration. The differences in understanding the essence and content of legal security

are also described. Foreign doctrine is characterized by the interpretation of legal security as a principle of constitutional law, which is inextricably linked with the ideas of the rule of law, while in domestic science there is a widespread approach, according to which legal security represents one of the spheres of national security. In addition to the differences, the author points out the similarities in the understanding of legal security in Russian and Western science.

Key words: legal security; national security; the principle of law; the quality of legislation.

В современных общественно-политических условиях все большее внимание ученых-юристов привлекают различные аспекты национальной безопасности и проблемы ее обеспечения правовыми средствами. За последние десятилетия в юридической науке не только сформировались подходы к изучению национальной безопасности в целом, но и сложились самостоятельные научные направления, в рамках которых исследуются отдельные виды и сферы национальной безопасности: экологическая, экономическая, информационная и др. Одной из сфер научных интересов как в российской науке, так и в зарубежной является правовая или юридическая безопасность.

Между тем подходы к пониманию правовой безопасности в российской и зарубежной правовой доктрине имеют некоторые отличия.

В первую очередь, следует отметить, что в российской науке не сложилось единой концепции правовой безопасности, отсутствует даже терминологическое единообразие. Так, в научных статьях наряду с термином «правовая безопасность» часто используется и «юридическая безопасность». В зарубежной правовой доктрине такая проблема отсутствует, вопрос вызывает лишь полнота и корректность перевода на русский язык: один и тот же термин переводят и как «правовой», и как «юридический», в целом придавая один и тот же смысл.

Обобщенно концепции российских правоведов относительно правовой или юридической безопасности можно разделить на три относительно самостоятельных подхода.

Представители первого подхода предлагают рассматривать термины «правовая безопасность» и «юридическая безопасность» в качестве синонимов и направлять усилия на сущностную характеристику данного явления, а не на использование

терминологии [6, с. 15; 5, с. 39]. И.С. Лапаев использует категорию «юридическая (правовая) безопасность» [4, с. 7–8], подчеркивая тем самым двойственность терминологии при тождественном содержании.

Сторонники второго подхода отстаивают позицию несовпадения двух терминов и обосновывают правильность использования одного из них. Так, А.С. Шабуров утверждает, что эти категории, несмотря на их близость, нельзя отождествлять и подчеркивает, что именно правовая безопасность наиболее полно «отражает роль и место этого вида безопасности в системе национальной безопасности» [7, с. 249].

Представители третьего подхода видят разницу не только в терминах, но и в содержательных аспектах юридической и правовой безопасности [2, с. 16–17].

Если обратиться непосредственно к сущностным характеристикам правовой безопасности, то в отечественной науке она понимается в первую очередь как разновидность или одна из сфер национальной безопасности. Соответственно, определения правовой безопасности сводятся к состоянию защищенности либо самой правовой системы [7], либо жизненно важных интересов субъектов права [4].

Для зарубежной доктрины характерно более широкое понимание правовой безопасности. Так, в европейских странах принцип правовой безопасности получил признание в качестве интегративного критерия, оценивающего качество современного закона [1, с. 27]. В Германии правовая безопасность утверждается как самостоятельный принцип конституционного права, а во французской доктрине она рассматривается не только как принцип права, но и неразрывно связывается с идеей правового государства [1, с. 28]. В Публичном отчете за 2006 год – Правовая определенность и сложность права, подготовленном Государственным Советом Франции¹, отмечается, что «правовая безопасность состоит в том, чтобы граждане без чрезмерных усилий могли определить, что дозволено и что защищено применяемым правом». Таким образом, признание правовой безопасности в качестве принципа права представляет собой реакцию научного сообщества на угрозы правовой системе в целом и

¹ Rapport public 2006 - Sécurité juridique et complexité du droit <https://www.vie-publique.fr/rapport/28120-rapport-public-2006-securite-juridique-et-complexite-du-droit> (дата обращения 27.10.2023 г.)

качеству закона, в частности. Обеспечение правовой безопасности в качестве «обязательного условия построения правового государства» рассматривается и в британской правовой мысли [8, р. 199–200]. Также в западной доктрине считается, что принцип правовой безопасности вытекает из естественного права на безопасность [1, с. 31]. В связи с этим следует отметить, что подобную обусловленность отмечают и российские ученые [3, с. 53].

На основании проведенного сравнительного анализа можно сделать следующие выводы:

Во-первых, в подходах к пониманию правовой безопасности в российской и зарубежной правовой доктрине есть некоторые различия. Так, в российской науке отсутствует терминологическое единство, а для зарубежных исследований такая проблема не характерна. Сущность и содержание правовой безопасности тоже понимаются по-разному. В отечественной науке она воспринимается в первую очередь, как одна из сфер или разновидностей национальной безопасности, в то время как зарубежная правовая мысль демонстрирует более широкий подход: правовая безопасность – как принцип конституционного права и одновременно одна из основ правового государства.

Во-вторых, при существенных различиях есть и определенные сходства. В первую очередь, следует подчеркнуть, что и в российской, и в западной доктрине справедливо указывается на то, что правовая безопасность вытекает из естественного права на безопасность. Кроме того, учеными обоснованно подчеркивается связь принципа правовой безопасности с публичной сферой, публичными интересами и конституционным правом. Наиболее же значимой общей характеристикой правовой безопасности в российской и зарубежной науке можно считать ее связь с качеством закона и законодательства: практически все исследователи правовой безопасности основной ее угрозой (фактором риска) называют низкое качество законодательства.

Список использованной литературы

1. Закон: от проекта до реализации (зарубежный опыт) : монография / А.Н. Пилипенко, Н.Ю. Трещетенкова, Ф.А. Лещенков; отв. ред. А.Н. Пилипенко. – М.: Инфотропик Медиа, 2022. – 272 с.

2. Колоткина О.А. К вопросу об определении предметной сферы юридической безопасности / О.А. Колоткина // Право и образование. – 2021. – № 6. – С. 13–18.

3. Кузьменко К.А. Системный анализ правовой безопасности в аспекте проблем безопасности современного мира / К.А. Кузьменко // Формирование системного мировоззрения современного человека : материалы научно-практической конференции, г. Барнаул, 14–15 апреля 2017 г. / под ред. С. А. Ан. – Барнаул : АлтГПУ, 2017. – С. 51–54.

4. Лапаев И.С. Категория «юридическая безопасность» в понятийном аппарате российской и зарубежной правовой науки / И.С. Лапаев // Современное право. – 2012. – № 2. – С. 7–10.

5. Национальная безопасность, юридическая ответственность и безответственность: проблемы механизма взаимодействия и системных связей : монография / Д.А. Липинский, Н.В. Макарейко, А.А. Мусаткина и др.; под ред. д-ра юрид. наук., проф. Д.А. Липинского. – М.: РИОР, 2020. – 578 с.

6. Фомин А.А. Юридическая безопасность в сфере законотворчества и правореализации / А. А. Фомин. – Пенза : Изд-во Пенз. гос. ун-та, 2006. – 232 с.

7. Шабуров А.С. Правовая безопасность в системе категорий юриспруденции / А.С. Шабуров // Актуальные проблемы правового обеспечения национальной безопасности в России: сборник материалов всероссийской научно-практической конференции (Курган, 21 апреля 2017 г.) / отв. ред. Л. Н. Чертова, О.И. Филонова. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2019. – С. 243–250.

8. Jackson R. The global covenant: human conduct in a world of states. Oxford University Press, 2003.

Информация об авторе

Валентина Николаевна Шутова – заведующая кафедрой конституционного права и теории права Иркутского института (филиала) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», кандидат юридических наук, доцент; e-mail: tinav@bk.ru.

Author

Valentina Nikolaevna Shutova – Head of the Department of Constitutional Law and Theory of Law, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice, Ph.D. in Law, Ass. Professor; e-mail: tinav@bk.ru.

МОДЕЛИ КОНСТИТУЦИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются особенности различных моделей конституционного регулирования предпринимательской деятельности. Специфика преломления различных моделей в конституциях разных стран иллюстрируются на примере положений Конституции Венесуэлы, Королевства Швеция, Мексики, Республики Беларусь, Российской Федерации. Сделан вывод, что выделенные автором модели универсальны, однако конституция любого государства обладает особенностями формулировки норм, регулирующих предпринимательскую или иную экономическую деятельность.

Ключевые слова: конституция; модель; нормы права; предпринимательская деятельность.

Е.М. Yakimova

MODELS OF CONSTITUTIONAL REGULATION OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

The article considers the features of various models of constitutional regulation of entrepreneurial activity. The specifics of refraction of various models in the constitutions of different countries are illustrated by the example of the provisions of the Constitution of Venezuela, the Kingdom of Sweden, Mexico, the Republic of Belarus, the Russian Federation. It was concluded that the models identified by the author are universal, but the constitution of any state has the peculiarities of the wording of the norms governing entrepreneurial or other economic activity.

Key words: constitution; model; rules of law; business activity.

Одной из основополагающих задач любого государства является обеспечение устойчивого развития общества и государства путем поддержания контролируемого уровня конфликтности в общественных отношениях, а в дальнейшем, в связи со становлением экономических отношений производственного типа,

в экономической системе. Государство, с одной стороны, вынуждено обеспечивать равновесие экономической системы, поскольку от уровня конфликтности зависит существование самого государства, его устойчивость перед внутренними и внешними угрозами, с другой стороны, государственная политика, направленная на гармонизации сходящихся экономических сил, способствует реализации конституционных принципов обеспечения устойчивости экономического развития общества и государства, что само по себе гарантирует стабильность государства.

Реализуя обозначенную цель, разработчики конституции государства устремятся установить нормы общего характера, отражающие текущее состояние экономической системы, а также обозначить ориентиры формирования и реализации государственной экономической политики.

Конституционными средствами обеспечения равновесия сил, воздействующих на систему бизнес — общество — государство являются следующие составляющие:

- 1) определение в конституции страны модели правовой регламентации экономических отношений;
- 2) закрепление конституционных принципов экономической деятельности;
- 3) закрепление свободы экономической деятельности среди прав и свобод человека и гражданина, если это не противоречит установленным конституционным принципам экономической деятельности;
- 4) активное участие органов конституционного контроля в процессе обеспечения равновесия системы бизнес — общество — государство.

Важной составляющей конституционного регулирования экономической системы является установление в основных законах принципов предпринимательской деятельности, поскольку они являются квинтэссенцией достигнутого компромисса между государством и обществом в вопросе о базовых началах включения общества в экономическую жизнь, проявлением которого и является предпринимательская деятельность. Единого подхода в конституционной регламентации данного вопроса не выработано, однако в зависимости от содержательного наполнения конституций с позиции закрепления основ пред-

принимательской деятельности можно также выделить несколько моделей: отсутствие в конституции норм подобного содержания; установление запрета на осуществление предпринимательской деятельности через прямой запрет или установление существенных ограничений экономической свободы; закрепление свободы предпринимательской деятельности.

Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г.), которую принято называть Ленинской, устанавливала основы нового российского государства, являясь базовым документом для формирования государства рабочих и крестьян. Во второй главе раздела I обозначены основы отношения к любой экономической деятельности, в том числе и предпринимательской, поскольку основная задача государства была определена как «уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплуататоров, установление социалистической организации общества и победы социализма во всех странах» с учетом «непреклонной решимости вырвать человечество из когтей финансового капитала и империализма», следовательно, государство объявило о ликвидации самой возможности осуществления предпринимательской деятельности. Таким образом, в Конституции 1918 г. нашла отражение модель установления запрета на осуществление предпринимательской деятельности.

Конституции первого «поколения» в большей степени уделяли внимание процессам политической трансформации общества, однако в них заложена получившая в дальнейшем развитие идея о конституционном закреплении экономических отношений через закрепление экономических прав и свобод, а также установление полномочий по регулированию экономических отношений за представительными органами власти, при этом свобода предпринимательской деятельности чаще всего в конституциях не закреплялась.

Конституция Соединенных Штатов Америки 17 сентября 1787 г., в своем первоначальном варианте, положения об экономических правах и свободах не содержала, хотя регламентировала отдельные конституционные принципы экономического уклада. В частности, конституционное регулирование в сфере торговли осуществляется пунктом о регулировании торговли

Конституции США, придающем Конгрессу США роль ведущего регулятора экономической системы, Верховный Суд США неоднократно подтверждал этот статус Конгресса (например, по делу *Gibbons v. Ogden* (1824) [1], по делу *Gonzales v. Raich* (2005) [2]). «Билль о правах» Конституции США (поправками V, XI, XIV) Конституция США дополняется и положениями, отражающими экономические права и свободы.

Важную роль в правовом регулировании экономических отношений, получивших столь фрагментарное регулирование на конституционном уровне, принадлежит Верховному Суду США, который играет роль юридического механизма «настройки» экономики и права для эффективного развития общества [3]. Доктрина «подразумеваемых полномочий» позволяет Верховному Суду США поддерживать как текущее, так и стратегическое равновесие экономической системы общества, проводя оценку действующего законодательства как на основе норм Конституции США, так и ее «духа».

Конституция Мексики от 5 февраля 1917 г. (конституция второго «поколения») является одной из самых развернутых конституций. Экономическим отношениям посвящен значительный объем конституционных положений, однако свобода предпринимательской деятельности не была в ней закреплена.

Впервые свобода предпринимательства устанавливается на конституционном уровне в Конституции Норвегии 17 мая 1814 г. (конституция первого «поколения»): в § 101 главы E «Общие постановления» закреплена свобода предпринимательства положением о том, что «впредь никто не имеет права устанавливать ограничения свободы торговли и промышленности».

Свобода предпринимательской деятельности может быть закреплена как право и (или) как конституционный принцип.

«Экономическая» конституция Республики Беларусь представлена положениями, устанавливающими основы конституционного строя, регламентирующими права и свободы человека и гражданина, определяющими полномочия органов публичной власти.

Так, базовой статьей в главе Основы конституционного строя для обеспечения равновесия экономической системы являются положения ст. 13, в которой обозначены базовые подходы к регулированию собственности как основы экономических отношений. Разработчики Конституции выбрали вариант

обозначения в основах конституционного строя не только равной защиты и равных условий для развития всех форм собственности, но равных возможностей свободного использования способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. При этой свобода экономической деятельности обозначена не как конституционный принцип, а как правомочие (иной вариант применен в тексте Конституции Российской Федерации 1993 года, когда свобода экономической деятельности как конституционный принцип обозначена в главе, посвященной основам конституционного строя, а сама свободы осуществления предпринимательской и иной не запрещенной экономической деятельности в главе о правах и свободах).

Отражением концепции равновесия экономической системы являются положения Конституции, подчеркивающие важность баланса публичных и частных интересов в экономической сфере «в социальных целях».

Кроме того, в Конституции обозначена модель активного взаимодействия личности, бизнес-сообществ и государства в обеспечении устойчивого экономического развития через установление гарантий трудящимся «принимать участие в управлении организациями с целью повышения эффективности их работы и улучшения социально-экономического уровня жизни».

Использование в практике конституционного строительства различных способов конституционного закрепления базовых принципов предпринимательской деятельности не влияет на реальность воплощения положений конституции в правовой действительности, большую нагрузку в процессе поддержания равновесия системы взаимоотношений между бизнес-сообществом, обществом и государством как основы экономической системы имеет сочетание различных инструментов механизма обеспечения равновесия экономической системы. Ярким примером является конституционная практика республики Венесуэлы.

В главе VII «Экономические права» Конституции Венесуэлы от 30 декабря 1999 г. содержится стандартный перечень экономических прав и свобод, в том числе свобода посвятить себя экономической деятельности по своему усмотрению (ст. 112). Кроме того, устанавливается, что «государство поощряет частную инициативу... без ущерба для его возможности устанавливать способы планирования, рационализации, регулировать

экономику и содействовать всестороннему развитию страны» (ст. 112).

Анализ положений Конституции Венесуэлы показывает, что, несмотря на закрепление свободы предпринимательской деятельности, ее возможные ограничения значительны. В частности, рационализацию, регулирование экономики, содействие развитию страны можно наполнить различным содержанием, что приведет не просто к ограничению, но и значительному вмешательству государства в экономическую систему.

На основании вышеизложенного можно заключить, что схожие модели конституционного регулирования предпринимательской деятельности проявляются в конституциях различных «поколений». В конституциях используются различные конституционные средства обеспечения равновесия экономической системы, в совокупности составляющие основу для обеспечения устойчивого экономического развития, закрепление свободы предпринимательской деятельности как конституционного принципа свойственно странам как Глобального Севера, так и Глобального Юга, вместе с тем, отсутствие в положениях конституции норм подобного содержания не означает запрет предпринимательской деятельности.

Список использованной литературы

1. Gibbons v. Ogden 22 U.S. 1 6 L.Ed. 23 9 Wheat. 1 (1824). – URL: <https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/22/1> (дата обращения: 06.02.2024)
2. Gonzales v. Raich (03-1454) 545 U.S. 1 (2005). – URL: <https://www.law.cornell.edu/supct/html/03-1454.ZS.html> (дата обращения: 06.02.2024)
3. Irons P. A People's History of the Supreme Court / P. Irons. – New York, 2006. – 608 p.

Информация об авторе

Екатерина Михайловна Якимова — заведующий кафедрой конституционного и административного права Байкальского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, e-mail: yakimova_katerin@mail.ru.

Author

Ekaterina Mihailovna Yakimova — Head of the Chair of Constitutional and Administrative Law, Baikal State University, Ph.D. in Law, Ass. Professor, E-mail: yakimova_katerin@mail.ru.